Учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»

В.В. Марчук

ТЕОРИЯ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Минск
Академия МВД
2014

УДК 343.2 + 343.3/.7
ББК 67.408
М30

Рекомендовано к изданию Советом Академии учреждения образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»
(протокол № 6 от 22 января 2014 г.)

Р е ц е н з е н т ы:
заслуженный юрист Республики Беларусь, доктор юридических наук,
профессор *В.М. Хомич*;
заслуженный юрист Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, профессор *А.В. Барков*;
доктор философских наук, профессор *Я.С. Яскевич*;
управление Генеральной прокуратуры Республики Беларусь
по надзору за исполнением законодательства
Следственным комитетом Республики Беларусь

М30 **Марчук, В.В.** Теория квалификации преступления / В.В. Марчук ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2014. – 339, [1] с.

ISBN 978-985-427-819-3.

Монография является комплексным научным исследованием методологических основ квалификации преступления. В познании сущности квалификации преступления использованы новые подходы, обусловленные современными философскими и иными научными исследованиями, синтезом методологий, интеграционными процессами, проявляющимися в настоящее время в правовой культуре. Сформулирован ряд предложений по совершенствованию системы норм Уголовного кодекса Республики Беларусь.

Предназначена для преподавателей, научных сотрудников юридических специальностей, докторантов, адъюнктов (аспирантов), магистрантов и иных обучающихся в учреждениях образования юридического профиля.

УДК 343.2 + 343.3/.7
ББК 67.408

ISBN 978-985-427-819-3

© УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 5

Глава 1. Квалификация преступления в механизме уголовно-правового регулирования 7

1.1. Квалификация преступления в контексте уголовно-правового отношения, порождаемого совершением общественно опасного деяния 7

1.2. Структура уголовно-правовой нормы и ее значение при квалификации преступления 20

1.3. Квалификация преступления при наличии в норме бланкетного признака 43

1.4. Применение в процессе квалификации преступления общепризнанных принципов или норм международного права, положений Конституции Республики Беларусь 50

1.5. Правила квалификации преступления, предусмотренные уголовным законом, как правовой институт 55

Глава 2. Философские основы квалификации преступления 75

2.1. Квалификация преступления как компонент правовой реальности и философские подходы к ее познанию 75

2.2. Герменевтически-феноменологический подход к познанию правовой реальности и его значение в процессе квалификации преступления 81

2.3. Категория «понимание» и ее роль в процессе квалификации преступления 93

2.4. Феномен интерпретации и его значимость для квалификации преступления 99

2.5. Применение уголовно-правовой нормы как практическая сторона понимания и интерпретации в процессе квалификации преступления 108

Глава 3. Логические основы квалификации преступления 117

3.1. Логическое основание идентификации преступления 117

3.2. Логические правила определения уголовно-правовых понятий и их соблюдение в правотворческой и правоприменительной практике 125

3.3. Формально-логические законы и их влияние на практику квалификации преступления 132

Глава 4. Принципы квалификации преступления 156

4.1. Основополагающие философско-методологические начала квалификации преступления 156

4.2. Уравнивающий и распределяющий аспекты принципа социальной справедливости в призме квалификации преступления 161

4.3. Специальные принципы квалификации преступления 180
4.4. Формула квалификации преступления и ее свойства 193

Глава 5. Когнитивно-лингвистические аспекты интерпретации терминов уголовного закона при квалификации преступления 209
5.1. Терминология уголовного закона в контексте когнитивной лингвистики 209
5.2. Влияние терминологии уголовного закона на квалификацию преступления 213
5.3. Проблематика концепта «оценочный признак» 225
5.4. Специальная лексика в нормах Уголовного кодекса Республики Беларусь и ее значение в процессе квалификации преступления 235

Глава 6. Темпоральные и юрисдикционные основы квалификации преступления 248
6.1. Темпоральные основы квалификации преступления 248
6.2. Территориальный принцип действия уголовного закона в пространстве и проблемы квалификации преступления 258
6.3. Квалификация преступления в рамках персональной уголовной юрисдикции 280
6.4. Некоторые вопросы уголовной юрисдикции в отношении иностранцев и лиц без гражданства, совершивших преступление за пределами Республики Беларусь 292

Список использованной литературы 298

ВВЕДЕНИЕ

В следственной и судебной практике квалификация преступления образует основополагающее звено в применении уголовного закона. Для того чтобы правильно применить уголовно-правовую норму к конкретному событию, лицо, применяющее уголовный закон, должно обладать глубокими и системными знаниями об основных принципах, правилах, приемах и особенностях квалификации преступления.

В доктрине уголовного права существуют два подхода к исследованию вопросов квалификации преступления. Первый характеризуется изучением вопросов квалификации отдельных преступлений либо группы однородных преступлений (квалификация кражи, квалификация хищений, квалификация преступления против собственности и т. д.). Эти вопросы отражены в научных публикациях и учебной литературе. Но есть и второй подход, который основывается на изучении общих закономерностей, правил и методов, используемых при уголовно-правовой оценке любого преступного деяния. В исследовательском аспекте второй подход является более сложным, поскольку предполагает более высокий уровень обобщения, который должен заканчиваться научными выводами, имеющими универсальный характер.

Общетеоретические вопросы квалификации преступления рассматривались в специальных исследованиях А.А Герцензона, Г.А. Левицкого, В.Н. Кудрявцева, Б.А. Куринова, А.В. Наумова, Л.Д. Гаухмана, В.И. Малыхина, Н.Ф. Кузнецовой и др. В рамках теории квалификации преступления разработаны основные положения, касающиеся применения уголовного закона, сформулированы общие правила квалификации преступления, отражены особенности квалификации отдельных видов преступлений.

В последнее время вопросы квалификации преступления стали рассматриваться и в несколько ином ракурсе. Так, Ю.Ю. Соковых анализировал квалификацию преступления в контексте информационных технологий, установлении математических моделей (алгоритмов) квалификации преступления [540]. В русле алгоритмического процесса исследовал квалификацию преступления и И.В. Андреев [20]. В рамках теории квалификации преступления отдельной темой исследования стали ошибки в квалификации преступления [219].

Вместе с тем любая теория должна быть обоснована системой логически взаимосвязанных посылок, объясняющих методологическую базу соответствующего научного знания. В этом смысле вопросы методологического обоснования квалификации преступления остаются в теории квалификации преступления без достаточного внимания. В последние годы философия права, лежащая в основе методологии правопознания, обращается к критическому переосмыслению классической парадигмы познания. На основе признания многомерности окружающего мира происходит переоценка статуса традиций и новаций, переосмысливается структура познавательной деятельности, расширяется спектр философской рефлексии в теоретико-познавательных системах, в том числе в философско-методологическом исследовании права. Ряд философских исследований, проведенных в рамках постклассической методологии, позволяют в ином ракурсе посмотреть на некоторые познавательные приемы, которые ранее рассматривались как догма. Представляют они интерес и для квалификации преступления, деятельность по осуществлению которой, как известно, является деятельностью познавательной.

Кроме того, в литературе не уделяется достаточного внимания изучению влияния отдельных элементов, характеризующих механизм уголовно-правового регулирования, на процесс и содержание квалификации преступления. Многолетние дискуссии, которые ведутся по вопросам содержания уголовно-правового отношения, структуры уголовно-правовой нормы, источников уголовного права, темпоральных и юрисдикционных оснований применения уголовного закона, имеют непосредственное отношение к квалификации преступления, требуют научного осмысления и анализа, порождают необходимость разработки рекомендаций по совершенствованию уголовного закона и практики его применения.

Выражаем чувство признательности учителям, коллегам, студентам за благосклонное отношение к нашим научным подходам и идеям, результатам научных изысканий, а также за критику, побуждавшую верифицировать те положения, содержание которых не было убедительным. Особую благодарность хотелось бы высказать рецензентам за высокую научную оценку нашего труда и сделанные замечания.

Есть основания полагать, что не все отраженные в монографии идеи будут восприняты научной общественностью однозначно. Разумеется, мы несем полную ответственность за неправильность некоторых мыслей. Но, как показывает история науки, то, что множество лет признавалось догмой, вдруг оказывалось заблуждением (иногда величайшим), а идеи, преданные забвению (в некоторых случаях – и преследованию их носителей), приобретали истинное выражение.

Глава 1

КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В МЕХАНИЗМЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

1.1. Квалификация преступления в контексте уголовно-правового отношения, порождаемого совершением общественно опасного деяния

В уголовно-правовой литературе большинством авторов воспринимается следующее определение квалификации преступления – это «установление и юридическое закрепление точного соответствия между признаками совершенного деяния и признаками состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой» [243, с. 8; 244, с. 5]. Ряд ученых, принимая за основу данное определение, придают ему некоторые оттенки, которые, по нашему мнению, существенно не изменяют его сущность [61, с. 629; 108, с. 48; 125, с. 3; 134, с. 51–52; 179, с. 6; 255, с. 7; 262, с. 11; 507, с. 17; 558, с. 93]. Вместе с тем в последнее время некоторые авторы, руководствуясь, видимо, прагматическими задачами своих исследований, расширяют содержание этого понятия, оперируя термином «уголовно-правовая квалификация» [68, с. 22–27; 219, с. 14–18; 386, с. 8–10]. В качестве исходной посылки в предлагаемой работе первоначально будет использовано воспринятое большинством правоведов определение квалификации преступления, которое было дано академиком В.Н. Кудрявцевым [243; 244].

Квалификация преступления осуществляется при наличии фактического и юридического оснований. В качестве фактического основания выступают установленные в уголовно-процессуальном порядке обстоятельства, указывающие на уголовно-противоправное деяние. Статья 10 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК) предусматривает четыре разновидности уголовно-противоправного деяния: оконченное преступление, приготовление к совершению преступления, покушение на совершение преступления, соучастие в совершении преступления. Правовым основанием квалификации преступления является уголовно-правовая норма, описывающая признаки преступления определенного вида, которые в теории уголовного права и судебной практике называют признаками состава преступления.

Б.А. Куринов в своем исследовании, посвященном научным основам квалификации преступления, сделал вывод о том, что «уголовно-правовая квалификация *выявляет и фиксирует* (выделено нами. – *В.М.*) в уголовно-процессуальных документах определенный вид уголовно-правового отношения» [262, с. 24]. Это суждение воспринимается и некоторыми современными исследователями [227, с. 4]. Попробуем поставить под сомнение этот тезис. Действительно ли квалификация преступления выявляет уголовно-правовое отношение? Фиксируется ли оно в квалификационном выводе?

Для выяснения этих вопросов мы вынуждены обратиться к структуре и содержанию уголовно-правового отношения. Как показывает изучение литературы, вопрос о содержании уголовно-правового отношения является весьма сложным в уголовном праве. В рамках советской правовой доктрины к исследованию вопросов, касающихся понятия и содержания уголовного правоотношения, обращались многие правоведы [40; 48; 74; 118; 144; 368; 412; 461; 502; 517; 531; 637; 665]. Научные исследования об уголовно-правовом отношении, проведенные в последнее десятилетие российскими учеными показывают, что эти вопросы сохраняет свою актуальность и в настоящее время [59; 96; 152; 260; 373; 473; 62]. Теоретический и практический интерес представляет понимание сущности и содержания уголовно-правового отношения, возникающего в связи с совершением общественно опасного деяния, запрещенного уголовным законом. Опубликованные научные обобщения по этому вопросу показывают, что до настоящего времени в науке не выработано единого подхода.

Объяснению сущности уголовно-правового отношения, порождаемого совершением запрещенного уголовным законом деяния, во многом препятствует терминологический хаос, который наблюдается в науке уголовного права применительно к определению видов уголовно-правовых отношений. В уголовно-правовой литературе доминирует мнение о том, что есть основания выделять два вида таких отношений. Первый называют по-разному – табуальные отношения [577, с. 38–44], регулятивные уголовно-правовые отношения [236, с. 204–206; 502, с. 58–94], общерегулятивные уголовные правоотношения [411, с. 122], общие охранительные уголовно-правовые отношения [637, с. 99–114], регулятивно-охранительные правоотношения [29, с. 18], предупредительные правоотношения [620, с. 120], охранительно-предупредительные правоотношения [278, с. 25–29], правоотношения в широком смысле слова [251, с. 3]. Наличие этих отношений в уголовно-правовой доктрине объясняют обычно в контексте позитивного уголовно-правового регулирования, так как возникают они с момента вступления в силу уголовно-правовой нормы и касаются соблюдения гражданами

уголовно-правового запрета под угрозой применения наказания в случае нарушения этого запрета. Следует также заметить, что некоторые авторы обосновывали мнение о том, что выделять этот вид уголовно-правового отношения нет оснований [265, с. 12; 506, с. 4–5; 530, с. 89].

Второй вид уголовно-правового отношения связан с фактом совершения деяния, запрещенного уголовным законом. Обычно этот вид в литературе обозначают термином «охранительное уголовное правоотношение» [96, с. 5; 388, с. 6–7; 411, с. 123; 502, с. 95–143]. Некоторые авторы конкретизируют этот вид через понятие конфликтного правоотношения [118, с. 63–74; 508, с. 8; 637, с. 76–87]. Встречаются и иные названия: уголовно-правовое отношение в узком смысле слова [251, с. 3], уголовно-регулятивное правоотношение [278, с. 29–30], охранительно-карательное уголовно-правовое отношение [29, с. 18], восстановительное уголовно-правовое правоотношение [620, с. 120], относительное уголовное правоотношение [54, с. 554–555].

Необходимо отметить, что выделяют три разновидности уголовно-правовых отношений. Так, А.В. Наумов в предмете уголовно-правового регулирования выделяет отношения, связанные с удержанием лица от совершения преступления посредством угрозы наказания, содержащейся в уголовно-правовых нормах; охранительные уголовно-правовые отношения, возникающие в связи с совершением преступления; регулятивные уголовно-правовые отношения (при необходимой обороне и т. п.) [387, с. 6–12]. А.А. Васильченко обозначает в механизме уголовно-правового регулирования общерегулятивные (общие), охранительные и конкретные регулятивные уголовные правоотношения [96, с. 5]. Сходной позиции придерживается и В.А. Номоконов [411, с. 516].

Различные терминологические обозначения вводят путаницу в понимание природы и содержания уголовно-правового отношения, дезориентируют правоприменителя в восприятии категориального аппарата уголовного права. Например, Н.М. Кропачев называет регулятивными те уголовно-правовые отношения, которые основаны на уголовном законе и обусловлены предупредительной функцией уголовного права [236, с. 204–205], т. е. правоотношения, обусловленные позитивным уголовно-правовым регулированием. Но Н.А. Лопашенко, обозначив условность названия «уголовно-регулятивные отношения», в целом считает, что регулятивные отношения возникают с момента нарушения лицом уголовно-правового запрета и длятся до момента назначения судом виновному наказания или применения иных мер уголовно-правового воздействия [278, с. 26–29]. Особым функциональным содержанием в предмете уголовно-правового регулирования наполняет регулятивные уголовно-правовые отношения А.В. Наумов. В предложенной им трех-

членной классификации уголовно-правовых отношений регулятивным уголовно-правовым отношениям придается специфическая роль, котора обусловлена регулирующей функцией уголовно-правовых норм, наделяющих граждан правом на причинение вреда при наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния [387, с. 11–12]. Придание одному и тому же термину разного смыслового значения усложняет понимание содержания и объекта уголовно-правового отношения.

В некоторых современных исследованиях, посвященных механизму уголовно-правового регулирования, предпринимается попытка раскрыть специфику уголовно-правового отношения в несколько ином ракурсе. Так, Р.О. Долотов, рассматривая сквозь призму коммуникативного подхода механизм уголовно-правового регулирования в сфере преступных посягательств на интеллектуальную собственность, трактует регулятивные и охранительные правоотношения в социопсихическом аспекте. Ценностно-психиконормативный (социопсихический) аспект уголовно-правового регулирования этих правоотношений раскрывается им посредством введения понятий когнитивного и актуального правоотношения. При этом и те и другие правоотношения проявляются как в регулятивных, так и в охранительных уголовно-правовых отношениях [151, с. 19–21; 152, с. 59–90].

Есть основания согласиться с мнением Р.О. Долотова о том, что охранительное уголовно-правовое отношение имеет когнитивный характер. Однако в предлагаемом автором коммуникативном анализе механизма уголовно-правового регулирования понимание когнитивного охранительного правоотношения базируется на осознанном (выделено нами. – *В.М.*) нарушении лицом прав, охраняемых уголовным законом [151, с. 19–20]. Между тем в философии лексическое значение слова «когниция» акцентировано в большей степени на познании, чем на осознании. Когниция – «знание, познание, когнитивный – соответствующий когниции, или познанию, познаваемый» [629, с. 214]. При этом в современной философии процесс познания стали рассматривать не как отражение характеристик реальности, а как ее репрезентирование, т. е. построение некоторой модели реальности, модели, которая фиксирует наиболее важные с точки зрения приспособления субъекта к окружающей среде факты, связи и закономерности последней [43, с. 58].

Факт совершения преступления порождает уголовно-правовое отношение, участниками которого являются, с одной стороны, должностные лица соответствующих правоприменительных органов, а с другой – лицо, совершившее общественно опасное деяние, которое запрещено нормой уголовного закона. Содержание этого уголовно-правового отношения имеет когнитивный характер. Должностные лица правоприменительных органов в рамках данного правоотношения должны в пер-

вую очередь произвести когнитивную репрезентацию, т. е. выстроить на основе собранных фактических данных ту уголовно-правовую конструкцию, которая характеризует произошедшее событие как преступление определенного вида.

Как показывают проведенные исследования, наиболее сложным в структуре уголовно-правового отношения является вопрос о понимании его объекта. К сожалению, по данному вопросу в науке уголовного права до настоящего времени не выработано единого подхода.

Проблема объекта уголовно-правового отношения уходит своими корнями в «зыбкую почву» общетеоретического учения о правоотношении. Общие представления об объекте правоотношения, сложившиеся к настоящему моменту в теории права, не отличаются однозначностью. В учебной литературе по теории права объект правоотношения обычно определяют как реальное благо, на использование или охрану которого направлены субъективные права и юридические обязанности [568, с. 228]. Однако научные работы показывают наличие множества точек зрения относительно понятия и содержания объекта правоотношения. Позиции теоретиков права по этому вопросу изложены в соответствующих научных источниках. Нет необходимости рассматривать данные точки зрения, поскольку имеется достаточно большое количество ииисточников по этой проблематике [159].

Вместе с тем следует обратить внимание на несколько моментов. Позиции теоретиков права по вопросу об объекте правоотношения в основном аккумулируются в рамках двух концептуальных подходов: монистическом (теория единого объекта) и плюралистическом (теория множественности объектов). Кроме того, в общей теории правоотношения существует позиция о том, что объект правоотношения не входит в структуру правоотношения, не является его элементом. Например, Р.О. Халфина в делает следующий вывод: «Объект правоотношения имеет значение для возникновения и развития многих видов правоотношений и для их структуры, не являясь вместе с тем элементом структуры» [632, с. 217]. Необходимо заметить, что если объект правоотношения рассматривать вне структуры правоотношения, то тогда не будет понятна направленность и смысл поведения участников этого правоотношения и в целом сущность правового регулирования.

С позиции правоприменения практический интерес представляет вопрос о понимании природы и объекта уголовно-правового отношения, которое возникает в связи с совершением общественно опасного деяния, подпадающего под признаки соответствующей статьи УК. В отличие от гражданско-правовых отношений юридическое содержание субъективных прав и обязанностей участников уголовно-правового отношения имеет свою специфику. Некоторые ученые облекают уго-

ловно-правовые отношения в правовую форму «властеотношений» [462, с. 27–37; 531, с. 155]. Но несомненным является тот факт, что содержание и объем правосубъектности участников уголовно-правового отношения, которое порождено совершением деяния, запрещенного уголовным законом, существенно отличаются, имеют свою специфику. Активная позиция в данном виде правоотношения принадлежит государству в лице его уполномоченных органов.

Объект уголовно-правовых отношений, порождаемых фактом совершения преступления, в литературе определяют по-разному. Первоначально в науке стала формироваться позиция, в соответствии с которой объектом уголовно-правового отношения признавали наказание. П.С. Элькинд назвала объектом уголовно-правового отношения «наказание (в установленных законом пределах) и тем самым воспитание и перевоспитание лиц, совершивших преступление» [665, с. 14]. Ю.Б. Мельникова, исходя из посылки о том, что конкретное уголовно-правовое отношение имеет свой специальный объект, определила в качестве такового конкретное уголовное наказание за преступное деяние [368, с. 94].

Позднее (в 70-х гг. XX в.) многие авторы трактовали объект уголовно-правового отношения шире наказания, утверждали, что объектом является уголовная ответственность [74, с. 89; 144, с. 176]. Эта идея стала достаточно распространенной в науке уголовного права и нашла поддержку в некоторых последних научных изданиях [260, с. 137; 666, с. 173–175].

Есть мнение, что объект уголовно-правового отношения проявляется на последних стадиях развития уголовно-правового отношения – в конечных результатах уголовно-правового регулирования. Так, А.В. Наумов отмечает, что предметом охранительных уголовно-правовых отношений является реализация уголовной ответственности и наказания, включая, в частности, не только назначение наказания, но и освобождение от уголовной ответственности и наказания, в том числе и применение принудительных мер медицинского и воспитательного характера [387, с. 7]. М.Н. Белов усматривает объекты уголовно-правового отношения в целях наказания: «Именно цели наказания, как результат направленной деятельности субъектов, являются объектами уголовно-правовых отношений. Признанные в обществе ценности – жизнь, честь, здоровье, собственность охраняются путем установления в сознании людей их социальной значимости, недопустимости на них преступных посягательств. Поэтому мы и выделяем среди объектов уголовно-правовую превенцию преступлений как результата, итога, развития уголовно-правового отношения… Вторым объектом уголовно-правового отношения является исправление преступника, третьим – восстановление социальной справедливости» [59, с. 10–11].

Указанные позиции, особенно о том, что объектами уголовно-правового отношения является наказание или уголовная ответственность, были подвержены обстоятельной критике на страницах юридической печати [48, с. 15; 462, с. 47–58; 620, с. 128]. Значительное влияние на формирование научных представлений об объекте правоотношения в уголовном праве оказала теория «объект – действие», нашедшая свое обоснование, например, в работах О.С. Иоффе, который считал, что объект правоотношения должен обладать способностью к реагированию на правовое воздействие, а поскольку только человеческое поведение способно к этому, то его и следует признать единственным объектом правоотношения [185, с. 74–96]. Позднее научные взгляды О.С. Иоффе по этому вопросу претерпели некоторые изменения. В работе, написанной им совместно с М.Д. Шаргородским, уже было обозначено тройственное содержание объекта правоотношения: юридическое, волевое и материальное [184, с. 230–233]. В отношении публичных отраслей права, в том числе уголовного права, они отрицали материальное содержание объекта. Однако юридическое содержание объекта правоотношения по-прежнему определялось поведением обязанного лица [184, с. 230, 233]. В уголовном праве теорию «объект-действие» первым использовал В.Г. Смирнов. Он писал, что объектом уголовно-правового отношения являются «предписанные законом действия участников этого отношения» [531, с. 164], «действия, способные привести к достижению целей наказания» [531, с. 166]. В процессе формирования концепции уголовно-правового отношения теория «объект – действие» находила своих последователей [40, с. 44, 62; 302, с. 313–314; 373, с. 18]. На основе этой теории сформулировали свое видение объекта уголовно-правового отношения российские ученые В.Д. Филимонов и О.В. Филимонов. Рассматривая правоотношение сквозь призму функций уголовного права с учетом направленности его воздействия, они сделали вывод о том, что объектом уголовно-правового отношения, возникающего в результате совершения преступления, являются, во-первых, поведение лица, совершившего преступление, и, во-вторых, деятельность правоохранительных органов [620, с. 127–129].

Близкими к теории «объект – действие» являются научные взгляды белорусского ученого В.М. Хомича, который в начале 90-х гг. XX в. сделал вывод о том, что «объектом охранительно-конфликтного правоотношения является социально-правовая оценка объективно-запрещенного уголовным законом деяния на предмет того, является ли оно преступлением, влекущим уголовную ответственность, или деянием, влекущим иные меры уголовно-правового принуждения… и собственно сама уголовная ответственность» [637, с. 84]. Рассматривая уголовно-правовое отношение в его динамике, он связывает объект правоотно-

шения с предметно-познавательной деятельностью субъектов уголовного правоотношения: «В процессе указанной деятельности устанавливается наличие в содеянном соответствующего преступления либо его отсутствие, разрешается вопрос об уголовной ответственности в случае подтверждения факта совершения преступления. Разрешение вопроса о наличии или отсутствии в содеянном признаков преступления, а также уголовная ответственность как возможное правовое последствие преступления и составляют в основном содержательную сторону объекта охранительно-конфликтного отношения….» [637, с. 84]. Таким образом, В.М. Хомич в понимании объекта уголовного правоотношения первоочередное значение придает деятельности по выяснению вопроса об общественно опасном деянии как возможном основании уголовной ответственности.

Представляется, что поведение или деятельность обязанного лица в структуре уголовно-правового отношения ближе по своей сути к иному структурному элементу правоотношения – его содержанию. Принято выделять два аспекта в содержании правоотношения: юридическое и материальное. Юридическое содержание составляют субъективные права и обязанности участников правоотношения, а материальное – фактическое поведение (деятельность) участников [16, с. 301].

В литературе были высказаны и иные мнения о понятии объекта уголовно-правового отношения. А.В. Барков отметил, что «объектом конкретного уголовного правоотношения является охрана тех общественных отношений, которые могли быть или были непосредственным объектом посягательства» [48, с. 15]. В.А. Номоконов в нескольких своих публикациях на уровне констатации заявил о том, что объектом охранительного уголовно-правового отношения является общественное отношение, объективно требующее определения правового положения лица, совершившего преступление [411, с. 517; 412, с. 123]. Г.О. Петрова практически отождествляет понятия «объект уголовно-правового отношения» и «объект преступления»: признает объектом уголовно-правового отношения общественные отношения, охраняемые уголовным законом, которые нарушаются или поставлены под угрозу нарушения в результате совершения преступления [477, с. 13, 61; 478, с. 41].

Научно-практический интерес представляют мнения А.И. Санталова и Н.А. Огурцова по объекту уголовно-правового отношения. А.И. Санталов, присоединяясь к мнению болгарского правоведа П. Бояджиева, считает, что объектом уголовно-правового отношения является преступник [517, с. 57–58]. Н.А. Огурцов пишет, что объектом правоотношения в уголовном праве является совершенное конкретное (персонифицированное) общественно опасное деяние (действие или бездействие), причинившее общественным отношениям существенный ущерб

либо создавшее реальную опасность его причинения, объективно содержащее признаки предусмотренного уголовным законом состава какого-либо преступления [462, с. 66, 71].

Позиция Н.А. Огурцова была подвергнута критике в научной литературе [517, с. 57; 620, с. 124–125]. В качестве одного из критических аргументов был выдвинут тезис о том, что признание объектом правоотношения преступления ведет к отождествлению объекта уголовно-правового отношения и юридического факта, его порождающего. Но здесь критики допускают одну неточность. Н.А. Огурцов не заявлял о том, что объектом правоотношения является преступление. Автор писал, что таким объектом является общественно опасное деяние (действие или бездействие), объективно содержащее признаки, предусмотренного уголовным законом состава какого-либо преступления. При этом исследователь придавал различное значение общественно опасному деянию и юридическому факту [462, с. 71–72].

Совершенное общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом, далеко не всегда признается преступлением. Например, формально имеет место совершение деяния, запрещенного уголовным законом, но есть обстоятельство, исключающее преступность этого деяния. Некоторые авторы считают, что при совершении общественно опасного деяния лицом, находящимся в состоянии невменяемости, это лицо следует признавать субъектом правоотношения [378, с. 84–90]. Таким образом, уголовное правоотношение могут порождать явления, которые не соответствуют основаниям и условиям уголовной ответственности, но выполняют, тем не менее, роль юридического факта.

Следует также заметить, что в последних исследованиях в понятие «юридический факт» вкладывают довольно сложное содержание. А.Н. Миронов относит к юридическому факту явления материального и правового характера: реальное явление действительности (материальный момент) и факт, предусмотренный в нормах уголовного права [373, с. 15]. С.В. Бажанов по этому поводу отмечает: «Обнаружение признаков преступления (объективного факта) предполагает не скоропалительную реализацию, а применение (на уровне предположения) диспозиции и гипотезы нормы уголовного права. Юридическим объективный факт становится только после его надлежащей правовой оценки со стороны органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда» [41].

Критики позиции Н.А. Огурцова выдвигали еще один аргумент: преступление не может быть объектом предметно-практической деятельности, поскольку оно имело место в прошлом и в отношении совершенного преступления ни у кого не может быть ни прав, ни обязанностей. Здесь мы подошли к решению очень важного вопроса о фило-

софских подходах в понимании термина «объект». В философии понятия «объект» и «субъект» рассматриваются с давних пор как парные категории. В гносеологическом смысле под объектом понимают то, на что направлена активность субъекта. В советский период ученые, пытавшиеся использовать в объяснении природы объекта правоотношения философскую категорию «объект», в рамках существовавшей тогда единственно верной философии вынуждены были использовать трактовку объекта только как объективной реальности.

Однако в XXI в. категорию «объект» в философии стали рассматривать во множественности ее значений. В современных философских источниках обозначаются разные типы объектов и, следовательно, разные типы субъектно-объектных отношений. К объекту относят в настоящее время не только вещь, реально существующую в мире, но и объективно-реальные ситуации, проявившиеся ранее во времени и пространстве. В качестве объекта могут выступать другие люди, их сознание, а также предметы культуры (включая тексты) и присущие им смыслы [406, с. 136]. Некоторые философы, придавая объекту когнитивный характер, относят к нему «все, что воспринимается, воображается, представляется или мыслится» [626, с. 596].

В философии имеется и более узкая трактовка: объект рассматривают как содержание нашей мысли, что противоположно мыслящему субъекту. Д. Жюлиа пишет: «В этом отношении объект может означать (что происходит у Декарта) ощущение или чувство, о котором я думаю, или образ в моем уме, а не обязательно объект, реально существующий в мире» [166, с. 296]. Именно в этом смысле современная феноменология говорит об интенциональном объекте. Так, Э. Гуссерль приписывал феноменам сознания имманентную предметность, в соответствии с которой мир конструируется в нашем сознании. Человеческое бытие есть бытие осознанное, всегда осмысленное, проинтерпретированное [140, с. 626–743]. Следует заметить, что философская трактовка объекта как фрагмента реальности, конструируемой познающим субъектом в ходе познавательной деятельности, является в последнее время достаточно распространенной [529, с. 385].

Таким образом, современные философские представления о субъектно-объектных отношениях позволяют в ином ракурсе посмотреть на проблему объекта в теории уголовно-правового отношения. С учетом содержания и направленности поведения соответствующего участника правоотношения есть основания говорить о множественности объектов уголовно-правового отношения.

Предметно-практическая, познавательная и оценочная деятельность правоприменителя направлена на два объекта: проявившееся во времени и конкретном месте общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом, и лицо, совершившее это общественно опасное деяние.

Совершенное общественно опасное деяние, как отмечает Н.А. Огурцов, «выполняет функцию „ядра“ или „узла“ непосредственно причинно вызываемого им к жизни уголовного правоотношения – выступает в качестве внутреннего объекта этого правового отношения, находящегося не только в пределах отношений между его субъектами – преступником и государством, но и в самом центре этого отношения, поскольку последнее само „завязывается“ именно в этом же объекте» [462, с. 68]. Однако вызывает сомнение его позиция о том, что только общественно опасное деяние является объектом уголовно-правового отношения [462, с. 65–72]. Познавательная деятельность органа, ведущего уголовный процесс, как участника правоотношения направлена не только на общественно опасное деяние, но и на лицо, его совершившее. И в этом коренное отличие уголовно-правового отношения от гражданско-правового отношения.

В рассматриваемом аспекте заслуживает внимания позиция известного русского ученого Н.С. Таганцева. В своих лекциях по уголовному праву «патриарх уголовно-правовой мысли» не выделял каких-то особых юридических отношений в области уголовного права. Вместе с тем, обозначая объект карательной деятельности, профессор (заметим, в начале XX в.) отметил следующее: «Преступное деяние является основанием возникновения и осуществления карательной власти; только при доказанности учиненного данным лицом преступного деяния оно может быть признано уголовно виновным и подлежащим наказанию. Но тем не менее было бы и теоретически неверно, и практически крайне вредно считать объектом карательной деятельности только преступное деяние, как абстрактное понятие, забывая лицо, его учинившее» [555, с. 97–98].

При собирании доказательств о виновности соответствующего лица большое значение имеет выяснение состояния сознания преступника. В этом аспекте состояние сознания преступника в посткриминальный период может быть объектом познавательной и оценочной деятельности органа, ведущего уголовный процесс. Выяснение состояния сознания этого лица является одной из тех составляющих, которая в совокупности с другими обстоятельствами дела позволяет сформулировать вывод о вменяемости или невменяемости лица в момент совершения общественно опасного деяния.

Если отрицать наличие лица, совершившего преступление, в качестве объекта уголовно-правового отношения, тогда не будет понятной направленность правового воздействия в рамках уголовно-исполнительного правового отношения, тем более что ст. 62 УК требует в рамках индивидуализации наказания учитывать личность виновного.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что лицо, совершившее общественно опасное деяние, может выступать как в качестве участника, так и в качестве объекта уголовно-правового отношения. И в этом нет никакого противоречия. В философском плане понятия «субъект» и «объект» содержат момент относительности: «Если что-то в одном отношении выступает как объект, то в другом отношении оно может быть субъектом» [11, с. 243]. На эту особенность при анализе структуры уголовного правоотношения обращал внимание А.И. Санталов: «Если субъект и объект – соотносительные понятия, то преступник в одном отношении может быть субъектом (его отношение к государству), а в другом – объектом (отношение государства к нему)» [517, с. 57]. Вместе с тем весьма спорным является его мнение о том, что с позиции преступника как участника уголовного правоотношения «государство является объектом» [517, с. 58]. Внимание лица, совершившего общественно опасное деяние, как участника уголовно-правового отношения сосредоточено на иных объектах. С одной стороны, объектом уголовно-правового отношения, равно как и у его процессуального визави, является общественно опасное деяние. Иным является лишь направленность поведения лица в контексте содержательного элемента уголовно-правового отношения. Данное лицо в рамках предоставленных ему прав может оспаривать в уголовном процессе верность уголовно-правовой оценки совершенному деянию, а в дальнейшем – справедливость примененной к нему меры уголовной ответственности. С другой стороны, объектом уголовно-правового отношения является осмысление, осознание лицом, совершившим преступление, своего собственного «Я», осмысление отрицательного воздействия совершенного им поступка в системе социальных ценностей. Это достаточно сложный психологический процесс, который корреспондирует с задачами государственных органов при достижении целей уголовной ответственности. Насколько нравственно исцеляющим для преступника и важным для правосудия может быть этот процесс, замечательно показал Ф.М. Достоевский [153, с. 452–542].

Таким образом, в уголовно-правовом смысле трудно согласиться с мнением Б.А. Куринова в том, что квалификация преступления выявляет в уголовно-процессуальном документе определенный вид уголовно-правового отношения [262, с. 24]. Предметно-практическая и оценочная деятельность должностных лиц, осуществляющих процесс квалификации преступления, реализуется в рамках уже возникшего и существующего уголовно-правового отношения. Наличие этого правоотношения порождает у государства в лице его уполномоченных должностных лиц обязанности и права, реализация которых направлена на познание признаков совершенного общественно опасного деяния и

лица, его совершившего. В процессе квалификации преступления уполномоченное лицо не выявляет уголовно-правовое отношение, а в рамках предоставленных ему полномочий устанавливает признаки того общественно опасного деяния, которое породило уголовно-правовое отношение. Кроме того, объектом познавательной деятельности в рамках существующего правоотношения является и лицо, совершившее это преступление. Изучение лица, совершившего общественно опасное деяние, способствует установлению субъективного основания и иных условий, необходимых для верного вывода о квалификации совершенного преступления. Здесь предполагается решение целой совокупности вопросов уголовно-правового характера: установление нормы УК, распространяющей свое действие на соответствующее общественно опасное деяние, выяснение момента юридического окончания преступления, возможное решение вопросов о соучастии в преступлении, неоконченном преступлении, множественности преступлений и т. д.

При этом второй участник уголовно-правового отношения – лицо, совершившее преступление, находится в когнитивной связи с деятельностью должностных лиц, осуществляющих процесс квалификации преступления. Лицо, совершившее общественно опасное деяние, либо его законный представитель обладает правом требовать применения к нему той статьи УК, в которой предусмотрена ответственность за совершенное им деяние, право на учет при уголовно-правовой оценке обстоятельств, снижающих степень общественной опасности деяния и личности и т. д.

Квалификация преступления в рамках существующего уголовно-правового отношения свидетельствует о том, что конфликт, возникший между лицом, совершившим преступление, и государством в лице его уполномоченных органов, помещен в правовой формат. И этот конфликт в последующем будет разрешаться в соответствии с процедурой, установленной действующим законодательством.

Видимо, не совсем правильно вести речь и о фиксации в процессуальном документе уголовно-правового отношения. Точнее, напрашивается вывод о том, что квалификация преступления констатирует первый результат реализации субъективных прав и обязанностей участников существующего уголовно-правового отношения, которое было порождено фактом совершения преступления.

Когнитивный характер деятельности должностных лиц правоприменительных органов проявляется и на последующих этапах развития уголовно-правового отношения. Для того чтобы назначить соответствующую тяжести совершенного преступления меру уголовной ответственности, суд должен познать социально-правовую сущность личности преступника, уяснить мотивы и цели совершенного преступления,

узнать восприятие потерпевшего по делам частного обвинения и др. В динамике развивающегося уголовно-правового отношения суд обязан определить меру уголовной ответственности в соответствии с тяжестью совершенного преступления, при наличии соответствующих оснований и условий решить вопрос об освобождении от уголовной ответственности или наказания и т. д. [327, с. 209–210].

1.2. Структура уголовно-правовой нормы и ее значение при квалификации преступления

В философии структура определяется как «целостная совокупность частей» [166, с. 431]. Семантическое значение слова структура – «(от лат. structura – взаиморасположение, строение) относительно устойчивая конфигурация, совокупность связей между компонентами объекта, обеспечивающих его цельность. Понятие структура предполагает рассмотрение объекта как системы, форма и характер связей внутри которой остаются неизменными при изменениях системы» [80, с. 442]. Таким образом, структура нормы права, в том числе и уголовно-правовой нормы, как объект исследования является целостной юридической конструкцией, которая имеет присущее только ей внутреннее устройство, не изменяющееся при изменении содержания нормы.

Правильное понимание структуры уголовно-правовой нормы имеет не только теоретическое, но и непосредственное практическое значение в процессе ее реализации, в том числе и для квалификации преступления. В отечественной учебной литературе по уголовному праву вопрос о структуре уголовно-правовой нормы рассматривается лишь относительно нормативных положений Особенной части УК, в которых сформулирован уголовно-правовой запрет. При этом правоведы в структуре нормы выделяют два ее элемента: диспозицию и санкцию. Под диспозицией принято понимать ту часть уголовно-правовой нормы, в которой дается название преступления или раскрываются его признаки, а под санкцией – часть нормы, в которой предусматривается вид и размер наказания за преступление, указанное в диспозиции [39, с. 28–31; 240, с. 23–25; 593, с. 38–39]. Такой подход по структуре уголовно-правовой нормы был сформирован советской школой уголовного права [264, с. 74–76] и доминирует в настоящее время на постсоветском пространстве [177, с. 28; 590, с. 19; 591, с. 47–51]. В рамках такого подхода структура уголовно-правовой нормы фактически рассматривается лишь в контексте содержания нормативного материала, указанного в соответствующей статье Особенной части УК.

Вместе с тем специальные уголовно-правовые исследования структуры уголовно-правовой нормы показывают, что этот вопрос является

одним из самых сложных. Множественность уголовно-правовых подходов обусловлена неразрешенностью до настоящего времени в общей теории права проблемы структуры юридической нормы. По этой проблеме в общетеоретическом учении о правовой норме сложился достаточно широкий спектр мнений. Наиболее распространенной в общей теории права является научная позиция о трехчленной (трехэлементной) конструкции любой правовой нормы. Конструкция трехчленного строения правовой нормы была впервые выдвинута С.А. Голунским и М.С. Строговичем [562, с. 251–253] и широко поддерживается в общей теории права [30, с. 173–174; 42, с. 217; 205, с. 149; 213, с. 8; 400, с. 391–393; 459, 185–186; 633, с. 213]. В трехэлементной конструкции структура правовой нормы рассматривается по формуле «если – то – иначе»: если есть в наличии определенные обстоятельства (гипотеза), то лицо обязано не совершать определенные действия (диспозиция), иначе для него наступают неблагоприятные последствия (санкция). В учебной литературе по теории государства и права доминирует подход о трехчленной структуре нормы [305, с. 306; 383, с. 241; 567, с. 148; 568, с. 175].

Однако некоторые правоведы считают, что любая правовая норма состоит из двух элементов. Двучленная (двухэлементная) концепция построена по формуле «если – то». Первая часть нормы является гипотезой, а вторая – либо диспозицией, либо санкцией [268, с. 172–189]. Ряд авторов полагают, что правовая норма может состоять как из трех, так и из двух элементов, так как разные нормы имеют различную структуру [248, с. 54–60; 651, с. 128–130].

В общей теории права высказано мнение о том, что в правовой норме следует выделять четвертый элемент: ту часть, которая указывает на круг регулируемых отношений [12, с. 57]. Есть точка зрения о необходимости обособления пятого элемента – указания на цель нормы [618, с. 229]. В зарубежной теории права было высказано суждение о том, что норма права состоит из шести частей. Так, Фон Райт считает, что правовая норма состоит из следующих частей: «1) характера (разрешающая, запрещающая или обязывающая норма); 2) содержания (названия деяния); 3) условия, в которых логически возможна реализация нормы; 4) авторитета (органа, установившего норму); 5) субъекта (адресата, к которому обращена норма); 6) обстоятельств, с наступлением которых реализуется норма» [63, с. 19]. Заметим, что санкцию при таком подходе автор не относит к части нормы.

Отсутствие однозначного отношения к структуре правовой нормы порождает и разное толкование ее отдельных структурных. Сторонники трехэлементной структуры правовой нормы определяют гипотезу нормы в целом как условия применения нормы права: «часть правовой нормы, предусматривающей обстоятельства, при наступлении которых

следует руководствоваться установленным ею правилом» [457, с. 262], «структурный элемент нормы права, указывающий на жизненные условия, фактические обстоятельства вступления нормы права в действие, реализации ее диспозиции» [560, с. 317], «условия действия прав и обязанностей, предусмотренных диспозицией нормы» [400, с. 392]. Диспозицию при таком подходе определяют как правило поведения, установленное нормой [457, с. 262]. Но содержание этого правила поведения многие авторы отождествляют со взаимными правами и обязанностями участников правоотношения [381, с. 95], санкцию связывают с неблагоприятными последствиями, предусмотренными нормой, т. е. санкцию рассматривают как юридическую ответственность, которую несет субъект при невыполнении правила поведения, закрепленного в норме [63, с. 19].

Иной подход у сторонников двухэлементной структуры правовой нормы. Так, Е.А. Крашенинников и Т.Н. Лисова считают, что «любая правовая норма слагается их двух рефлектированных друг в друга частей: гипотезы, указывающей на условия, при наличии которых возникают субъективные права и юридические обязанности, предусмотренные диспозицией, и диспозиции, которая указывает на субъективные права и юридические обязанности, возникающие при наличии предусмотренных гипотезой условий. В юридических нормах, рассчитанных на конфликтные ситуации, вторая часть называется санкцией, а все нормы данного вида фигурируют в качестве охранительных по отношению к охраняемым ими регулятивным нормам права» [234, с. 21].

По мнению В.П. Коняхина, в основе столь противоречивых подходов относительно структуры правовой нормы «лежит нерешенность (а нередко и игнорирование) одной их самых старых проблем теории права и государства – проблемы соотношения содержания и формы выражения права. Всякая попытка перенести закономерности структурирования содержания права на форму его выражения приводит к неразрешимому формально-логическому противоречию, поскольку элементы структуры содержания права и элементы структуры формы его выражения никогда не совпадают» [224, с. 207].

В системе публичного права многие авторы структуре норм придают специальное отраслевое значение. Так, А.Н. Крамник делает вывод о том, что «в преобладающей части норм административного права имеется не три части, а две: гипотеза и диспозиция или диспозиция и санкция» [263, с. 26].

В уголовном праве ту часть нормы, которую в общей теории права принято называть гипотезой, большинство авторов именуют диспозицией. Такой подход сложился достаточно давно. П.И. Люблинский еще в первой четверти XX в. писал: «Уголовно-правовая норма распадается

на две части: определительную часть, или диспозицию, и карательную часть, или санкцию» [287, с. 17]. Такой точки зрения придерживаются многие правоведы и в XXI в. Например, С.А. Поляков заявляет: «В структуре общетеоретической правовой нормы содержатся все три элемента: гипотеза, диспозиция и санкция. Уголовно-правовая норма Особенной части визуально содержит только два элемента: диспозицию и санкцию» [493, с. 74–75].

Следует заметить, что в учебной литературе советского периода, некоторые ученые, видимо, понимая несогласованность уголовно-правового подхода к общетеоретическому учению о правовой норме, придерживались двухэлементной классификации, но вели речь не о структуре уголовно-правовой нормы, а о структуре статей уголовного закона [539, с. 38–39; 587, с. 17–18; 592, с. 83–84]. Однако некоторые авторы, выделяя диспозицию и санкцию статьи Особенной части, затрагивали вопрос и о структуре уголовно-правовой нормы. Отмечая разницу между статьей уголовного закона и уголовно-правовой нормой, они в структуре нормы помимо диспозиции и санкции называли третий элемент – гипотезу, к которой относили условия, при наличии которых осуществляется норма. При этом пояснялось, что гипотеза уголовно-правовой нормы специально не определена в статьях Особенной части, но она вытекает из содержания ее статей и ряда положений Общей части [535, с. 47–51; 536, с. 45–47]. Н.Д. Дурманов выделял в уголовно-правовой норме примерную гипотезу в виде условия: «если лицо, обозначенное в диспозиции уголовно-правовой нормы, нарушит запрет, содержащийся в ней, и совершит то, что описано в диспозиции этой нормы, то к нему будет применена санкция данной уголовно-правовой нормы» [157, с. 118]. Такой позиции придерживаются в настоящее время авторы курса уголовного права, изданного коллективом кафедры уголовного права МГУ: «Гипотеза в уголовно-правовой норме не приводится. Она предполагается примерно в следующей форме: „если кто-либо совершит убийство…“, а далее следует диспозиция, определяющая, что следует понимать под убийством» [266, с. 90].

Гипотеза уголовно-правовой нормы трактуется некоторыми авторами достаточно широко. Например, Т.А. Кленова в совокупность общих условий, обозначающих содержание гипотезы уголовно-правовой нормы, включает указания о порядке вступления нормативных актов в силу, предписания о действии уголовного закона во времени и пространстве, понятие совокупности преступлений, определения общих условий уголовной ответственности, характеризующих субъекта преступления, другие дефиниции [203, с. 185; 204, с. 11].

Интересным является вывод С.Н. Братуся, который называл особенностью уголовно-правовой нормы то, что «не гипотеза слита в

этой норме с диспозицией, а диспозиция (обязанность претерпевания определенных лишений) слита с санкцией» [88, с. 101]. В этом смысле следует заметить, что в уголовном праве было сформировано мнение, согласно которому в Особенной части уголовного законодательства признаки преступления описываются не в диспозиции, а в гипотезе, поэтому структура уголовно-правовой нормы является двухэлементной [297, с. 77–78]. Например, В.Г. Смирнов в советский период писал о том, что «нормы Особенной части уголовного законодательства состоят только из двух структурных частей: гипотезы и санкции» [531, с. 35]. Эта точка зрения поддерживается в настоящее время некоторыми российскими учеными. Так, Е.В. Благов определяет гипотезу как часть нормы, «которая указывает на совокупность признаков всех проявлений состава определенного преступления, а также деяний, в силу малозначительности не представляющих общественной опасности, и обстоятельств, исключающих преступность деяния, при соответственно наличии и отсутствии которых возникают субъективные права и юридические обязанности, предусмотренные санкцией» [67, с. 36]. Г.О. Петрова также считает, что в гипотезе описывается состав преступления. Вместе с тем она выделяет еще и четвертый элемент в структуре уголовно-правовой нормы – субъект уголовно-правового отношения [476, с. 105–121]. Ю.В. Баулин считает, что «…уголовно-правовую норму можно определить как правило правомерного поведения государства в лице его уполномоченных должностных лиц и органов по отношению к лицам, совершающим преступления. При этом указанная норма имеет двучленную структуру, элементами которой является гипотеза и диспозиция (которую иногда называют санкцией). В гипотезе находят свое отражение простые и сложные юридические факты, которые порождают, изменяют или прекращают материально-правовое отношение между государством и преступником, причем обязательным элементом гипотезы является совершение лицом преступления. В свою очередь, диспозиция отражает полномочия государства по определению уголовно-правовых последствий лицу, совершившему преступление (возложение уголовной ответственности либо освобождение от таковой) [53, с. 554–556; 54, с. 49].

Подобные определения структуры уголовно-правовой нормы не бесспорны, но концептуально, в аспекте придания гипотезе функции определения круга юридически значимых обстоятельств, с наличием которых связано применение уголовно-правовой нормы, они представляют интерес.

В специальной уголовно-правовой литературе предпринималась попытка объяснить структуру нормы в уголовном праве с точки зрения их адресованности в контексте позитивного или негативного (ретро-

спективного) аспекта уголовно-правового регулирования. В позитивном аспекте уголовно-правового регулирования норма (она рассматривается как обращенная к гражданам) содержит три элемента, а в негативном (норма обращена к суду) – два элемента: гипотезу и диспозицию [501, с. 83]. Но А.И. Бойцов считает, что и негативный аспект нормы включает в себя три элемента [77, с. 23].

Следует заметить, что в последние годы количество сторонников трехэлементной структуры нормы в зарубежных странах значительно увеличивается [97, с. 28; 491, с. 199–201; 376, с. 339; 583, с. 7; 621, с. 87–243; 666, с. 188; 678, s. 68, 161]. Более того, в российской литературе усиливается критическое отношение к теории двучленной структуры уголовно-правовой нормы. Например, В.И. Михайлов отмечает: «Отсутствие какого-либо элемента в структуре юридической нормы свидетельствует о ее ущербности и приводит к „сбоям“ в нормативном регулировании. Норма теряет связь с конкретной жизненной ситуацией, становится беспредметной…» [376, с. 339]. А.А. Васильченко по этому поводу заявляет: «…Уголовно-правовая норма не может иметь каких-либо специфических особенностей в своей структуре. Равно как и любая другая норма права, она состоит из гипотезы, диспозиции и санкции, поскольку только совокупное наличие всех этих элементов дает в итоге завершенное, самостоятельное правило поведения. Отсутствие же гипотезы, диспозиции или санкции позволяет говорить об ущербности правовой нормы, ее неполноте, а в силу этого неспособности нормы выполнить свое социальное предназначение, о невозможности правоприменителю непосредственно использовать норму в конкретной практической ситуации… Гипотеза как структурный элемент нормы уголовного права тесно связана в первую очередь с входящими во второе звено механизма уголовно-правового регулирования юридическими фактами, а диспозиция – с входящими в то же звено правоотношениями, средствами уголовно-правового регулирования….» [97, с. 28–29].

Неоднозначно решается в литературе вопрос о структуре нормативных положений, содержащихся в Общей части УК. Например, Б.А. Куринов утверждает, что нормы Общей части вообще не имеют внутренних структурных частей. В то же время он высказывает предположение о том, что роль гипотезы для норм Особенной части выполняют статьи Общей части уголовного законодательства [262, с. 45–46]. В.Г. Смирнов выделяет в нормах Общей части два элемента: гипотезу и диспозицию [531, с. 35]. Однако некоторые ученые в советский период высказывали мнение о том, что и нормы Общей части состоят из трех элементов [393, с. 31–33]. Такого подхода придерживаются и сейчас некоторые зарубежные правоведы. Так, казахский автор А.М. Касенва структуру поощрительной уголовно-правовой

нормы рассматривает с позиции гипотезы, диспозиции и санкции [191, с. 11].

В последнее время многие стали рассматривать структуру уголовно-правовой нормы на основе идеи о структуре логической нормы права. Концепция «логической нормы права» была выдвинута С.С. Алексеевым в середине 70-х гг. XX в. Согласно этой концепции логическая норма выражает способ (закон) связи правовой системы на уровне ее первичных элементов – правовых предписаний. Это такая связь между нормативными предписаниями, которая выявляет их правовые, государственно-властные свойства. В большинстве случаев логическая норма обнаруживается в нескольких статьях нормативного акта или даже в разных нормативных актах [17, с. 12–39]. Но в уголовном праве идея логической правовой нормы начинает приобретать разные интерпретации. Так, Ю.В. Грачева пишет о логической уголовно-правовой норме, которая объединяет в себе регулятивную и охранительную нормы-предписания. На этом основании делается вывод о том, что эта норма четырехчленна: состоит из гипотезы и диспозиции регулятивной нормы-предписания, и диспозиции и санкции охранительной нормы-предписания [131, с. 49–53; 132, с. 39]. Следует полагать, что идея логической уголовно-правовой нормы воспринята Ю.В. Баулиным, но в своей трактовке: «Уголовный кодекс закрепляет структурные элементы нормы (гипотеза, диспозиция (санкция)) в своей Общей и Особенной части… В уголовном же праве как отрасли невозможно деление на Общую и Особенную части, поскольку признаки структурных элементов уголовно-правовой нормы (гипотезы и диспозиции) находят свое выражение как в Общей, так и в Особенной части УК» [52, с. 14–15]. Рассматривая структуру нормативных предписаний Общей части уголовного права в контексте структуры логической нормы права В.П. Коняхин, считает, что каждое нормативное предписание Общей части представляет собой не только часть уголовно-правовой нормы, логически связанную с корреспондирующим предписанием Особенной части, но и относительно автономное правило, которое обладает собственной структурой (на более низком или субэлементном уровне), несущей как системную, так и внутреннюю функциональную нагрузку. Концепция трехэлементной структуры логической уголовно-правовой нормы предполагает разделение составляющих ее содержание гипотезы, диспозиции и санкции между нормативными предписаниями, закрепленными в Общей и Особенной частях УК [224, с. 208–209]. Ряд специалистов уголовного права на основе указанной концепции расширяют формально-логические отношения правовых предписаний УК, связывая их с другими отраслями законодательства, объясняя, таким образом, наличие в статьях УК бланкетных признаков [392, с. 118; 455, с. 69–72; 484, с. 88–89].

Важно помнить и еще об одном моменте: уголовно-правовая норма имеет связь с уголовно-правовым отношением. Если уголовно-правовую норму рассматривать с позиции двухэлементной структуры, то создается впечатление, что уголовно-правовая норма и уголовно-правовые отношения существуют как некие автономные правовые образования. Если в рамках подхода о двухэлементной структуре уголовно-правовой нормы диспозиция представляет собой часть нормы, называющей преступление и определяющей его признаки, то непонятно, каким образом диспозиция уголовно-правовой нормы связана с уголовно-правовым отношением.

Таким образом, следует согласиться с мнением тех авторов, которые считают, что уголовно-правовые нормы необходимо рассматривать в рамках концепции о трехэлементной структуре нормы. Ю.С. Жицинский образно, но справедливо отметил: «Без диспозиции норма немыслима, без гипотезы – бессмысленна, без санкции – бессильна» [164, с. 44].

Необходимо признать, что не в диспозиции, а в гипотезе уголовно-правовой нормы описываются признаки соответствующего вида преступления и указываются условия применения уголовно-правовой нормы. Представляется, что диссимиляция диспозиции в уголовном праве произошла в советский период в целях придания понятию «состав преступления» роли основания уголовной ответственности. С позиции учения о составе преступления трудно объяснить наличие гипотезы в уголовно-правовой норме, к тому же гипотеза нормы шире состава преступления. Между тем понимание диспозиции как части нормы, в которой описываются признаки состава преступления, порождает трудности в определении некоторых обстоятельств, имеющих значение для квалификации преступления. Так, с точки зрения учения о составе преступления сложным для понимания является вопрос о виде состава преступления по его законодательной конструкции. Например, почему склонение к самоубийству (ст. 146 УК) относят к материальному составу преступления [318, с. 29–32]?

В.К. Бабаев, выделяя в логической системе права условные суждения, относил к ним и охранительные нормы. По его мнению, гипотезы этих норм предусматривают условия их действия, являются основанием таких суждений, а диспозиции или санкции - их следствием. В литературе по логике различают необходимые и достаточные основания условных суждений. Условия считаются необходимыми для данного действия, если в каждом случае, когда оно происходит, имеют место и эти условия. Достаточными они будут тогда, когда их наличие непременно вызовет это действие. В гипотезах правовых норм законодатель предусматривает необходимые и в то же время достаточные условия их реализации [30, с. 158–159].

Гипотеза любой нормы права не только описывает обстоятельства, при наличии которых применяется норма, но и придает этим обстоятельствам значение юридического факта. В гипотезе уголовно-правовой нормы в обязательном порядке содержится указание на факты, приобретающие юридическое значение в качестве реального основания уголовной ответственности. В настоящее время это основание в обобщенном виде указано в ст. 10 УК: совершение виновно запрещенного деяния в виде оконченного преступления, приготовления к совершению преступления, покушения на совершение преступление или соучастия в совершении преступления. Общественно опасное деяние, описываемое в гипотезе нормы, может согласно УК конкретизироваться с учетом ряда обстоятельств, приобретающих уголовно-правовое значение при применении нормы: времени совершения преступления (добыча рыбы или других водных животных в запретное время (ч. 1 ст. 281), уклонение военнослужащего от несения военной службы, совершенное в военное время (ч. 2 ст. 447) и др.)); места совершения преступления (незаконная охота на территории заповедника (ч. 2 ст. 282), порча имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах (ст. 341), самовольное оставление поле боя (ст. 449) и др.)); обстановки совершения преступления (например, дезертирство, совершенное в боевой обстановке) и т. д. Некоторые гипотезы уголовно-правовых норм связывают применение нормы с обязательным наличием нескольких юридических фактов, которые в своей совокупности свидетельствуют о наличии преступления (в теории права такое сочетание называют фактическим составом). Так, норма, предусматривающая уголовную ответственность за недобросовестную охрану имущества (ст. 220 УК), может быть применена при наличии двух взаимообусловленных юридических фактов: недобросовестное исполнение одним лицом обязанностей по охране вверенного имущества и совершение другим лицом (лицами) в особо крупном размере хищения, либо уничтожения имущества, либо его повреждения. Есть гипотезы, в которых применение соответствующей уголовно-правовой нормы связано с наличием фактического состава и с обязательным отсутствием юридического факта, определенного другой уголовно-правовой нормой. Гипотеза такой нормы содержит отсылочный элемент, т. е. адресует к другой уголовно-правовой норме. Например, норма, предусматривающая ответственность за незаконные действия, направленные на трудоустройство граждан за границей (ст. 187 УК), может быть применена при установлении двух обусловленных фактов: есть незаконные действия, направленные на трудоустройство граждан за границей, совершенные одним лицом, и имеет место вовлечение этих граждан помимо их воли в сексуальную или иную эксплуатацию, совершенное

другим лицом (лицами). При этом в ч. 1 ст. 187 УК содержится законодательная оговорка ссылочного характера: «при отсутствии признаков преступления, предусмотренного статьей 181 настоящего Кодекса», т. е. при отсутствии признаков торговли людьми.

В гипотезе уголовно-правовой нормы указывается не только основание уголовной ответственности, но и определяются условия ответственности. В этом смысле любая статья Особенной части УК, устанавливающая ответственность за соответствующее поведение, всегда включает в себя положения статей, содержащихся в гл. 5 УК. Условия уголовной ответственности можно разделить на необходимые и дополнительные. К необходимым относятся вменяемость и возраст, с которого наступает уголовная ответственность. Специальным видом вменяемости является уменьшенная вменяемость (ст. 29 УК). Установление необходимых условий уголовной ответственности обязательно при привлечении лица к уголовной ответственности за любое преступление. Дополнительными условиями являются административная или дисциплинарная преюдиция либо требование потерпевшего или его законного представителя о привлечении к уголовной ответственности. Дополнительные условия уголовной ответственности подлежат обязательному установлению только в случаях, специально предусмотренных уголовным законом. Так, в ст. 33 УК указан перечень преступлений, уголовные дела по которым могут быть возбуждены только при наличии заявления потерпевшего или его законного представителя.

Таким образом, гипотеза уголовно-правовой нормы формулирует юридическое основание квалификации преступления. По своему функциональному предназначению гипотеза уголовно-правовой нормы дает возможность идентифицировать конкретный жизненный случай как преступное проявление. Для правоприменительных органов она определяет пределы доказывания и имеет основополагающее значение в процессе квалификации преступления.

В уголовном праве, при применении которого решается судьба человека, чрезвычайно важно свести к минимуму условность терминологии. Отрицание гипотезы уголовно-правовой нормы либо отождествление ее с диспозицией ставит под сомнение основания и условия, при которых норма должна применяться. Пришло время отказываться от сложившегося в уголовном праве стереотипа о том, что в диспозиции описывается преступление. Выделение гипотезы уголовно-правовой нормы в качестве самостоятельной ее части согласуется с доминирующим в общетеоретическом учении подходе о структуре правовой нормы, упраздняет существующую в уголовном праве терминологическую неразбериху по этому вопросу, позволяет получить четкое представление о законодательной основе квалификации преступления, определяет

совокупность юридически значимых обстоятельств, необходимых для реализации уголовно-правовой нормы [350, с. 174].

В общетеоретическом учении правовой нормы многие ученые не без оснований называют диспозицию «сердцевиной нормы». Без нее уголовно-правовая норма теряет смысл. Эта часть уголовно-правовой нормы обусловлена гипотезой и определяет содержательную часть соответствующего вида уголовно-правового отношения. Диспозиция вступившей в законную силу уголовно-правовой нормы детерминирует общее уголовно-правовое отношение, которое имеет предупредительный характер. Она в рамках указанного правоотношения содержит адресованное гражданам требование воздержаться от девиантного поведения, которое гипотеза формулирует как преступление. Сущность связи уголовно-правовой нормы с уголовно-правовым отношением предупредительного характера выражается в том, что диспозиция нормы определяет сущность уголовно-правового запрета (нельзя воровать, применять насилие и т. д.). В аспекте позитивного правового регулирования государство, используя угрозу применения наказания, предусмотренного санкцией нормы, вправе требовать от граждан не совершать деяния, описанного в гипотезе нормы, а граждане обязаны воздерживаться от такого поведения.

Совершение деяния, описанного в гипотезе уголовно-правовой нормы, видоизменяет содержательную часть уголовно-правового отношения. На этом уровне участники уголовно-правового отношения приобретают иные права и обязанности. Первоначально государство в лице его уполномоченных органов обязано дать уголовно-правовую оценку содеянному, т. е. установить, имеются ли в совершенном деянии признаки того вида преступления, который описан в гипотезе уголовно-правовой нормы. Второй участник уголовно-правового отношения – совершившее соответствующее деяние лицо, которое вправе рассчитывать на правильную квалификацию учиненного им преступления [338, с. 14–17].

Санкция уголовно-правовой нормы логически непосредственно связана с ее гипотезой и диспозицией. Нарушение уголовно-правового запрета является основанием для применения принудительных мер уголовно-правового воздействия.

В контексте квалификации преступления возникает вопрос о том, оказывает ли санкция влияние на квалификацию преступления? В судебной практике, которая занимает значимое место в механизме уголовно-правового регулирования, на уровне правила квалификации доминирует подход, в соответствии с которым при совершении, например, насильственного преступления (если в результате насилия было причинено какое-либо телесное повреждение) следует сравнивать

санкции соответствующих статей УК. Согласно этому правилу совокупность преступлений вменяется в том случае, если санкция статьи, предусматривающей ответственность за определенное насильственное преступление. является менее строгой относительно санкции статьи, устанавливающей ответственность за соответствующее преступление против здоровья. Например, п. 12 постановления Пленума Верховного суда Республики Беларусь от 27 сентября 2012 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности или половой свободы (ст. 166–170 УК)» определяет: «Судам надлежит иметь в виду, что причинение потерпевшему (потерпевшей) легких или менее тяжких телесных повреждений в результате применения насилия охватывается диспозициями статей закона, предусматривающих ответственность за изнасилование, насильственные действия сексуального характера, подлежит квалификации по соответствующим частям ст. 166 или ст. 167 и дополнительной квалификации по другим статьям УК о преступлениях против личности не требует». Такой вывод очевидно основан на том, что санкции в ст. 153 (умышленное причинение легкого телесного повреждения) и ст. 149 (умышленное причинение менее тяжкого телесного повреждения) УК значительно мягче по сравнению с санкциями, предусмотренными соответствующими частями ст. 166 и 167 УК. Однако, следует заметить, что такого подхода высшая судебная инстанция придерживается не всегда. Так, в п. 14 постановления Пленума Верховного суда Республики Беларусь от 16 декабря 2004 г. № 12 «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст. 424–428 УК)» разъяснено, что причинение в результате превышения власти или служебных полномочий умышленного тяжкого телесного повреждения должно квалифицироваться по совокупности как превышение власти или служебных полномочий (ч. 3 ст. 426 УК) и соответствующее преступление против здоровья (ч. 1–3 ст. 147 УК). Логику этого судебного толкования можно понять применительно к случаям, когда проявление должностным лицом насилия, свидетельствующего о превышении им служебных полномочий, повлекло умышленное причинение тяжкого телесного повреждения при наличии обстоятельств, указанных в ч. 3 ст. 147 УК. Санкция ч. 3 ст. 147 УК («наказывается лишением свободы на срок от пяти до пятнадцати лет») строже санкции ч. 3 ст. 426 УК («наказывается лишением свободы лишением свободы на срок от трех до десяти лет с конфискацией имущества или без конфискации с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью»). Но в русле указанного подхода квалификации преступления непонятно, почему требуется дополнительная уголовно-правовая оценка, если неправомерное применение должностным лицом насилия

повлекло, например, причинение умышленного тяжкого телесного повреждения при отсутствии какого-либо квалифицирующего признака? Санкция ч. 1 ст. 147 УК является менее строгой по сравнению с санкцией ч. 3 ст. 426 УК: «наказывается ограничением свободы на срок от трех до пяти лет или лишением свободы на срок от четырех до восьми лет».

При решении вопросов о преодолении конкуренции норм в доктрине и судебной практике выработано также правило о том, что при конкуренции норм, устанавливающих ответственность за преступления с привилегированными составами, применяется только та норма, которая устанавливает ответственность за преступление с наиболее привилегированным признаком [589, с. 17]. Это правило было выработано в судебной практике на основе правовой оценки ситуаций, когда лицо, причинившее физический вред при превышении пределов необходимой обороны, одновременно при отражении посягательства находилось в состоянии физиологического аффекта. Еще в советский период высшая судебная инстанция определила, что в случае, если обороняющееся лицо превысило пределы необходимой обороны в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), его действия надлежит квалифицировать как причинение соответствующего физического вреда при превышении пределов необходимой обороны [424]. Таким образом, данное правило квалификации преступления основывается на результате сопоставления санкций. Например, за убийство при превышении пределов необходимой обороны (ст. 143 УК) максимальное наказание в виде лишения свободы может быть назначено на срок до двух лет, а за убийство, совершенное в состоянии аффекта (ст. 141 УК), – до четырех лет. Однако, по нашему мнению, подобное правило квалификации не может обосновываться более мягкой санкцией конкурирующей нормы. В указанной ситуации возникает серьезная проблема с доказыванием умысла лица на причинение соответствующего вреда при превышении пределов необходимой обороны. В таких случаях при констатации содержания интеллектуального момента умышленной вины требуется установить, что обороняющееся лицо четко осознавало явное несоответствие причиняемого им вреда характеру и опасности посягательства. Сложность здесь заключается в том, что состояние физиологического аффекта, возникнувшее у обороняющегося лица под влиянием уголовно-противоправного посягательства, существенно сужает его интеллектуальную и волевую сферу психической активности. Обороняющееся лицо, находясь в состоянии ограниченного сознания и действуя в экстремальной для него обстановке, не может четко воспринимать характер и опасность посягательства и, следовательно, избирать адекватные способы защиты. Пределы допустимого и достаточного вреда в психическом восприятии обороняюще-

гося лица в таком случае размыты, неопределенны, поэтому все возникающие сомнения относительно осознания лицом факта наличия явного несоответствия защиты характеру и опасности посягательства должны толковаться в пользу обороняющегося лица. В таких ситуациях вопрос о наличии основания уголовной ответственности вообще должен решаться отрицательно. В этом смысле следует обратить внимание на законодательную практику некоторых зарубежных государств. Например, ч. 2 ст. 41 УК Голландии гласит следующее: «Лицо, превышающее пределы необходимой обороны, если такое превышение является непосредственным результатом сильного эмоционального возбуждения, вызванного нападением, не подлежит уголовной ответственности» [598]. Часть 4 ст. 36 УК Украины содержит следующее положение: «Лицо не подлежит уголовной ответственности, если вследствие сильного душевного волнения, вызванного общественно опасным посягательством, оно не могло оценить соответствие причиняемого им вреда опасности посягательства и обстановке защиты» [235].

Некоторые белорусские исследователи выступают против того, чтобы санкция предопределяла квалификацию преступления. Так, С.И. Тишкевич по этому поводу заметил: «Не санкции уголовно-правовых норм, устанавливаемые законодателем произвольно, а научная теория совокупности преступлений должны быть положена в основу руководящих разъяснений высших судебных органов» [575, с. 65]. Эту позицию в своих работах разделяет и Н.А. Бабий [33].

Данное положение заслуживает внимания, особенно, если учесть, что до настоящего времени не выработаны четкие критерии дифференциации уголовной ответственности и законодатель иногда весьма произвольно определяет пределы наказуемости преступных деяний. Вместе с тем следует заметить, что некоторые фрагменты гипотез норм, содержащихся в действующих статьях Особенной части УК, требуют при квалификации преступления сопоставления уровня строгости санкций статей, предусматривающих ответственность за ряд смежных преступлений. Например, в ст. 341 УК, предусматривающей ответственность за осквернение сооружений и порчу имущества, содержится оговорка о том, что соответствующие деяния признаются преступными по ст. 341 УК «при отсутствии признаков более тяжкого преступления». Характер и степень общественной опасности преступления мы можем определить только тогда, когда сопоставим не только гипотезу, но и санкцию ст. 341 УК с соответствующими структурными элементами статей, предусматривающих ответственность за смежные преступления – хулиганство (ст. 339 УК), умышленное повреждение имущества (ст. 218 УК), оскорбление представителя власти (ст. 369 УК) и др. Подобные оговорки содержатся во многих статьях Особенной части

УК: ст. 171 (использование занятия проституцией или создание условий для занятия проституцией), ст. 183 (незаконное лишение свободы), ст. 226^2 (незаконные действия с простыми и (или) переводными векселями), ст. 232 (воспрепятствование законной предпринимательской деятельности), ст. 263 (умышленное уничтожение либо повреждение природных комплексов или объектов особо охраняемых природных территорий), ч. 3 ст. 339 (хулиганство), ст. 427 (служебный подлог) и др.

Необходимо отметить, что в западной доктрине уголовного права санкции отводится особая роль при квалификации уголовных правонарушений. Уголовное законодательство стран Европейского союза построено в основном на формальном определении преступления, что сказывается на классификации уголовных правонарушений. К ним, в частности, относятся и уголовные проступки, установление которых образует отдельный этап в квалификации преступления. Например, во французском уголовном праве квалификация преступления выражается в двух взаимосвязанных операциях: квалификации факта и определении категории установленного противоправного деяния. Французский ученый Ж. Прадель объясняет это на следующем примере: «Тайное похищение определенного предмета является кражей, которая так и квалифицируется; вместе с тем утверждение, что эта кража влечет применение исправительного наказания и тем самым образует уголовный проступок, является квалификацией преступного деяния» [60, с. 269].

Конструкцию нормативных положений, содержащихся в статьях Особенной части УК и устанавливающих уголовную ответственность, нужно рассматривать в неразрывном единстве с нормативными положениями Общей части УК. Однако подвергнуть структурному делению нормативные положения, содержащиеся во всех статьях Общей части УК, не представляется возможным. По своему содержанию эти положения очень разные. Многие из них содержат дефиниции, декларации и иные общие, но вместе с тем важные для уголовного права положения. Это касается и нормативных положений, которые содержатся в соответствующих примечаниях к определенным разделам, главам или статьям Особенной части УК. Например, в ч. 1 примечаний к гл. 26 УК дается определение преступления против экологической безопасности и природной среды, которое лишь конкретизирует общие признаки преступления, указанные в ч. 1 ст. 11 УК. Такого рода нормы должны быть перемещены из Особенной части УК в его Общую часть. В УК место этих нормативных положений – в ст. 4 «Разъяснение отдельных терминов Уголовного кодекса».

Единство Общей и Особенной частей УК позволяет рассматривать взаимодействие нормативного материала в контексте логической структуры уголовно-правовой нормы. Многие положения Общей час-

ти, имея характер нормативного предписания, являются неразрывной составляющей нормативных положений Особенной. В своем единстве они и образуют уголовно-правовую норму. Одни нормативные предписания Общей части насыщают и делают завершенной гипотезу уголовно-правовой нормы (нормативные предписание о вине (ст. 22–25), возрасте, с которого наступает уголовная ответственность (ст. 27), превышении пределов необходимой обороны (ч. 3 ст. 34) и др.). Другие формулируют содержательную часть диспозиции (принципы уголовного закона (ст. 3), принципы действия уголовного закона во времени и пространстве (ст. 5–9) и др.). Третьи уточняют санкцию (например, положения, закрепленные в ст. 50 УК, конкретизируют пределы назначения наказания в виде штрафа). При этом к санкции нормы следует относить не только наказания, которые указаны в соответствующих статьях Особенной части УК, но и иные меры уголовной ответственности (например, меры, применяемые при осуждении с отсрочкой исполнения наказания (ст. 77). Иные меры уголовной ответственности тоже обладают качествами государственного принуждения, хотя они и более либеральны по своему характеру, чем наказания. Кроме того, этот вывод обосновывается положением, содержащемся в ч. 1 ст. 1 УК: «Уголовный кодекс устанавливает наказания и иные меры уголовной ответственности, которые могут быть применены к лицам, совершившим преступления».

В литературе отмечается, что «структура уголовно-правовой нормы может не совпадать со структурой статей закона» [387, с. 97]. Применительно к уголовно-правовым нормам, устанавливающим запрет на определенное поведение, структура нормы никогда не совпадает со структурой статьи Особенной части. Она всегда включает в себя целую совокупность нормативных предписаний, содержащихся в статьях Общей части.

Иногда в процессе правотворческой деятельности в статьях Особенной части УК появляются положения, которые явно входят в противоречие с нормативными предписаниями, содержащимися в статьях Общей части. Прежде всего это касается законодательного определения пределов санкции за соответствующее преступление. Например, в первоначальной редакции ч. 2 ст. 164 УК 1999 г., предусматривающей ответственность за нарушение порядка проведения трансплантации, которое повлекло по неосторожности смерть донора или реципиента, в качестве основного вида наказания было предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от шести до 15 лет. Максимальный предел санкции за это преступление не соответствовал положению, содержащемуся тогда в норме Общей части УК: действующая в то время редакция 2 ст. 57 УК предписывала следующее: «Срок лишения сво-

боды за преступления, совершенные по неосторожности, не может превышать семи лет». Впоследствии законом Республики Беларусь от 4 января 2003 г. № 173-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Беларусь» санкция ч. 2 ст. 164 УК была скорректирована с учетом требований ч. 2 ст. 57 УК. Этот эпизод в истории правотворчества можно было бы отнести к разряду досадных недоразумений, если бы случаи игнорирования положений Общей части УК не повторялись. Так, закон Республики Беларусь от 28 декабря 2009 г. № 98-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь по вопросам уголовной и административной ответственности» кардинальным образом изменил гипотезу и санкцию ч. 2 ст. 317^1 УК. За управление транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, передачу управления транспортным средством такому лицу либо отказ от прохождения проверки (освидетельствования), если данное лицо ранее было судимо за это преступление было предусмотрено наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью со штрафом в размере от 300 до1000 базовых величин. Установление пределов штрафа в санкции статьи Особенной части УК не согласовывалось с положениями ч. 1 ст. 62, в соответствии с которыми при назначении штрафа суд должен руководствоваться пределами, установленными ст. 50 УК. Часть 2 ст. 50 УК устанавливает минимальный предел штрафа в размере не менее 30 базовых величин. Неудачный прецедент законодательной техники был аннулирован законодателем 12 июля 2013 г. путем внесения очередных изменений в УК. Но мог ли суд в период существования указанной пенализационной ошибки назначить по ч. 2 ст. 317^1 УК дополнительное наказание в виде штрафа в размере менее 300 базовых величин?

Противоречия между статьями Общей и Особенной частуй УК могут возникать и на уровне гипотезы уголовно-правовой нормы. Например, в ч. 1 ст. 439 УК установлена уголовная ответственность за неисполнение приказа. О неисполнении приказа идет речь и в другом воинском преступлении – неповиновении (ст. 438 УК). Оба преступления по способу законодательного описания объективной стороны следует относить к формальным составам [395, с. 1003–1004]. Отличие между неповиновением и неисполнением приказа проводится по форме вины. Вместе с тем ч. 1 ст. 439 УК определяет преступность деяния следующим образом: «Неисполнение приказа начальника, совершенное по небрежности или легкомыслию». Да, реально может быть ситуация, когда военнослужащий не выполнил приказ вследствие его легкомысленного расчета на какие-то обстоятельства. Однако ч. 3 ст. 24 УК определяет психическое отношение лица только к деянию и не связывает

его с иными факторами, которые могут оказывать влияние на общественную опасность соответствующего поведения. Разумеется, законодатель может изменить содержание нормативного положения Общей части – ч. 3 ст. 24 УК, расширив содержание неосторожной вины для преступления, не связанного с наступлением последствия. Но пока этого не произошло, правильным ли будет осуществлять установление неосторожной вины по уголовному делу о неисполнении приказа не только в рамках формулы преступной небрежности (ч. 3 ст. 24 УК), но и легкомыслия, которое не имеет законодательного определения для формального состава преступления?

Российский ученый В.П. Коняхин предложил зафиксировать непосредственно в уголовном законе положение о приоритете предписаний, закрепленных в Общей части по отношению к предписаниям, закрепленным в Особенной части уголовного законодательства [224, с. 252, 258–259]. Это предложение заслуживает внимания и для правотворческого процесса в Республике Беларусь. Статья 10 закона Республики Беларусь от 10 января 2000 г. № 361-З «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» не содержит положений относительно преодоления противоречий, возникающих внутри нормативного правового акта. В этой связи ст. 1 УК целесообразно дополнить новой частью следующего содержания: «В случае расхождения между положениями статей Общей и Особенной части настоящего Кодекса действуют положения Общей части».

Имеются основания ставить шире проблему разрешения коллизий. Правотворческая практика показывает, что иногда при создании норм уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального права возникают противоречия с нормами уголовного права. Так, ч. 2 ст. 189 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (УИК) в ее первоначальной редакции предписывала, что отсрочка отбывания наказания в отношении осужденных беременных женщин и женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет, не применяется к женщинам, осужденным к лишению свободы за тяжкое или особо тяжкое преступление. Данное положение уголовно-исполнительного закона противоречило ч. 1 ст. 93 УК, согласно которой этот вид освобождения от отбывания наказания может применяться к женщинам, осужденным за тяжкое или особо тяжкое преступление, но при условии, что назначенный срок лишения свободы за данные категории преступлений не превышает пяти лет. Устранено это противоречие было лишь спустя два года путем внесения законодателем соответствующего дополнения в ч. 2 ст. 189 УИК. Имеются несоответствия между нормативными положениями уголовного и уголовно-процессуального закона. Например, согласно ч. 1 ст. 98 УК вопрос о снятии судимости мо-

жет быть инициирован в суде только по заявлению лица, имеющего судимость. Однако по смыслу ч. 2 ст. 403 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) дело о снятии судимости рассматривается судом при наличии ходатайства органа, ведающего исполнением наказания, о снятии судимости. Если такого рода ходатайство отсутствует, то может ли судья решить вопрос о снятии судимости на основании заявления потерпевшего? В УПК не регламентирован вопрос и о том, может ли лицо, имеющее судимость, обратиться повторно с заявлением о досрочном снятии судимости в случае вынесения постановления об отказе. Часть 3 ст. 403 УПК устанавливает срок относительно подачи лишь повторного ходатайства о снятии судимости в случае вынесения постановления об отказе. Но и это положение процессуального закона вступает в противоречие с руководящей идеей о равенстве всех перед уголовным законом (ч. 3 ст. 3 УК), поскольку фактически лишает возможности подавать повторное ходатайство о снятии судимости в отношении лиц, имеющих судимость, за умышленные преступления, не представляющие большой общественной опасности, и умышленные менее тяжкие преступления. Сказанное имеет отношение к квалификации преступления, поскольку, например, наличие судимости может лежать в основе квалифицирующих признаков, определяющих повторность совершения преступления.

Статья 10 закона Республики Беларусь от 10 января 2000 г. № 361-З «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» не определяет вопрос о соотношении юридической силы между УК, УПК и УИК. Хотя для гражданского законодательства абзац 7 ст. 10 указанного закона определяет следующее: «Гражданский кодекс Республики Беларусь имеет большую юридическую силу по отношению к другим кодексам и законам, содержащим нормы гражданского права».

Полагаем, что коллеги по смежному юридическому напрвлению согласятся с тем, что уголовно-процессуальные и уголовно-исполнительные правоотношения в диалектике соотношения с уголовно-правовыми правоотношениями имеют производный характер. Уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное право, по существу, являются формами реализации уголовного права и имеют функциональное, подчиненное значение, поэтому в целях преодоления имеющихся и возможных в будущем коллизий между нормами УК и УПК либо УИК есть необходимость в закреплении на нормативном уровне правила о преодолении конкуренции между нормами указанных кодексов в случае, если коллизии возникают относительно вопросов реализации уголовной ответственности и связанных с нею правовых последствий.

Представляется, что при возникновении противоречий между нормой УК и нормами УПК либо УИК, которые ухудшают положение

лица, совершившего преступное деяние, вопросы уголовной ответственности и связанные с нею уголовно-правовые последствия должны разрешаться в соответствии со смыслом нормативных предписаний УК. В этой связи есть необходимость дополнить ст. 10 закона Республики Беларусь от 10 января 2000 г. № 361-З «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» положением следующего содержания: «Уголовный кодекс Республики Беларусь имеет бóльшую юридическую силу по отношению к Уголовно-процессуальному либо Уголовно-исполнительному кодексу Республики Беларусь в части применения норм, связанных с реализацией уголовной ответственности и иных правовых последствий, с нею связанных, если нормы последних ухудшают положение лица, совершившего преступное деяние».

Более остро стоит вопрос о преодолении конкуренции между уголовно-правовой нормой и нормой Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (КоАП). В этом смысле следует обратить внимание на несоответствие определений «преступление» и «административное правонарушение». В ч. 1 ст. 2.1 КоАП дано формальное определение административного правонарушения – это «противоправное виновное, а также характеризующееся иными признаками, предусмотренными настоящим Кодексом, деяние (действие или бездействие), за которое установлена административная ответственность». Отсутствие указания в ч. 1 ст. 2.1 КоАП на признак общественной опасности, видимо, обусловлено неразрешенностью в теории административного права до настоящего времени вопроса о том, обладает ли административное правонарушение общественной опасностью либо общественной вредностью (вредоносностью). Между тем в некоторых отечественных учебных изданиях по административному и административно-деликтному праву авторы, анализировавшие нормы КоАП 2003 г., утверждают, что обязательным признаком административного правонарушения является общественная опасность [8, с. 119; 112, с. 214; 239, с. 30]. Этот же подход использован во многих современных учебных изданиях Российской Федерации, КоАП которой содержит аналогичное определение административного правонарушения [6, с. 290; 7, с. 318]. Признание общественной опасности признаком административного правонарушения позволяет этим авторам решить важный правовой момент: провести демаркационную линию между преступлением и административным правонарушением по степени (уровню) общественной опасности совершенного деяния. Возможно, такой подход был оправдан в рамках ранее действовавшего административного законодательства. В ст. 9 КоАП Беларуси 1984 г. административным правонарушением признавалось деяние «посягающее на государственный или общественный порядок, социалистическую собст-

венность, права и свободы граждан, на установленный порядок управления…». Однако формальное определение правонарушения, содержащееся в ч. 1 ст. 2.1 действующего КоАП, не дает оснований для такого вывода. В настоящее время некоторые ученые-административисты трактуют административную противоправность как юридическое признание антиобщественного вредного поведения и выделяют в качестве обязательного признака административного правонарушения общественную вредность [55, с. 524–525]. В КоАП косвенно этот вопрос затронут применительно к пониманию последствий административного правонарушения, в ст. 1.3 которого последствия обозначаются не как общественно опасные, а как «вредные последствия».

С позиции буквального толкования положений ч. 1 ст. 2.1 КоАП логичным является вывод А.Н. Крамника, который, признавая административные правонарушения общественно вредными, считает, что общественная вредность не является отдельным признаком административного правонарушения [233, с. 61, 66, 68]. Однако в соотношении с нормами УК возникает ряд несоответствий. В частности, формальное определение административного правонарушения порождает вопрос с доказыванием вины физического лица в административном и уголовном процессе. Вина физического лица в действующем КоАП, как и в КоАП 1984 г. (ст. 10, 11), сформулирована на основе психологической концепции вины. Согласно ч. 2 ст. 3.2 КоАП 2003 г. административное правонарушение признается совершенным с прямым умыслом, «если физическое лицо, его совершившее, сознавало противоправность своего деяния, предвидело его вредные последствия и желало их наступления». В соответствии с п. 2 ст. 6.2 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (ПИКоАП) виновность физического лица в совершении административного правонарушения является обстоятельством, подлежащем доказыванию по делу об административном правонарушении, а согласно ч. 6 ст. 4.2 КоАП установление вины является принципом административной ответственности. Поскольку противоправность есть запрещенность нормами административного законодательства определенного поведения, то при доказывании вины следует устанавливать, знало ли физическое лицо о наличии административно-правового запрета. Есть основания утверждать, что далеко не все лица, имеющие высшее юридическое образование, имеют полное представление о запретительных нормах административного права (особенно нормах, содержащих бланкетные признаки).

В уголовном праве законодательное определение умышленной вины связано с сознанием общественной опасности деяния, а не его противоправности. Таким образом, законодательные требования по дока-

зыванию вины по делу об административном правонарушении более жесткие, чем по уголовному делу. Кроме того, если признавать, что административное правонарушение является общественно вредным, то мы должны доказывать, что физическое лицо, совершая повторное нарушение, осознавало, что социальная вредность его поведения возросла до такого уровня, что оно превратилось в общественно опасное. Если правоведы не могут разобраться в сущностных признаках административного правонарушения, в том числе это выражается и в разном законодательном подходе в УК и КоАП к ответственности за повторные административные правонарушения, то сможем ли мы доказать столь сложную конструкцию в психическом отношении физического лица к совершаемому им повторному нарушению? Может быть, поэтому в практике столь часто используется фикция «незнание не освобождает», которую почему-то называют презумпцией [311, с. 34–38].

Даже если игнорировать существующую проблему определений «преступление» и «административное правонарушение» на квалификацию соответствующих деяний влияет решение вопроса о преодолении конкуренции между уголовно-правовой нормой и нормой КоАП в части определения вида противоправности деяния. Анализ некоторых норм КоАП показывает, что определение административной противоправности некоторых деяний порождает проблему отграничения административного правонарушения от преступления. Так, согласно ст. 9.7 КоАП одним из альтернативных вариантов административного правонарушения является принуждение к участию в собрании, митинге, демонстрации, шествии или пикетировании. Статья 196 УК предусматривает уголовную ответственность за принуждение к участию в названных мероприятиях в случае, если способом принуждения являлось применение к потерпевшему физического насилия либо существовала реальная угроза его применения. Сопоставляя нормы, предусмотренные ст. 196 УК и ст. 9.7 КоАП, можно предположить, что в административно-правовом порядке в данном случае ответственность должна наступать при наличии иных способов принуждения: угрозы уничтожения или повреждения имущества потерпевшего, шантажа, угрозы ущемления прав, свобод и законных интересов потерпевшего. Однако систематическое толкование правовых норм дает основание для иного вывода. Дело в том, что принуждение лица к выполнению или невыполнению какого-либо действия, сопряженное с соответствующим видом угрозы, является существенным нарушением личной свободы человека, в том числе и гарантированной ст. 35 Конституции Республики Беларусь свободы собраний, митингов, уличных шествий, демонстраций и пикетирования. Учитывая характер общественной опасности принуждения, законодатель предусмотрел в УК общую норму (ст. 185),

которая охватывает те варианты принуждения, которые не предусмотрены в иных статьях Особенной части. Установление административной ответственности за принуждение к участию в митинге или ином мероприятии вызывает сомнение в обоснованности установления такого рода административно-правового запрета и порождает коллизию между уголовно-правовой и административно-правовой нормой. Внесение в гипотезу ст. 9.7 КоАП законом РеспубликиБеларусь от 28 декабря 2009 г. № 98-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь по вопросам уголовной и административной ответственности» оговорки «если в этих деяниях нет состава преступления» не разрешает, а, наоборот, обостряет проблему отграничения.

Существующие коллизии между нормами УК и КоАП, несомненно, порождают вопрос о том, каким правилом следует руководствоваться при разрешении такого рода коллизий в целях правильной правовой оценки соответствующего поведения. В ч. 2 ст. 9 КоАП 1984 г. было закреплено положение о том, что «административная ответственность за правонарушения, предусмотренные статьями Особенной части настоящего Кодекса, наступает, если эти правонарушения по своему характеру не влекут за собой в соответствии с действующим законодательством уголовной ответственности». Подобного положения, указывающего на приоритет уголовной ответственности, в действующем КоАП не содержится.

В п. 9 ст. 9.6 ПИКоАП одним из обстоятельств, исключающим административный процесс в отношении физического лица, является «наличие по данному факту уголовного дела». Аналогичное обстоятельство, исключающее производство по делу об административном правонарушении, было предусмотрено и в п. 8 ст. 227 КоАП 1984 г. Представляется, что п. 9 ст. 9.6 ПИКоАП не дает оснований говорить о приоритете уголовно-правовой нормы в случаях, когда имеет место коллизия между нормами УК и КоАП.

Возбуждение уголовного дела при наличии коллизии между уголовно-правовой и административно-правовой нормами будет порождать предпосылку нарушения презумпции невиновности. Такого рода коллизия неизбежно будет вызывать сомнение в обоснованности предъявления обвинения, которое согласно ч. 3 ст. 16 УПК должно толковаться в пользу обвиняемого [312, с. 62; 333, с. 212]. Существующие коллизии между уголовно-правовой и административно-правовой нормами в части определения вида противоправности деяния должны упраздняться законодательным путем. До законодательного разрешения указанных коллизий, содеянное, представляется, должно признаваться административным правонарушением [334, с. 105]. Вместе с тем правоприменитель при принятии решения по таким противо-

речиям чувствовал бы себя увереннее, если бы в законодательстве было закреплено соответствующее правило. Например, если бы ст. 11 УК была дополнена ч. 5 следующего содержания: «Если признаки деяния (действия или бездействия), предусмотренного статьей настоящего Кодекса совпадают с признаками деяния, предусмотренного Кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях, то норма настоящего Кодекса не подлежит применению».

1.3. Квалификация преступления при наличии в норме бланкетного признака

С позиции законодательной техники нормы с бланкетными признаками позволяют законодателю кратко изложить гипотезу уголовно-правовой нормы и избавляют его от необходимости конкретизировать признаки соответствующего вида преступления. Эти признаки правоприменитель в процессе квалификации преступления должен выяснить, обратившись к нормативным правовым актам не уголовно-правового характера.

Природа бланкетной части уголовно-правовой нормы объясняется в литературе по-разному. Некоторые авторы полагают, что нормативные правовые акты иных отраслей права могут быть источниками уголовного права [180, с. 16; 455, с. 71]. Однако большинство правоведов считают, что бланкетность уголовно-правовой нормы не расширяет круг источников уголовного права [377, с. 7]. В.В. Соколов в этом смысле отмечает, что нормативные правовые акты, к которым делается ссылка в бланкетной диспозиции уголовного закона, самостоятельны и «их связь с уголовным законом фактически выступает лишь как информационная: в них раскрываются термины и понятия, содержащиеся в уголовном законе» [541, с. 99]. Р.Н. Ключко на основе анализа метода уголовно-правового регулирования, признавая лишь закон источником уголовного права, обосновывает позицию о том, что нормативные акты не уголовно-правового характера, обусловленные бланкетным признаком, следует рассматривать в качестве источника толкования уголовно-правовой нормы [206, с. 41–43].

Заслуживает внимания объяснение некоторыми учеными природы и структуры уголовно-правовых норм с бланкетными признаками с позиции концепции логической нормы права. Так, А.В. Наумов отмечает, «что структурные части одной правовой нормы могут находиться в различных статьях одного и того же либо другого нормативного акта той же либо даже иной отрасли права (в бланкетных диспозициях уголовного закона)» [392, с. 118]. «Уголовно-правовая норма-запрет, – пишет Н.И. Пикуров, – представляет собой систему, включающую как

собственные уголовно-правовые предписания, так и нормативные предписания иных отраслей права» [484, с. 152]. Эту мысль проводит и К.В. Ображиев: «Таким образом, при бланкетной конструкции уголовного закона уголовно-правовая норма воплощена в уголовном законе лишь частично, а ее бланкетная часть выражена в других правовых актах (Конституции РФ, международных договорах России, нормативно-правовых актах иных отраслей права, подзаконных уголовно-правовых актах). Говоря иными словами, в подобных случаях уголовно-правовая норма выражена в нескольких правовых актах, а значит, каждый из таких правовых актов является юридическим источником соответствующей уголовно-правовой нормы» [455, с. 71].

С такой позицией, обосновывающей природу бланкетных признаков в уголовно-правовой норме в целом, следует согласиться. Однако применение в процессе квалификации преступления уголовно-правовой нормы с бланкетным признаком порождает достаточно много вопросов, требующих теоретического объяснения и практического решения. На проблему применения уголовно-правовых норм с бланкетными признаками обращали и обращают внимание многие зарубежные и отечественные правоведы [84; 122; 206; 255; 281; 284; 340; 377; 397; 480; 481; 548; 673]. Обобщение проблематики применения уголовно-правовых норм с бланкетными признаками, изложенной в литературе, позволяет обозначить следующие проблемы квалификации преступления.

Во-первых, широко распространенная в настоящее время конкретизация уголовно-правового запрета в нормативном правовом акте не уголовно-правового характера создает формальное противоречие с положениями уголовного законодательства о круге источников уголовного права. Наличие в УК бланкетных уголовно-правовых норм фактически привело к тому, что вопрос о сущности и пределах уголовно-правового запрета практически решается не законодателем, а иными органами государственной власти и управления. В литературе уже давно высказывались предупреждения о недопустимости превращения бланкетной уголовно-правовой нормы в «технический прием делегирования законодательных полномочий» [397, с. 183].

Во-вторых, многочисленность нормативных правовых актов, регламентирующих соответствующие правила поведения, при отсутствии их индивидуальной определенности в рамках бланкетного признака порождает непростую задачу по определению пределов уголовно-правового запрета. В некоторых статьях УК содержатся ссылки на целые отрасли законодательства (нарушение правил охраны труда (ст. 306 УК), нарушение правил охраны недр (ст. 271 УК) и др.).

В-третьих, как показывает правотворческая практика последнего десятилетия, в эти нормативные правовые акты очень часто вносятся

изменения и дополнения, которые в конечном итоге корректируют содержание диспозиции уголовно-правовой нормы. Такого рода нормативные корректировки порождают «плавающие» границы уголовно-правового запрета, что вызывает трудности при реализации положений о действии уголовного закона во времени.

Применение уголовно-правовой нормы, содержащей бланкетный признак, предполагает соблюдение определенных требований, значительно усложняющих процесс квалификации преступления. Суть этих требований сводится к следующему: необходимо определить нормативный правовой акт не уголовно-правового характера, к которому отсылает соответствующая статья УК; важно выяснить, действовал ли этот нормативный правовой акт во время совершения общественно опасного деяния, если действовал, то в какой редакции; следует установить конкретный пункт, статью или другую структурную часть нормативного правового акта, позволяющие идентифицировать соответствующее нарушение; надо уяснить сущность этого нарушения.

При понимании содержания соответствующего нарушения, обусловленного бланкетным признаком, можно столкнуться с коллизиями правовых норм, существующих в других отраслях законодательства. Преодоление такого рода коллизий должно осуществляться в соответствии с правилами, установленными ст. 10 закона Республики Беларусь от 10 января 2000 г. № 361-З «О нормативных правовых актах Республики Беларусь».

В литературе высказано мнение о том, что квалификация преступления при применении уголовно-правовых норм с бланкетными признаками имеет специфику. Так, М.Г. Стоякин делает вывод о том, что при применении уголовно-правовой нормы с бланкетной диспозицией неизбежны два этапа квалификации преступления: «промежуточная оценка на базе дополнительных оснований и окончательная оценка на базе юридической нормы, которая предусматривает юридические последствия и кладется в основу решения дела» [548, с. 94]. Н.И. Пикуров считает, что «квалификация преступления при бланкетной диспозиции статьи УК РФ должна включать два вида правовой оценки: установление юридического содержания бланкетных признаков с помощью ссылки на нормативные акты различных отраслей права (или правоприменительные решения) и общий вывод о соответствии всей совокупности признаков (бланкетных и небланкетных) признакам состава преступления» [485, с. 108]. Правда при таком подходе не совсем понятно, в каком виде будет выглядеть формула квалификации преступления.

В литературе многие авторы высказывают предложения о том, что по необходимости следует ограничить число бланкетных признаков в уголовном законе [106, с. 10]. Вместе с тем Н.И. Пикуров, много лет

занимающийся исследованием проблематики реализации бланкетных норм в уголовном праве, не без оснований отмечает, что реализовать подобные предложения фактически невозможно: «Объективная потребность в межотраслевых связях неизбежно порождает подобную форму изложения признаков состава преступления. Единство правовой системы не позволяет полностью изолировать уголовное право от других отраслей права… В подавляющем большинстве случаев преступление посягает на те общественные отношения, которые уже урегулированы другими отраслями права. Механизм взлома этих отношений не может быть адекватно описан в уголовном законе без обращения к нормам регулятивных отраслей права… Таким образом, состав преступления как отражение сложного юридического факта включает в себя юридические факты разной отраслевой принадлежности. Такие конструкции в принципе не могут быть полностью однородными, поскольку преступление посягает на разные типы отношений. Разрывая социальные связи, позитивно урегулированные нормами различных отраслей права, преступление с бланкетными признаками состава неизбежно отражает разноотраслевые юридические признаки» [480, с. 317].

Бланкетные признаки присутствуют в большинстве статей Особенной части УК. В условиях неуклонно увеличивающегося объема нормативной правовой базы, содержание которой постоянно подвергается изменениям, нередко весьма значительным, привело к тому, что правоприменитель оказался в весьма затруднительном положении. Понять сущность уголовно-правового запрета иногда сложно даже специалистам. Например, закон Республики Беларусь от 8 июля 2008 г. № 367-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам обеспечения единства измерений» внес несколько существенных уточнений по некоторым бланкетным признакам, содержащимся в ст. 259 и ст. 326 УК. Корректировка положений ст. 259 и 326 УК были вызваны изменениями, внесенными законом Республики Беларусь от 20 июля 2006 г. № 163-З «О внесении изменений и дополнений в закон Республики Беларусь „Об обеспечении единства измерений“».

Закон Республики Беларусь«Об обеспечении единства измерений» в настоящее время не оперирует понятием «измерительные приборы и инструменты». Вместе с тем в ст. 1 данного закона дано понятие средства измерений: «средство измерений – техническое средство, предназначенное для измерений, воспроизводящее и (или) хранящее единицу измерения, а также кратные либо дольные значения единицы измерения, имеющее метрологические характеристики, значения которых принимаются неизменными в течение определенного времени».

Эти терминологические уточнения объясняют корректировку положений ст. 259 УК. В абзаце 1 ст. 259 слова «измерительных прибо-

ров и инструментов» заменены термином «средств измерений». Следует иметь в виду, что замена термина в данном случае повлекла сужение уголовно-правового понимания предмета данного преступления: инструмент, используемый при соответствующих измерениях, в настоящее время уже не охватывается понятием средств измерений.

Новая редакция закона Республики Беларусь «Об обеспечении единства измерений» вызвала необходимость законодательной экспликации и положений ст. 326 УК, предусматривающей ответственность за нарушение правил радиационного контроля. Редакция абзаца 1 ст. 326 была изложена следующим образом: «Применение лицом, на которое возложено осуществление радиационного контроля, средств радиационного контроля, не прошедших в установленном порядке поверку *или калибровку* (выделено нами. – *В. М.*), либо нарушение им методики выполнения измерений уровня радиоактивного загрязнения, совершенные в течение года после наложения административного взыскания за такие же нарушения». Суть изменения заключается в том, что нарушением уже стало применение средств радиационного контроля, не прошедших в установленном порядке *поверку или калибровку* (выделено нами. – *В.М.*). В прежней редакции шла речь о «применении не прошедших *поверку или метрологическую аттестацию* (выделено нами. – *В.М.*) в установленном порядке средств радиационного контроля».

Для того чтобы понять смысл этого изменения необходимо проникнуть в смысл структуры метрологического контроля. В соответствии со ст. 22 закона Республики Беларусь «Об обеспечении единства измерений» метрологический контроль включает в себя утверждение типа средств измерений, метрологическую аттестацию средств измерений, поверку, калибровку, метрологическое подтверждение пригодности методик выполнения измерений. Таким образом, метрологическая аттестация средств измерений является составной частью метрологического контроля. Согласно ст. 1 и ст. 24 закона Республики Беларусь от 5 сентября 1995 г. № 3848-XII метрологическая аттестация средств измерений включает в себя выполнение работ, в ходе которых устанавливаются метрологические характеристики средств измерений. Метрологической аттестации средств измерений подлежат средства измерений, предназначенные для применения в сфере законодательной метрологии, произведенные в Республике Беларусь или ввозимые в Республику Беларусь в единичном экземпляре, а также в случаях, предусмотренных Президентом Республики Беларусь. Статья 13 закона от 5 сентября 1995 г. № 3848-XII устанавливает, что средства измерений, предназначенные для применения в сфере законодательной метрологии и прошедшие метрологическую аттестацию средств измерений, подлежат калибровке. Калибровка в соответствии со ст. 1 зако-

на от 5 сентября 1995 г. № 3848-XII – это «составная часть метрологического контроля, включающая выполнение работ, в ходе которых устанавливаются метрологические характеристики средств измерений путем определения в заданных условиях соотношения между значением величины, полученным с помощью средства измерений, и соответствующим значением величины, воспроизводимым эталоном единицы величины». Калибровка осуществляется при выпуске средств измерений из производства или ремонта, их применении и ввозе в Республику Беларусь. Таким образом, в рамках ст. 326 УК применение лицом, на которое возложено осуществление радиационного контроля, средств радиационного контроля, не прошедших в установленном порядке метрологическую аттестацию, не образует собой в настоящее время преступления. Преступным в этой части признается применение средств радиационного контроля только в нарушениях двух видов работ, в ходе выполнения которых должны подтверждаться метрологические и технические характеристики средств измерений: поверки или калибровки.

Следует заметить, что закон Республики Беларусь от 20 июля 2006 г. № 163-З «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь „Об обеспечении единства измерений“» был опубликован 2 августа 2006 г. и вступил в силу спустя восемь месяцев после опубликования, а изменения в УК были внесены только 8 июля 2008 г. Таким образом, в законодательстве, обеспечивающем единство измерений, произошли существенные терминологические коррективы, которые объективно вызвали необходимость в изменении границ уголовной противоправности, но в уголовном законе использовалась старая терминология, которая, несомненно, порождала проблему правоприменения.

Следует также отметить, что в современных условиях так называемая презумпция «незнание закона не освобождает от уголовной ответственности» превратилась в фикцию и выглядит издевательски в обстановке интенсивно изменяющегося и, порой, весьма противоречивого «шквала» нормативного материала. В сложившейся ситуации правоприменения риски извинительных ошибок в поведении граждан существенно увеличиваются. И при квалификации преступления на это следует обращать особое внимание.

Решение указанных проблем квалификации преступления на основе норм с бланкетными признаками видится в двух направлениях правотворческого процесса.

Во-первых, по возможности следует сокращать количество статей УК с бланкетными признаками путем конкретизации уголовно-правового запрета в уголовно-правовой норме. На это обстоятельство было обращено особое внимание в Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь, утвержденной указом Президента

Республики Беларусь от 10 апреля 2002 г. № 205. В п. 19 данной концепции рекомендовано при реализации «пакетного» принципа подготовки нормативных правовых актов уменьшать количество отсылочных норм.

Во-вторых, поскольку полностью исключить бланкетные признаки из норм УК не представляется возможным, есть необходимость уточнения в механизме уголовно-правового регулирования круга правовых предписаний, к которым должен обращаться правоприменитель. Исследования многих авторов показывают, что бланкетный признак может отсылать к любому нормативному правовому акту из соответствующей отрасли законодательства [483, с. 3–11]. Но Г.З. Яремко расширяет сферу адресов правовых предписаний, полагая, что содержание бланкетной диспозиции уголовно-правовой нормы может быть установлено не только путем обращения к соответствующему нормативному правовому акту, но и к правовому обычаю [673, с. 4]. Вместе с тем в литературе было высказано мнение о необходимости ограничения пределов бланкетности. Заслуживает внимания позиция некоторых российских ученых о том, что бланкетные нормы должны отсылать только к одному виду нормативного правового акта – закону [104, с. 72; 106, с. 10; 122, с. 245–246; 252, с. 14; 290, с. 364; 503, с. 175]. Правда, при этом вызывает сомнение предложение некотоых авторов о том, что тексты законов, на которые должны делаться ссылки в УК, следует оформлять обязательными приложениями к УК [104, с. 72; 122, с. 246]. Оправдано ли будет в таком случае увеличение объема нормативного материала в УК?

Вместе с тем идея о том, что уголовно-правовой запрет должен конкретизироваться только в законах, заслуживает поддержки. Реализация этого предложения в законодательстве Республике Беларусь соответствовала бы положениям ст. 97 Конституции Республики Беларусь, в которой указывается, что рассмотрение проектов законов об уголовной ответственности относится к компетенции парламента. Разумеется, при таком подходе следует менять законодательную технику конструирования гипотезы уголовно-правовой нормы, содержащую бланкетный признак. Гипотеза в этом случае могла бы быть построена в следующем типовом варианте: «Если кто-либо нарушит (не выполнит) правило, предусмотренное соответствующим законом Республики Беларусь, то …». Например, ч. 1 ст. 435 УК можно изложить в следующей редакции «1. Невыполнение призывниками мероприятий призыва, предусмотренных Законом Республики Беларусь „О воинской обязанности и воинской службе“» (уклонение от мероприятий призыва), наказывается …». Такой подход можно постулировать в качестве концептуального и использовать его в качестве прототипа при форму-

лировании гипотезы уголовно-правовых норм с бланкетными признаками. Для реализации этой идеи необходимо выявить не только круг статей Особенной части УК, содержащих бланкетные признаки, но и осуществить мониторинг действующего законодательства на предмет установления перечня нормативных правовых актов, конкретизирующих уголовно-правовой запрет, на основе которого провести соответствующие изменения и дополнения в действующем законодательстве. Например, правила совершения сделок с драгоценными металлами и камнями, утвержденные постановлением Советом Министров Республики Беларусь от 25 ноября 1999 г. № 1838, следует закрепить в действующем законе Республики Беларусь «О драгоценных металлах и камнях».

В рассматриваемом аспекте целесообразно внести ряд изменений и дополнений в Общую часть УК Республики Беларусь. Статью 1 УК Республики Беларусь необходимо дополнить новой частью следующего содержания: «Иные законы Республики Беларусь, раскрывающие сущность деяния как основания уголовной ответственности, дополняют настоящий Кодекс только в случае прямого на них указания в тексте соответствующей нормы Кодекса». Требует корректировки и положение, содержащееся в ч. 2 ст. 3 УК, о том, что «Преступность деяния, его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только настоящим Кодексом». В данном положении уместно указать, что преступность деяния определяется УК, но в случаях, предусмотренных им, может быть конкретизирована в законах Республики Беларусь.

1.4. Применение в процессе квалификации преступления общепризнанных принципов или норм международного права, положений Конституции Республики Беларусь

Известно, что процесс квалификации преступления связан с выбором уголовно-правовой нормы. В этом контексте отдельной проблемой в доктрине уголовного права является вопрос о квалификации преступления непосредственно по общепризнанной норме, принципу международного права либо норме Конституции.

В конституциях многих государств закреплено положение о преимущественном действии общепризнанных принципов международного права. Например, согласно ст. 8 Конституции Республики Беларусь государство признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства. Часть 3 ст. 1 УК определяет, что УК основывается на общепризнанных принципах и нормах международного права.

Первое затруднение, которое возникает при решении затронутого вопроса квалификации преступления, связано с самим понятием общепризнанных принципов и норм международного права. Следует полагать, что общепризнанные принципы и нормы – это те нормативные положения международных договоров, которые признаны всеми государствами мира либо почти всеми. Есть основания утверждать, что, например, Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. содержит ряд принципов, которые являются не только принципами национального уголовного закона, но и имеют статус общепризнанных: «Все люди равны перед законом» (ст. 26), «Каждый обвиняемый имеет право считаться невиновным, пока виновность его не будет доказана в суде согласно закону» (п. 2 ст. 14), «Никто не должен быть вторично судим или наказан за преступление, за которое он уже был окончательно осужден или оправдан в соответствии с законом и уголовно-процессуальным правом каждой страны» (п. 7 ст. 14), «Если после совершения преступления законом устанавливается более легкое наказание, действие этого закона распространяется на данного преступника» (п. 1 ст. 15) и др. Однако есть основания предполагать, что общепризнанные принципы международного права содержатся и в других международных договорах. Но знает ли правоприменитель все те международные договоры, в которых содержатся принципы международного права, имеющие характер общепризнанных и, следовательно, общеобязательных? Необходимо также отметить, что существуют международные договоры регионального характера, которые содержат важные положения-принципы для договаривающихся сторон, но которые не могут претендовать на «общепризнанность» в силу ограниченного круга участников соответствующего международного соглашения.

Не вносит ясности по этому вопросу и законодательство о международных договорах Республики Беларусь. В ч. 2 ст. 15 утратившего силу закона Республики Беларусь от 21 октября 1991 г. «О международных договорах Республики Беларусь» содержалось следующее положение: «Общепризнанные принципы международного права и нормы международных договоров Республики Беларусь, вступивших в силу, являются частью действующего на территории Республики Беларусь права». Фактически это означало, что общепризнанные принципы международного права имели прямое действие на территории Республики Беларусь. Однако в 2004 г. положение об общепризнанных принципах из данного закона было исключено. В ст. 33 закона Республики Беларусь от 23 июля 2008 г. № 421-З «О международных договорах Республики Беларусь» идет речь лишь о непосредственном применении норм права в *международных договорах* (выделено нами. – *В.М.*) [675].

Нет четкости и в понимании термина «общепризнанные нормы международного права». Известно, что международных договоров, под-

писанных всеми государствами, почти нет. Кроме того, государство может подписать, но не ратифицировать договор.

Следует заметить, что практика признания международных договоров в зарубежных странах не является однозначной. Исследователи международного уголовного права отмечают, что, например, «практика судов Великобритании говорит о том, что международные договоры как таковые не обязательны для английских судов», в практике же США «все договоры США делятся на самоисполняющиеся и несамоисполняющиеся. Суды США могут объявить договор несамоисполняющимся и затем отказаться от его исполнения. Суды Италии и ФРГ могут применять международные договоры в том случае, если они инкорпорированы в правовую систему этих государств» [364, с. 39].

В уголовно-правовой литературе относительно квалификации преступления по общепризнанной норме международного права или на основе общепризнанного принципа международного права высказывались разные точки зрения. Так, О.Н. Ведерникова отвергает верховенство международного права над национальным уголовным законодательством и, таким образом, предрешает вопрос о невозможности квалификации преступления со ссылкой на общепризнанную норму международного права [99, с. 13–14]. Некоторые авторы допускают применение нормы международного права, в частности, при совершении военного преступления либо преступления против мира или безопасности человечества. Например, авторы белорусского учебника по Общей части уголовного права, очевидно, руководствуясь действовавшим на момент написания учебника положением ч. 2 ст. 15 закона Республики Беларусь от 21 октября 1991 г. «О международных договорах Республики Беларусь» и ссылаясь на ч. 2 ст. 15 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г., отметили: «Как бы ни менялось национальное уголовное законодательство Республики Беларусь, преступность и наказуемость таких деяний, как преступления против мира, человечности и военные преступления, остаются неизменными» [593, с. 53]. Есть мнение о том, что общепризнанные нормы и принципы международного права могут иметь значение источников уголовного права применительно лишь к нормам Общей части УК [197, с. 37–39]. Этот подход имеет серьезное обоснование. Известно, что нормы международного права, устанавливающие соответствующие уголовно-правовые запреты не предусматривают конкретных санкций, а если и предусматривают, то в самом общем виде (например, в международном договоре рекомендуется применять «суровые меры наказания»). В контексте квалификации преступления интерес представляет обобщение судебной практики, которое было проведено в Российской Федерации по

затронутой проблеме. В постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» разъяснено: «Международные договоры, нормы которых предусматривают признаки составов уголовно наказуемых деяний, не могут применяться судами непосредственно, поскольку такими договорами прямо устанавливается обязанность государств обеспечить выполнение предусмотренных договором обязательств путем установления наказуемости предусмотренных внутренним (национальным) законом» [425].

Н.Ф. Кузнецова отстаивала мнение о том, что нормы международного права могут непосредственно использоваться в процессе квалификации преступления в случае декриминализации нормой международного права соответствующего преступления либо смягчения ответственности за деяния, ответственность за которые регламентируется Особенной частью УК. Этот вывод основывался на принципе международного и конституционного права об обратной силе закона, устраняющего либо смягчающего наказание [255, с. 70].

Представляется, что к общепризнанным нормам международного права следует относить только те нормы международных договоров, которые вступили в силу и стали обязательными для Республики Беларусь и положения которых не требуют издания внутригосударственного акта для их применения. В этом смысле применение общепризнанной нормы международного права в процессе квалификации преступления возможно только при идентификации бланкетного признака, предусмотренного соответствующей уголовно-правовой нормой. Так, ст. 129 УК оговаривает ответственность за производство, приобретение, хранение, перевозку, пересылку либо сбыт запрещенных международными договорами Республики Беларусь средств массового поражения, иных запрещенных средств ведения войны или составляющих к ним либо проведение исследований, направленных на изготовление или применение таких средств или составляющих к ним. В ст. 134 УК установлена ответственность за применение оружия массового поражения, запрещенного международным договором Республики Беларусь. Статья 138 УК признает преступным умышленное использование вопреки международным договорам во время военных действий эмблем Красного Креста, Красного Полумесяца, или охранных знаков для культурных ценностей, или иных знаков, охраняемых международным правом, либо пользование государственным флагом или государственными отличиями неприятеля, нейтрального государства, флагом или знаком международной организации. В ст. 315 УК криминализированы

нарушения правил международных полетов. Предметом преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст. 344–346 УК, могут быть особо ценные материальные историко-культурные ценности, к которым согласно ч. 3 примечаний к гл. 30 УК относятся материальные историко-культурные ценности, включенные, например, в Список всемирного наследия, и которые имеют международное или национальное значение [332, с. 646–649].

В литературе предлагалось закрепить общепризнанные принципы и нормы международного права в специальном акте законодательства [223, с. 207]. Эта идея заслуживает внимания. Представляется, что данный вопрос следует решать только для общепризнанных принципов международного права, которые можно закрепить в специальном перечне, оформленном в качестве приложения к УК.

Возникает вопрос и относительно применения норм Конституции при квалификации преступления. Н.Ф. Кузнецова отмечает, что Конституция участвует в квалификации преступления более всего при выборе уголовно-правовой нормы с точки зрения ее темпорального и территориального действия [255, с. 71].

Положения Конституции должны применяться, в частности, при разрешении коллизий, существующих между нормативными правовыми актами, определяющими сферу уголовно-правового запрета в рамках бланкетной уголовно-правовой нормы. Показательным в этом смысле является возникнувшая несколько лет назад проблема квалификации совершения сделок между физическими лицами с ювелирными и бытовыми изделиями из драгоценных металлов, на которых отсутствовали пробирное клеймо Республики Беларусь или пробирные клеймо государственной инспекции пробирного надзора бывшего СССР. Инициированное по этому вопросу конституционное судопроизводство завершилось тем, что Конституционный суд Республики Беларусь признал п. 2.3 Правил совершения сделок с драгоценными металлами и камнями, утвержденных постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 25 ноября 1999 г. № 1838, в части установления запрета на совершение сделок с ювелирными и бытовыми изделиями из драгоценных металлов, на которых отсутствуют государственное пробирное клеймо Республики Беларусь или пробирные клейма государственных инспекций пробирного надзора бывшего СССР, не противоречащим ст. 44 Конституции Республики Беларусь, а также ст. 210 Гражданского кодекса Республики Беларусь (ГК) [416]. В литературе по этому вопросу была высказана иная точка зрения, которая обосновывает возможность непосредственного применения при уголовно-правовой оценке сделки с соответствующим изделием ст. 23 Конституции Республики Беларусь [395, с. 486].

1.5. Правила квалификации преступления, предусмотренные уголовным законом, как правовой институт

Термин «правила квалификации преступления» уже прочно вошел в понятийный аппарат теории квалификации преступления. Между тем сущность этого термина в доктрине понимается по-разному. Л.Д. Гаухман относит к правилам квалификации преступления приемы и способы применения уголовного закона, содержанием которых являются положения об условиях и технологии применения уголовного закона при уголовно-правовой оценке содеянного [122, с. 265–267]. В.Г. Шумихин под правилами квалификации понимает «конкретные предписания, отражающие закономерности уголовно-правовых институтов и устанавливающие порядок выбора уголовно-правовых норм для оценки преступных деяний» [662, с. 12]. Н.Т. Идрисов правилами квалификации преступления признает «предписания, которые регламентируют, во-первых, процесс соотнесения акта поведения индивида с составом преступления, во-вторых, порядок применения уголовного закона при процессуальном оформлении вывода о совершении лицом преступления» [180, с. 7]. Столь разные определения обусловлены различными акцентами, которым авторы придают при отражении формы и (или) содержания этого понятия.

В российской научной литературе правила квалификации преступления делят на две группы: правила, которые носят нормативный характер, и правила, которые соответственно такого характера не имеют. Первую группу составляют только те правила, которые закреплены в законе. Ко второй группе многие авторы обычно относят акты органов правосудия и правила квалификации, предлагаемые доктриной уголовного права. При этом в российской уголовно-правовой литературе существует достаточно устойчивое мнение о том, что правила квалификации преступления, сформулированные в постановлениях Пленума Верховного суда РФ имеют только рекомендательный характер [180, с. 7–8; 661, с. 73–74]. Позиция практических работников по этому поводу не отражается на страницах юридической печати может быть потому, что конкретный судья воспринимает этот вопрос сквозь призму статистики отмененных или измененных высшей судебной инстанцией приговоров, провозглашенных им, которые корректировались в силу несоблюдения соответствующего постановления, утвержденного самой высшей судебной инстанций, а иногда наложенным на него дисциплинарным взысканием либо перспективой дисциплинарного производства за несоблюдение этих требований.

Но, несомненно, особое значение для судебной и следственной практики имеют те правила квалификации преступления, которые закрепле-

ны непосредственно в уголовном законе. К этим правилам в самом общем виде следует относить закрепленные в УК нормативные предписания, которые устанавливают порядок определения уголовно-правовых норм в целях юридической оценки совершенного преступления.

Следует отметить, что правило квалификации преступления нельзя отождествлять с принципом квалификации преступления. В отличие от принципа правило квалификации преступления призвано решать более узкую, частную задачу квалификации преступления: преодоление конкуренции между нормами, отдельные правила квалификации неоконченного преступления, соучастия в преступлении, множественности преступлений и т. д.

В УК Республики Беларусь, по сравнению с уголовным законодательством советского периода времени, в значительном объеме увеличилось количество правил квалификации преступления, закрепленных непосредственно в уголовном законе. По результатам кодификации уголовно-правовых норм, проведенной в 90-х гг. XX в., правила квалификации преступления, предусмотренные в УК, условно можно классифицировать на следующие группы: правила квалификации единичного преступления в зависимости от оснований уголовной ответственности; правила квалификации при множественности преступлений; правила квалификации при конкуренции общей и специальной норм.

Первая группа правил квалификации преступления обусловлена положениями ст. 10 УК, в которой определены основания уголовной ответственности. На основе этих положений, закрепленных в УК, можно выделить следующие подгруппы правил квалификации преступления: при оконченном преступлении; при приготовлении к совершению преступления; при покушении на совершение преступления; при соучастии в совершении преступления.

Известно, что для квалификации преступления важным является определение момента его юридического окончания. В ч. 2 и 3 ст. 11 УК сформулированы положения, имеющие значение для квалификации оконченного преступления: «Преступление признается оконченным с момента совершения деяния. Преступление, связанное с наступлением последствий, указанных в статьях Особенной части настоящего Кодекса, признается оконченным при фактическом наступлении этих последствий». С учетом принципа личной и виновной ответственности в ч. 2 ст. 37 УК сформулировано правило квалификации деяний при ошибке в наличии некоторых обстоятельств, исключающих преступность деяния: «Если в сложившейся обстановке лицо должно было и могло предвидеть отсутствие обстоятельств, исключающих преступность деяния, оно подлежит ответственности за причинение вреда по неосторожности».

Часть 3 ст. 13 УК устанавливает правило квалификации приготовления к совершению преступления: «Ответственность за приготовление к преступлению наступает по той же статье Особенной части настоящего Кодекса, что и за оконченное преступление, со ссылкой на данную статью». Подобное правило, но применительно к уголовно-правовой оценке покушения на преступления указано в ч. 2 ст. 14 УК: «Ответственность за покушение на преступление наступает по той же статье Особенной части настоящего Кодекса, что и за оконченное преступление, со ссылкой на данную статью».

Особое внимание законодатель уделил правилам квалификации соучастия в совершении преступления. Часть 7 ст. 16 УК объясняет правоприменительным органам, как должны квалифицироваться деяния организатора, подстрекателя и пособника при соучастии с распределением ролей: «Ответственность организатора, подстрекателя и пособника наступает по той же статье Особенной части настоящего Кодекса, что и исполнителя, со ссылкой на данную статью. За деяния, совершенные исполнителем и не охватывавшиеся умыслом соучастников, другие соучастники уголовной ответственности не несут». В ч. 8 ст. 16 указывается на уголовно-правовую оценку неудавшегося соучастия: «В случае, если действия организатора, подстрекателя или пособника по не зависящим от них обстоятельствам окажутся неудавшимися, ответственность этих лиц наступает за приготовление к соответствующему преступлению». Часть 2 ст. 18 УК ориентирует следственно-судебные органы на квалификацию деяний организаторов и иных участников организованной группы: «Организаторы (руководители) организованной группы несут ответственность за все совершенные группой преступления, если эти преступления охватывались их умыслом. Другие участники организованной группы несут ответственность только за преступления, в подготовке или совершении которых они участвовали». В ч. 4 ст. 19 УК сформулированы особые правила, которые должны учитываться при квалификации преступной организации: «Организаторы (руководители) преступной организации несут ответственность за все преступления, совершенные во исполнение преступных целей данной организации, если эти преступления охватывались их умыслом. Другие участники преступной организации несут ответственность только за преступления, в подготовке или совершении которых они участвовали».

Правила квалификации поведения руководителя и подчиненного ему лица при исполнении незаконного приказа или распоряжения сформулированы законодателем в ч. 1 и 2 ст. 40 УК: «Не является преступлением причинение вреда охраняемым настоящим Кодексом интересам лицом, действующим во исполнение обязательного для него приказа или распоряжения, отданных в установленном порядке. Уго-

ловную ответственность за причинение такого вреда несет лицо, отдавшее незаконный приказ или распоряжение. Лицо, совершившее умышленное преступление по заведомо преступному приказу или распоряжению, несет уголовную ответственность на общих основаниях». Они же дублируются в ч. 3 примечаний к гл. 37 УК применительно к квалификации воинских преступлений: «Не является преступлением деяние, предусмотренное настоящим Кодексом, но совершенное во исполнение приказа начальника, отданного по службе. Ответственность за последствия исполнения приказа несет начальник, отдавший приказ. За совершение преступления по заведомо преступному приказу начальника подчиненный подлежит ответственности на общих основаниях».

В Особенной части УК предусмотрены и другие правила квалификации соучастия в преступлении: в развитие положений, указанных в ч. 2 ст. 18 и ч. 4 ст. 19 УК, ч. 2 примечаний к разд. X УК определяет правило квалификации преступления, совершенного в составе преступной организации или банды: «Преступления, совершенные в составе преступной организации или банды, оцениваются самостоятельно и влекут ответственность по совокупности преступлений». В ч. 2 примечаний к гл. 37 УК сформулировано правило квалификации воинских преступлений, совершенных лицами, не являющимися военнослужащими: «Лица, не упомянутые в части первой настоящих примечаний, несут ответственность за соучастие в совершении воинских преступлений в качестве организаторов, подстрекателей и пособников».

К установленным законодателем правилам квалификации при множественности преступлений относятся нормативные предписания относительно уголовно-правовой оценки совокупности преступлений и правило квалификации повторности преступлений, не образующих совокупности. Так, в ч. 1 ст. 42 УК законодатель не только определил понятие совокупности преступлений, но и установил правило квалификации: «При этом лицо несет уголовную ответственность за каждое совершенное преступление по соответствующей статье настоящего Кодекса». Порядок применения уголовно-правовых норм уточнен законодателем применительно к преступлениям против интересов службы. Согласно ч. 1 примечаний к гл. 35 УК должностное лицо, которое использовало свои властные или иные служебные полномочия для совершения преступления, не названного в гл. 35 УК, по общему правилу, несет ответственность по совокупности преступлений. Правило квалификации повторности преступлений, не образующих совокупности, закреплено в ч. 1 ст. 71 УК: «При совершении повторно преступления одного и того же вида, если каждое из них предусмотрено различными частями статьи Особенной части настоящего Кодекса, либо при совершении в одном случае оконченного, а в другом – неоконченного такого

же преступления, либо когда в одном случае лицо является исполнителем преступления, а в другом – иным соучастником такого же преступления, каждое из этих преступлений оценивается самостоятельно».

Близким к предписанию, содержащему правило квалификации, является дефиниция, имеющаяся в ч. 2 ст. 41 УК: «Совершение двух или более преступлений, предусмотренных различными статьями настоящего Кодекса, может быть признано повторностью только в случаях, специально указанных в Особенной части настоящего Кодекса». В ч. 2 ст. 41 УК содержится общее правило по определению однородной повторности преступлений, которое конкретизируется в соответствующих примечаниях или статьях Особенной части УК. Например, в ч. 2 примечаний к гл. 24 УК дается определение повторного хищения.

Большое значение для правоприменительной практики имеет нормативное предписание, закрепленное в ч. 2 ст. 42 УК: «Если преступление предусмотрено различными статьями Особенной части настоящего Кодекса, из которых одна норма является общей, а другая специальной, совокупность преступлений отсутствует и уголовная ответственность наступает по специальной норме». Правило квалификации при конкуренции общей и специальной норм нашло свое отражение и в ч. 1 примечания к гл. 35 УК: «Правило о совокупности преступлений не применяется, если совершение должностным лицом преступления предусмотрено в качестве признака иного преступления».

Белорусский законодатель при изложении в УК указанных правил не использует в тексте уголовного закона понятие «квалификация» либо производные от него слова. Эти правила в одних случаях определяются через словосочетания «ответственность (уголовная ответственность) наступает», «несет (несут) ответственность», «подлежит ответственности», а в других – преступление «оценивается самостоятельно». В теории уголовного права и судебной практике термин «квалификация преступления» уже давно стал устоявшимся уголовно-правовым понятием. Этот термин достаточно часто употребляется в соответствующих статьях УПК. Представляется, что в статьях УК целесообразно также оперировать понятиями «квалифицируется (квалифицируются)», «следует квалифицировать», «правило квалификации» и т. п. [344, с. 172]. Эти понятия будут показывать и подчеркивать правовые акценты и особенности первой стадии применения уголовного закона.

Необходимо заметить, что УК Республики Беларусь по сравнению с уголовным законодательством государств – участников СНГ и законодательством иных зарубежных государств значительно отличается по количественным параметрам сформулированных в нем правил квалификации преступления. Некоторые зарубежные коллеги эту особенность УК Республики Беларусь рассматривают как одно из его досто-

инств. Так, Н.Ф. Кузнецова отметила: «Безусловное преимущество есть у кодексов с наиболее полной регламентацией правил квалификации преступления. На сегодня среди кодексов СНГ по этому критерию первенствует УК Республики Беларусь… Российская Федерация и Республика Беларусь входят в состав Союзного государства. Будущие Основы уголовного законодательства Союза потребуют максимальной унификации обоих кодексов» [255, с. 84–85].

Неоднозначно решается в литературе вопрос о характере нормативных предписаний, формулирующих правила квалификации преступления, и их связи со всем нормативным массивом УК. Л.Д. Гаухман считает, что нормы, в которых содержатся правила квалификации преступления, относятся к дефинитивным либо разъяснительным [122, с. 266]. Ему оппонирует В.Г. Шумихин, который, ссылаясь на общетеоретические определения дефинитивной нормы, доказывает, что нормативные нормы – правила квалификации преступления не могут относиться к нормам, устанавливающим легальное определение тех или иных правовых понятий (дефинитивным нормам). Эти нормы являются «процессуальными, определяющими порядок, процедуру квалификации» [661, с. 75]. Н.Т. Идрисов, руководствуясь учением о трехчленной структуре уголовно-правовой нормы, полагает, что «правила квалификации преступления признаются элементами гипотезы запрещающей уголовно-правовой нормы, так как отражают те или иные условия, при которых подлежит применению соответствующая статья Особенной части УК РФ» [180, с. 12]. Представляется, что с позиции концепции логической нормы права правила квалификации преступления, закрепленные в УК, относятся не к гипотезе, а к диспозиции уголовно-правовой нормы. Условия, о которых идет речь в гипотезе уголовно-правовой нормы, связаны не с правилом квалификации, а с описанием юридического факта, который в уголовном праве именуется преступлением. Диспозиция логической уголовно-правовой нормы является не только проводником законодательной воли в части установления уголовно-правового запрета, но и адресует участникам уголовно-правового отношения те правила квалификации преступления, которые закреплены в уголовном законе. Следует особо подчеркнуть, что адресатом этих предписаний являются все участники уголовно-правовых отношений. В этом смысле вызывает возражение позиция В.Г. Шумихина, который считает, что нормативные правила квалификации преступления «адресованы не широкому кругу субъектов, а лишь правоприменителям, т. е. субъектам, занимающимся официальной квалификацией преступления по уголовному делу» [661, с. 75]. Разумеется, основным адресатом является государственный орган или лицо, уполномоченные осуществ-

лять уголовно-правовую оценку совершенного преступления. Правила квалификации преступления, закрепленные в уголовном законе, в контексте выполнения функций этих органов и должностных лиц в борьбе с преступностью приобретают для них императивный характер. Вместе с тем правила квалификации, сформулированные в уголовном законе, имеют значение и для лица, совершившего преступление. Это лицо вправе требовать уголовно-правовой оценки учиненного им преступления либо изменения такой оценки в соответствии с установленным в УК правилом квалификации преступления. Возьмем, например, правило квалификации при конкуренции общей и специальной норм, которое закреплено в ч. 2 ст. 42 УК. Если органы предварительного расследования или суд сознательно либо в силу ошибки в оценке обстоятельств дела применили вместо специальной общую норму, которая предусматривает более жесткие пределы санкции, то лицо, совершившее преступление, вправе поставить вопрос о приведении уголовно-правовой оценки содеянного в соответствие с установленным в уголовном законе правилом квалификации. В рамках состязательного процесса обвиняемый или его адвокат вправе выдвинуть версию квалификации преступления, которая противостоит официальной позиции государственного обвинителя. Линия защиты в рамках выдвинутой контрверсии квалификации преступления может основываться в отличие от позиции обвинителя на совсем ином законодательном правиле квалификации преступления.

Кроме того, если исходить из выдвигаемой некоторыми учеными посылки о необходимости признания потерпевшего в качестве участника уголовно-правового отношения [90, с. 39; 143, с. 16], то состояние защиты его интересов может зависеть от соблюдения соответствующего правила квалификации преступления. В соответствии с п. 12 ст. 50 УПК потерпевший имеет право высказывать в судебном заседании мнения по поводу ходатайств и предложений других участников уголовного процесса, а также по вопросам, разрешаемым судом. Это мнение, в частности, может основываться на соответствующем правиле квалификации преступления. Значение правил квалификации для потерпевшего существенно возрастает по делам частного обвинения.

Следует также заметить, что в послании Президента Республики Беларусь о перспективах развития системы общих судов Республики Беларусь поставлена задача изучить необходимость введения в уголовно-процессуальное законодательство Беларуси института согласительного процесса, суть которого заключается в достижении в рамках уголовного процесса соглашения сторон обвинения и защиты о квалификации преступления, мере наказания, сумме ущерба и др. [419]. Реализация в законодательстве Республики Беларусь этой идеи усилит роль

и процессуальный статус защитников, в том числе и в сфере формирования результата квалификации преступления.

Таким образом, наличие в уголовном законе правил квалификации преступления формирует в механизме уголовно-правового регулирования единообразный подход в уголовно-правовой оценке преступных деяний одного и того же вида и создает предпосылки для обеспечения прав потерпевших и лиц, виновных в совершении соответствующего преступления.

Обобщение всей совокупности сформулированных в уголовном законе правил квалификации преступления дает основание для постановки вопроса о наличии в УК качественно нового, ранее не известного уголовному законодательству нормативно-правового явления, которое претендует на статус особого института уголовного права.

В общей теории права институтом обычно называют обособленную группу юридических норм, регулирующих определенный вид общественных отношений [155, с. 566]. Подобным образом с незначительными редакционными уточнениями это понятие определялось в советский период [668, с. 160] и воспринимается в настоящее время большинством специалистов в области общей теории права [475, с. 130; 533, с. 206]. Правовой институт, как правило, связывают с регулированием конкретной группы общественных отношений. Вместе с тем некоторые авторы допускают возможность регулирования и одного, но специфического отношения. Так, А.С. Пиголкин отмечает: «В системе права имеются и такие правовые институты, которые регулируют какое-то одно специфическое отношение, достаточно важное для механизма правового регулирования» [479, с. 466].

В русле общетеоретических представлений, но с учетом специфики предмета и метода уголовно-правового регулирования определяется понятие правового института в уголовном праве. Так, Э.С. Тенчов к уголовно-правовому институту относит объективно складывающуюся внутри отрасли уголовного права совокупность юридических норм, регламентирующих ответственность за посягательства против группы однородных общественных отношений (институты Особенной части) либо определяющих принципы, функциональное назначение, основания или отдельные стороны возложения на граждан позитивной либо ретроспективной ответственности (институты Общей части) [559, с. 61].

В.П. Коняхин определяет уголовно-правовой институт как закрепленный в рамках отдельной статьи, группы статей, главы или раздела уголовного закона структурный элемент уголовного права, представляющий собой совокупность нормативных предписаний, предназначенных для регулирования обособленной группы отношений [224, с. 168].

Т.В. Кленова считает, что институт уголовного права – это «сложное образование, объединяющее выраженные в УК РФ уголовно-правовые нормы и (или) предписания определенного вида, воздействующие на относительно самостоятельную часть общественных отношений, отнесенных к предмету уголовно-правового регулирования, которые нацелены на решение определенной отраслевой задачи» [203, с. 187].

В.Д. Филимонов рассматриваемое понятие определяет следующим образом: «Под институтом уголовного права следует понимать совокупность связанных функциональной взаимосвязью уголовно-правовых норм, направленных на регулирование однородных общественных отношений» [622, с. 439].

М.С. Жук в своем специальном исследовании дает следующее определение: «Институт уголовного права – это внешне оформленный структурный элемент отрасли уголовного права, представляющий собой подчиненную ее принципам и задачам, основанную на собственной идейной платформе систему уголовно-правовых норм, призванных целостно и беспробельно регулировать часть уголовно-правовых отношений, обусловленную спецификой порождающего их юридического факта» [165, с. 72].

Любой правовой институт с учетом предмета и метода правового регулирования правоведы характеризуют, как правило, следующими свойствами: юридическим единством содержания правовых норм, полнотой регулирования, нормативной обособленностью [86, с. 183; 533, с. 207; 564, с. 363]. Попробуем провести верификацию выдвинутой гипотезы о наличии в УК Республики Беларусь института правил квалификации преступления, предусмотренных уголовным законом, тем свойствам института, которые называются в доктрине.

Юридическое единство содержания правовых норм, по мнению теоретиков права, проявляется в том, что нормы, входящие в правовой институт, образуют единый комплекс, выражаются в общих положениях, правовых принципах, специфических правовых понятиях, что создает особый, присущий данному виду отношений правовой режим регулирования [564, с. 363]. Формулирующие правила квалификации нормативные предписания в своей совокупности образуют ядро в методике квалификации преступления и предопределяют направление правоприменительной деятельности. Данные правила способствуют реализации общих и специальных принципов квалификации преступления (подробнее в гл. 4 настоящей работы). Это создает специфический правовой режим регулирования, особенно, для практической деятельности лица, осуществляющего квалификацию преступления. Уголовно-правовая оценка преступления на основе установленного законом правила (правил) образует собой составную часть алгоритма дей-

ствий квалификатора, которая должна привести его к правильному результату процесса правоприменения.

Полнота регулирования базируется на разнообразии норм института. При этом каждый институт выполняет присущие только ему функции и не пересекается с другими институтами [86, с. 183]. Функциональное предназначение любого правового института определяется содержанием образующих его норм и особенностями проявления на этом уровне метода и предмета правового регулирования. На основе этих критериев М.С. Жук делает вывод о возможности наличия в уголовном праве институтов, которые образованы не только нормами-запретами, но и иными нормативными положениями, которые носят характер предписания или дозволения [165, с. 114].

В этом аспекте следует заметить, что сформулированные в уголовном законе правила квалификации различны по своему характеру. В основном рассматриваемые предписания имеют характер правового установления и приобретают обязывающее значение для лиц, применяющих уголовный закон. Некоторые предусмотренные в УК нормативные положения являются по своей сути дефинитивными, но, соблюдение которых фактически следует приравнивать к правилу квалификации преступления. Например, определение повторного хищения, приведенное в ч. 2 примечаний к гл. 24 УК, предопределяет в процессе квалификации преступления вопрос о вменении соответствующего квалифицирующего признака хищения чужого имущества.

Разным является и масштаб применения правил квалификации в процессе правоприменения. Например, правило о преодолении конкуренции общей и специальной норм (ч. 2 ст. 42 УК) имеет общий характер и применяется к нормативным положениям тех статей Особенной части УК, в которых соответствующее поведение криминализировано и дифференцировано на основе соотношения «род – вид». Но если, например, взять правило квалификации, которое сформулировано в ч. 1 примечаний к гл. 35 УК, то оно имеет весьма узкую направленность, распространяет действие только на случаи совершения деяний должностными лицами с использованием своих служебных полномочий.

Вместе с тем предписывающий характер правил квалификации преступления определяет и функциональное предназначение рассматриваемых предписаний. С учетом предмета уголовно-правового регулирования сформулированные в уголовном законе правила квалификации адресованы участникам уголовно-правового отношения, они обеспечивают правильность квалификации преступления и формируют единый порядок применения норм УК. Закрепленные в УК правила квалификации преступления обладают одним и тем же методом правового регулирования. Этот метод выражается в наличии прямых предписаний

относительно уголовно-правовой оценки соответствующих видов преступлений.

Представляется, что по своей функциональной роли в механизме уголовно-правового регулирования нормативные предписания, содержащие правила квалификации преступления, имеют отношение к так называемым исходным (отправным, первичным) нормативным положениям. В теории права к таким нормам относят те нормы, которые могут быть совместно задействованы в процессе правового регулирования (нормы-начала, нормы-принципы, нормы-дефиниции и т. д.) [127, с. 447; 382, с. 229]. Многие из этих правил можно рассматривать в качестве своего рода «учредительных правовых установлений».

В контексте функционального предназначения закрепленных в уголовном законе правил квалификации преступления следует признать важным вывод Т.В. Кленовой о том, что в институте уголовного права соответствующая группа норм должна быть нацелена на решение определенной отраслевой задачи [203, с. 187]. В этом смысле есть основания констатировать, что содержащиеся в уголовном законе правила квалификации преступления выполняют очень важную и присущую только им регулятивную задачу по разрешению вопросов, возникающих в связи с применением в процессе квалификации преступления уголовно-правовых норм.

Представляется, что полноту регулирования следует рассматривать как с точки зрения отдельно взятого правила квалификации преступления, так и с позиции потребностей практики квалификации преступления.

Каждое взятое в отдельности законодательное правило квалификации преступления исчерпывающим образом решает вопрос о порядке применения уголовно-правовой нормы. Например, правило квалификации, установленное ч. 2 ст. 14 УК, однозначно и конкретно предписывает, как следует квалифицировать любое покушение на преступление. Но это имеет место не всегда. Следует констатировать, что ряд сформулированных в УК правил квалификации преступления не имеют достаточного научного обоснования. Проблематика некоторых законодательных правил квалификации преступления и предложения по их совершенствованию в последние годы приобрела в отечественной уголовно-правовой литературе весьма активный характер [34–37; 135; 326; 634; 636].

Кроме того, использование сравнительно-правового метода исследования показывает, что отдельные правила квалификации преступления в уголовном законодательстве зарубежных государств могут существенно отличаться. Например, уголовное законодательство некоторых государств – участников СНГ закрепляет правило о квалификации дея-

ний организатора, подстрекателя или пособника в случае недоведения исполнителем преступления до конца по независящим от него обстоятельствам. Но содержанию этого правила законодатели соответствующих государств придали разное значение. Так, в ч. 4 ст. 29 УК Украины отражена позиция Модельного УК о том, что в случае недоведения исполнителем преступления до конца по не зависящим от него обстоятельствам остальные соучастники несут ответственность за соучастие в приготовлении к совершению преступления или покушении на совершение преступления. Однако в других кодексах (например, в ч. 5 ст. 34 УК Российской Федерации) в отношении деяний остальных соучастников при недоведении исполнителем преступления до конца закреплено иное правило квалификации: остальные соучастники несут уголовную ответственность за приготовление к преступлению или покушение на него [330, с. 551–554]. Получается, что один и тот же вариант преступного поведения согласно законодательному правилу квалификации правоприменителями соответствующих государств квалифицируется по-разному: в одном случае законодательное правило квалификации распространяет положения о соучастии преступления и на неоконченную преступную деятельность, а в другом – институт соучастия превращается почему-то в институт неоконченного преступления. Имеет ли во втором случае объяснение такого рода правовая метаморфоза с позиции науки уголовного права? Таким образом, некоторые правила квалификации преступления, непосредственно закрепленные в уголовном законе, требуют совершенствования не только на национальном, но и международном уровне [343, с. 593–595].

В рамках национального уголовного закона достаточно сложным является вопрос об обеспечении полноты регулирования с позиции потребностей для всей практики квалификации преступления. Даже беглое ознакомление с предложенными в УК правилами квалификации преступления показывает, что их количество является недостаточным. Например, взять важные для судебной практики правила преодоления конкуренции норм. В действующем УК Республики Беларусь отсутствуют правила квалификации о конкуренции норм, содержащих разные по своей тяжести квалифицирующие обстоятельства, о конкуренции между нормами с отягчающими и смягчающими обстоятельствами, конкуренции между нормами со смягчающими обстоятельствами, о конкуренции между частью и целым. Эти вопросы вполне можно урегулировать в рамках уголовного закона. Например, в УК Молдовы выделены четыре статьи (ст. 11–118), в которых определены правила квалификации преступления при конкуренции норм [607]. В контексте заявленного в ч. 2 ст. 42 УК Республики Беларусь правового установления отсутствие иных правил квалификации при конкуренции норм

выглядит очевидным пробелом. Данные «белые пятна» (или, возможно, «черные дыры») уголовного законодательства восполняются судебной практикой, которая на основе многолетнего опыта применения уголовно-правовых норм вырабатывает соответствующие правила квалификации преступления. Почти каждое постановление Пленума Верховного суда, принятое на основе обобщения судебной практики по отдельной категории дел, содержит положения, а иногда и целую их совокупность, посвященные вопросам единообразного применения соответствующих уголовно-правовых норм.

Следует признать, что правила квалификации преступления, вырабатываемые судебной практикой, даже на уровне правоположений высшей судебной инстанции не всегда формируют единую константу в применении уголовно-правовых норм. Например, существующее в судебной практике правило о квалификации по совокупности составных квалифицированных преступлений явно входит в противоречие с принципом справедливости. Несмотря на убедительные научные аргументы, приведенные учеными на страницах юридической печати [31, с. 4–6; 105, с. 7; 335, с. 46–47; 616, с. 10–11; 664, с. 98], которые доказывают несостоятельность этого правила квалификации, в судебной практике оно остается незыблемым и не подвергается даже каким-либо экспликациям.

Не следует умалять значение доктринальных определений правил квалификации преступления. При научной обоснованности сформулированного в доктрине правила квалификации преступления оно может оптимизировать решение соответствующей правоприменительной задачи в системе правовых норм. Представляется, что судебная практика должна быть не только открыта для обобщения учеными накопленного опыта квалификации преступления, но и готова быть к восприятию и внедрению последних достижений науки уголовного права в правоприменительный процесс.

При соблюдении требований научности и системности правового регулирования правила квалификации преступления, вырабатываемые судебной практикой и доктриной уголовного права, подготавливают для правотворческого процесса основу для придания этим правилам статуса законодательного установления.

Многие авторы непосредственно в дефиниции правового института в качестве необходимого признака называют обособленность соответствующих норм в массиве нормативного материала [86, с. 183; 475, с. 130; 563, с. 290; 564, с. 363; 566, с. 465;]. При этом нормативная обособленность рассматривается как сосредоточение (группировка) образующих правовой институт норм в главах, разделах, частях и других структурных звеньях нормативного правового акта [533, с. 207].

Однако следует отметить, что не все правоведы единодушно называют это свойство признаком правового института. Некоторые ученые не придают признаку обособленности обязательного характера. Например, М.Н. Марченко определяет институты права следующим образом: это «относительно обособленные группы взаимосвязанных между собой юридических норм, регулирующих определенные разновидности однородных общественных отношений» [307, с. 562]. Не совсем последовательным является мнение А.С. Пиголкина, который, определяя правовой институт как обособленную группу норм, вместе с тем поясняет: «Образующие его нормы обычно помещаются в особый раздел, главу или иное структурное подразделение нормативного акта (такова структура Особенной части УК РФ, где каждая глава содержит нормы одного самостоятельного института)» [479, с. 466]. Специалисты в сфере уголовного права вряд ли согласятся с таким подходом. По этому поводу Т.В. Кленова пишет: «В уголовном праве институты отрасли могут структурно не совпадать с разделами и главами УК. Институты уголовного права не исчерпываются совокупностью самостоятельных уголовно-правовых норм, понимаемых как правила должного поведения людей. Эти институты дополняются правовыми предписаниями, более элементарными структурными образованиями уголовного права. Так, предписания статей Общей части УК РФ повторяются в содержании разных уголовно-правовых норм, которые включаются в разные институты уголовного права. Вместе с тем правовые предписания, включенные в содержание разных норм, могут быть отнесены к одному институту уголовного права. Например, институт соучастия состоит не только из норм Общей части, но и норм Особенной части (ст. 151, 208, 209, 210 УК РФ)» [203, с. 186].Таким образом, представляется, что нормативная обособленность не является обязательным признаком правового института, во всяком случае, в уголовном праве. Главное, что содержащиеся в нормативных предписаниях УК правила квалификации по предмету и методу уголовно-правового правового регулирования, своему функциональному предназначению и юридическому единству регламентируют отношения в сфере применения уголовно-правовых норм.

На основе изложенного можно сделать вывод о том, что под институтом закрепленных в уголовном законе правил квалификации преступления следует понимать формирующуюся в системе Уголовного кодекса совокупность нормативных предписаний, устанавливающих для участников уголовно-правового отношения единый порядок применения уголовно-правовой нормы к лицу, совершившему преступление.

Следует отметить, что существующая традиция изложения нормативного материала в УК не исключает возможность законодательного

обособления рассматриваемых нормативных предписаний. Существующая в УК рубрикация и систематизация нормативного материала и наличие необходимости в логической последовательности изложения правил квалификации преступления предполагают такое их расположение в структуре УК, которое бы сгруппировало и систематизировало всю совокупность рассматриваемых предписаний в рамках отдельной структурной единицы УК.

В уголовно-правовой литературе многие ученые уже высказывали мнение о потребности сосредоточения правил квалификации преступления в самостоятельной главе УК [31, с. 7–8; 120, с. 23; 223, с. 10; 362, с. 387]. Н.Т. Идрисов помимо отдельной главы в УК предлагает издать еще и Свод правил квалификации преступления, в котором должны быть решены основные вопросы процесса квалификации, разъяснены общие правила квалификации преступления, изложенные в УК. При этом положения Свода правил квалификации преступления должны носить рекомендательный характер. Главу о правилах квалификации преступления указанный автор предлагает разместить в Общей части УК непосредственно перед разделом о наказании [180, с. 18–19] . Законодатель Республики Молдова при кодификации уголовного законодательства разместил главу «Квалификация преступления» на предпоследнем месте в системе глав Общей части УК Молдовы (гл. XII) [607].

Такого рода расположение в УК рассматриваемой главы, возможно, уместно с позиции уголовного права как учебной дисциплины. Но для целей правоприменения данная глава в УК Республики Беларусь, по нашему мнению, должна быть размещена в разд. I «Уголовный закон».

Полагаем, что законодательное обособление в рамках отдельной главы правил квалификации преступления не только будет реализовывать задачу по их систематизации, но и в организационно-практическом аспекте будет ориентировать практических работников на важность их соблюдения.

Правила квалификации преступления в рамках данной главы должны быть сгруппированы в отдельных статьях: квалификация преступления при конкуренции уголовно-правовых норм, квалификация приготовления к преступлению, квалификация покушения на преступление, квалификация соучастия в преступении, квалификация множественности преступлений, правила квалификации преступления против интересов службы, правила квалификации воинских преступлений и др.

Тенденцию закрепления правил квалификации преступления непосредственно в уголовном законе следует признать позитивной и перспективной. Придание таким правилам характера законодательного требования (нормативности), разумеется, ограничивает судебное усмотрение и будет способствовать обеспечению режима законности. В идеале

можно говорить о необходимости формализации всех правил квалификации преступления, т. е. нормативного их закрепления непосредственно в уголовном законе. Это требование можно было бы выдвинуть даже в разряд специального принципа квалификации преступления. Но поскольку пока нет достаточных научных обоснований всем правилам квалификации, их формализацию можно рассматривать лишь в контексте прообраза специального принципа квалификации преступления. Научный подход в определении соответствующего правила квалификации преступления требует сплошного комплексного изучения совокупности многих факторов: социологических аспектов учения о составе преступления и применения уголовно-правовых норм; понимания природы, условий и закономерностей развития уголовно-правовых институтов, относящихся прежде всего к учению о преступлении, их взаимодействия и взаимообусловленности; анализа результатов кодификации в других отраслях законодательства, научной обоснованности появления новелл в уголовном законе и др. Мудрым в этом смысле является изречение академика В.Н. Кудрявцева: «Для того чтобы общие правила квалификации преступления стали нормами закона, они должны быть сформулированы особенно точно, лаконично, отчетливо, а перед этим многократно проверены на практике. Однако прежде всего должны быть развиты исходные теоретические предпосылки, на которых основывались бы такие будущие положения уголовного и уголовно-процессуального законодательства» [242, с. 31].

Изложенное выше позволяет сделать следующие выводы.

1. Факт совершения преступления порождает уголовно-правовое отношение, участниками которого являются, с одной стороны, должностные лица соответствующих правоприменительных органов, а с другой – лицо, совершившее общественно опасное деяние, которое запрещено нормой уголовного закона. Содержание этого уголовно-правового отношения имеет когнитивный характер. Должностные лица правоприменительных органов в рамках данного правоотношения должны в первую очередь произвести «когнитивную репрезентацию», т. е. выстроить на основе собранных фактических данных ту уголовно-правовую конструкцию, которая характеризует произошедшее событие как преступление определенного вида.

2. В современной философии доминирует позиция о том, что в субъектно-объектном отношении объект может трактоваться достаточно широко. Им может признаваться фактически все, на что направлено внимание субъекта, в том числе это может быть и другой человек, его сознание либо ситуации, реально имевшие место в объективной действительности. Применительно к уголовно-правовому отношению есть основания вести речь о двух его объектах: общественно опасное дея-

ние, запрещенное уголовным законом, и лицо, совершившее это общественно опасное деяние.

3. Плюралистический подход в трактовке объекта уголовно-правового отношения оказывает влияние и на содержание уголовно-правового отношения. Предметно-практическая и оценочная деятельность должностных лиц, осуществляющих процесс квалификации преступления, направлена на познание признаков совершенного деяния и лица, его совершившего. В процессе квалификации преступления уполномоченное должностное лицо в рамках разворачивающегося уголовно-правового отношения конструирует, проявляет на основе фактов, имевших место в прошлом, преступное событие. Изучение лица, совершившего общественно опасное деяние, способствует установлению субъективного основания и условий, необходимых для верного вывода о квалификации совершенного преступления.

4. Когнитивный характер уголовно-правового отношения показывает, что в процессе квалификации преступления уполномоченное лицо не выявляет уголовно-правового отношения, а в рамках предоставленных ему полномочий устанавливает признаки того общественно опасного деяния, которое породило это уголовно-правовое отношение. В конечном итоге квалификация преступления констатирует первый результат реализации субъективных прав и обязанностей участников существующего уголовно-правового отношения, которое было порождено фактом совершения преступления.

5. Выделение гипотезы в структуре уголовно-правовой нормы в качестве самостоятельной ее части согласовывается с общетеоретическим учением о правовой норме, упраздняет существующую в уголовном праве терминологическую неразбериху по этому вопросу, позволяет определить совокупность юридически значимых обстоятельств, необходимых для реализации уголовно-правовой нормы.

6. Гипотеза уголовно-правовой нормы формулирует правовое основание квалификации преступления. По своему функциональному предназначению гипотеза уголовно-правовой нормы дает возможность идентифицировать конкретный жизненный случай как преступное проявление. Для правоприменительных органов она определяет пределы доказывания и имеет основополагающее значение в процессе квалификации преступления.

7. Диспозиция уголовно-правовой нормы обусловлена ее гипотезой и предопределяет содержательную часть соответствующего вида уголовно-правового отношения. Диспозиция вступившей в законную силу уголовно-правовой нормы детерминирует общее уголовно-правовое отношение, которое имеет предупредительный характер. Диспозиция в рамках указанного правоотношения содержит адресованное гражданам

требование воздержаться от девиантного поведения, которое гипотеза формулирует как преступление.

Совершение деяния, описанного в гипотезе уголовно-правовой нормы, видоизменяет содержательную часть уголовно-правового отношения. На этом уровне участники уголовно-правового отношения приобретают иные права и обязанности. Первоначально государство в лице его уполномоченных органов обязано квалифицировать преступление, т. е. установить имеются ли в совершенном деянии признаки того вида преступления, который описан в гипотезе уголовно-правовой нормы. Второй участник уголовно-правового отношения – лицо, совершившее соответствующе деяние, вправе рассчитывать на правильную квалификацию учиненного им преступления.

8. Решение проблем квалификации преступления на основе норм с бланкетными признаками видится в двух направлениях правотворческого процесса. Во-первых, по возможности следует сокращать количество норм с бланкетными признаками путем конкретизации уголовно-правового запрета в норме УК. Во-вторых, поскольку полностью исключить бланкетные признаки из норм УК не представляется возможным, есть необходимость уточнения в механизме уголовно-правового регулирования круга нормативных правовых актов, к которым должен обращаться правоприменитель путем их конкретизации непосредственно в уголовном законе.

9. Применение в процессе квалификации преступления статьи УК, содержащей бланкетный признак, обосновано концепцией логической нормы права. Бланкетная часть уголовно-правовой нормы во исполнение ст. 97 Конституции Республики Беларусь должна находиться только в законе (законах) Республики Беларусь. Реализация этого положения в УК требует радикального изменения концептуального подхода в конструировании гипотезы уголовно-правовой нормы. В качестве типовой гипотезы в этом случае целесообразно признать следующую формулу: «Если кто-либо нарушит (не выполнит) правило, предусмотренное соответствующим Законом Республики Беларусь, то …». Для реализации указанного концептуального подхода необходимо сформировать перечень статей Особенной части УК, содержащих бланкетные признаки; провести мониторинг действующего законодательства Республики Беларусь на предмет установления нормативных правовых актов, конкретизирующих уголовно-правовой запрет; провести соответствующие изменения и дополнения в действующем законодательстве.

10. Общепризнанные принципы международного права усиливают значение национальных принципов уголовного закона, в том числе принципа законности в процессе квалификации преступления. Для того чтобы круг общепризнанных принципов международного права был

понятен и известен, правоприменителю его целесообразно закрепить в специальном перечне, оформленном приложением к УК.

11. К общепризнанным нормам международного права следует относить только те нормы международных договоров, которые, во-первых, вступили в силу, стали обязательными для Республики Беларусь и, во-вторых, положения которых не требуют издания внутригосударственного акта для их применения. Общепризнанные нормы международных договоров в процессе квалификации преступления подлежат непосредственному применению лишь в тех случаях, когда соответствующая норма УК Республики Беларусь прямо устанавливает необходимость применения положения международного договора.

12. Нормы Конституции Республики Беларусь при квалификации преступления должны выполнять роль арбитра при разрешении коллизий, возникающих, в частности, между нормативными правовыми актами, которые определяют сферу уголовно-правового запрета в рамках бланкетной уголовно правовой нормы.

13. Изучение и обобщение совокупности нормативных предписаний, формулирующих в УК правила квалификации преступления, позволяют констатировать наличие в современном уголовном праве Республики Беларусь института правил квалификации преступления, закрепленных в уголовном законе. Этот институт находится на этапе становления. Для полноты правового регулирования в нем не хватает целого ряда законоположений, формулирующих правила квалификации преступления. Наполнение рассматриваемого правового института недостающими правилами квалификации преступления значительно повысит уровень качества практики квалификации преступления.

14. Совершенствование содержания института правил квалификации преступления, закрепленных в уголовном законе, должно идти по нескольким направлениям: критическое осмысление закрепленных в УК правил квалификации преступления на предмет их научной обоснованности; наполнение УК новыми научно обоснованными и выверенными судебной практикой правилами квалификации преступления, восполняющими пробелы в применении уголовно-правовых норм; унификация нормативных предписаний, содержащих правила квалификации преступления, на международном уровне.

15. Институт закрепленных в уголовном законе правил квалификации преступления – это формирующаяся в системе УК совокупность нормативных предписаний, устанавливающая для участников уголовно-правового отношения единый порядок применения уголовно-правовой нормы к лицу, совершившему преступление. Появление в УК уголовно-правового института правил квалификации преступления является объективной необходимостью, отражающей реально существующую потребность практики применения уголовного закона. В це-

лях систематизации нормативного материала и необходимости в логической последовательности изложения правил квалификации преступления целесообразно в разд. I «Уголовный закон» УК выделить отдельную главу «Правила квалификации преступления».

16. Статью 10 закона Республики Беларусь от 10 января 2000 г. № 361-З «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» дополнить положением следующего содержания: «Уголовный кодекс Республики Беларусь имеет большую юридическую силу по отношению к Уголовно-процессуальному либо Уголовно-исполнительному кодексу Республики Беларусь в части применения норм, связанных с реализацией уголовной ответственности и иных правовых последствий, с нею связанных, если нормы последних ухудшают положение лица, совершившего преступное деяние».

17. В УК внести следующие дополнения:

статью 1 дополнить ч. 4 и 5 следующего содержания:

«4. Иные законы Республики Беларусь, раскрывающие сущность деяния как основания уголовной ответственности, дополняют настоящий Кодекс только в случае прямого на них указания в тексте соответствующей нормы Кодекса.

5. В случае расхождения между положениями статей Общей и Особенной частей настоящего Кодекса действуют положения Общей части»;

в ч. 2 ст. 3 слова «Преступность деяния, его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только настоящим Кодексом» заменить словами «Преступность деяния определяется настоящим Кодексом, а в случаях, предусмотренных им, может быть конкретизирована в законах или международных договорах Республики Беларусь. Наказуемость деяния и иные уголовно-правовые последствия определяются только настоящим Кодексом»;

ст. 11 дополнить ч. 5 следующего содержания:

«5. Если признаки деяния (действия или бездействия), предусмотренного статьей настоящего Кодекса, совпадают с признаками деяния, предусмотренного Кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях, то норма настоящего Кодекса не подлежит применению».

Глава 2

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

2.1. Квалификация преступления как компонент правовой реальности и философские подходы к ее познанию

В юридической науке понятие правовой реальности (правовой действительности) стали использовать во второй половине 80-х гг. XX в. Известный специалист в области общей теории права С.С. Алексеев рассматривал правовую действительность в контексте четырех взаимосвязанных групп явлений: явления-регуляторы, образующие основу и механизм регулирования (правовые нормы, правоположения практики, индивидуальные предписания, права и обязанности); явления правовой формы (нормативные и индивидуальные акты); явления правовой действительности (правотворчество, правоприменение, толкование); явления субъективной стороны правовой действительности (правосознание, субъективные элементы правовой культуры, правовая наука) [15, с. 14]. Сходную трактовку правовой действительности давал Н. Неновски, который включал в ее содержание правосознание, правовые нормы, правообразование и правотворчество, реализацию права, правовое поведение, правовую активность и т. д. [309, с. 39–40].

При таком достаточно широком понимании правовой реальности есть основания утверждать, что квалификация преступления занимает в ее структуре значительное место. Квалификация преступления основывается на нормах УК и правоположениях судебной практики, которые требуют соответствующего толкования в процессе правоприменения. Официальная квалификация преступления осуществляется уполномоченными на то лицами на основе тех прав и обязанностей, которые обусловлены уголовно-правовым отношением. Результаты квалификации преступления закрепляются в соответствующих процессуальных актах. Известно, что на принятие любого правового решения, в том числе и при квалификации преступления, оказывают влияние правосознание и элементы правовой культуры. Сама теория квалификации преступления как совокупность правовых идей, правил, принципов и

иных доктринальных положений входит в качестве составного компонента в правовую реальность.

Любое специальное учение должно базироваться на определенных методологических предпосылках, выработанных философией. На важность основополагающих философских начал в праве обращают внимание многие авторы. В частности, В.М. Хомич отмечает: «Основной постулат философского подхода к праву заключается в существовании высших, не зависимых от государства норм и принципов, олицетворяющих разум, справедливость, объективный порядок человеческих и общественных ценностей, которые наряду с нормативами, установленными государством (законодателем), действуют или должны действовать напрямую. В этом ключевой момент верховенства права. Сказанное имеет самое непосредственное отношение к методологии уголовно-правовой доктрины. По нашему мнению, в методологическом отношении наука уголовного права не дорабатывает в рациональной и объективной оценке исходных потенциальных начал, которые заключают в себе собственно уголовное право» [635, с. 658–659]. Этот вывод, несомненно, относится и к теории квалификации преступления.

Однако возникает вопрос о том, на каком философском подходе (подходах) должна основываться теория квалификации преступления. В.Н. Кудрявцев в качестве философской основы квалификации преступления рассматривал диалектический метод, гносеологическую природу процесса применения уголовно-правовой нормы к конкретному случаю в основном видел в соотношении философских категорий единичного и общего [242, с. 33–38; 243, с. 43–48]. Следует заметить, что в последних работах, посвященных общим вопросам квалификации преступления, исследователи, за некоторым исключением [513, с. 108–116], стараются обходить вопрос о философской основе квалификации преступления. Объясняется это, видимо, проявившимся не без оснований в последние десятилетия критическим, а иногда и откровенно негативным отношением к материалистической диалектике. Вместе с тем в условиях изменившихся социально-экономических отношений вопрос о философской основе любой познавательной деятельности, в том числе и в процессе квалификации преступления, представляет не только теоретический, но и практический интерес.

В настоящее время философская теория познания, лежащая в основе методологии правопознания, обращается к критическому переосмыслению классической парадигмы познания. Происходит переоценка статуса традиций и новаций, оснований познавательной деятельности, субъекта познания, расширяется спектр философской рефлексии в теоретико-познавательных системах, в том числе в философско-методологическом исследовании права [370, с. 377; 371, с. 9; 625, с. 415–416].

Понятие правовой реальности в последнее время стало достаточно активно использоваться в философии права, которая рассматривает ее в двух значениях. В широком смысле слова правовая реальность представляет собой всю совокупность правовых феноменов (норма, отношение, институт и т. д.). В узком значении один из элементов правовой реальности воспринимается в качестве базового, а остальные – в качестве производных [546, с. 25]. Понимание правовой реальности в одном из указанных значений предопределяет методологию познания. Эту методологию в последнее время в философии права стали разделять на классическую и неклассическую. С.И. Максимов на основе проведенного им обобщения отнес к классической методологии три основных способа современного философского осмысления правовой реальности: правовой позитивизм (на внешней стороне правовой реальности, совокупность норм, обеспеченных принудительной силой государства); правовой объективизм (основан на социальной обусловленности права, его укорененности в жизни); правовой субъективизм или классические концепции естественного права (базируются на идеально-моральной стороне права, на раскрывающейся в сознании субъекта идее права). В своей работе автор показывает достоинства и недостатки указанных философских подходов [293, с. 34–143].

В рамках позитивистского подхода к пониманию правовой реальности получил свое обоснование формально-догматический метод юридической науки, широко использующийся в различных отраслях права, в том числе и уголовном, при разработке соответствующих нормативных правовых актов, логико-лингвистическом анализе смысла правовых норм, выяснении проблем законности и правопорядка. В целом в философии позитивизма основным элементом правовой реальности признается императив (приказ), содержащийся в соответствующей правовой норме, обеспеченный силой государственного принуждения. Такой подход оказывает влияние и на науку, которая достаточно часто ограничивается описательно-комментаторским объяснением существующей нормы права вне связи с иными явлениями правового характера. При позитивистском подходе к правовой реальности вопрос о сущности права фактически не ставится, поскольку право отождествляется с нормативным правовым актом. Несмотря на наличие определенных достоинств (строгость и определенность правовых формулировок, логичность, убедительность), позитивистский подход к пониманию права вызвал обоснованную критику. Позитивистов часто упрекают в том, что нельзя отождествлять право с нормой, поскольку правоявление более сложное и многогранное.

При объективистском подходе к пониманию правовой реальности (правовой объективизм) ее основу образуют общественные отношения,

а иные явления правового порядка (нормы, правоприменение, правопорядок, правосознание и др.) признаются производными элементами. При наличии несомненных достоинств данного подхода, объясняющих влияние на право экономических и политических факторов (уровень развития экономических отношений, расстановка политических сил в парламенте, существующий политический режим и т. д.), правовой объективизм оказывается нечувствительным к проблеме справедливости, иным ценностным основаниям права. Позиция «объективистов» не без оснований подвергается критике. Основной упрек заключается в том, что право невозможно жестко детерменировать только социально-историческими и политико-экономическими факторами.

В рамках естественно-правовых концепций были сформулированы замечательные модели правового мировоззрения (от естественных прав человека до правовых идей правового государства). При естественно-правовом подходе к пониманию правовой реальности ее базовым элементом признаются правовые идеи, имеющие естественное (теологическое, рациональное, антропологическое) происхождение, которые лежат в основе возникновения норм права, правоотношений и иных элементов правовой реальности. Указывая на укорененность смыслов права в сознании в естественно-правовых теориях обнаруживается некоторая оторванность провозглашаемых идей от реальной жизни. Кроме того, в учениях представителей естественно-правового подхода (Г. Гроций, И. Кант, Д. Локк, Б. Спиноза и др.) не проводится четкого разделения между некоторыми смежными явлениями: морали и права, права и свободы, права и справедливости.

Указанные подходы со свойственными им методами, отражая классическое правопонимание, основаны на разделении сущности и существования, субъекта и объекта, субъективного и объективного, они исходят из внешней позиции исследователя. А.В. Стовба выделяет две важные особенности, характеризующие методологические подходы к пониманию правовой реальности: выделение одного из элементов правовой реальности в качестве основного с последующим выведением из него всех остальных (в позитивизме – норма, в естественном праве – идея, в объективизме – отношение) и допущение «всезнающего субъекта», обладающего монополией на истинное знание о праве и конструирование правовой реальности (орган государственной власти (позитивизм), Бог, абсолютный разум либо трансцендентальный субъект (естественно-правовой подход) [546, с. 31].

Классической методологии осмысления правовой реальности в философии права противопоставлен неклассический подход, основанный на преодолении односторонности других подходов – правовая интерсубъектность или неклассические концепции естественного права (ос-

нованы на той смысловой стороне права, которая проявляется в процессе взаимодействия субъектов, их коммуникации и интерпретации). При этом позиция интерсубъективности, исходящая из положения исследователя как участника правовых событий, реализуется в основном в феноменолого-герменевтической и коммуникативно-дискурсивной формах [292, с. 51–52].

С точки зрения неклассической методологии право – многогранный, постоянно меняющийся феномен, не имеющий единственного референта. Отсюда вытекает неизбежная множественность описаний и измерений права. По мнению И.Л. Честнова, «наиболее важными в точки зрения постклассической методологии выступают знаково-символический, практический и антропологический аспекты бытия права, взаимодополняющие друг друга. Право – это текст (система знаков), конструируемый и воспроизводимый практиками (как поведенческими, так и ментальными) людей, социализированных в соответствующей правовой культуре» [642, с. 27].

В рамках неклассический методологии С.И. Максимов предлагает рассматривать правовую реальность в ее широком значении: как совокупность всех правовых явлений (нормы, правоотношения и т. д.). При этом заслуживает внимания и научного одобрения то обстоятельство, что к правовой реальности автор относит не только «правомерные явления», но и любые феномены, релевантные в правовом отношении, например преступление. Подобный подход позволяет максимально исчерпывающе описать правовую реальность во всем многообразии ее проявлений. Все правовые феномены, составляющие правовую реальность, структурированы автором в статическом (естественное и позитивное право) и динамическом (идея права, закон, правовая жизнь) аспектах [293, с. 177–181].

В отличие от классического подхода к пониманию права методологической задачей неклассического подхода к праву является не только догматическое следование логическим правилам, но и попытка разработать иные мыслительные приемы для познания правовой ситуации. Разработка таких приемов предполагает присутствие правоведа в структуре правовой реальности. В этом ракурсе, как пишет А.В. Стовба, «процесс осмысления права является одновременно одной из разновидностей механизма его воспроизводства. Иными словами, неклассическое осмысление права не отделено от самого процесса сбывания осуществления права. Оно является одной из тех нитей, которые «сшивают» разрозненные составляющие правовой реальности (институты, нормы, действия и пр.) в нечто целое» [545, с. 62].

С правовой реальностью очень тесно связано понятие правовой ситуации. Ее определение лишено однозначности в силу различных ме-

тодологических подходов в правопонимании. Так, С.С. Алексеев объясняет правовую ситуацию с позиции позитивного права и определяет ее как те жизненные обстоятельства, которые требуют применения права [14, с. 24–29]. При таком подходе право относительно правовой ситуации имеет внешний характер. Иной подход к пониманию правовой ситуации предложен в феноменолого-экзистенциональном направлении современной западной философии права. Интерес представляет позиция швейцарского экзистенцианалиста Дж. Кона, который утверждает следующее: «Правовая реальность живет в конкретном частном случае, правовом конфликте и его разрешении… Собственным жилищем права является не норма, а конкретная ситуация, так как любая норма сперва должна еще доказать свою возможность быть применимой в каждом отдельном случае» [546, с. 21]. Дж. Кон не дает четкого определения правовой ситуации, но через правовую реальность он показывает те юридические координаты, в которой она находится. Должно быть событие (деяние), норма, распространяющая свое действие на это событие, предполагаются иные элементы правовой реальности.

Специфика правовой ситуации при квалификации преступления заключается в том, что помимо лица, совершившего преступление (преступник, тот, кто преступил, нарушил предел, установленный правом), и лица, которому причинен вред, требуется еще одно незаинтересованное и беспристрастное лицо, способное разрешить конфликт, породивший эту правовую ситуацию. К такому лицу – агенту правосудия относятся не только должностные лица, ведущие уголовный процесс, но и защитники. Как правильно отмечают некоторые российские правоведы, адвокат в известном смысле – это тоже прокурор, но не государственный, а частный, надзирающий за соблюдением прав того или иного частного лица [109, с. 462].

Таким образом, к правовой ситуации при квалификации преступления следует относить порожденное преступлением состояние, при котором уполномоченные лица в условиях существующей правовой реальности должны дать социально-правовую оценку совершенному деянию. Разумеется, сама по себе квалификация преступления еще не разрешает возникшую правовую ситуацию. Но она во многом предопределяет те негативные последствия, которым должно быть подвергнуто, лицо, совершившее преступление, на этапе правоприменения, который связан с назначением и исполнением соответствующей меры уголовной ответственности.

В постклассической методологии предлагаются различные методы изучения правовой ситуации и правовой реальности: дискурс-анализ, концепция социальных представлений, метод включенного наблюдения, программа социального конструктивизма и др. [641, с. 186] Но для

квалификации преступления наибольший интерес представляет методологический опыт, накопленный в рамках философской герменевтики и феноменологии.

2.2. Герменевтически-феноменологический подход к познанию правовой реальности и его значение в процессе квалификации преступления

Для того чтобы понять суть методологического значения философской герменевтики и феноменологии в процессе квалификации преступления следует уяснить ее основные положения и краткую историю их становления. В настоящее время термин «герменевтика» понимается в двух смыслах. В узком смысле герменевтика (гр. hermeneutike – истолкование) – это искусство истолкования, теория интерпретации и понимания текстов. В широком смысле этот термин определяет направление в философии, в котором понимание рассматривается как условие (осмысления) социального бытия [406, с. 511; 407, с. 513].

Термин «герменевтика» происходит от имени бога Гермеса. В древнегреческой мифологии Гермес выполнял функцию посредника между богами и людьми. Он передавал богам просьбы людей, а людям истолковывал повеления богов. Как учение герменевтика стала формироваться в период античности. В древнегреческой философии герменевтика рассматривалась как искусство толкования изречений ораторов, древних текстов, знаков, смысла чужого языка и т. д. Большое значение в то время имела работа Аристотеля «Об истолковании», в которой он объяснял, как различать «истинную и ложную» письменную речь на основе анализа содержащихся в тексте утверждений, отрицаний, противоречий, высказываний о будущем и т. д. [23, с. 91–117]. Изложенные Аристотелем правила толкования языка создали предпосылки для формирования специальных герменевтических дисциплин: филологической, теологической, исторической, юридической герменевтик. Эти дисциплины отличались друг от друга текстологическими объектами. Так, филологическая герменевтика формировалась как теория истолкования текста. Вопросы о значении слов и их истолковании связывали в то время с проблемами познания и логики. У Аристотеля все формы логических рассуждений строились на истолковании. Позднее филологическая герменевтика стала использоваться в богословской традиции. В богословских школах появились различные направления теологической (христианской) герменевтики. Наиболее популярные из них – буквально-историческое толкование Священного писания и аллегорическое его истолкование. При буквальной интерпретации слово как подлежащий истолкованию знак теснейшим образом связывалось с ве-

щью. Именно эти вещные отношения должны были быть вскрыты интерпретатором. При аллегорической интерпретации считалось, что слово указывает, скорее, на интенции, желания, представления сообщающего, поэтому интерпретация более свободна, ибо она предполагает желание сообщающего вложить в слова разные смыслы [406, с. 509]. Проблема понимания и интерпретации в богословской герменевтике обострилась в период реформации. Историк герменевтики Г. Шпет в своей работе «Герменевтика и ее проблемы» отмечал, что «протестантское истолкование должно было решительно столкнуться с католическим» [655, с. 263]. Постижение религиозного смысла богословы поставили в зависимость от контекста. Такой подход послужил основой для формирования основополагающих идей герменевтики. Например, лютеранский богослов Флаций выдвинул следующий принцип: понимать каждую частность из контекста целого, его цели, согласовав каждую часть с остальными частями в строгом соответствии и отношении [655, с. 264].

Вместе с тем филологическая герменевтика развивалась как самостоятельная герменевтическая дисциплина. Филология стала рассматриваться как наука о слове. Понимание сути вещей из смысла слов стало трактоваться как грамматическая интерпретация. В. Гумбольдт, сформулировавший проблему понимания как функцию языка, связывал язык (речь) с мышлением. В своей научной статье «О мышлении и речи» В. Гумбольдт отметил: «Сущность мышления состоит в рефлексии, т. е. в различении мыслящего и предмета мысли. Чтобы рефлектировать, дух должен на мгновение остановиться в своем продвижении, объединить представляемое в единство и, таким образом, подобно предмету, противопоставиться самому себе. Построенные таким образом единства он сравнивает затем друг с другом, и разделяет, и соединяет их вновь по своей надобности. Сущность мышления состоит в разъятии своего собственного целого; в построении целого из определенных фрагментов своей деятельности; и все эти построения взаимно объединяются как объекты, противопоставляясь мыслящему субъекту» [137, с. 301].

Если теологическая герменевтика была тесно связана с филологической, то юридическая первоначально «держалась» обособленно. Герменевтическая работа в юриспруденции заключалась в согласовании правовых документов для решения новых юридических казусов. В то время было принято считать, что юридическая герменевтика не стремится к пониманию текстов, является вспомогательной мерой правовой практики, признанной скорректировать своего рода изъян, некое исключительное явление в системе правовой догматики [116, с. 383].

Развитие филологической и теологической герменевтик способствовало формированию общей теории герменевтики, которая как цело-

стное философское направление сложилась к середине XIX в. Основоположником философской герменевтики признают немецкого теолога и философа Ф. Шлейермахера [653; 658]. В отличие от филологической и теологической герменевтик, анализировавших языковые конструкции, Ф. Шлейермахер в своих исследованиях создал основу для формирования универсальной философской герменевтики как науке о понимании. Герменевтику он определял как учение о взаимосвязи правил понимания. По Ф. Шлейермахеру, сами тексты предстают перед исследователем как «застывшая речь», объективированная вовне. Отсюда делался важный вывод принципиального характера: если тексты – застывшая речь, то метод их исследования должен быть диалогическим [529, с. 605].

Оригинальны выводы Ф. Шлейермахера относительно логических операций герменевтического характера. В своей работе «Диалектика» отмечал, что неполное суждение (то, которое образуется из неполных понятий) предполагает дедукцию, а полное суждение – индукцию. С позиции самого суждения неполное синтетично, а полное – аналитично. Понятия и суждения могут быть как истинными, так и ошибочными. Образование суждений начинается со схематического процесса и продолжается вплоть до наличного бытия собственного понятия. На этой ступени уже возможны ошибки как для понятий, так и для суждений. Данный процесс суждений индуктивен. И наоборот, результатом процесса дедукции служит не понятие или суждение, а формула, которую уже нельзя оценить с позиции истинности или ложности. Взаимное проникновение формулы и схемы дает полное понятие [658, с. 168]. Используя этот подход в образовании суждений, а также герменевтические правила толкования, применяемые богословами, Ф. Шлейермахер сформулировал важный познавательный прием – герменевтический круг: понимание части (например, отдельного слова) невозможно без понимания целого (того предложения, в которое это слово входит), но понимание целого, в свою очередь, предполагает понимание частей. Ф Шлейермахер также определил метод компаративного анализа (сравнительного понимания): высказывания, составляющие определенный письменный документ, истолковываются в сравнении с языковым и историческим контекстом [406, с. 512].

В противовес Ф. Шлейермахеру другой представитель философской герменевтики В. Дильтей считал, что герменевтике не следует ограничиваться интерпретацией литературных, юридических и религиозных текстов, она должна трансформировать себя в фундаментальную науку о методологии интерпретации вообще. Понимание, по В. Дильтею, не сводится к процедуре мысли, оно предстает как истолкование, интерпретация проявлений жизни, языка, культуры. В. Дильтей пред-

ложил психологический подход к осмыслению феноменов прошлого: их нужно не просто объяснять, исходя из определенного представления о связи общего и частного, но и понять с помощью интроекции в процессе самонаблюдения [148].

Существенный вклад в развитие философской герменевтики внес М. Хайдеггер. В его исследовании герменевтика приобретает онтологическое значение: становится не способом познания, а способом бытия. Рассматривая феномен понимания в онтологической плоскости, М. Хайдеггер постулировал интерпретацию текстов как способ «опрашивания» бытия [631, с. 130–231]. Интерпретация (толкование), по его мнению, лежит в основе формирования понимания. Всякое толкование основано в понимании. Расчлененное в толковании как таковое и вообще преднамеченное в понимании как членимое есть смысл. Поскольку высказывание (суждение) основано в понимании и представляет производную форму осуществления толкования, оно тоже имеет смысл. Развивая идею о герменевтическом круге, М. Хайдеггер отмечал, что сутью данного круга является не логическая, а онтологическая структура, ускоренная в бытии [631, с. 153].

М. Хайдеггер, анализируя проблематику исторической герменевтики, исследовал язык как исторический горизонт понимания, в результате чего герменевтика из искусства толкования текстов становится «свершением бытия», а понимание – специфическим способом существования человека [631, с. 160–167]. При этом он выделял два вида понимания: первичное (дорефлексивное пред-понимание или горизонт, от которого нельзя освободиться, не разрушив познание вообще) и вторичное, возникающее на уровне рефлексии как вид познания [631, с. 148–153, 372–404].

Особое влияние на развитие философской герменевтики оказали научные труды Х.-Г. Гадамера, в которых он обобщил идеи предшественников и сформулировал новые гносеологические ориентации. Х.-Г. Гадамер, осмыслив и синтезировав идеи «понимающей психологии» В. Дильтея, «жизненного мира» и «горизонта» Э. Гуссерля и учение М. Хайдеггера о языке, в своих работах обосновал и сформулировал основополагающие идеи философской герменевтики [115–117]. Фундаментальный труд Х.-Г. Гадамера «Истина и метод» называют «програмным сочинением философской герменевтики» [406, т. 2, с. 174].

В отличие от традиционной герменевтики, выступавшей с претензией быть методологией наук о духе, Х.-Г. Гадамер провозгласил герменевтику универсальной философией нашего времени, которая призвана, по его утверждению, дать ответ на основополагающий философский вопрос: как возможно понимание окружающего нас мира, как в этом понимании воплощается истинность бытия?

Опорной идеей Х.-Г. Гадамера в философии познания явилась его идея о языке как среде герменевтического опыта. Бытие, по его мнению, есть язык – самостоятельная, независимая от человека субстанция. Именно он конструирует мир, определяет способ человеческого существования [116, с. 446–471]. Тем самым Х.-Г. Гадамер онтологизировал язык, сделал его ответственным за мир, в котором живет человек, на основании чего сделал вывод о лингвистической природе философии, которая прежде всего обнаруживается в диалогическом характере философского знания. Но диалог Х.-Г. Гадамер не ограничивался общением двух лиц («я» и «другой»). Этот диалог он рассматривал в контексте отношения между интерпретатором и текстом, связывает диалог с пониманием. Толкователь должен уметь задавать вопросы тексту, а не их авторам. Сами тексты должны быть доступны для понимания, но интерпретатор стремится понять не столько сам текст, сколько вложить в него новые интерпретации [116, с. 426–445].

Х.-Г. Гадамер разработал концепцию традиций, рассматривая событие «традиций» как присутствие истории в современности. Знание создается в рамках традиции, а само постижение истины, ее проблематизация имеют временную структуру. Нахождение внутри традиции, причастность к общему смыслу – важная предпосылка понимания, предполагающая взаимодействие смыслов. Понимание, с точки зрения Х.-Г. Гадамера, – это процесс слияния горизонтов автора и интерпретатора. Лишь осознание интерпретатором собственной исторической обусловленности, проникновение в историческую ситуацию, подлежащую пониманию, указывает он, способствуют преодолению как его собственной партикулярности, так и партикулярности текста, приводят истолкователя к образованию нового, более общего, более глубокого «горизонта» [116, с. 322–323].

Х.-Г. Гадамер в завершенном виде сформулировал понятие герменевтических процедур и показал их взаимосвязь. Если в предшествующих философских исследованиях герменевтический процесс объяснялся формулой «понимание – интерпретация», то он расширил герменевтический способ познания за счет введения процедуры аппликации, в рамках которой «практическое» понимание уже стало применением [116, с. 365–368, 400–403]. Герменевтический процесс траковался Х.-Г. Гадамером как триединство герменевтических процедур «понимание – интерпретация – аппликация».

Х.-Г. Гадамер придавал большое герменевтическое значение «историчности» в понимании правовых текстов в рамках юридической герменевтики. В своей работе «Истина и метод», затрагивая проблему дивергенции юридической и исторической герменевтики, он рассматривал те случаи, когда юридическая и историческая герменевтика за-

нимаются одним и тем же предметом. Рассматривая подход историка права и юриста к одному и тому же действующему законодательному тексту, Гадамер, опираясь на работы Э. Бетти, отмечал различия в этих подходах: «Юрист постигает смысл закона с точки зрения данного случая и ради этого данного случая. Напротив, у историка права нет никакого данного случая, из которого он исходил бы, но он стремится определить смысл закона, конструируя и охватывая единым взором всю сферу его применения целиком… Историк права не может, следовательно, довольствоваться первоначальным применением закона для определения его исконного смысла. Как историк он должен, скорее учесть также и исторические изменения, через которые прошел закон. Понимая, он должен опосредовать первоначальное применение закона его современным применением» [116, с. 384]. Х.-Г. Гадамер сделал вывод: для того чтобы привести смысл закона в соответствие с современностью, необходимо знать его первоначальный смысл, при этом нормативное содержание закона должно быть определено с учетом того случая, к которому его следует применить [116, с. 384–385].

Развитие философской герменевтики тесно взаимодействовало с идеями феноменологии. Термин феноменологии использовался в философии Канта и Гегеля. Но как самостоятельное философское учение феноменология была обоснована в научных трудах Э. Гуссерля [139–141]. Ключевой категорией феноменологии Э. Гуссерль рассматривал понятие интенциональности сознания, которое выражается в направленности актов сознания на предмет. Феноменам сознания он приписывал имманентную предметность, в соответствии с которой мир конструируется в нашем сознании. Человеческое бытие есть бытие осознанное, всегда осмысленное, проинтерпретированное [140, с. 626–743].

Феноменологический способ познания оказал сильное влияние на герменевтические исследования. Наиболее наглядно это проявилось в онтологической теории М. Хайдеггера. Синтез философской герменевтики и феноменологии дал толчок в развитии методологии познания. Так, последователь Э. Гуссерля П. Рикёр рассматривал категорию понимания не просто как способ познания, а как способ существования интерпретированного бытия. Сама интерпретация трактовалась П. Рикёром как работа мышления, состоящая в расшифровке смысла, скрывающегося за очевидным смыслом, в выявлении уровней значения, заключенных в буквальном значении. Интерпретация, по его мнению, представляет собой понимание смысла, который является неявным. Этот процесс можно рассматривать как порождение смысла. Расшифровка смысла может порождать множественность интерпретаций. П. Рикёр отмечал, что множественность (и даже конфликт) интерпретаций, яв-

ляются не недостатком, а достоинством понимания, выражающего суть интерпретации [509, с. 103, 394–399].

В советский период герменевтика и феноменология, как и некоторые другие учения, были незаслуженно преданы забвению. Более того, ряд авторов пытались обосновать их несостоятельность [93; 374; 375]. Негативное отношение к герменевтике имело место и в юриспруденции, в частностив трудах по уголовному праву [654, с. 88]. Вместе с тем некоторые ученые (Н.С. Автономова [4], В.А. Лекторский [274], А.П. Огурцов [461], М.В. Попович [494] и др.), изучавшие структуру и функции познавательной деятельности, в своих исследованиях фактически руководствовались познавательными процедурами, которые были разработаны философами-герменевтами. Есть основания полагать, что в некоторых трудах по уголовному праву того времени также использовались идеи герменевтики. Открываем книгу И.И. Горелика и И.С. Тишкевича «Вопросы уголовного права (Особенной части) в практике Верховного суда БССР» (1976 г.). На первой странице этой книги в качестве эпиграфа воспроизведены слова известного криминалиста советского периода М.Д. Шаргородского: «В своей деятельности, толкуя законы, применяя действующее законодательство, суд должен стремиться установить не волю закона, что пропагандирует нормативная теория права, не волю законодателя времени издания закона, что никогда не может привести к правильному решению конкретного вопроса, а то, что фактически всегда имело и имеет место: закон толкуется и должен толковаться в соответствии с волей законодателя времени применения закона» [130, с. 3]. Но ведь это же есть ни что иное, как идея родоначальника герменевтики – немецкого ученого Х.Г. Гадамера: «Тот, кто стремится привести смысл закона в соответствие с современностью, должен прежде всего знать его первоначальный смысл. Он сам, следовательно, должен мыслить как историк права… Чтобы точно установить нормативное содержание закона, требуется историческое познание первоначального смысла, и лишь ради этого последнего толкователь-юрист принимает в расчет историческое значение, сообщаемое закону самим законодательным актом. Он не может, однако, полагаться исключительно на то, к примеру, что сообщают ему о намерениях и помыслах тех, кто разработал данный закон, протоколы парламентских заседаний. Напротив, он должен осознать произошедшие с тех пор изменения правовых отношений и соответственно заново определить нормативную функцию закона» [116, с. 385–386].

Определенный скептицизм к герменевтике выражается и в настоящее время [76, с. 189; 534, с. 66]. Но в современных условиях герменевтика и феноменология характеризуются позитивным анализом их специфического подхода к методологии гуманитарного исследования.

Идеи философской герменевтики сегодня используются многими зарубежными учеными при проведении исследований в различных сферах обществознания. Так, проблема понимания как основополагающее звено в герменевтическом учении является сейчас одной из активно разрабатываемых проблем в социальной и аналитической философии [1; 19; 72; 114; 124; 136; 173; 370; 410; 573; 574; 643]. Герменевтический способ познания используется многими зарубежными учеными при проведении исследований в области филологии [2; 18; 225; 474; 577], психологии [89], педагогики [167], культурологи [543; 669] и других отраслей знаний [95; 624]. Научный интерес к отдельным аспектам герменевтики в настоящее время проявляют и белорусские исследователи [138; 670].

Важно отметить, что философская герменевтика взаимодействует не только с феноменологией. Современной философской герменевтике свойственна конвергенция и с другими формами философствования. Так, в последнее время обосновывается возможность расширения герменевтической теории за счет концептуального аппарата аналитической философии (например, понятий конвенции, референции) [136, с. 304–305].

Опыт философской герменевтики и феноменологии представляет интерес для юридической деятельности, поскольку эта деятельность является по своему характеру познавательной. На это обстоятельство обращают внимание некоторые философы и правоведы, посвятившие диссертационные исследования юридической герменевтике [296; 460; 487]. А.И. Овчинников даже сделал вывод о том, что «юридическая герменевтика является самостоятельным видом правопонимания и может быть положена в основу правовой доктрины российского общества…» [460, с. 11]. Обобщение весьма мощное и, видимо, обусловлено порывом соискателя к поставленной им научной цели. Однако о юридической герменевтике можно говорить с большой долей условности, учитывая лишь правовую специфику познавательного процесса. В современной науке нет оснований придавать юридической герменевтике характер автономной герменевтической дисциплины, возводить ее в сан самостоятельного вида правопонимания. Философская герменевтика, синтезировав в себе достижения отдельных герменевтических дисциплин и обобщения отдельных философов-герменевтов и феноменологов, приобрела универсальный характер и может быть использована в любой познавательной деятельности, в том числе и в юриспруденции. Так, филологическая герменевтика дала правоведению важный прием толкования уголовного закона (лингвистическое (текстовое) толкование). В рамках исторической герменевтики выработан способ толкования, позволяющий интерпретировать юридический текст в исто-

рическом контексте. Кроме того, не следует забывать, что многие герменевтические методы и процедуры познания возникли и сформировались в рамках специальных герменевтик. Например, метод герменевтического круга (важный для задач, стоящих перед юриспруденции) был разработан в недрах теологической герменевтики. Х.-Г. Гадамер герменевтическую проблему видел в единстве, в котором «юрист и теолог встречаются с филологом» [116, с. 388].

Разработанные философской герменевтикой познавательные процедуры «понимание – интерпретация – аппликация» в основном сориентированы на текст как на языковое выражение онтологически осмысленного опыта. Однако в XX в. понятие «текст» некоторые философы-герменевты стали рассматривать широко, придав ему роль философской концепты. Так, русский философ М.М. Бахтин в своих текстологических исследованиях поступок или умолчание человека стал интерпретировать как «текст» [56, с. 9–68]. К концу XX в. в философии текстом стали признавать «любые осмысленные целостные знаково-символические системы, способные хранить и передавать информацию» [529, с. 576]. В современной философии в рамках дискурсивного анализа понятие «текст» еще более расширяется. Понимание рассматривают в рамках различных отношений: «текст – реальность, текст – смысл, текст – образ, текст – человек» [114, с. 16], текст как виртуальный Я-образ в интернете [582, с. 8] и др.

Идея феноменологии об интенциональном отношении нашего сознания к окружающей действительности расширяет герменевтическое поле и позволяет рассматривать герменевтические процедуры и методы не только применительно к пониманию и интерпретации текста закона, но и к установлению юридического смысла происшедших событий.

Таким образом, даже краткий обзор основных положений философской герменевтики и феноменологии показывает, насколько важен ее опыт в познавательном процессе.

В литературе, посвященной специальным исследованиям герменевтики и феноменологии, нет единообразного подхода к методологическому статусу понятийно-категорийного аппарата, разработанного указанными направлениями философии. Познавательные процедуры, приемы и способы понимания и интерпретирования обозначаются различными названиями методологического свойства. Некоторые авторы, анализируя отдельные философские направления, используют термин «герменевтический метод» [487, с. 11; 641, с. 186] или «феноменологический метод» [407, с. 277]. Другие, учитывая синтез герменевтики и феноменологии, используют обобщенные термины: «герменевтическая методология» [296, с. 15; 546, с. 34], «герменевтический методологический стандарт» [529, с. 110], «герменевтический подход» [657, с. 327],

«феноменологически-герменевтическая методология» [9, с. 57] , «методологический аппарат герменевтической феноменологии» [249, с. 204]. Такого рода терминологические обозначения с разными методологическими акцентами обусловлены отсутствием среди ученых единства в понимании терминов «методология» и «метод».

В философии методологию понимают, например, как философию в целом [21, с. 291–292], учение о способах организации и построения теоретической и практической деятельности человека [82, с. 499; 407, с. 628], «систему принципов и способов организации и построения практической и теоретической действительности, а также учение об этой системе» [627, с. 365], «тип рационально-рефлексивного сознания, направленный на изучение, совершенствование и конструирование методов» [406, с. 553].

Разную интерпретацию имеет и понятие научного метода. Под научным методом в философской литературе понимают: теорию или учение [628, с. 358], путь познания или решения какой-либо задачи [384, с. 18], способ построения и обоснования системы философского знания [627, с. 364], способ достижения цели (какого-либо результата), совокупность приемов и операций теоретического и практического освоения действительности [407, с. 628], систему регулятивных принципов и приемов, с помощью которых достигается объективное познание действительности [674, с. 398].

Разнообразный спектр мнений в понимании метода наблюдается и среди правоведов. В современной юридической литературе по общей теории права метод определяют как прием изучения реальной действительности и получения о ней объективных знаний [306, с. 15], как прием (способ), операцию, направленные на познание правовых явлений [270, с. 7–9; 456, с. 26], как совокупность общефилософских, общенаучных и частнонаучных приемов и способов изучения права [смоленский], как способ выполнения научной задачи [567, с. 12], как средства и способы получения объективных, достоверных, обоснованных, проверяемых знаний о праве [565, с. 12], как системную совокупность приемов и способов исследования общих закономерностей и возникновения, функционирования права [149, с. 10] и др.

Авторы, исследовавшие методологический инструментарий современных наук, совершенно обоснованно обращают внимание на необходимость и важность отграничения методологии от метода. Методология и метод – это неодинаковые по своей природе компоненты научного знания. Методология в точном значении этого слова представляет собой учение о методах, особую науку, ставящую своей непосредственной задачей разработку и совершенствование системы методов научного познания и (или) иных компонентов познавательной деятельности [554, с. 361].

Однако в юридической науке методологию рассматривают как достаточно сложное образование. Эти представления о методологии сформулированы в рамках философии права, функциональное предназначение которой заключается в обеспечении не только общей теории права, но и любой отраслевой юридической науки гносеологическим инструментарием. Известный исследователь методологических проблем правоведения Д.А. Керимов рассматривает методологию права как интегральное явление, как «общенаучный феномен, объединяющий всю совокупность принципов, средств и методов познания (мировоззрение, философские методы познания и учения о них, обще- и частнонаучные понятия и методы), выработанных всеми общественными науками, в том числе и комплексом юридических наук, и применяемых в процессе познания специфики правовой действительности, ее практического преобразования» [195, с. 88]. В методологию в этом случае включаются все методологические компоненты (процедуры, методы и т. д.), взятые в их системе и взаимодействии, учение об этих компонентах, мировоззренческая позиция исследователя, всеобщие теоретические принципы. При этом соотношение методологии и метода рассматривается в контексте диалектического соотношения целого и части, системы и элемента, общего и отдельного [195, с. 84–85].

В рамках предложенного исследования возникает вопрос о месте герменевтически-феноменологических методов и процедур в современной методологии права. Решение этого вопроса лежит в плоскости структуры методологии права. Структура научной методологии имеет несколько уровней методологического значения. Обычно выделяют три уровня: всеобщие (философско-методологические) принципы и методы; общенаучные принципы и методы исследования (применяющиеся во всех или большинстве областей познания) и специальные (частные) методы. Некоторые авторы высказывают мнение о четырехуровневой структуре методологии права. Так, Э.Г. Юдин помимо вышеуказанных выделяет четвертый уровень методологии: методику и технику исследования, которая представляет собой «набор процедур, обеспечивающих получение единообразного и достоверного эмпирического материала и его первичную обработку, после которой он только и может включаться в массив наличного знания» [667, с. 40–44].

Первый уровень является всеобщим, базовым, поскольку в рамках философских принципов и методов формулируется универсальный категориальный аппарат, который можно применять в конкретных исследованиях с использованием общенаучных и специальных методов. Этот уровень имеет чрезвычайное значение для правовых исследований. Философия, аккумулируя в себе достижения различных областей знания, обеспечивает выход за пределы сложившейся в правоведении

системы категорий, позволяет преодолеть юридический догматизм, посмотреть дальше профессиональных установок и представлений.

В структуре указанных методологических средств герменевтически-феноменологические принципы и методы имеют общефилософский характер и могут находить эффективное применение в различных областях научного познания. Представляется, что в контексте структуры методологии права нет оснований выделять в качестве самостоятельной методологии герменевтическую методологию. В методологическом плане на всеобщем уровне это создаст противоречие с методологическими средствами, сформулированными в иных формах (направлениях) философии.

Вместе с тем в науке при объяснении некоторых познавательных средств достаточно часто используют понятие методологического подхода. Следует заметить, что на общенаучном уровне это определение стало достаточно распространенным. Например, часто говорят о системном подходе [69, с. 74]. В литературе высказано мнение, что под методологическим подходом следует понимать самостоятельный методологический компонент, равный среди других средств и приемов научного анализа [57, с. 51]. Думается, что набор тех принципов, способов и процедур познания, которые синтезированы философской герменевтикой и феноменологией могут быть обозначены рамками методологического подхода и быть представлены как самостоятельная часть методологии философии права, которая имеет равнозначное значение в системе иных философских составляющих методологии права.

Таким образом, герменевтически-феноменологичекий подход в философии права можно рассматривать как структурный компонент методологии философии права, представляющий собой набор принципов, приемов, способов и процедур познания правовой реальности.

В последних исследованиях по философии права отмечается, что правовая реальность во всем многообразии ее проявлений может быть представлена как текст и может быть предметом понимания. Так, И.П. Малинова отмечает, что с позиции герменевтики можно говорить о двух основных подходах к тексту: «текст это только знаковая система; свойствами текста наделена вся социальная (в том числе и правовая) реальность» [296, с. 40]. По ее мнению, «вся совокупность правовых явлений обладает свойствами текста – прежде всего потому, что каждое явление, происходящее в сфере права, входящее в его компетенцию, обладает смыслом» [296, с. 40]. Однако правовую реальность И.П. Малинова рассматривает лишь в аспекте философии правотворчества [296, с. 41–45].

В современной юриспруденции идеи герменевтики в основном используются в весьма узкой сфере: в контексте общетеоретической про-

блемы юридического толкования правовых норм. Так, известный ученый в сфере общей теории права С.С. Алексеев рассматривает юридическую герменевтику только как «науку и искусство толкования юридических терминов и понятий…» [13, с. 130]. Д.А. Гаврилов философскую геменевтику использует при толковании правовой нормы [113]. Следует заметить, что в указанном контексте рассматривают идеи герменевтики и современные учебники по философии права [170, с, 162–165; 181, с. 306–311].

Однако специальные исследования некоторых специалистов в сфере общей теории права и философии права показывают, что герменевтика может претендовать на выполнение более важных методологических задач. Например, А.И. Овчинников рассматривает юридическую герменевтику в качестве интегрирующего типа правопонимания и придает ей значение парадигмы правового мышления [460, с. 10–13, 31].

В последнее время к герменевтическим процедурам стали проявлять интерес и в науках криминального цикла. Так, В.В. Суслов на основе достижений феноменологии обозначил значение герменевтического интерпретирования при проведении некоторых следственных действий [552, с. 115–118]. О.В. Пычева рассматривает вопросы герменевтической структуры понимания уголовного закона как процесса взаимодействия интерпретатора с текстом [505]. В первом томе полного курса уголовного права, подготовленного весьма известным составом российской профессуры, впервые в истории издания подобного рода учебной литературы выделен отдельный параграф «Герменевтика и уголовный закон» [491, с. 241–250].

Таким образом, философская герменевтика и феноменология, сконцентрировав в себе достижения исторически сложившихся герменевтических дисциплин и отдельных научных представлений философов, создала понятийно-категорийный аппарат, который может быть использован в любой сфере познавательной деятельности. Он может быть применен и для совершенствования методологического инструментария квалификации преступления.

2.3. Категория «понимание» и ее роль в процессе квалификации преступления

Начало теоретического осмысления проблемы понимания положил немецкий теолог и философ Ф. Шлейермахер. Сущность его герменевтики выражают как искусство понимания чужой индивидуальности, другого выражения воплощенной индивидуальности [658, с. 156–172]. Новый аспект теория понимания получает в философии немецкого философа В. Дильтея, который развивал герменевтику как методологиче-

скую основу гуманитарного знания. В его философии категория «понимание» является ключевой. В. Дильтей считал, что духовная жизнь должна постигаться непосредственно и понимание в этом случае выступает как непосредственное проникновение в жизнь. Понимание собственного духа, собственного внутреннего мира достигается с помощью интроекции, в процессе самонаблюдения. Понимание чужого мира следует достигать путем «вживания», «сопереживания», «вчувствования» [148]. Феноменолог Э. Гуссерль представлял понимание как постижение смыслов, которое достигается в результате анализа феноменов [140, с. 626–743]. Радикальное переосмысление категории «понимание» было осуществлено М. Хайдеггером. Понимание в его онтологической концепции – это не методологическая процедура познания социальных явлений, но способ, которым конституировано человеческое бытие в целом. М. Хайдеггер исследует язык как исторический горизонт понимания, в результате чего герменевтика из искусства толкования исторических текстов становится «свершением бытия», а понимание – бытийной определенностью, специфически человеческим способом существования. Он разработал важный познавательный прием – «герменевтический треугольник», позволяющий интерпретировать временной интервал. Понимание, по его мнению, – это экзистенциал, т. е. личное бытие интерпретатора, обладающее темпоральностью и ограниченное рамками времени. Интерпретатору предстоит преодолеть настоящее время, перенестись в духовную атмосферу времени написания текста, мыслить не в собственных, характерных для его времени понятиях, а в понятиях эпохи текста. Интервал времени герменевтика рассматривает как позитивную и продуктивную возможность понимания в двух аспектах. С одной стороны, подлинное, объективное понимание, исследование объекта возможно лишь с отмиранием актуальных для времени написания текста или события. Герменевтика утверждает, что чем шире обозрим исторический процесс, т. е. чем больше временной интервал, тем меньше остается места для современных мнений по поводу предмета рассмотрения – текста, события, исторического факта. Эти отношения события и интервала демонстрирует треугольник, в котором основанием являются события, вершиной интерпретатор, а перпендикуляром – интервал времени, поэтому можно полагать, что субъективность интерпретатора сокращается по мере увеличения отрезка времени, отделяющего интерпретатора от изучаемого события.

Особую трактовку пониманию придал Х.-Г. Гадамер – это «процесс слияния горизонта, задаваемого интерпретируемым текстом, и горизонта, привносимого интерпретатором» [116, с. 362–363]. При этом

интерпретатор должен подходить к тексту как историк, который всегда имеет предварительное его понимание [116, с. 322–323].

В современной герменевтике понимание с методологической точки зрения рассматривается как философская категория в достаточно широком спектре: в контексте вопросов структуры научного познания, методологического анализа предпосылок познания и определения стандартов и норм научного познания, эволюции и роста научных понятий, проблематики времени, процессов смыслообразования и т. д.

Многоплановость проблемы понимания порождает вопрос о природе понимания. Среди философов до сих пор нет единого мнения о сущности понимания, обнаруживается многозначность в его определении. Так, И. Дж. Ли выделял множество значений термина понимание: способность прогнозировать, способность дать словесный эквивалент, согласование проблем деятельности, решение проблем и др. [89, с. 130].

Разработанная философской герменевтикой процедура «понимание» в основном сориентирована на текст как на языковое выражение онтологически осмысленного опыта. Однако к концу XX в. в философии текстом стали признавать «любые осмысленные целостные знаково-символические системы, способные хранить и передавать информацию» [529, с. 576]. В современной философии в рамках дискурсивного анализа понятие «текст» еще более расширяется. Выше были обозначены основные общетеоретические подходы к содержанию правовой реальности и отмечено, что она во всем многообразии ее проявлений может быть представлена как текст. И в этом смысле правовая реальность становится предметом понимания.

В контексте квалификации преступления герменевтическую процедуру «понимание» есть основания рассматривать в двух аспектах: понимание фактических обстоятельств дела как обстоятельств, имеющих уголовно-правовое значение, и понимание смысла уголовно-правовой нормы.

Понимание существует как процесс и как итог этого процесса. Предпосылкой понимания являются физико-химические процессы, протекающие в мозге человека, которые связаны с отражением предметов и явлений окружающего мира, а также связей между ними. Данные процессы порождают мышление как способность познания объективной действительности. Эта способность непосредственно связана с уровнем интеллекта и сознания индивида, который называют ментальностью. Среди философов и правоведов нет единства в определении ментального процесса понимания. Д.М. Армстронг отмечал: «Ментальные состояния являются такими состояниями человека, которые определяются единственно в терминах казуальных отношений объектов или ситуаций, вызывающих данные состояния, с физическим пове-

дением, которое конституирует их „выражение“, подобно тому, как гены определяются исключительно в терминах своих казуальных отношений к наследственным характеристикам, которые можно считать „выражением“ генов» [26, с. 122]. И.П. Малинова, рассматривая ментальный процесс понимания в контексте правового менталитета, связывает его с правосознанием [296, с. 40–41] . О.В. Пычева определяет ментальность процесса понимания как раскрытие сущности предметов и явлений действительности [504, с. 13]. Столь разные подходы, видимо, следует объяснять отсутствием четкости лингвистического понимания терминов «менталитет» и «ментальность». Представляется, что процесс понимания как проявление ментальности выражается в наличии у индивида устойчивой совокупности психологических свойств и качеств, позволяющих воспринимать окружающий мир определенным образом.

Понимание существует как индивидуальная реализация познавательных возможностей личности. Способность понимать действительность, в том числе правовую действительность, лежит в основе существования человеческого сознания. Но смысл явлений постигается человеком посредством социального опыта. В контексте квалификации преступления сущность происшедших событий и смысл нормы, которая может быть применена к конкретному случаю, постигаются не только на основе социального опыта, но и существующих в сознании лица, ведущего уголовный процесс, юридических представлений об уголовном праве и знании системы уголовно-правовых норм. При этом в процессе понимания должностное лицо, ведущее уголовный процесс, и иные лица не просто копируют в своем мышлении социально-правовую реальность, а конструируют ее. В этом смысле социальные значения и смыслы реализуются и существуют только в процессе следственно-судебной практики.

Таким образом, процесс понимания в контексте квалификации преступления надо рассматривать в трех аспектах: физиологическом, ментальном и социально-правовом.

Следует отметить, что понимание происшедших событий во многом зависит от специфики проведения соответствующих следственных действий. Например, при проведении допроса понимание имеет своим основанием структуру вопросов-ответов (в философском смысле – оно имеет диалогическую форму). При проведении допроса осуществляется встречное движение смысловых проекций: понимание, например, свидетелем произошедшего события и понимание следователем юридического значения этого события.

Установление фактических данных позволяет понять психическую деятельность лица, совершившего преступление, т. е. те психические

составляющие, которые имеют правовое значение и лежат в основе субъективного вменения (вина, мотив, цель, эмоции).

Определение фактических обстоятельств дела обусловлено пониманием смысла уголовно-правовой нормы. В противном случае уполномоченное на осуществление квалификации преступления лицо не сможет определить, какие фактические данные имеют уголовно-правовое значение и какая норма подлежит применению в конкретном случае. В аспекте квалификации преступления уполномоченное лицо постигает смысл уголовно-правовой нормы с точки зрения конкретного события преступления.

Уяснение смысла текста уголовно-правовой нормы предполагает различные типы его понимания. А.А. Вавилова рассматривает понимание текста закона на двух уровнях: знаковом и когнитивном. Понимание на знаковом уровне означает, что лицо понимает, как соотносятся между собой использованные знаки. На данном уровне можно достичь однозначности в понимании текста, устранив семантические несоответствия и противоречия, двусмысленные синтаксические конструкции и т. д. В этом случае большой эффект может дать применение лингвистического анализа текста. На когнитивном уровне понимание означает не только владение знаковой системой, но и соотнесение этой системы с реальностью. Достичь понимания на таком уровне намного сложнее. Когнитивное понимание не может быть достигнуто чисто лингвистическими средствами. Ясность текста в этом аспекте – это не характеристика текста, а характеристика текста с реальностью. Норма может быть понята в одной ситуации и неясна в другой [94, с. 133].

В понимании смысла уголовно-правовой нормы приобретает важное методологическое значение опыт философской герменевтики по изучению, «пред-мнения», «пред-суждения». Х.-Г. Гадамер отмечал: «Чтобы точно установить нормативное содержание закона требуется историческое познание первоначального смысла, и лишь ради этого последнего толкователь-юрист принимает в расчет историческое значение, сообщаемое закону самим законодательным актом…» [116, с. 385–386].

На ранних стадиях досудебного производства «пред-суждение» может выполнять функцию предварительного решения. Правоведы, исследовавшие общие вопросы теории квалификации преступления, совершенно обоснованно отмечают, что на стадии возбуждения уголовного дела квалификация преступления носит предварительный, ориентировочный характер [242, с. 197–201; 386, с. 21]. Восприятие и понимание следователем первоначально полученных данных на стадии возбуждения уголовного дела позволяют ему сделать прогноз: сформулировать версию квалификации преступления.

Процессу понимания способствует важный познавательный прием – герменевтический круг. Метод герменевтического круга разработал Ф. Шлейермахер. Его суть заключается в том, что понимание части (например, отдельного слова) невозможно без понимания целого (того предложения, в которое это слово входит), но понимание целого, в свою очередь, предполагает понимание частей. Идею Ф. Шлейермахера о герменевтическом круге развили М. Хайдеггер и Х.-Г. Гадамер. Для того чтобы понимать нечто, необходимо это нечто как-то истолковать, а для того чтобы истолковать, необходимо уже как-то понять это. И в этом смысле, по утверждению М. Хайдеггера, понимание имеет «экзистенциональную круговую структуру». При этом герменевтический круг не имеет никакого отношения к порочному логическому кругу. Он рассматривал герменевтический круг как онтологическую структуру. Для того чтобы получить представление о целом (например, о правопорядке), необходимо постичь верное направление (часть) и наоборот. Герменевтический круг – это не ошибка в аргументации, а описание структуры понимания. По мнению М. Хайдеггера, «выполнение основных условий возможного толкования лежит в том, чтобы прежде всего не ошибиться в отношении сущностных условий его проведения. Решающе не выйти из круга, а правильным образом войти в него» [631, с. 153].

Х.-Г. Гадамер, раскрывая содержание герменевтического круга, отметил: «Тот, кто хочет понять текст, постоянно осуществляет набрасывание смысла. Как только в тексте начинает проясняться какой-то смысл, он делает предварительный набросок смысла всего текста в целом. Но этот первый смысл проясняется, в свою очередь, лишь потому, что мы с самого начала читаем текст, ожидая найти в нем тот или иной определенный смысл. Понимание того, что содержится в тексте, и заключается в разработке такого предварительного наброска, который, разумеется, подвергается постоянному пересмотру при дальнейшем углублении в смысл текста» [116, с. 385–386].

Таким образом, проблема понимания в процессе квалификации преступления выходит за рамки науки уголовного права и уголовного процесса, уходя своими корнями в философскую герменевтику и феноменологию. В правовом смысле феномен понимания следует рассматривать не только как проблему понимания смысла текста закона. Современная философская герменевтика расширяет пространство понимания, позволяя, в качестве объекта понимания рассматривать как всю правовую реальность, так и отдельные ее компоненты. Понимание в процессе квалификации преступления – это познавательная процедура постижения смысла правовой ситуации. Оно включает в себя восприятие важных прежде всего для квалификации преступления компонентов правовой реальности: фактических обстоятельств дела как об-

стоятельств, имеющих уголовно-правовое значение, и смысла уголовно-правовой нормы. Но в рамках герменевтической парадигмы познания процесс понимания имеет круговую структуру. Смысл нормы УК может быть выяснен лишь в соотношении с конкретной правовой ситуацией. Вместе с тем возникнувшая правовая ситуация может быть воспринята и понята лишь с помощью нормы УК и иных компонентов правовой реальности (принципов, правосознания, правоположений судебной практики и т. д.). Квалификатор, вовлеченный непосредственно в правовую ситуацию, формирует решение об оценке содеянного, двигаясь по герменевтическому кругу, в котором частью является учиненное деяние, а целым – правовая ситуация.

Понимание в процессе квалификации преступления носит профессионально-практический характер и представляет собой особый вид интеллектуальной деятельности по осмыслению в условиях правовой реальности происшедшего события и уголовно-правовой нормы, распространяющей свое действие на это событие. В правоприменительном аспекте понимание есть умение «агента правосудия» действовать соответственно существующей правовой ситуации. Понимание здесь выражает герменевтическое отношение лица, владеющего нормами уголовного права, к совершенному преступлению [341, с. 111–112].

2.4. Феномен интерпретации и его значимость для квалификации преступления

Понимание неразрывно связано с интерпретацией (истолкованием). Авторитетный представитель герменевтики Х.-Г. Гадамер рассматривал интерпретацию не как отдельный акт, дополняющий понимание, а как «эксплицитную форму понимания» [116, с. 364].

Интерпретация (лат. interpretation – толкование, разъяснение) означает истолкование, разъяснение смысла чего-нибудь, объясняя [160, с. 875]. Феномен интерпретации присутствует на всех уровнях познавательной деятельности, начиная от восприятия и заканчивая сложными теоретическими построениями. В гуманитарных и общественных науках понятие интерпретации употребляется в значении, близком к понятию понимания, в котором стремятся выразить специфику гуманитарного и культурологического познания, направленного на постижение (расшифровку) смысла, воплощенного в различных текстах и вообще артефактах культуры [405, с. 134].

Проблема интерпретации и понимания является одной из активно разрабатываемых в философии. Современные философские исследования позволяют несколько в ином ракурсе посмотреть на отдельные познавательные приемы, которые ранее рассматривались как аксиома.

Например, критическое переосмысление классической парадигмы познания в современной философии показывают методологические проблемы в теории отражения [370; 371].

Феномен интерпретации лежит в основе герменевтической парадигмы познания. В древнегреческой философии герменевтика называлась искусством толкования иносказаний, многочисленных символов. В Средние века герменевтика складывалась как дисциплина, вспомогательная для богословия. В богословских школах появились различные направления в герменевтике, в рамках которых проявились разные подходы к толкованию Священного писания. Так, при буквальной интерпретации Священного писания слово как подлежащий истолкованию знак теснейшим образом связывалось с вещью. Интерпретатор, вскрывая суть вещных отношений, не мог выйти за рамки этих отношений. Иной подход имел место при аллегорической интерпретации: слово указывало, скорее, на интенции, желания, представления сообщающего, поэтому интерпретация в этом варианте была более свободной, поскольку предполагала желание сообщающего вложить в слова разные смыслы [406, с. 509]. Проблема интерпретации в богословской герменевтике обострилась в период реформации. Историк герменевтики Г. Шпет отмечал, что «протестантское истолкование должно было решительно столкнуться с католическим» [655, с. 263]. Постижение религиозного смысла в богословских интерпретациях было поставлено в зависимость от контекста. Например, лютеранский богослов Флаций выдвинул принцип – «понимать каждую частность из контекста целого, из его цели, согласовав каждую часть с остальным в строгом соответствии и отношении» [655, с. 264].

Во второй половине XIX в. в феномене интерпретации стали использоваться объясняющие методы. Ф. Шлейермахер стал рассматривать тексты как «застывшую речь», объективированную вовне. Отсюда он делает следующий вывод: если тексты – застывшая речь, то метод их исследования должен быть диалогическим. При этом застывшая речь имеет объективную и субъективную стороны. Объективная сторона речи (факт языка) есть предмет грамматической интерпретации. Здесь мы выясняем отношение к объективно существующему языку, а субъективная сторона памятника (факт мышления) исследуется при помощи психологической интерпретации. Понимание в этом случае обеспечивается взаимобытием этих двух моментов. Здесь грамматическая и психологическая интерпретации полностью равнозначны, дополняют друг друга, что не мешает преобладанию одной из сторон над другой в конкретных случаях. Ф. Шлейермахер сформулировал важный принцип «лучшего понимания»: цель герменевтики – понять текст и его автора лучше, чем тот сам понимал себя и свое собственное тво-

рение. Герменевтические правила толкования, применяемые богословами при разъяснении религиозных текстов, были положены Ф. Шлейермахером в основу формирования важного познавательного приема – герменевтического круга.

В противовес Ф. Шлейермахеру В. Дильтей считал, что герменевтике не следует ограничиваться интерпретацией литературных, юридических и религиозных текстов, она должна трансформировать себя в фундаментальную науку о методологии интерпретации вообще. Понимание, по В. Дильтею, не сводится к процедуре мысли, оно предстает как истолкование, интерпретация проявлений жизни, языка, культуры. Согласно его теории интерпретация – это постижение смысла, заложенного в текст автором, а понимание представляет собой проникновение в духовный мир автора.

Немецкий философ М. Хайдеггер рассматривал феномен интерпретации в онтологической плоскости. Он постулирует интерпретацию текстов как способ «опрашивания» бытия. Интерпретация (толкование), по его мнению, лежит в основе формирования понимания. Всякое толкование основано в понимании. Расчлененное в толковании как таковое и вообще преднамеченное в понимании как членимое есть смысл. Поскольку высказывание (суждение) основано в понимании и представляет производную форму осуществления толкования, оно тоже имеет смысл [631, с. 153]. М. Хайдеггер, анализируя проблематику исторической герменевтики, исследовал язык как исторический горизонт понимания, в результате чего герменевтика из искусства толкования текстов стала «свершением бытия» (в языке говорит «само бытие»), а понимание - специфическим способом существования человека [631, с. 160–167].

Х.-Г. Гадамер, рассматривавший интерпретацию как эксплицитную форму понимания, т. е. понимание всегда является истолкованием, отмечал: «Единство понимания и истолкования подтверждается как раз тем, что истолкование, которое развертывает смысловые импликации текста и дает им отчетливое языковое выражение, кажется по отношению к уже данному тексту новым творчеством и, тем не менее, не претендует на самостоятельное по отношению к пониманию бытие» [116, с. 547]. Понимание, по мнению Х.-Г. Гадамера, – это процесс слияния горизонта, задаваемого интерпретируемым текстом, и горизонта, привносимого интерпретатором [116, с. 362–363].

Развитие идей о герменевтическом интерпретировании тесно взаимодействовало с идеями феноменологии. Основоположник феноменологии Э. Гуссерль рассматривал интерпретативную деятельность в контексте интенционального отношения. Феноменам сознания он приписывал имманентную предметность, в соответствии с которой мир

конструируется в нашем сознании. Любая реальность обретает существование через «наделение смыслом», а любые реальные единства являются «единствами смысла», которые предполагают существование наделяющего смыслом сознания. Человеческое бытие есть бытие осознанное, всегда осмысленное, проинтерпретированное [140, с. 626–743]. Использование в герменевтике феноменологического метода вывело ее на совершенно другой уровень познания. Так, последователь Э. Гуссерля П. Рикёр рассматривал интерпретацию как работу мышления, состоящую в расшифровке глубинного смысла, скрывающегося за очевидным, буквальным смыслом. Интерпретацию он представлял как понимание смысла, который является неявным. Этот процесс можно рассматривать как порождение смысла. Расшифровка смысла может порождать множественность интерпретаций. П. Рикёр отмечал, что множественность и даже конфликт интерпретаций, являются не недостатком, а достоинством понимания, выражающего суть интерпретации [509, с. 42–44, 103, 394–399]. Оригинальна трактовка интерпретации русским философом Г.Г. Шпетом. Оппонируя Ф. Шлейермахеру, он отмечал: «…истолкование начинается как раз с того момента, где кончается понимание, где непосредственного понимания не хватает, где его недостаточно, что источником интерпретации, другими словами, является именно не-понимание» [656, с. 318].

Разработанная философской герменевтикой и феноменологией познавательная процедура «интерпретация» в основном сориентирована на текст как на языковое выражение онтологически осмысленного опыта. Однако к концу XX в. в специальной литературе текстом стали признавать «любые осмысленные целостные знаково-символические системы, способные хранить и передавать информацию» [529, с. 576], а метод интерпретации стали рассматривать и как истолкование, разъяснение смысла события [158, с. 254].

В теории права интерпретацию (толкование) включают в правовую реальность (в широком смысле ее понимания). Вместе с тем интерпретация является способом познания правовой реальности, как одной из составляющих окружающей действительности. При квалификации преступления интерпретацию мы трактуем в узком смысле, в контексте правоприменения: установления соответствия реального события признакам преступления, вид которого описан в уголовно-правовой норме.

Интерпретативную деятельность лица, осуществляющего квалификацию преступления, есть основания рассматривать в двух аспектах: истолкование фактических обстоятельств дела как данных, имеющих уголовно-правовое значение, и толкование уголовно-правовой нормы.

В первом указанном аспекте значимо то, что преступление непосредственно не обнаруживается перед лицом, осуществляющим ква-

лификацию. Однако через символизм, знаковые объективации, «символические универсумы», впитавшие различные области значений и задающие предметные смыслы, квалификатор может восстановить картину преступления. Уяснение обстоятельств, характеризующих реальное событие, предполагает истолкование конкретных данных. Эти данные становятся фактами, имеющими уголовно-правовое значение, лишь вследствие правовой интерпретации. В.В. Суслов, опираясь на исследования П. Рикёра, делает вывод о том, что следователь при проведении, например, осмотра места происшествия имеет дело не с предметами, а их символами. Обыденные бытовые предметы в ходе осмотра в связи с совершенным преступлением приобретают «косвенный, иносказательный смысл, становятся символами, модальность которых нуждается в декодировании, интерпретации» [552, с. 115–118].

Если рассматривать природу символа в рациональном аспекте, то символ содержит в себе данные о предмете, которые были выведены логическим путем при обработке чувственных впечатлений. Символ можно представить как форму, в которой человеческий разум преобразует проявления внешнего мира. В процессе квалификации преступления лицо, ведущее уголовный процесс, интерпретирует соответствующие символы, рассматривает их как возможные источники доказательств и, таким образом, устанавливает, как говорят философы, интерпретированное бытие. В этом смысле познавательная деятельность уполномоченного лица всегда выводит его на проблемное поле герменевтики. Само лицо, ведущее уголовный процесс, предстает не неким отражающим субъектом, а человеком, познающим, понимающим и интерпретирующим имеющиеся фактические данные, которые он должен оценить как познающий субъект. При этом правоприменитель, проводя соответствующее процессуальное действие, должен понять и истолковать имеющиеся фактические данные с точки зрения требований об относимости доказательств.

Определение круга фактических обстоятельств дела обусловлено толкованием смысла уголовно-правовой нормы. В противном случае лицо, осуществляющее квалификацию преступления, не сможет определить, какие фактические данные имеют уголовно-правовое значение и какая норма подлежит применению в конкретном случае. В аспекте квалификации преступления уполномоченное лицо постигает смысл уголовно-правовой нормы и в целом возникшую правовую ситуацию с точки зрения конкретного события преступления.

В герменевтической традиции процесс интерпретации любого текста связан с реконструированием исходного авторского замысла. Следует заметить, что философская герменевтика терпимо относится к множественности результатов интерпретации. Этот важный для про-

цесса познания момент не совсем согласуется с задачами и целями юридического толкования. В теории права толкование правовой нормы рассматривают как познавательную деятельность, направленную на раскрытие смыслового содержания правовой нормы [64, с. 16; 87, с. 105; 270, с. 271; 654, с. 84]. И поскольку в юриспруденции под «авторским замыслом» мы имеем в виду волю законодателя, то толкование правовой нормы есть ничто иное, как уяснение смысла законодательной воли. Применительно к уголовно-правовой норме толкование направлено на уяснение смысла воли законодателя по поводу поведения, которое является уголовно-противоправным. Но толкование всегда имеет дискурсивный, логически опосредованный характер и связано с манипулированием смыслами, которое далеко не всегда совпадает с внутренним текстом. Вариативность интерпретаций одной и той же уголовно-правовой нормы, как правило, порождают существенные разногласия (конфликт) в понимании смысла нормы.

К сожалению, понятийно-категорийный аппарат, используемый в некоторых уголовно-правовых нормах, создает предпосылки для конфликта интерпретаций. Например, использование в нормах уголовного закона оценочных признаков объективно влечет неоднозначность в их понимании следственной и судебной практикой. Лексическая полисемия, имеющая место во многих уголовно-правовых нормах, также неизбежно порождает текстуальную (смысловую) полисемию.

Толкование уголовно-правовой нормы в процессе квалификации преступления является казуальным. Но при решении вопроса о применении нормы к отдельному случаю на принятие решения уполномоченным лицом оказывают влияние официальные толкования, которые иногда противоречат друг другу.

В юриспруденции уже выработаны определенные приемы, позволяющие разрешать конфликт правовых интерпретаций. Одним из таких приемов является соподчиненность нормативных правовых актов по их юридической силе. Например, после вступления в силу УК Республики Беларусь 1999 г. в судебной практике возникли существенные разногласия по вопросу о моменте юридического окончания незаконной добычи рыбы или водных животных (ст. 281). Одни суды определяли данное преступление оконченным с момента фактического завладения рыбой, т. е. с момента ее изъятия из естественного природного состояния в процессе незаконного лова или убоя. Другие суды момент окончания браконьерства интерпретировали по-иному: преступление признавали оконченным с момента начала добычи независимо от того, была ли фактически добыта рыба. Причиной такого разнобоя в квалификации являлся крайне неудачный термин, использованный законо-

дателем в описании этого вида преступления, – «незаконная добыча» [310; 317]. В целях единообразного применения уголовного закона Пленум Верховного суда Республики Беларусь 18 декабря 2003 г. принял постановление № 13 «О применении судами законодательства об ответственности за правонарушения против экологической безопасности и природной среды», в п. 10 которого разъяснил, что под незаконной добычей рыбы или водных животных понимаются действия, направленные на фактическое завладение рыбой или водными животными, независимо от наступившего результата. В соответствии с таким пониманием незаконной добычи в указанном постановлении и определялся момент окончания браконьерства: незаконная добыча рыбы или водных животных будет оконченной с момента совершения действий, направленных на непосредственное завладение рыбой или водным животным, независимо от того, были ли они фактически добыты. Однако в утвержденных позднее указом Президента Республики Беларусь от 8 декабря 2005 г. № 580 Правилах ведения рыболовного хозяйства и рыболовства добыча рыбы была определена как «изъятие рыбы из среды ее обитания без сохранения ее жизни». В соответствии со ст. 10 закона Республики Беларусь от 10 января 2000 г. № 361-З «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» указ имеет большую юридическую силу по отношению к постановлению Пленума Верховного суда Республики Беларусь. Таким образом, определение добычи рыбы в Правилах ведения рыболовного хозяйства и рыболовства дает основание интерпретировать момент окончания этого преступления по-иному: незаконная добыча рыбы или других водных животных должна признаваться юридически оконченной с момента изъятия (вылова) соответствующего водного животного из среды его обитания. Действия, направленные на добычу рыбы или других водных животных, должны квалифицироваться как покушение на преступление.

В определенных случаях существующий конфликт интерпретаций разрешается аутентичным толкованием нормы уголовного закона. Так произошло с толкованием термина «доход» в рамках уголовно-правовой оценки незаконной предпринимательской деятельности. С момента введения ответственности за незаконную предпринимательскую деятельность в практике сразу обозначились разные квалификационные подходы определения размера дохода: в одних случаях органы, ведущие уголовный процесс, доходом признавали разницу между полученной выручкой и расходами, в других – всю фактически полученную сумму выручки без учета затрат на ее получение. Первый подход основывался на специфическом понимании дохода в налоговом законода-

тельстве. Но в постановлениях высшей судебной инстанции по этому вопросу был закреплен второй названный подход [447; 448]. Впоследствии этот вопрос стал предметом конституционного судопроизводства. Конституционный с уд Республики Беларусь в своем решении от 12 ноября 2002 г. № Р-151/2002 «Об определении понятия „доход“ для целей квалификации незаконной предпринимательской деятельности при привлечении к уголовной ответственности» отметил, что в целях формирования единой и основанной на законе судебной практики необходимо дать определение понятию «доход» непосредственно в УК либо определить это понятие путем дачи соответствующего толкования законодательным органом. Законодатель прореагировал на решение Конституционного суда внесением дополнения в УК Беларуси в виде примечания к ст. 233 УК [414]. При всей спорности содержания примечания к ст. 233 УК термину «доход» в уголовном законе было дано аутентичное толкование, в результате чего уголовно-правовое понятие «доход» существенно отличается от данного определения в налоговом и гражданском законодательстве. Необходимо отметить, что отдельные разъяснения высшей судебной инстанции по вопросам квалификации сходных по своему характеру преступлений формулируют разные правила квалификации. Так, в п. 20 постановления Пленума Верховного суда Республики Беларусь от 17 декабря 2002 г. № 9 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 139)» отмечено, что повторным признается и убийство, если ему предшествовало совершение преступления, составной частью которого являлось убийство (например, убийство сотрудника органов внутренних дел (ст. 362 УК)). Однако в целях правильной правовой оценки умышленного причинения тяжкого телесного повреждения Пленум Верховного суда Республики Беларусь в п. 16 постановления от 29 марта 2006 г. № 1 «О судебной практике по делам об умышленном причинении тяжкого телесного повреждения» дает совершенно иное толкование признаку повторности: «В то же время судам следует иметь в виду, что предшествующее совершение виновным иного преступления, составной частью которого являлось умышленное причинение тяжкого телесного повреждения, не может служить основанием для квалификации содеянного по ч. 3 ст. 147 УК по признаку повторности» [444]. Указанные положения показывают противоречия в судебном толковании [329].

В целом следует констатировать, что конфликт интерпретаций (толкований) правовой нормы является негативным моментом правоприменительной деятельности, порождает релятивизм. Решение проблемы конфликта правовых интерпретаций следует искать не только в упразднении причин, порождающих такого рода конфликты, которые в

основном кроются в недостатках законодательной техники при конструировании правовых норм, а в состоянии режима законности в государстве. С.С. Алексеев правильно в этом смысле отметил: «Толкование права раскрывает свое высокое юридическое предназначение и в то же время в условиях демократии, правового государства, развитой правовой культуры не выходит за рамки законности. В обстановке же тоталитарного государства, режима самовластия оно подчас является выражением юридической казуистики, манипулирования правом и правовыми категориями, а подчас и прямым, под предлогом якобы „толкования“, попранием действующего закона, в итоге – произволом и беззаконием» [13, с. 131].

Таким образом, опыт философской герменевтики и феноменологии показывает, что процедура интерпретации имеет универсальный характер и присутствует на всех уровнях познавательной деятельности. Феномен интерпретации в юриспруденции проявляется двояко. С одной стороны, интерпретация (толкование) является составной частью правовой реальности, а с другой – она является способом познания самой правовой реальности. Однако универсальный характер интерпретации позволяет ей выступать в качестве метода познания как окружающей действительности в целом, так и конкретных правовых ситуаций.

При квалификации преступления интерпретацию следует рассматривать в узком смысле, в контексте правоприменения. В процессе квалификации преступления интерпретация выражается в уяснении по конкретной правовой ситуации сути происшедшего события и смысла уголовно-правовой нормы, распространяющей действие на это событие. В познавательной деятельности лица, ведущего уголовный процесс, интерпретация выполняет атрибутивно-имманентную роль. Сущность интерпретации в процессе квалификации преступления не ограничивается только логико-методологической процедурой толкования текста уголовно-правовой нормы. Интерпретативная деятельность в процессе квалификации преступления первоначально связана с иным важным объектом – событием преступления. Истолковывая соответствующие предметные смыслы, лицо, ведущее уголовный процесс, устанавливает обстоятельства, имеющие уголовно-правовое значение.

Толкование уголовно-правовой нормы в процессе квалификации преступления является казуальным, т. е. имеющим отношение к отдельной правовой ситуации. В контексте герменевтической парадигмы познания окружающего мира толкование уголовно-правовой нормы в процессе квалификации преступления формирует понимание ее смысла и в конечном итоге интегрируется в применении нормы уголовного закона к конкретному случаю.

2.5. Применение уголовно-правовой нормы как практическая сторона понимания и интерпретации в процессе квалификации преступления

Вопрос о применении уголовно-правовой нормы при квалификации преступления во многом связан с неразрешенностью до настоящего времени проблемы о месте и содержании квалификации преступления в процессе реализации норм права. Эта проблема достаточно сложная и поэтому весьма дискуссионная в правовой литературе. Она уходит своими корнями в общетеоретическое учение о реализации (применении) правовой нормы.

В общей теории права реализация нормы публичного права рассматривается в широком смысле: не только в аспекте применения диспозиции, но и реализации санкции нормы. Однако даже та часть правоприменения, которая сориентирована на применение диспозиции нормы, трактуется в теории права по-разному.

В советское время процесс правоприменения достаточно активно исследовался правоведами в 50–60-х гг. XX в. В этот период ученые выделяли от трех до шести стадий реализации (применения) норм права [64, с. 13–14; 87, с. 105; 398, с. 222–223; 578, с. 27; 654, с. 47]. Нет четкости в определении стадий правоприменения и в современной общей теории права. В настоящее время большинство правоведов называют три стадии реализации (применения) права: установление фактических обстоятельств дела, установление юридической основы дела (выбор юридической нормы), принятие решения по делу [13, с. 119; 270, с. 266; 533, с. 206]. Некоторые авторы выделяют четвертую стадию: оформление правового акта (документальное оформление) [561, с. 185; 565, с. 239]. Ряд исследователей доводят количество стадий правоприменения до шести, выделяя в качестве самостоятельной стадии, в частности, толкование правовой нормы [103, с. 367; 149, с. 10]. Отсутствие единства по этому вопросу в общей теории права неизбежно породило множественность мнений в отраслевых правовых науках.

Специалистами в сфере уголовного права квалификация преступления рассматривается как самостоятельная часть процесса правоприменения. В теории и практике квалификации преступления применение уголовно-правовой нормы рассматривают в узком смысле этого слова как профессионально-практическую деятельность органов, ведущих уголовный процесс, которые обеспечивают применение диспозиции и (или) гипотезы уголовно-правовой нормы к конкретному случаю. При этом процесс квалификации преступления исследователи делят на определенные этапы.

Вопрос об основных этапах применения уголовного закона рассматривался правоведами еще в начале XX в. Так, П.И. Люблинский выделял четыре этапа в применении уголовного закона: установление фактического состава деяния (фиксирование тех фактов действительности, по отношению к которым требуется найти юридическое решение), ориентировка (нахождение во всей массе законодательства соответственных или подходящих к данному фактическому составу законов), критика (выяснение подлинности закона и его действия в отношении данного случая) и толкование [287, с. 60]. В рамках советской доктрины уголовного права эти вопросы уже рассматривались и в контексте содержания процесса квалификации [243, с. 209–242; 262, с. 55–60; 273, с. 11; 393, с. 45]. После распада СССР вопрос о содержании процесса квалификации преступления и количестве его этапов нашел отражение в публикациях многих российских и иных зарубежных ученых [121, с. 18–19; 171, с. 36; 186, с. 14–19; 227, с. 9–13; 254, с. 46–47; 386, с. 18; 409, с. 19–28; 507, с. 21–28; 515, с. 8–15; 558, с. 92–94; 639, с. 10–11; 662, с. 7–10]. Научные исследования показали разные подходы в определении количества этапов квалификации преступления и критериях их классификации.

Авторитетный представитель теории квалификации преступления В.Н. Кудрявцев последовательно выделял и рассматривал этапы квалификации преступления в контексте развития стадий уголовного процесса [242, с. 197–208; 243, с. 209–223; 245, с. 406–416]. Несмотря на критику этого подхода [227, с. 10; 409, с. 20–21; 507, с. 24], позиция В.Н. Кудрявцева имеет своих последователей [92, с. 13–20; 186, с. 14–20]. Оригинальной является классификация этапов процесса квалификации преступления, предложенная Б.А. Куриновым. Она основана на первоначальном выяснении типа правоотношения и последующем выявлении родовых и видовых признаков преступления [262, с. 56–60].

В последних публикациях некоторых российских ученых при классификации этапов процесса квалификации преступления предпочтение отдается выделению соответствующих этапов в ракурсе мыслительно-логической деятельности правоприменителя. Так, Н.Т. Идрисов называет два этапа квалификации преступления: «1) этап сбора информации об акте общественно опасного поведения индивида и признаках состава преступления; 2) этап принятия решений о квалификации преступления» [180, с. 10]. А.В. Корнеева выделяет три этапа квалификации преступления: предположение о том, что совершено преступление, общая версия о событии преступления; выдвижение квалификационных версий; разграничение смежных составов преступлений и выбор конкретной уголовно-правовой нормы, по которой квалифицируется деяние [227, с. 12]. В.С. Савельева определяет четыре этапа квалифи-

кации преступления: определение фактических обстоятельств, которые имеют уголовно-правовое значение; определение всех возможных конструкций составов преступлений, которые можно и нужно «примерить» к фактическим обстоятельствам дела; выявление группы всех смежных составов преступлений; выбор одного состава, который соответствует содеянному [515, с. 8–10]. Некоторые авторы усложняют рассматриваемую классификацию путем выделения отдельных стадий квалификации преступления и разделения этих стадий на соответствующие этапы [386, с. 18–32; 409, с. 23–28; 579, с. 18].

Классификации этапов процесса квалификации преступления с учетом условности любой классификации имеют право на существование с точки зрения изучения тех или иных аспектов правоприменения. Например, предложенная в литературе этапизация квалификации преступления в рамках стадий уголовного процесса позволяет понять права и обязанности органов, ведущих уголовный процесс (например, при изменении квалификации преступления).

Однако значимым, полагаем, является не столько разделение процесса квалификации на какое-то определенное количество этапов или стадий, сколько выяснение вопроса о том, что образует сущность процесса квалификации преступления и как проявляется этот процесс в практической деятельности должностного лица, ведущего уголовный процесс. Сложность этой проблемы обусловлена неоднозначным подходом в определении вопроса о месте квалификации преступления в процессе правоприменения. В.Н. Кудрявцев высказал мнение о том, что квалификация преступления, являясь частью применения уголовно-правовой нормы, выражается в выборе уголовно-правовой нормы и в закреплении этого выбора в юридическом акте [242, с. 13–14]. Такой подход согласуется с общетеоретической позицией. В настоящее время в общей теории права большинство авторов связывают правовую квалификацию с этапом реализации нормы, который именуется выбором юридической нормы. Так, С.С. Алексеев отмечает, что выбор юридических норм на основании достоверного и точного законодательного текста осуществляется главным образом путем правовой квалификации фактических обстоятельств юридического дела [13, с. 123].

При этом решение вопросов, связанных с установлением фактических обстоятельств дела и уяснением содержания уголовно-правовой нормы, многие авторы не относят к непосредственному процессу квалификации преступления. Их обозначают лишь как предпосылки (условия) квалификации преступления [67, с. 95; 242, с. 12–13; 273, с. 15]. Однако при анализе этапов квалификации преступления в теории были высказаны и иные мнения. Так, Н.Ф. Кузнецова считает, что установление события преступления предшествует самой квалификации, а

установление уголовно-правовой нормы и уяснение ее содержания относятся к первому этапу квалификации преступления [254, с. 44–46].

Многие авторы еще более расширяют пределы процесса квалификации преступления, включая в него деятельность правоприменителя по определению (выявлению, исследованию) фактических обстоятельств дела (фактических признаков совершенного деяния) [87, с. 105–112; 189, с. 9–10; 391, с. 23; 515, с. 8; 579, с. 18; 639, с. 10].

В рассматриваемом аспекте заслуживает внимания позиция тех авторов, которые относят к первому этапу квалификации преступления оценку установленных фактических данных, а сбор и процессуальное закрепление фактических обстоятельств дела рассматривают в качестве условия (предпосылки) квалификации преступления. Этот этап называют по-разному: «определение правового значения объективных и субъективных признаков, характеризующих совершенное деяние и личность виновного» [273, с. 11], «впорядкуванне фактичных обставин справи» [386, с. 23], «уяснение содержания признаков анализируемого деяния» [39, с. 56].

Выделение этапов квалификации преступления предполагает, что этот процесс является последовательно развивающимся во времени. Однако при практической реализации задач квалификации преступления довольно трудно провести грань между этими этапами. Более того, нет оснований с однозначностью утверждать, какой этап является первым. Это обстоятельство уже давно было обозначено в правовой литературе. Например, П.Е. Недбайло выразил позицию о том, что установление фактов и выбор нормы являются одновременным актом, одной и исходной стадией процесса применения правовой нормы [398, с. 222–223]. Я.М. Брайнин, возражая этой точке зрения, отметил: «Чаще всего установление фактов и отыскание соответствующей правовой нормы происходят параллельно как два самостоятельных, хотя и соподчиненных процесса» [87, с. 115].

Представляется, что об этапизации квалификации преступления уместно говорить лишь в контексте развития стадий уголовного процесса. При выполнении задач квалификации преступления почти невозможно определить фактические обстоятельства, которые должны иметь юридическое значение, не учитывая содержания соответствующей нормы уголовного закона. В профессионально-практической деятельности уполномоченное лицо постигает смысл уголовно-правовой нормы с позиции конкретного события и ради этого события.

В целом следует заметить, что процесс применения уголовно-правовой нормы в теории квалификации преступления до настоящего времени рассматривают в контексте известного выражения К. Маркса: «Закон всеобщ. Случай, который должен быть определен на основании

закона, – единичен. Чтобы подвести единичное под всеобщее, требуется суждение» [304, с. 66–67]. В научных трудах, посвященных изучению логических форм квалификации преступления, это выражение стало хрестоматийным [391, с. 75].

Но дело в том, что «всеобщность» закона означает ничто иное, как его абстрактность, которая не позволяет увидеть специфику отдельно взятой правовой ситуации. Проблему понимания смысла правовой ситуации можно рассмотреть под иным углом зрения, сквозь призму герменевтически-феноменологического подхода к познанию правовой реальности. В рамках герменевтического учения аппликация (применение) рассматривается совсем в ином ракурсе. Х.-Г. Гадамер отмечает: «Аппликация – это не приложение к конкретному случаю некоего всеобщего, которое было изначально дано и понято само по себе, но аппликация и есть действительное понимание самого всеобщего, которым является для нас данный текст. Понимание оказывается родом действия (Wirkung) и познает себя в качестве такового» [116, с. 402–403]. В этом суждении заложен глубинный смысл, позволяющий по-иному посмотреть на суть применения уголовно-правовой нормы в процессе квалификации преступления. При таком подходе аппликация (применение) не выступает в качестве какой-то самостоятельной стадии реализации правовой нормы. Задача понимания и истолкования, как отмечает Х.-Г. Гадамер, это «задача конкретизации закона в том или ином случае, то есть задача аппликации» [116, с. 389]. Применение в таком случае определяет феномен понимания и интерпретации во всем их объеме. При таком подходе текст уголовно-правовой нормы не рассматривается как то самое «всеобщее», которое затем лишь используется уполномоченным должностным лицом для применения к особенному. Применение нормы уголовного закона в герменевтическом ракурсе выступает в качестве его практического понимания в рамках возникнувшей правовой ситуации.

С течением времени понимание юридического смысла нормы уголовного закона, а следовательно, и его применение может измениться. Еще раз уместно вспомнить слова Х.-Г. Гадамера: «Тот, кто стремится привести смысл закона в соответствие с современностью, должен прежде всего знать его первоначальный смысл. Он сам, следовательно, должен мыслить как историк права… Чтобы точно установить нормативное содержание закона, требуется историческое познание первоначального смысла, и лишь ради этого последнего толкователь-юрист принимает в расчет историческое значение, сообщаемое закону самим законодательным актом. Он не может, однако, полагаться исключительно на то, к примеру, что сообщают ему о намерениях и помыслах тех, кто разработал данный закон, протоколы парламентских заседа-

ний. Напротив, он должен осознать произошедшие с тех пор изменения правовых отношений и соответственно заново определить нормативную функцию закона» [116, с 385–386]. Такой подход вовсе не означает, что квалификатор в такой ситуации произвольно аппликирует норму уголовного закона. Применение уголовно-правовой нормы всегда должно соответствовать принципам правоприменения и современным представлениям о правопонимании.

В условиях интенсивного изменения норм УК, особенно бланкетных его признаков, это правило понимания смысла уголовно-правовой нормы приобретает чрезвычайное значение. Например, в судебной практике возникал вопрос о понимании и толковании признаков должностного лица применительно к государственным служащим (п. 1 ч. 4 ст. 4 УК). Проблема толкования возникла в связи с изменениями в законодательстве, регламентирующем государственную службу в Республике Беларусь, в котором понятие «государственный служащий» было значительно сужено [415]. Имеющееся доктринальное толкование указанной проблемы показывает, что практическое применение данного положения уголовного закона возможно только путем исторической интерпретации [49, с. 94; 395, с. 11]. Таким образом, чтобы понять правильно соответствующую уголовно-правовую норму, лицо, ведущее уголовный процесс, должно в конкретной ситуации, быть готовым воспринимать ее по-новому. И это понимание здесь уже всегда является применением. Понимание, как отмечает Х.-Г. Гадамер, в таких ситуациях «само оказывается совершением» [16, с. 366].

С позиции герменевтически-феноменологического подхода в процессе квалификации преступления конституирующим является «напряжение», возникающее между текстом уголовно-правовой нормы, с одной стороны, и тем смыслом, который она получает в результате ее применения к конкретной правовой ситуации, с другой стороны. Триединство герменевтических процедур «понимание – интерпретация – аппликация» в процессе квалификации преступления трансформируется в формулу «понимание – толкование – применение» [337, с. 113; 349, с. 199–201]. При этом герменевтическую процедуру «применение» следует рассматривать в узком смысле этого слова. Применение нормы в процессе квалификации преступления мы не трактуем в аспекте общепревентивного значения уголовно-правовой нормы, равно как не затрагиваем и реализацию уголовно-правовой санкции.

В рамках герменевтического дискурса понимание и интерпретация юридической значимости фактических обстоятельств дела, а также постижение смысла уголовно-правовой нормы представляют собой не два отдельных акта, а единый процесс, который в конечном итоге редуцируется в применении уголовно-правовой нормы.

Вышеизложенное позволяет каталогизировать следующие выводы.

1. Современные представления в теории познания строятся на разных философских методологиях понимания правовой реальности. Познание истины невозможно без изучения и использования опыта различных философских направлений. В контексте осмысления классической и неклассической методологий познания особый научный интерес представляют достижения философской герменевтики и феноменологии. Сконцентрировав в себе достижения исторически сложившихся герменевтических дисциплин и отдельных научных представлений философов, философские учения герменевтики и феноменологии сформировали понятийно-категорийный аппарат, который может быть использован во многих сферах познавательной деятельности. Он может быть применен в качестве методологической основы и для совершенствования гносеологического инструментария квалификации преступления.

2. Синтез философской герменевтики и феноменологии дал толчок в развитии неклассической методологии познания правовой реальности. Идея феноменологии об интенциональном отношении нашего сознания к окружающей действительности расширяет герменевтическое поле и позволяет рассматривать герменевтические процедуры и методы не только применительно к пониманию и интерпретации текста закона, но и к установлению юридического смысла происшедших событий.

3. Разработанные в рамках философской герменевтики и феноменологии методы и процедуры в контексте познания правовой реальности постулируются в виде особого методологического подхода, образующего составную часть философии права – герменевтически-феноменологического подхода.

4. Предметной областью герменевтически-феноменологического подхода в процессе квалификации преступления является постижение смысла конкретной правовой ситуации и ее разрешение на основе уголовно-правовой нормы и иных элементов правовой реальности. При этом под правовой ситуацией следует понимать порожденное преступлением состояние, при котором уполномоченные лица в условиях существующей правовой реальности должны дать социально-правовую оценку совершенному деянию.

5. Герменевтические процедуры «понимание – интерпретация – аппликация» в своем триединстве образуют философскую основу гносеологического процесса и в контексте квалификации преступления приобретают фундаментальное значение. Данные герменевтические процедуры, трансформируясь в уголовном праве в гносеологическую формулу «понимание – толкование – применение», на первой стадии

реализации уголовного закона фактически есть альфа и омега квалификации преступления.

6. Содержание понимания следует рассматривать в трех аспектах: физиологическом, ментальном и социально-правовом.

7. В профессионально-практической деятельности должностного лица, квалифицирующего совершенное преступление, понимание юридической значимости фактических обстоятельств дела и постижение смысла уголовно-правовой нормы образуют собой единый, подвергнутый рефлексии процесс, который обусловлен диалектикой единства и взаимодействия герменевтических процедур.

8. Понимание и уголовно-правовая интерпретация фактических обстоятельств дела являются непосредственной и составной частью процесса квалификации преступления. При этом понимание и толкование фактических обстоятельств дела и смысла уголовно-правовой нормы обеспечивается особыми герменевтическими приемами, среди которых большое значение приобретает «пред-суждение» (пред-понимание») и герменевтический круг.

9. В рамках герменевтической парадигмы познания процесс понимания имеет круговую структуру. Смысл нормы УК может быть выяснен лишь в соотношении с конкретной правовой ситуацией. Вместе с тем возникнувшая правовая ситуация может быть воспринята и понята лишь с помощью нормы УК и иных компонентов правовой реальности (принципы, правосознание, правоположения судебной практики и т. д.). Квалификатор, вовлеченный непосредственно в правовую ситуацию, формирует решение об оценке содеянного, двигаясь по герменевтическому кругу, в котором частью является учиненное деяние, а целым – правовая ситуация.

10. Феномен интерпретации в юриспруденции проявляется двояко. С одной стороны, интерпретация (толкование) является составной частью правовой реальности, а с другой – способом ее познания. Универсальный характер интерпретации позволяет ей выступать в качестве метода познания как окружающей действительности в целом, так и отдельных правовых ситуаций.

При квалификации преступления интерпретацию следует рассматривать в узком смысле, в контексте правоприменения. В процессе квалификации преступления интерпретация выражается в уяснении в рамках конкретной правовой ситуации сути происшедшего события и смысла уголовно-правовой нормы, распространяющей действие на это событие.

11. Множественность интерпретаций (толкований) правовой нормы является негативным моментом правоприменительной деятельности. Упразднение проблемы множественности интерпретаций должно осу-

ществляться путем строгого соблюдения правил законодательной техники при конструировании правовых норм.

12. С позиции герменевтически-феноменологического подхода процесс квалификации преступления есть основания рассматривать не просто как мыслительную операцию субъекта правоприменения по сопоставлению признаков преступления с признаками состава преступления, а как единый процесс, существующий и развивающийся в триединстве герменевтических процедур. При квалификации преступления понимание фактической и юридической основы уголовного дела всегда неразрывно связано с интерпретацией (истолкованием). В конечном итоге понимание и истолкование редуцируются в применении уголовно-правовой нормы.

13. Реализация герменевтических процедур в процессе квалификации преступления носит профессионально-практический характер и представляет собой особый вид интеллектуальной деятельности по осмыслению происшедшего события и уголовно-правовой нормы, распространяющей свое действие на это событие. В правоприменительном аспекте понимание есть умение уполномоченного лица действовать соответственно существующей правовой ситуации. Понимание здесь выражает герменевтическое отношение лица, владеющего нормами уголовного права, к совершенному преступлению. Процесс понимания в профессиональной деятельности уполномоченного лица происходит посредством проецирующего набрасывания смыслов, что свидетельствует о творческом характере этой деятельности.

14. Об этапах процесса квалификации преступления уместно говорить лишь в контексте динамики уголовного процесса. Определить юридическую значимость фактических обстоятельств дела невозможно без уяснения содержания соответствующей нормы уголовного закона. При квалификации преступления лицо, ведущее уголовный процесс, постигает смысл уголовно-правовой нормы с позиции конкретной правовой ситуации и ради этой ситуации.

15. В содержание процесса квалификации преступления входит установление уголовно-правового значения фактических обстоятельств, собранных по уголовному делу; выбор уголовно-правовой нормы; сопоставление фактических данных с признаками соответствующего вида преступления, описанного в уголовно-правовой норме; закрепление этого вывода в соответствующем процессуальном акте.

Глава 3

ЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

3.1. Логическое основание идентификации преступления

По своей природе процесс квалификации преступления подобен процессу идентификации. Это подобие особо просматривается в определениях тех авторов, которые в качестве предиката дефиниции «квалификация преступления» используют понятие «тождество» [180, с. 6; 391, 30; 507, с. 17; 558, с. 93; 588, с. 6]. По своему определению идентификация – это логическая операция, представляющая собой интеллектуальную процедуру по установлению тождества какого-либо объекта на основе тех или иных признаков [221, с. 189]. Вместе с тем изучение литературы показывает, что в науке уголовного права квалификацию преступления ученые не склонны рассматривать в русле требований идентификационного процесса. Видимо, это связано с тем, что слишком уж разнородны сопоставляемые объекты: с одной стороны, деяние, совершенное при определенных фактических обстоятельствах, а с другой – норма УК. Однако, представляется, что теория идентификации может служить не только выполнению задач криминалистики, т. е. отдельные ее элементы могут быть использованы и в иных науках уголовно-правового цикла.

В теории квалификации преступления уже давно отмечено, что уголовно-правовая оценка совершенного преступления представляет собой процесс, который протекает по логическим правилам и законам. В обобщенном виде логическая сущность квалификации преступления выражается в том, что лицо, ведущее уголовный процесс, в каждом случае должно установить, элементом какого класса уголовно-противоправных деяний является конкретный поступок человека.

В логическом механизме идентификации преступлений научный интерес представляет определение понятия и сущности логического основания квалификации преступления. В общей теории права этот вопрос исследуется в рамках общетеоретической проблемы конструирования и применения правовых норм. Данная проблема была предметом исследования С.С. Алексеева [13], В.К. Бабаева [30], В.М. Барано-

ва [44], Б.В. Дрейшева [154], Д.А. Керимова [196], Н.И. Матузова [361], В.М. Сырых [553] и др. В уголовном праве вопрос о логическом основании рассматривается в основном в контексте применения уголовно-правовой нормы. Этому вопросу уделялось значительное внимание в рамках теории квалификации преступления В.Е. Жеребкиным [163], Б.А. Кожемякиным [215], А.В. Корнеевой [227], В.Н. Кудрявцевым [242; 243; 247], А.В Наумовым [391], А.С. Новиченко [408], Ю.Ю. Соковых [540], А.А. Старченко [544], А.А. Толкаченко [579] и др. Но в XXI в. вектор уголовно-правовых исследований переориентировался на изучение логических проблем конструирования уголовно-правовых норм [75; 663; 664].

В доктрине уголовного права Республики Беларусь вопросу о логических основаниях конструирования и применения уголовно-правовых норм не уделялось достаточного внимания. Обычно этот вопрос рассматривается в ракурсе логической корректности конструирования отдельно взятых уголовно-правовых норм либо какого-то института или категории уголовного права (множественность преступлений, соучастие и др.). Вместе с тем следует отметить, что в Беларуси предпринимались и осуществляются попытки решения указанных вопросов с позиции системного подхода. В начале 90-х гг. XX в. С.И. Тишкевич попытался сформулировать логически взаимосвязанную структуру уголовно-правовых норм, подчинив их задачам квалификации преступления [576]. В последних научных изысканиях Н.А. Бабия показаны многие логические противоречия в законодательных конструкциях некоторых уголовно-правовых норм [36; 38].

Некоторые авторы логическим основанием квалификации преступления называют уголовно-правовую норму [391, с. 69]. С точки зрения структуры уголовно-правовой нормы такое утверждение выглядит не совсем корректным. Отдельной структурной частью уголовно-правовой нормы является санкция, которая по своему функциональному предназначению имеет отношение к иному этапу реализации уголовно-правовой нормы.

С позиции категориального логического аппарата первичным основанием в процессе идентификации преступления является суждение. Как верно отметил В.Н. Кудрявцев, это суждение дано законодателем и заключено в содержании нормы [242, с. 51]. Мы придерживаемся трехчленной структуры уголовно-правовой нормы и считаем, что это суждение сформулировано законодателем в гипотезе уголовно-правовой нормы. Нормативные предписания, содержащиеся в статьях УК и определяющие условия применения нормы, представляют собой ничто иное, как общеутвердительное суждение. При идентификации преступления в логической структуре категорического силлогизма эти нор-

мы-суждения выполняют функцию большей посылки. И в этом смысле уголовно-правовая норма должна адекватно отражать необходимость уголовно-правовой охраны, что, несомненно, связано с основаниями и поводами криминализации.

В общей теории права нормы-суждения некоторые авторы рассматривают в плоскости истинности или ложности правовых норм. Известный исследователь проблем истинности правовых норм В.К. Бабаев отмечал, что истинная норма права должна, во-первых, правильно отражать состояние регулируемых ею общественных отношений, и, во-вторых, давать правильную юридическую оценку этим отношениям. Если же законодатель в силу ненаучности подхода, поспешности и иных обстоятельств подвергает юридической регламентации общественные отношения, не созревшие для правового регулирования, или дает им неправильную оценку, то эту норму следует считать ложной [30, с. 163–164].

Не все авторы разделяют позицию о том, что нормы права должны обладать свойством истинности. Есть высказывание, что логические построения, применяемые к нормам права, выходят за пределы «царства истины» [175, с. 41]. Такой подход является достаточно спорным. В гипотезе уголовно-правовой нормы описывается юридический факт, подлежащий идентификации. Это вполне соответствует понятию суждения. В традиционной логике суждение определяется как форма мышления, с помощью которой выражается присущность либо неприсущность признака предмету (или классу предметов) и которая может быть охарактеризована с точки зрения истинности или ложности [198, с. 64; 261, с. 104]. В этом смысле все истинные правовые нормы должны соответствовать объективной социальной действительности. Д.А. Керимов по этому поводу совершенно справедливо отметил: «Правовая возможность реальна в том случае, если она соответствует социальной действительности. Отрыв от факторов действительности, пренебрежение ее развитием, непонимание взаимосвязей и отношений правовой жизни превращает правовую возможность в фикцию, лишенную объективного содержания. Такая формальная правовая возможность по существу есть невозможность, поскольку она, как правило, не осуществляется» [196, с. 15]. На необходимость учета законодателем объективной реальности при формулировании правовых норм обращали внимание и другие ученые [154; 256; 361; 553].

Общетеоретические исследования относительно истинности и ложности норм-суждений имеют непосредственное отношение к логической обоснованности конструкций уголовно-правовых норм. Если введение в УК нормы, определяющей соответствующее поведение преступным, будет входить в противоречие с социальными условиями

жизни общества, то такую норму нельзя признавать истинной. Более того, непонимание социальных взаимосвязей и отсутствие прогноза в социальных последствиях установления уголовно-правового запрета может вызвать достаточно серьезные негативные последствия в системе общественных отношений. История уголовного законодательства имеет немало таких примеров. Так, во исполнение постановления ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. «О запрещении абортов» в УК БССР 1928 г. была введена ст. 217[2], которая устанавливала ответственность за производство беременными женщинами аборта без надлежащего разрешения. Запрещение абортов под страхом уголовного наказания привело к росту числа криминальных абортов и в конечном итоге к увеличению женской смертности. Такого рода норма была не просто ложной, но и социально вредной. Истории уголовного законодательства советского периода известны нормы, запрещавшие под страхом применения наказания опоздание на работу, прогул, незаконное скармливание хлеба скоту и др. Д.А. Шестаков такие явления называет «мнимым преступлением», т. е. приписывание законодателем качества преступного поведению, которое таковым не является [652, с. 10].

К сожалению, и в действующем УК Республики Беларусь имеются нормы, которые вызывают сомнение в логической состоятельности правовых установлений при их законодательном конструировании. Например, 18 июля 2007 г. ст. 425 УК была дополнена новой альтернативной формой преступного бездействия должностного лица: умышленное вопреки интересам службы неисполнение должностным лицом действий, которые оно должно было и могло совершить в силу возложенных на него служебных обязанностей, повлекшее невыполнение показателей, достижение которых являлось условием оказания государственной поддержки. Основные положения, регламентирующие порядок оказания государственной поддержки юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям, закреплены в указе Президента Республики Беларусь от 28 марта 2006 г. № 182 «О совершенствовании правового регулирования порядка оказания государственной поддержки юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям». Установление уголовной ответственности за указанный вариант поведения должностного лица порождает достаточно серьезные вопросы на предмет логической корректности изложения нормативного суждения. В данном случае предикат суждения не обозначает четко криминообразующее свойство соответствующего поведения. Логический анализ предложенной законодательной конструкции показывает, что неисполнение должностным лицом требуемых от него действий свидетельствует о варианте бездействия, когда соответствующие показатели не были достигнуты в силу причины (причин), негативное воздействие которой

должностное лицо не предотвратило. К таким причинам могут относиться обстоятельства объективного характера, на которые должностное лицо не в силах повлиять (например, вверенной должностному лицу организации доводится показатель по темпам роста объемов производства товара, который не имеет достаточного экономического обоснования). Кроме того, любая хозяйственная деятельность предполагает финансовые и коммерческие риски, которые допускают потенциальные отклонения фактического объема производства от ожидаемого показателя, поэтому при идентификации такого рода бездействия должностного лица юридическую значимость приобретает установление наличия у должностного лица реальной возможности повлиять в конкретных экономических условиях на сложившуюся ситуацию в сфере соответствующей хозяйственной деятельности. Проблема доказывания в этом случае усложняется еще и тем, что до настоящего времени теория уголовного права не представила следственной и судебной практике однозначного и универсального объяснения детерминирующего влияния бездействия на общественно опасный результат. Последние теоретические исследования не привнесли ничего определяющего в обоснование причинной связи при совершении путем бездействия преступления, связанного с наступлением последствия [295, с. 189–219].

Нарушение правил логики при конструировании данной нормы создает дезориентирующие предпосылки для органов, ведущих уголовный процесс, порождает опасность проявления избирательного подхода в применении ст. 425 УК. На практике это привело к тому, что должностные лица вынуждены прибегать к излишним перестраховкам при исполнении своих служебных полномочий, что негативно сказывается на правах граждан, общественных и государственных интересах [322].

В герменевтической парадигме познания правовой реальности отмечается, что право нельзя представлять в виде полностью рационализированного феномена. Сторонники герменевтики считают, что современное право нуждается в моральном обосновании справедливости норм на практике [170, с. 165].

Анализ статей Особенной части УК позволяет констатировать, что ложность нормативных суждений может проявляться в различных вариантах.

Уголовно-правовая норма может не соответствовать социальной действительности, если она направлена на охрану фактически еще не существующих отношений. Например, в гл. 25 «Преступления против порядка осуществления экономической деятельности» УК есть ряд статей, наличие которых закономерно в условиях рыночной экономики (незаконный выпуск (эмиссия) ценных бумаг (ст. 226), нарушение антимонопольного законодательства (ст. 244) и др.). Однако судебная

статистика показывает, что эти статьи не применяются. Есть основания полагать, что бездействие этих статей является результатом несоответствия уголовной политики, закрепленной в некоторых статьях гл. 25 УК, реальному положению дел в экономике.

Ложность некоторых норм обусловлена дефектами законотворческого процесса. Пороки законотворческого процесса выражаются либо в неправильном выборе предмета уголовно-правового регулирования, либо в законодательной технике конструирования уголовно-правовой нормы. Первая проблема по своей сути является гносеологической и предполагает правильное выделение законодателем тех отношений, которые могут быть подвергнуты уголовно-правовому регулированию [319]. В аспекте криминализации из всех вариантов девиантного поведения законодатель должен «вычленять» те деяния, которые представляют собой существенную общественную опасность. К сожалению, в Особенной части УК есть статьи, порождающие вопросы на предмет их соответствия социальной действительности. Например, законом Республики Беларусь от 15 декабря 2005 г. № 71-З в УК была включена ст. 193^1, в которой установлена ответственность за незаконную организацию деятельности общественного объединения, религиозной организации или фонда либо участие в их деятельности. Содержание этой нормы и многочисленные исключения, предусмотренные в примечаниях к ст. 193^1, ставят под сомнение логическую состоятельность предложенной законодательной конструкции. Кроме того, представляется, что защита объекта правовой охраны в данном случае могла бы быть обеспечена иными правовыми средствами.

Законодательная практика показала, что нормативные суждения, содержащиеся в уголовно-правовой норме, могут стать ложными вследствие небрежной и бессистемной кодификации иной отрасли законодательства. Наглядно это можно показать на примере сопоставления положений ст. 24.11 КоАП, действовавшей в первоначальной редакции, и ст. 412 УК. В ст. 24.11 КоАП была предусмотрена административная ответственность за передачу любым способом лицам, содержащимся в следственных изоляторах или иных местах лишения свободы, запрещенных для передачи предметов и веществ. Но действующая редакция ст. 412 УК предусматривала и предусматривает в настоящее время уголовную ответственность за более широкий круг деяний. Во-первых, в ст. 412 УК предусмотрена ответственность не только за передачу запрещенных предметов или веществ, но и за передачу «предметов или веществ, хранение и использование которых ограничено, сверх разрешенного количества». Во-вторых, соответствующие предметы или вещества могут быть переданы и лицу, содержащемуся в арестном доме. В соответствии со ст. 63 и 64 УИК арестный дом не

относится к местам лишения свободы. В-третьих, в ст. 412 УК предусмотрена ответственность не только за передачу, но и за получение соответствующих предметов или веществ с целью их выноса за пределы следственного изолятора, исправительного учреждения или арестного дома. В ст. 412 УК административная преюдиция предусмотрена в качестве необходимого условия уголовной ответственности. На этом основании логически обоснованным был вывод о том, что ст. 412 УК могла применяться в то время только в случае повторной передачи запрещенных предметов или веществ лицу, содержащемуся в следственном изоляторе или ином месте лишения свободы [311, с. 37–38]. Все остальные уголовно-правовые понятия, указанные в гипотезе ст. 412 УК, до внесения изменений в ст. 24.11 КоАП законом Республики Беларусь от 28 декабря 2009 г. № 98-З «О внесении изменений и дополнение в некоторые кодексы Республики Беларусь по вопросам уголовной и административной ответственности» с позиции логики были нулевыми понятиями.

Ложность нормативного суждения может быть вызвана неудачной конструкцией нормы. Так, в ст. 232 УК предусмотрена ответственность за преступление, связанное с наступлением последствия – причинением ущерба в крупном размере. Но в большинстве случаев при воспрепятствовании законной предпринимательской деятельности вред носит не имущественный, а социальный и психологический характер: лицо не может реализовать своего права на занятие предпринимательской деятельностью (например, при неправомерном отказе в регистрации лица в качестве индивидуального предпринимателя). Такого рода положение закона не соответствует действительности и, следовательно, оно не обеспечивает защиту права граждан на занятие предпринимательской деятельностью [353].

Законодательное суждение может стать ложным при наличии в уголовно-правовой норме (нормах) контрадикторных уголовно-правовых понятий. Как правило, это происходит при наличии такого явления, которое в уголовной политике называют «криминализационная избыточность». Основание для такого вывода дает, например, появление в УК ст. 226^2, установившей ответственность за незаконные действия с простыми и (или) переводными векселями. Ответственность за данное преступление была введена законом Республики Беларусь от 27 июня 2007 г. № 246-З «О внесении дополнений и изменений в некоторые кодексы Республики Беларусь по вопросам вексельного обращения». Статья 226^2 УК состоит из четырех частей. В трех из них предусмотрена ответственность за самостоятельные преступления. Установление уголовной ответственности за незаконные действия в сфере обращения векселей при наличии общих норм, охватывающих многие варианты

таких злоупотреблений, и достаточно слабой финансовой активности на фондовом рынке Республики Беларусь порождает вопросы не только в контексте криминализационных оснований и поводов этих преступлений, но и логической обоснованности предложенных законодательных конструкций. Так, в ч. 1 ст. 226^2 УК предусмотрена ответственность, в частности, за выдачу, индоссирование, авалирование простых и (или) переводных векселей в крупном размере, подписанных лицами, не способными обязываться по ним, либо от имени таких лиц. В рамках данного законодательного суждения не совсем понятно, кто может быть признан субъектом этого преступления, т. е. кто является «лицом, не способным обязываться по векселю»? В ст. 7 Женевской конвенции от 7 июня 1930 г., устанавливающей единообразный закон о переводном и простом векселе, и ст. 7 закона Республики Беларусь от 13 декабря 1999 г. № 341-З «Об обращении переводных и простых векселей», употребляется термин «лицо, не способное обязываться по переводному векселю». Но сущность этого термина в указанных нормативных документах не разъясняется. Вместе с тем в ч. 2 ст. 226^2 УК предусмотрена ответственность за «подписание простого и (или) переводного векселя, в том числе при индоссаменте, авале, акцепте, или добавочного листа (аллонжа) от имени вымышленного лица или такое их подписание, при котором поставленная подпись по любому иному основанию не может обязывать лицо, поставившее ее, или лицо, от имени которого данная подпись поставлена». Подписание является удостоверяющим актом, подтверждающим факт, например, выдачи соответствующего векселя. В этом смысле возникает вопрос: по ч. 1 или 2 ст. 226^2 УК следует привлекать к ответственности лицо, не способное обязываться по векселю [323]? В логике при наличии противоречивых понятий применяется закон исключения третьего. Но применение этого логического закона означает, что одно из сопоставляемых суждений является ложным [21, с. 140; 301, с. 116; 403, с. 87].

Наличие в УК ложных норм дезориентирует органы, ведущие уголовный процесс, в выборе большой посылки, что создает предпосылки для неправильной квалификации преступления. Это порождает необходимость проведения мониторинга по выявлению норм, не соответствующих объективной социальной действительности, и принятия соответствующих законодательных решений на предмет приведения к логическому соответствию системы уголовно-правовых норм [336].

На логическое содержание законодательных суждений существенное влияние оказывают правовые понятия, из которых оно состоит. Авторская позиция относительно требований к терминологии уголовного закона изложена в гл. 5 настоящей работы.

3.2. Логические правила определения уголовно-правовых понятий и их соблюдение в правотворческой и правоприменительной практике

Определения, употребляемые в уголовном законе и постановлениях Пленума Верховного суда Республики Беларусь по отдельным категориям уголовных дел, как ни в какой иной отрасли законодательства, должны быть предельно точными и понятными для правоприменителя. Смысловая определенность понятий, употребляемых в тексте УК и правоположениях судебной практики, имеет непосредственное значение для квалификации преступления. Четкие и ясные уголовно-правовые термины являются теми «кирпичиками», из которых правоприменитель складывает для себя представление о признаках конкретного вида преступления.

Известно, что правила определения сформулированы в формальной логике. В логике термин «определение» имеет несколько значений. В широком смысле слова под определением понимают логическую операцию, состоящую в указании существенных признаков предмета или явления, и результат этой процедуры. В узком смысле слова этот термин предполагает указание на главные, отличительные признаки предмета или явления, отраженные в понятии о них [30, с. 142]. Логические правила определения сформулированы применительно к операциям с понятием. В правилах определения выделяют три важных момента: определение должно быть соразмерным; оно не должно содержать порочного круга; должно быть ясным [301, с. 44].

Соразмерность соответствующего определения означает его достаточность, отражение всех существенных признаков определяемого предмета или явления. Сужение или расширение пределов определения дает основание признавать его несоразмерным.

Основным способом формулирования понятий является определение их через ближайший род и видовое отличие. Как показывает анализ уголовно-правовых норм, достаточно часто в определении имеет место смешение родовых и видовых признаков или признание видового признака в качестве родового. Так, в 23 статьях Особенной части УК в качестве преступного деяния называется «незаконный сбыт» предметов. Законодатель не дает легального определения термину «незаконный сбыт». Но такое определение есть в правоположениях судебной практики по некоторым категориям уголовных дел. Посмотрим, как высшая судебная инстанция дает определение незаконному сбыту, например, применительно к незаконной операции с наркотическим средством и огнестрельным оружием. В п. 7 постановления Пленума Верховного суда Республики Беларусь от 26 марта 2003 г. № 1 «О судеб-

ной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными веществами и их прекурсорами, сильнодействующими и ядовитыми веществами (ст. 327–334 УК)» разъяснено, что под незаконным сбытом наркотических средств «понимается как возмездная, так и безвозмездная их передача другим лицам, которая может быть осуществлена посредством продажи, дарения, обмена, уплаты долга, дачи взаймы и иным способом» [436]. Обратим внимание, что понятие незаконного сбыта здесь определятся через термин передача. Однако в другом постановлении высшей судебной инстанции применительно к незаконному сбыту, например огнестрельного оружия, отмечено: «Как незаконный сбыт огнестрельного оружия необходимо квалифицировать продажу, дарение, отчуждение в иной форме перечисленных предметов их владельцами другим лицам в нарушение порядка, установленного законодательством» [437]. Слово «передача» в данном случае не употребляется в качестве ключевого дефинитивно образующего термина. Это объяснятся тем, что в п. 9 постановления Пленума Верховного суда Республики Беларусь от 3 апреля 2008 г. № 1 путем примерного перечневого подхода определяется понятие незаконной передачи во владение: «Незаконной передачей во владение огнестрельного оружия… следует признавать, в частности, предоставление указанных предметов для временного использования, в качестве залога, для хранения на безвозмездной или возмездной основе иным лицам с нарушением установленного законодательством порядка». Такого рода понимание незаконной передачи во владение огнестрельного оружия существенно сужает понимание его незаконного сбыта, поскольку к сбыту не относятся варианты предоставления оружия на возвратной основе. Однако применительно к незаконному обращению с наркотическими средствами незаконная передача охватывается понятием незаконного сбыта независимо от того, имело ли место отчуждение соответствующего средства или его предоставление на возвратной основе.

Следует заметить, что совершенно в ином соотношении рассматриваются слова «передача» и «сбыт» в этимологических определениях. В толковых словарях русского языка слово «передать» означает отдать во владение, вручить, распространить каким-нибудь способом. Под сбытом понимается продажа чего-либо [463, с. 641, 715]. Таким образом, в отличие от уголовно-правовых определений в русском языке сбыт является видовым понятием по отношению к передаче.

В судебной практике и доктрине уголовного права применительно к статьям УК, в которых употребляются термины «организация» или «руководство» какой-либо деятельностью, этим поятиям совершенно обоснованно придаются разные значения [438]. Однако в УК есть нор-

мы, в которых речь идет только об организации соответствующей деятельности (например, ст. 293, 332, 342, 371[1]). В таких случаях правоведы понятие организации трактуют расширительно: к организации относят и руководство соответствующей деятельностью [220].

Анализ показывает, что судебная практика, несмотря на наличие законодательных определений, по-разному определяет объем соответствующего понятия. Так, ч. 13 ст. 4 УК общеопасный способ определяет как «способ совершения преступления, характеризующийся большой разрушительной силой или иным образом создающий опасность гибели людей, причинения телесных повреждений, иных тяжких последствий (взрыв, поджог, затопление и др.)». На законодательном определении общеопасного способа совершения преступления построено определение общеопасного способа умышленного причинения тяжкого телесного повреждения: «Под общеопасным (п. 10 ч. 2 ст. 147 УК) следует понимать такой способ умышленного причинения тяжкого телесного повреждения, при котором действия виновного были заведомо реально опасны для жизни или здоровья других людей либо создавали опасность наступления иных тяжких последствий» [444]. Однако определение общеопасного способа совершения убийства высшая судебная инстанция существенно ограничивает: «Убийство, совершенное общеопасным способом, имеет место в случаях, когда, реализуя умысел на лишение жизни определенного лица, виновный сознательно применил такой способ причинения ему смерти, который заведомо для виновного был реально опасен и для жизни других лиц» [441]. Таким образом, если при совершении убийства использовался способ, который был опасен не для жизни, а для здоровья других лиц, то вменять общеопасный способ как квалифицирующий признак убийства в силу предписания высшей судебной инстанции нельзя. Видимо, такого рода судебное разъяснение основано на практике, которая сложилась в период действия УК 1960 г. Пункт «е» ст. 100 УК 1960 г. в качестве одного из видов квалифицированного убийства называл убийство, совершенное «способом, опасным для жизни многих людей». Однако в рамках действующего УК рассматриваемое определение применительно к убийству не согласуется с требованиями логики относительно соразмерности дефиниции.

Таким образом, есть основания констатировать, что объем определения в некоторых уголовно-правовых понятиях ограничивается или расширяется в угоду задач правоприменительной практики. Допустимы ли такие нарушения логических правил определения, даже если этого требует необходимость в борьбе с преступностью?

К сожалению, определения некоторых уголовно-правовых понятий содержат порочный круг – логическую ошибку, суть которой заключа-

ется в том, что некоторое понятие определяется с помощью другого понятия, которое, в свою очередь, определяется через первое [675]. Это имеет место даже в дефинициях, содержащихся в уголовном законе: «организатором признается лицо, организовавшее совершение преступления…» (ч. 4 ст. 16), «Несанкционированный доступ к информации, хранящейся в компьютерной системе, сети или на машинных носителях, сопровождающийся нарушением системы защиты несанкционированный доступ к компьютерной информации)…» и др. Тавтологичные суждения встречаются и в некоторых последних изменениях в УК. Так, закон Республики Беларусь от 26 октября 2012 г. № 435 в ч. 1 ст. 289 УК определил акт терроризма следующим образом: *«Совершение взрыва, поджога, затопления, иных деяний общеопасным способом либо создающих опасность гибели людей, причинения им телесных повреждений или наступления иных тяжких последствий»* (выделено нами. – *В.М.*) в целях оказания воздействия на принятие решений органами власти, либо воспрепятствования политической или иной общественной деятельности, либо устрашения населения, либо дестабилизации общественного порядка». Общеопасный способ, легально определенный в ч. 13 ст. 4 УК, включает в себя действия «создающие опасность гибели людей, причинения телесных повреждений, иных тяжких последствий (взрыв, поджог, затопление и др.)».

В УК есть достаточно много неясных определений. Так, ч. 11 ст. 4 определяет хулиганские побуждения следующим образом: «Под хулиганскими побуждениями понимаются мотивы, выражающие стремление виновного лица проявить явное неуважение к обществу и продемонстрировать пренебрежение к общепринятым правилам общежития». Во-первых, любой мотив обозначает побуждение к чему-нибудь. Определять мотив через стремление методологически неверно. Стремление к чему-нибудь – это признак, характеризующий иной психологический процесс – целеполагание. Во-вторых, употребление в определении хулиганского мотива абстрактных понятий (явное неуважение к обществу, пренебрежение к общепринятым правилам общежития) приводит к образованию весьма призрачных границ в объеме этого определения.

В УК предусмотрены две специальные нормы, которые устанавливают ответственность за общественно опасные деяния, инспирирующие суицид или попытку суицида: доведение до самоубийства (ст. 145) и склонение к самоубийству (ст. 146). Термин «самоубийство» логически противоречит законодательному определению убийства. Согласно ч. 1 ст. 139 УК убийством признается «умышленное противоправное лишение жизни *другого* (выделено нами. – *В.М.*) человека». Если раскрыть понятие самоубийства с учетом положений ч. 1 ст. 139 УК, то

получим весьма парадоксальное определение. Кроме того, в ст. 145 и 146 УК употребляется термин «покушение на самоубийство». В уголовно-правовом смысле термин «покушение на самоубийство» не соответствует природе этого явления. Уголовный закон оперирует термином «покушение на преступление», законодательное определение которому дано в ст. 14 УК. Самоубийство не является преступлением, поэтому с правовой точки зрения понятие «покушение на самоубийство» является юридически ничтожным [318], а с точки зрения логики является нулевым.

Законом Республики Беларусь от 4 мая 2005 г. № 15-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь по вопросам усиления ответственности за торговлю людьми и иные связанные с ней правонарушения» были внесены существенные изменения в ст. 187 УК. В данной статье было дано определение новому преступлению – незаконные действия, направленные на трудоустройство граждан за границей. Определение этого преступления сформулировано крайне неудачно. Положения данной нормы порождают возможность для необоснованного расширения причинно-следственных отношений и создают предпосылки объективного вменения [313].

Следует обратить внимание на еще один негативный момент правотворческой деятельности. Изменения, вносимые в последние годы в УК, показывают, что его текст наполняется новыми понятиями, определение которым не дается ни в самом УК (несмотря на функциональное предназначение ст. 4 УК «Разъяснение отдельных терминов Уголовного кодекса»), ни в правовых нормах иных отраслей законодательства (если идет речь о бланкетном признаке состава преступления), ни в постановлениях Пленума Верховного суда Республики Беларусь. Так, указанным выше законом существенно была изменена и редакция ст. 171 УК: в названии и тексте употреблен новый для уголовного законодательства термин «использование занятия проституцией другим лицом». Но что следует понимать под этим термином? В ч. 2 примечаний к ст. 181 УК дано определение понятию сексуальной эксплуатации, к которой отнесено использование занятия проституцией. Таким образом, в определении сексуальной эксплуатации использование занятия проституцией называется в качестве одного из ее видовых понятий, но само это видовое понятие не раскрывается. Отсутствие определения термина «использование занятия проституцией» создает предпосылки для достаточно широкого его толкования в судебной практике и порождает серьезную квалификационную проблему в части отграничения преступления, ответственность за которое предусмотрена в ст. 171 УК, от торговли людьми (ст. 181 УК).

Но даже в тех случаях, когда введение нового понятия сопровождается легальным определением, его содержание не всегда соответствует целям и природе уголовного права. Например, законом Республики Беларусь от 7 мая 2007 г. № 212-З «О реорганизации дела охраны историко-культурного наследия в Республике Беларусь» в гл. 30 УК были внесены изменения и дополнения, касающиеся уголовно-правовой охраны историко-культурных ценностей или материальных объектов, которым может быть присвоен статус историко-культурной ценности. Эти изменения и дополнения коснулись ст. 344 УК (умышленное уничтожение либо повреждение историко-культурных ценностей или материальных объектов, которым может быть присвоен статус историко-культурной ценности), ст. 345 УК (уничтожение, повреждение либо утрата историко-культурных ценностей или материальных объектов, которым может быть присвоен статус историко-культурной ценности, по неосторожности) и ст. 346 УК (надругательство над историко-культурными ценностями). Одновременно этим же законом гл. 30 УК была дополнена двумя примечаниями. В ч. 3 примечаний к гл. 30 УК было дано определение понятию особо ценного материального объекта: это «материальные объекты, обладающие отличительными духовными, художественными и (или) документальными достоинствами и соответствующие одному из критериев отбора материальных объектов для присвоения им статуса историко-культурной ценности, которая *может быть включена или предложена для включения* (выделено нами. – *В.М.*) в Список всемирного культурного и природного наследия либо в Список всемирного наследия, находящегося под угрозой, а также материальные объекты, обладающие отличительными духовными, художественными и (или) документальными достоинствами, которые *могут иметь международное или национальное значение* (выделено нами. – *В.М.*), и соответствующие одному из критериев отбора материальных объектов для присвоения им статуса историко-культурной ценности». Гипотетичность суждений, содержащихся в данном определении (может быть включена или предложена для включения, могут иметь международное или национальное значение), возможно, уместна в рамках реализации государственной политики в сфере охраны историко-культурного наследия и обозначения круга особо ценных материальных объектов. Однако законодатель, формулируя определение особо ценного материального объекта, забыл о том, что все определения, приводимые в УК, должны соответствовать принципам уголовного закона и основаниям уголовной ответственности. Определение, содержащееся в ч. 3 примечаний к гл. 30 УК, противоречит принципу личной и виновной ответственности и субъективному основанию уголовной ответственности. Согласно ч. 5 ст. 3 УК «лицо подлежит уголов-

ной ответственности только за те совершенные им общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, предусмотренные настоящим Кодексом, в отношении которых *установлена его вина* (выделено нами. – *В.М.*), то есть умысел или неосторожность». Основанием уголовной ответственности в соответствии со ст. 10 УК является совершение виновно запрещенного УК деяния в виде оконченного преступления, приготовления к совершению преступления, покушения на совершение преступления, соучастия в совершении преступления. Если лицо совершит некое физическое воздействие на материальный объект, который, оказывается, может быть в будущем предложен искушенным специалистом в области историко-культурных ценностей для включения в Список всемирного культурного и природного наследия, то это лицо по смыслу такого определения нужно привлекать к уголовной ответственности. Но как тогда быть с другим определением законодателя, содержащимся в ч. 5 ст. 3 УК: «Уголовная ответственность за невиновное причинение вреда не допускается»?

Известно, что по своему содержанию процесс квалификации преступления имеет логический характер. Этот процесс протекает с использованием как индуктивных, так и дедуктивных методов познания. Установление фактических обстоятельств дела осуществляется индуктивным путем. Итоговый вывод квалификации основан на дедуктивном методе. Дедуктивное умозаключение строится по форме простого категорического силлогизма. Заключение в таком силлогизме выводится из двух суждений: общеутвердительного и единично-утвердительного. В качестве единично-утвердительного суждения рассматривают конкретное событие, а общеутвердительного – законодательное суждение, содержащееся в соответствующей уголовно-правовой норме. От того, насколько качественно будут сформулированы определения в общеутвердительных суждениях, зависит правильность заключения.

Природа понимания процесса квалификации преступления в рамках простого категорического силлогизма не нова. Известный итальянский мыслитель и деятель эпохи Просвещения Ч. Беккариа еще в XVIII в. обозначил логическую суть правоприменительного процесса: «По поводу каждого преступления судья должен построить правильное умозаключение. Большая посылка – общий закон, малая – деяние, противоправное или согласное с законом; заключение – свобода или наказание» [58, с. 208]. В дореволюционной правовой науке положения о дедуктивном умозаключении были развиты в работах известного русского процессуалиста Е.В. Васьковского [98]. В теории квалификации преступления формула простого категорического силлогизма лежит в основе обоснования логических форм и процесса квалификации пре-

ступления [227, с. 20–21; 242, с. 51–55; 408; 579, с. 58–61]. Формула простого категорического силлогизма элементарна. Значимость здесь приобретает содержание правоприменительного процесса. В.Н. Кудрявцев здесь верно заметил: «Главная трудность при квалификации заключается не в том, чтобы из двух готовых посылок сделать вывод, а в том, чтобы решить, какие именно посылки должны быть взяты для построения умозаключений» [242, с. 54].

3.3. Формально-логические законы и их влияние на практику квалификации преступления

В формальной логике законом мышления или формально-логическим законом называют необходимую существенную связь мыслей в процессе рассуждения [198, с. 20]. Известно, что формально-логические законы применяются во многих сферах научной и практической деятельности. Для квалификации преступления как достаточно сложного познавательного процесса эти законы приобретают особое значение, поскольку в них сформированы требования правильного мышления. Практическую значимость формально-логических законов для процесса квалификации преступления отмечали многие ученые, исследовавшие логические аспекты квалификации преступления [227; 215; 242; 243; 273; 408; 540; 544; 549; 569]. Некоторые зарубежные правоведы обозначали в обобщенном виде допускаемые в правоприменительной практике ошибки, связанные с нарушением законов логики [187, с. 9–12; 391, с. 91–103; 569, с. 125–131]. Вместе с тем в белорусской доктрине и судебной практике вопросы соблюдения формально-логических законов логики в процессе квалификации преступления фактически остаются без внимания.

Законы правильного мышления были обозначены еще в Древней Греции. Аристотель сформулировал три логических закона: закон тождества, закон непротиворечия, закон исключенного третьего. Позднее был сформулирован четвертый закон – закон достаточного основания. В настоящее время в логике выделяют и иные формально-логические законы, например закон обратного отношения между объектом и содержанием понятия [198, с. 7], закон удаления двойного отрицания [277, с. 32]. Однако основными формально-логическими законами признают четыре первых, так как они имеют силу для всех форм мысли и выступают условиями правильности мышления.

Закон тождества требует, чтобы в ходе рассуждения о чем-либо объем и содержание мыслей оставались неизменными до конца рассуждения [301, с. 115; 403, с. 82–83], всякое высказывание должно быть эквивалентным (тождественным) самому себе, должно согласовывать-

ся с самим собой [277, с. 32]. Закон тождества, как правильно отметил М.С. Строгович, представляет собой «логическое основание всякого утверждения» [549, с. 38].

Нарушение закона тождества свидетельствует о логических ошибках. К таким ошибкам в литературе относят подмену понятия [198, с. 21; 402, с. 115] и подмену тезиса [391, с. 93; 569, с. 125–127]. Изучение судебной практики показывает, что, к сожалению, указанные логические ошибки являются достаточно распространенными.

При квалификации преступления подмена понятия выражается в том, что лицо, ведущее уголовный процесс, для оценки соответствующего события использует вместо требуемого понятия иное, как правило, сходное. В судебной практике нередки случаи, когда незаконная переноска наркотического средства рассматривается как незаконная перевозка.

Действия Н. по переноске наркотического средства (метадон весом 0,0189 г) с квартиры дома к другому подъезду этого же дома, где был сбыт наркотик, суд Центрального района г. Минска квалифицировал как перевозку [434, с. 43].

Вместе с тем Пленум Верховного суда Республики Беларусь разъяснил, что незаконная перевозка наркотических средств представляет собой перемещение их в пространстве с использованием какого-либо транспортного средства [436].

Таким образом, незаконная переноска наркотического средства хотя и предполагает его перемещение в пространстве, но не является перевозкой. Незаконная переноска не предусмотрена в ст. 328 УК в качестве альтернативного преступного деяния. Подобное поведение должно квалифицироваться как частный случай незаконного хранения соответствующего предмета.

Как свидетельствует практика, подмена (замена) понятия часто приводит к неправильной уголовно-правовой оценке способа совершения преступления.

По делу С. суд, признавая в его действиях особую жестокость убийства, мотивировал свой вывод тем, что потерпевшему было нанесено большое количество телесных повреждений, что, по мнению суда, свидетельствовало о причинении потерпевшему особых страданий и мучений. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Республики Беларусь исключила из обвинения п. 6 ч. 2 ст. 139 УК на том основании, что множественность телесных повреждений сама по себе не дает оснований для признания убийства, совершенного с особой жестокостью, а других данных, свидетельствующих о том, что лишая жизни потерпевшего, обвиняемый сознавал, что причиняет ему особые страдания и мучения, суд не установил [441, с. 45].

Подмена тезиса – логическая ошибка в процессе доказательства, когда доказывается или опровергается не выдвинутое положение, а другое и вывод распространяется на это положение [596, с. 126].

Анализ судебной практики показывает, что подмена тезиса нередко наблюдается в процессе доказывания по делам о преступлениях против интересов службы.

Старший инспектор таможни К. обвинялся в том, что, находясь при исполнении служебных обязанностей в пункте таможенного оформления (12 и 20 марта), умышленно, вопреки интересам службы, не производил в полном объеме таможенный досмотр, оформление и декларирование товаров, находящихся в автобусах, следовавших с пассажирами и товарами из Одессы в Минск. Его действиями был причинен особо крупный ущерб государству вследствие неуплаты пассажирами таможенных платежей. Первый эпизод содеянного К. сторона обвинения квалифицировала по ч. 1 ст. 425 УК, а второй – по ч. 3 ст. 424 УК. Суд переквалифицировал содеянное К. по второму эпизоду на ч. 3 ст. 425 УК, указав в приговоре, что обвиняемый совершил два абсолютно идентичных посягательства на интересы службы, которые выражались в умышленном бездействии должностного лица [433, с. 40–41].

В данном случае по второму идентичному эпизоду сторона обвинения фактически подменила тезис при квалификации преступления.

Подмена тезиса часто имеет место по делам о соучастии в преступлении.

По приговору Могилевского областного суда от 13 июня 2002 г. осуждены С. по п. 15 ч. 2 ст. 139 УК, С-о – по ч. 6 ст. 16 и п. 15 ч. 2 ст. 139 УК. С. была признана виновной в умышленном противоправном лишении жизни другого человека группой лиц, а С-о в пособничестве исполнению указанных действий, совершенном группой лиц. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда 20 августа 2002 г. изменила приговор, указав следующее. По делу установлено, что С. совершила убийство Ю., нанеся ей не менее восьми ударов металлическим молотком по голове, который по ее предложению передала С-о, оказавшая также содействие в доставлении потерпевшей к месту убийства. Поскольку непосредственно убийство совершила С., а обвиняемая С-о принимала участие в совершении данного преступления в качестве пособника, то квалифицирующий признак – убийство, совершенное группой лиц (п. 15 ч. 2 ст. 139 УК) – был исключен из обвинения [471, с. 53]

В указанной ситуации вывод о совершении преступления в соисполнительстве был ошибочно распространен на пособника убийства.

Рассматриваемая логическая ошибка нередко имеет место при вменении квалифицирующего обстоятельства преступления.

По приговору суда Борисовского района и г. Борисова Е. был осужден за заведомо ложный донос, совершенный из корыстных побуждений (ч. 2 ст. 400 УК). По данному делу суд правильно установил признаки основного состава ложного доноса. Е., будучи предупрежденным об уголовной ответственности за заведомо ложный донос, 11 июля 2002 г. обратился в Борисовский ГОВД с заявлением о привлечении К. к ответственности за угон автомашины. Между тем суд установил, что Е. 22 июня 2002 г. добровольно передал право управления своим автомобилем К., который совершил ДТП и повредил автомобиль, причинив Е. ущерб на сумму, эквивалентную 350 долларам США. Такое поведение Е. было обусловлено стремлением получения от родителей К. суммы ущерба, причиненного повреждением автомобиля. Данных о том, что Е. при этом стремился извлечь для себя или близких выгоду имущественного характера либо намеревался избавить себя или близких от материальных затрат, судом не было установлено, поэтому в действиях Е. отсутствовали корыстные побуждения [498, с. 36].

В данном случае цель возмещения ущерба, которым руководствовалось виновное лицо, была подменена корыстным мотивом. По протесту заместителя председателя Верховного суда президиум Минского областного суда 14 мая 2003 г. приговор изменил, действия Е. были переквалифицированы с ч. 2 ст. 400 УК на ч. 1 ст. 400 УК.

Подмена тезиса иногда проявляется при квалификации разбоя.

В. и Л. были осуждены за разбой, совершенный группой лиц по предварительному сговору, с проникновением в жилище и причинением тяжкого телесного повреждения потерпевшему (ч. 2 ст. 89 УК 1960 г.), а В. и в убийстве из корысти, совершенном с особой жестокостью. Но при рассмотрении дела по протесту заместителя председателя Верховного суда признак о применении к Л. насилия, повлекшего причинение потерпевшему тяжких телесных повреждений, был исключен. Было установлено, что осужденные с целью кражи проникли в дом Г., однако в момент совершения преступления в доме были застигнуты потерпевшим, потребовавшим покинуть квартиру. В. и Л. от своих преступных намерений не отказались, В. с целью завладения имуществом убил Г., нанеся удары ногами, руками, палкой по различным частям тела. Осужденный Л. участия в избиении потерпевшего не принимал. Признавая виновным Л. в разбое, суд неправильно указал, что им в отношении потерпевшего применялось насилие, повлекшее причинение тяжкого телесного повреждения. Действия Л. следует квалифицировать как разбой по предварительному сговору группой лиц с проникновением в жилище, поскольку он после применения осужденным В. насилия завладел имуществом потерпевшего [495, с. 24].

В определенных случаях подмена тезиса может быть вызвана искажением процессуального статуса соответствующего лица, что в конечном итоге влечет ошибочную уголовно-правовую оценку.

Определением судебной коллегии по уголовным делам Минского городского суда в отношении Ж. было возбуждено уголовное дело за отказ свидетеля от дачи показаний. Основанием для возбуждения дела послужило то, что Ж., вызванный для допроса в качестве свидетеля, при рассмотрении уголовного дела по обвинению Т., будучи предупрежденным судом об уголовной ответственности по ст. 178 УК 1960 г., отказался от дачи показаний в судебном заседании. Между тем при рассмотрении данного дела в порядке надзора было установлено, что Ж. являлся соучастником мошенничества, совершенного с Т. Ж. был осужден по факту мошенничества, совершенного совместно с Т. Однако уголовное дело в отношении Т. было выделено в отдельное производство в связи с его розыском. Рассматривая дело в отношении Т. после его розыска, суд обоснованно вызвал для допроса в судебном заседании Ж., поскольку уголовно-процессуальный закон не запрещает допрос ранее осужденных соучастников преступления. Однако привлечение такого лица к уголовной ответственности за отказ от дачи показаний противоречило требованиям ст. 27 Конституции Республики Беларусь [469, с. 35].

Закон тождества непосредственно связан с законом непротиворечия. Сущность этого закона формулируют следующим образом: два суждения, из которых в одном утверждается нечто о предмете мысли, а в другом то же самое отрицается об этом же предмете мысли, не могут быть сразу истинными, если эти суждения высказаны о предмете, взятом в одно и то же время и в одном и том же отношении [21, с. 134; 145, с. 149; 174, с. 297–304]. Следует отметить, что в формальной логике этот закон часто называют иным образом – «закон противоречия» [21, с. 133; 145, с. 149–152; 174, с. 297–305; 261, с. 98–99; 277, с. 32]. Но представляется, что название «закон непротиворечия» точнее выражает его суть, оно узаконивает необходимость непротиворечивости мышления в процессе познания.

Применение закона непротиворечия в логике связывают с непременным соблюдением ряда условий: сравниваемые суждения должны относиться к одному и тому же предмету; эти суждения высказаны о предмете, взятом в одно и то же время и в одном и том же отношении; сравниваемые суждения должны быть несовместимыми. Суть первых двух указанных условий не вызывает особых затруднений в понимании. Проблемным является понимание третьего условия. Изучение научной литературы показывает, что среди ученых-логиков и правоведов, исследовавших законы логики для целей юриспруденции, не на-

блюдается единства относительно определения круга несовместимых суждений, которые составляют основу для применения формально-логического закона непротиворечия.

В логике выделяют два вида несовместимых суждений: противоположные и противоречащие. Противоположными (контрарными) являются суждения, в одном из которых что-либо утверждается, а в другом то же самое отрицается о каждом предмете некоторого множества. Эти суждения одновременно не могут быть истинными, но могут быть одновременно ложными. При ложности же одного из противоположных суждений другое остается неопределенным – оно может быть как истинным, так и ложным. Противоречащими (контрадикторными) являются суждения, в одном из которых что-либо утверждается (или отрицается) о каждом предмете некоторого множества, а в другом – отрицается (или утверждается) о некоторой части этого множества. Эти суждения одновременно не могут быть ни истинными, ни ложными. Для противоречия характерна строгая, или альтернативная, несовместимость: при истинности одного из суждений другое всегда будет ложным; при ложности первого другое будет истинным [51, с. 80–83; 198, с. 23, 90]. В логике противоречащие суждения признаются полностью несовместимыми, а противоположные – частично несовместимыми. Частичная несовместимость противоположных суждений предполагает возможность их «совместимости только по лжи» [520, с. 137–138].

Некоторые авторы считают, что закон непротиворечия (противоречия) действует в отношении сравниваемых противоречивых суждений [276, с. 32], другие – только в отношении сравниваемых противоположных суждений [21, с. 134; 227, с. 22; 391, с. 95; 402, с. 48; 569, с. 127], третьи – в отношении всех несовместимых суждений, как противоположных, так и противоречащих [126, с. 163; 145, с. 150; 174, с. 298; 198, с. 23–25; 301, с. 116; 579, с. 62]. Представляется, что логический закон непротиворечия может быть использован при сопоставлении только противоположных суждений. В противном случае возникнут трудности в понимании логического закона исключенного третьего, суть которого в логике определяется следующим образом: из двух противоречащих суждений одно обязательно истинно, две противоречащие друг другу мысли не могут быть одновременно истинными, но они не могут быть и одновременно ложными [145, с. 152; 402, с. 49–50]. Это означает, что закон исключенного третьего не действует между противоположными суждениями.

При применении логического закона непротиворечия в процессе квалификации преступления важно понимать, что противоположные суждения не могут быть вместе истинными, однако они могут быть одновременно ложными. И в этом их отличие от противоречащих суж-

дений. Проиллюстрируем эту позицию на конкретном примере из практики.

Факт неуплаты налогов индивидуальным предпринимателем М. был квалифицирован органами предварительного расследования как уклонение от уплаты налогов (ч. 2 ст. 243 УК). Государственный обвинитель в судебном заседании отказался от обвинения по ч. 2 ст. 243 УК и квалифицировал действия М. по факту неуплаты налогов как служебную халатность (ч. 1 ст. 428 УК). Свой вывод государственный обвинитель мотивировал тем, что обвиняемый не имел прямого умысла на уклонение от уплаты налогов. Суд осудил М. по ч. 1 ст. 428 УК, указав в приговоре, что он является должностным лицом. Однако ни государственный обвинитель, ни суд не учли, что индивидуальный предприниматель не может быть субъектом служебной халатности [443, с. 33]. В данном случае вывод органа предварительного расследования не соответствовал действительности, поскольку при квалификации преступления не была учтена форма вины, свойственная уклонению от уплаты налогов. Вместе с тем с позиции закона непротиворечия ложной была и квалификация, сформулированная государственным обвинителем: фактические данные не подтверждали признаков должностного лица – субъекта служебной халатности. В приведенной ситуации выводы органа предварительного расследования и государственного обвинителя были противоположными: квалификация факта неуплаты налога в государственном обвинении отрицала квалификацию этого же факта, но сформулированную органом предварительного расследования. Однако выводы и органа предварительного расследования, и государственного обвинителя одновременно были ложными. К сожалению, суд не упразднил в данном случае противоречие, порожденное противоположными квалификационными суждениями органов уголовного преследования, и, продублировав вывод обвинения, совершил в обвинительном приговоре грубую квалификационную ошибку.

Закон непротиворечия не позволяет нам определить, какое именно из двух противоположных суждений, формулирующих обвинение, истинно. Однако этот закон не допускает совмещения обстоятельств, свидетельствующих о разных несовместимых явлениях. Проведенные обобщения правоприменительной практики показывают, что логические ошибки, выраженные в несоблюдении условий действия логического закона непротиворечия, часто нарушаются органами, ведущими уголовный процесс, в ходе собирания и проверки доказательств. В соответствии с ч. 2 ст. 104 УПК проверка доказательств состоит в их анализе, сопоставлении с другими доказательствами, имеющимися в материалах и уголовном деле, а также в установлении их источников, получении других доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство.

К. был признан виновным в незаконных с целью сбыта приобретении, хранении, перевозке и незаконном сбыте наркотических средств. В подтверждение виновности осужденного суд сослался на показания свидетеля Б., выступавшего покупателем наркотического средства, показания сотрудников органов внутренних дел, проводивших оперативные эксперименты, а также показания понятых, участвовавших при проведении оперативно-розыскных мероприятий. Но приведенные доказательства имели ряд существенных противоречий, которые при рассмотрении дела судом не были выяснены. Например, из обоих протоколов оперативных экспериментов следовало, что лицо, продавшее Б. наркотическое средство, стояло спиной к автомобилю, в котором находилась оперативная группа, поэтому разглядеть данное лицо не представлялось возможным. В то же время сотрудники органов внутренних дел утверждали, что обвиняемый – это тот самый парень, который продавал наркотическое средство Б. На чем основан их вывод, судом не было выяснено. По материалам дела не было также ясно, по каким признакам понятые определили, что наркотическое средство продавал именно К. (оперативный эксперимент проводился в темное время суток). При рассмотрении этого дела не были учтены показания свидетелей Т. и М., а также самого подсудимого К. о том, что К. не мог находиться 2 ноября 2005 г. в месте проведения оперативного эксперимента, поскольку в это время проводил вечер в доме М. Кроме того, судом с достоверностью не было выяснено, представлены ли были на экспертизу именно те объекты, которые были получены при проведении оперативных экспериментов, хотя описание пакетов и свертков, якобы добровольно выданных Б., не в полной мере соответствует описанию объектов, поступивших для производства экспертизы. При таких обстоятельствах президиум Витебского областного суда по протесту заместителя председателя Верховного суда отменил приговор суда Октябрьского района г. Витебска в отношении К. [435, с. 39].

Невыполнение в данном случае требований по проверке доказательств не позволило суду выявить противоречия в собранных данных. Согласно ст. 390 УПК при наличии противоречивых доказательств, имеющих существенное значение для выводов суда, приговор должен быть признан не соответствующим фактическим обстоятельствам уголовного дела.

Есть основания полагать, что если противоположное суждение, отрицающее предъявленное (предъявляемое) обвинение, в процессе квалификации преступления не было официально сформулировано или выдвинуто в рамках производства по уголовному делу, то апостериори это противоположное суждение может подразумеваться имеющимися в

уголовном деле фактическими данными. В таком случае это суждение носит скрытый характер. В целях установления объективной истины установление обстоятельств, отрицающих выдвинутое обвинение, является чрезвычайно важной задачей прокурора, и особенно суда. Показательным является следующее дело.

П. передал И. обрез для хранения, который тот хранил в подвале своего дома, а затем вернул П. Сторона обвинения квалифицировала действия И. по ч. 2 ст. 295 УК по признакам «незаконное приобретение, хранение, передача во владение» огнестрельного оружия. Судом И. был осужден 1 марта 2007 г. по ч. 2 ст. 295 УК по признакам «незаконное хранение и передача во владение». Судом был исключен признак «незаконное приобретение» на том основании, что обрез был передан И. для временного хранения, он им не пользовался, а лишь хранил и впоследствии его вернул П. [570, с. 21].

В аспекте действия логического закона непротиворечия вывод органов предварительного расследования относительно незаконного приобретения был признан судом ложным. Отрицание этого вывода (исключение судом из обвинения признака «незаконное приобретение») было обусловлено установленным фактом временного хранения огнестрельного оружия. Однако возникает вопрос относительно верности квалификации органом предварительного расследования и судом незаконной передачи во владение огнестрельного оружия. Если получение оружия на временное хранение исключает незаконное приобретение, то почему возврат оружия тому, кто передал его на хранение, признается незаконной передачей во владение? Правильность квалификации незаконной передачи во владение обреза не подвергалась сомнению при рассмотрении данного уголовного дела в суде. Вместе с тем фактические обстоятельства дела и толкование признака незаконной передачи дают основания для выдвижения противоположного суждения, отрицающего необходимость вменения незаконной передачи во владение огнестрельного оружия.

При уяснении признака незаконной передачи следует вспомнить, что до вступления в силу УК 1999 г. в судебной практике слово «передача» охватывалась понятием «сбыт» [431, с. 141]. Хотя этимологическое толкование слов «передача» и «сбыт» показывает, что сбыт является видовым понятием передачи. В толковых словарях русского языка слово «передать» означает отдать во владение, вручить, распространить каким-нибудь способом. Под сбытом понимается продажа чего-либо [463, с. 641, 715]. Действовавший ранее в следственно-судебной практике подход объяснялся тем, что среди альтернативных деяний, указанных в ст. 213 УК 1960 г., не называлась передача огнестрельного оружия, боеприпасов или взрывчатых веществ без соответствующего

разрешения. В первоначальной редакции ч. 2 ст. 295 УК 1999 г. «передача» и «сбыт» уже были обозначены в качестве самостоятельных альтернативных действий. В целях разграничения понятий «передача» и «сбыт» в уголовно-правовой литературе предпринималась попытка найти существенные юридически значимые признаки, позволяющие провести отграничение между этими понятиями [357].

После вступления в силу закона Республики Беларусь от 17 июля 2006 г. № 147-З «О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный кодексы Республики Беларусь и Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях» признак незаконной передачи был эксплицирован: в ст. 295 УК уже стал использоваться термин «передача во владение». В официальных судебных разъяснениях не дано четкой дефиниции понятию «передача во владение». Вместе с тем примерный перечень деяний, указанный в п. 9 постановления Пленума Верховного суда Республики Беларусь от 3 апреля 2008 г. № 1, дает основание полагать, что возврат оружия лицу, которое его передало во временное хранение, не охватывается незаконной передачей. Соответствует ли объективной истине обвинительный приговор? [437]

К сожалению, контроверзы квалификации преступления могут быть порождены логическими противоречиями, содержащимися в соответствующих нормативных предписаниях. Российский исследователь В.Ф. Щепельков рассматривал противоречивость нормативного акта как результат нарушения принципа конструирования закона и предлагал оценивать его «как деффект нормативного акта, как брак от некачественно выполненной законотворческой работы» [663, с. 19]. Логические противоречия в нормативных предписаниях могут иметь место на разных уровнях: между нормами УК (например, содержание норм не позволяет четко определить, какая из них является общей, а какая специальной), между нормами отдельных действующих законов (например, между нормами КоАП и УК), между новым и старым уголовными законами и др. Не всегда в таких случаях противоречие можно разрешить на основе приоритета юридической силы нормативного правового акта. Логические противоречия, содержащиеся в соответствующих нормативных правовых актах, должны осуществляться на основе логических правил изложения суждений.

Закон непротиворечия связан с другим формально-логическим законом – законом исключенного третьего. Суть закона исключенного третьего была сформулирована еще Аристотелем: «Равным образом не может быть ничего промежуточного между двумя членами противоречия, а относительно чего-то одного необходимо, что бы то ни было одно – либо утверждать, либо отрицать» [24, с. 141]. В современной

науке логики содержание этого закона раскрывают следующим образом: из двух противоречащих суждений одно обязательно истинно, третьего не дано. Это означает, что две противоречащие друг другу мысли не могут быть одновременно истинными, но они не могут быть и одновременно ложными [145, с. 152; 198, с. 25; 402, с. 49–50; 404, с. 44; 549, с. 44–45; 569, с. 129].

В логике некоторые авторы выделяют соответствующие типы противоречивых суждений, при наличии которых одно суждение непременно истинно, а другое ложно. Так, И.Д. Андреев реализацию закона исключенного третьего рассматривает при наличии следующих типов противоречащих суждений: когда в одном суждении нечто утверждается о единичном предмете, а в другом это же самое отрицается об этом же самом предмете, в то же самое время и в том же отношении; когда в одном суждении нечто утверждается о всем классе предметов, а в другом это же самое отрицается относительно некоторых предметов данного класса; когда в одном суждении нечто отрицается относительно всех предметов данного класса, а в другом то же самое утверждается относительно некоторых предметов данного класса [21, с. 140].

При квалификации преступления закон исключенного третьего служит решению важной правоприменительной задачи: подпадает ли общественно опасное поведение под признаки соответствующего вида преступления, описанного в уголовно-правовой норме. А.А. Тер-Акопов верно по этому поводу отметил: «Фактически процесс квалификации преступления состоит из последовательного применения закона исключенного третьего на каждом этапе квалификации: является данное лицо субъектом данного преступления или нет, совершено преступление умышленно или нет… и т. д.? По этому закону строится, как видим, программа квалификации преступления» [569, с. 129].

На принципе «или – или» («либо – либо») основан, по своей сути, весь процесс квалификации преступления. Следственная и судебная практика постоянно сталкивается с альтернативами: имело место общественно опасное деяние или не имело, находился на месте преступления подозреваемый или не находился, виновно или невиновно лицо, совершившее соответствующее деяние, были в наличии или нет иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения уголовного дела. В соответствии со ст. 88 УПК орган, ведущий уголовный процесс, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу. И ничего третьего здесь не предполагается.

Правоприменительная практика показывает, что формально-логический закон исключенного третьего достаточно часто не соблюдается при определении признаков субъективной стороны преступления. Не-

редко это касается установления наличия или отсутствия соответствующего мотива.

Б. был осужден по ч. 1 ст. 14, п. 10, 13 ч. 2 ст. 139 УК. Он признан виновным в покушении на убийство лица в связи с выполнением им общественного долга, из хулиганских побуждений. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Республики Беларусь, рассмотрев дело по кассационной жалобе, изменила приговор исходя из следующего. Суд дал надлежащую оценку доказательствам по делу и обоснованно признал Б. виновным в покушении на убийство лица в связи с выполнением им общественного долга. Вместе с тем из приговора подлежит исключить п. 13 ч. 2 ст. 139 УК – покушение Б. на убийство из хулиганских побуждений, так как совокупность п. 10 и 13 ч. 2 ст. 139 УК недопустима. В данном случае покушение на убийство совершено по мотиву выполнения потерпевшим общественного долга, который предопределял в конкретной ситуации действия виновного [470, с. 48].

Могилевский областной суд признал Б. и П. виновными в разбое, совершенном группой лиц с проникновением в жилище, совершенном с умышленным убийством из корысти с особой жестокостью заведомо малолетнего, группой лиц. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда, изменяя приговор, в своем определении указала следующее. Суд признал Б. и П. виновными в убийстве из корыстных побуждений, сопряженном с разбоем (п. 12 ч. 2 ст. 139 УК), в связи с тем, что квалифицирующий признак убийства «сопряженное с разбоем» предполагает корыстный мотив совершения данного преступления [442, с. 46].

Признак «из корыстных побуждений», предусмотренный в п. 12 ч. 2 ст. 139 УК, в данном случае был излишним, поэтому он обоснованно был исключен из обвинительного приговора.

Использование закона исключенного третьего позволяет решить важный вопрос о наличии или отсутствии отягчающих, а иногда и квалифицирующих обстоятельств совершенного преступления. Например, в практике часто возникает вопрос об отграничении продолжаемого преступления от повторного преступления.

Л. с целью сбыта хранил 35 поддельных купюр по 100 долларов США, а затем в один день сбыл их трем разным лицам. Районный суд признал Л. виновным как по ч. 1, так и по ч. 2 ст. 221 УК по признаку повторности исходя из количества лиц, которым сбыта подделка. Между тем действия Л. охватывались единым умыслом и были направлены на достижение одной цели – сбыта всей полученной им партии подделки, что свидетельствовало об отсутствии признака повторности [188, с. 25].

Применение закона исключенного третьего в процессе квалификации преступления требует от правоприменителя глубоких знаний уголовно-

правовых признаков соответствующих видов преступлений и критериев, позволяющих провести отграничение между смежными или сходными преступлениями. Пробелы в знаниях неизбежно влекут ошибки в выборе уголовно-правовой нормы, подлежащей применению.

По приговору Гродненского областного суда Б. признан виновным в том, что после совместного распития спиртных напитков избил несовершеннолетнюю М., и, используя ее беспомощное состояние, изнасиловал. Непосредственно после изнасилования Б. подверг потерпевшую избиению руками, ногами и палкой, а затем затащил ее в реку, опустил голову в воду и, наступив ногой на шею, удерживал под водой до тех пор, пока потерпевшая не скончалась на месте преступления. Содеянное Б. суд квалифицировал по ч. 2 ст. 166 УК, п. 2, 6–8 ч. 2 ст. 139 УК. Квалифицируя совершенное Б. убийство как сопряженное с изнасилованием и с целью скрыть другое преступление (п. 7, 8 ч. 2 ст.139 УК), суд мотивировал это тем, что убийство потерпевшей он совершил, как достоверно установлено по делу, непосредственно после изнасилования и с целью его сокрытия. Такую квалификацию действий Б. (вменение одновременно п. 7 и 8 ч. 2 ст. 139 УК) нельзя признать обоснованной, поскольку суд тем самым установил, что потерпевшая лишена была жизни дважды: один раз в процессе совершения изнасилования и второй раз – с целью сокрытия этого преступления [441, с. 45–46].

Противоречивость квалификации преступления в данном случае можно было разрешить только с использованием логического закона исключенного третьего.

В процессе квалификации преступления, как и в любой другой сфере мыслительной деятельности, закон исключенного третьего не объясняет, какое из сопоставляемых противоречивых суждений является истинным, а какое ложным. Вместе с тем этот логический закон определяет рамки, в пределах которых может быть установлено объективно истинное суждение. И это суждение в процессе квалификации преступления можно выявить только при всестороннем исследовании, проверке и оценке собранных доказательств.

Противоречивые суждения достаточно часто формулируются в соответствующих процессуальных решениях, выносимых органами, ведущими уголовный процесс, по одному и тому же уголовному делу. Установление истины в кассационной или надзорной судебной инстанции фактически происходит при использовании формально-логического закона исключенного третьего.

Органами предварительного следствия Л. обвинялся в том, что при следовании на автомашине к месту службы в караул не обеспечил сохранность выданного ему для служебного пользования снаряженного 30 боевыми патронами магазина к автомату АК-74, что привело к

утрате магазина. Но приговором межгарнизонного военного суда рядовой Л. был оправдан за отсутствием в его действиях состава преступления. Оправдывая Л., суд указал, что Л. правила сбережения магазина и боеприпасов не нарушил, а его утрата стала следствием стечения случайных обстоятельств: движение автомашины по ухабистой дороге, изношенность подсумка, а также наличие щели между бортом и тентом в месте расположения Л. в кузове автомашины. Но при рассмотрении дела по протесту заместителя Генерального прокурора Республики Беларусь военная коллегия Верховного суда протест удовлетворила, указав следующее. Утрата Л. магазина с 30 боевыми патронами явилась следствием грубого нарушения им требований ст. 96 Временного устава гарнизонной и караульной служб, ст. 13 и 159 Временного устава внутренней службы, а также приказа министра обороны Республики Беларусь № 300 от 27 мая 1996 г., обязывающих военнослужащих обеспечивать сохранность вверенных им для служебного пользования вооружения и военного имущества [466, с. 45–46].

Грубым нарушением закона исключенного третьего является применение в практике избыточной квалификации. Так называемая квалификация с запасом достаточно часто проявляется при вменении обвиняемому идеальной совокупности преступлений, хотя для этого «третьего было не дано».

По приговору суда К. был признан виновным в умышленных действиях, грубо нарушающих общественный порядок и выражающих явное неуважение к обществу, сопровождающихся применением насилия, совершенных с применением предметов, используемых в качестве оружия, а также в умышленном причинении тяжкого телесного повреждения, опасного для жизни, совершенного из хулиганских побуждений, и осужден по ч. 3 ст. 339 и п. 7 ч. 2 ст. 147 УК. Заместителем председателя Верховного суда в президиум Гомельского областного суда был принесен протест об изменении приговора суда первой инстанции – исключении из него указания об осуждении К. по ч. 3 ст. 339 УК. По данному делу суд, правильно установив фактические обстоятельства совершенного общественно опасного деяния, дал ему неверную юридическую оценку. Материалы дела показывали, что К., будучи в состоянии алкогольного опьянения, во дворе жилого дома из хулиганских побуждений нанес один удар А. в область лица, после чего тот упал на землю. Продолжая свои преступные действия, К. нанес потерпевшему не менее 10 ударов деревянной палкой по различным частям тела, причинив ему телесные повреждения, относящиеся к категории тяжких по признаку опасности для жизни. Как было видно из обвинения, предъявленного К. и признанного доказанным судом, одни и те же противоправные действия осужденного были квалифицированы дважды: по ч. 3 ст. 339 и п. 7 ч. 2 ст. 147 УК [446, с. 35–36].

По данному делу квалификация действий осужденного по ч. 3 ст. 339 УК была излишней, поскольку умышленное причинение тяжкого телесного повреждения, совершенное из хулиганских побуждений, не образует идеальной совокупности преступлений.

В процессе квалификации преступления особое значение приобретает формально-логический закон достаточного основания. В логике сущность закона достаточного основания определяют следующим образом: всякая законченная мысль может считаться истинной только в том случае, если известны достаточные основания, в силу которых она считается истинной, т. е. всякая истинная мысль должна иметь достаточное обоснование [21, с. 141; 145, с. 155; 198, с. 26; 301, с. 117]. Этот закон, как отмечает Е.А. Иванов, ничего не говорит о том, какие конкретно основания для соответствующего вывода являются достаточными, но он дисциплинирует наше мышление, направляя его на поиск таких оснований, на обеспечение обоснованности вывода [174, с. 313].

Требования формально-логического закона достаточного основания относительно обоснованности суждений и его функциональная направленность на поиск нужных оснований имеют непосредственное отношение к квалификации преступления. Положения о доказанности, обоснованности, мотивированности выносимых решений закреплены в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Беларусь в качестве основополагающих начал уголовного процесса. Так, в соответствии со ст. 36 УПК следователь обязан принимать все меры по всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств уголовного дела; осуществлять уголовное преследование лица, в отношении которого собраны достаточные доказательства, указывающие на совершение им преступления. Согласно ч. 7 ст. 105 УПК достаточными признаются доказательства, когда их совокупность позволяет установить обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу. При этом все сомнения в обоснованности предъявленного обвинения в соответствии со ст. 16 УПК толкуются в пользу обвиняемого.

Объем требований о достаточном обосновании формулируется уголовно-процессуальным законом по-разному для соответствующих стадий производства по уголовному делу. Так, п. 1 ст. 167 УПК в качестве основания к возбуждению уголовного дела называет наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления, при отсутствии обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу. Статья 240 УПК основанием для вынесения постановления о привлечении соответствующего лица в качестве обвиняемого называет наличие достаточных доказательств, дающих основания для предъявления лицу обвинения в совершении преступления. Одним из важных вопросов, подлежащих разрешению прокурором по уголовному делу, посту-

пившему для направления в суд, согласно п. 3 ст. 263 УПК является вопрос о том, обосновано ли предъявленное обвинение имеющимися в уголовном деле доказательствами. Требования об обоснованности расширяются при вынесении обвинительного приговора. Согласно ч. 2 ст. 350 УПК приговор признается обоснованным, если он постановлен на основании лишь тех представленных суду доказательств, которые всесторонне, полно и объективно исследованы в судебном заседании. В соответствии ч. 1 ст. 356 УПК обвинительный приговор постановляется лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность обвиняемого в совершении преступления подтверждена совокупностью исследованных судом доказательств. Приговор не может быть основан на предположениях.

К сожалению, процессуальные решения, выносимые органами, ведущими уголовный процесс, не всегда достаточно мотивированы, в них отсутствуют обоснование квалификации преступления и юридическая аргументация принятого решения. На этот негативный момент правоприменительной деятельности неоднократно обращалось внимание высшей судебной инстанцией Республики Беларусь [420; 423].

Как показывает практика, формально-логический закон достаточного основания часто нарушается при установлении и оценке фактических обстоятельств дела.

Виновность Е. в убийстве Д. обосновывалась органами предварительного следствия показаниями потерпевшей М., свидетелей Е-ко, И., П., Ш., протоколами осмотра места происшествия, предметов, опознания, проверки показаний обвиняемой с выходом на место происшествия, заключениями судебно-медицинского эксперта. Между тем, как было установлено в суде, потерпевшая и свидетели в своих показаниях не изобличали осужденную в совершении противоправных действий в отношении Д. и из анализа их показаний нельзя сделать вывод о виновности Е. в убийстве Д. Кроме того, показания Е. противоречили данным протокола осмотра места происшествия, а заключение судебно-медицинского эксперта не было оценено в совокупности с другими доказательствами [497, с. 27].

Выявление всех обстоятельств дела – предпосылка верной квалификации преступления. Установленные по делу факты обстоятельства должны подтверждать наличие объективных и субъективных признаков соответствующего вида преступления. Но в описательно-мотивировочной части приговора эти обстоятельства часто не находят отражения.

По приговору районного суда П. был осужден по ч. 2 ст. 424 и ч. 1 ст. 427 УК. Но при рассмотрении этого дела в порядке надзора было установлено грубейшее нарушение требований ст. 360 УПК. В приго-

воре, в частности, не было указано место, время и последствия совершения преступлений. Суд не мотивировал выводы в части квалификации действий П., ограничившись лишь формальным изложением диспозиции уголовного закона и перечислением квалифицирующих признаков преступлений, в совершении которых признан П. виновным. В приговоре также не было указано, по каким основаниям по эпизоду злоупотребления служебными полномочиями суд квалифицировал действия осужденного по признаку причинения существенного вреда правам и законным интересам граждан. Вывод о виновности лица суд обосновал ссылками на материалы служебной проверки, протокол осмотра вещественных доказательств, заключение эксперта. Однако их содержание в приговоре не раскрыто, а по судебному постановлению нельзя сделать вывод, какие обстоятельства, имеющие значение для дела, указанные доказательства устанавливают. Оценка им с точки зрения относимости, допустимости, достоверности судом не дана. Кроме того, выводы суда не соответствовали фактическим обстоятельствам дела, так как и в ходе досудебного производства, и в суде П. отрицал свою виновность в совершении преступлений, по которым он обвинялся. Показания свидетеля Р. на досудебном следствии и в судебном заседании были противоречивыми. Из текста приговора нельзя было сделать вывод о том, какие из показаний свидетеля Р. признаны достоверными, подтверждаются ли они другими доказательствами и какими именно. Несмотря на приведенные существенные противоречия, суд не дал им оценки, не обосновал своего вывода о виновности осужденного. Доводы П. в свою защиту судом фактически не проверены. При таких обстоятельствах Президиум Верховного суда Республики Беларусь пришел к выводу, что приговор суда и последующие судебные постановления нельзя признать обоснованными, они подлежат отмене, а дело – передаче на новое судебное рассмотрение на стадии судебного разбирательства [496, с. 40–41].

Достаточно часто органами предварительного расследования не обосновывается способ совершения преступления. В частности, при привлечении к ответственности взрослых лиц, вовлекших в совершение преступления несовершеннолетнего, следственные органы часто подходят механически, не выясняя способ вовлечения и не обосновывая фактическими данными факт вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления.

В отношении Т. было возбуждено уголовное дело по ч. 3 ст. 205 и ч. 3 ст. 172 УК. При этом следователь не выяснил, как конкретно Т. вовлек своего несовершеннолетнего брата в совершение преступления, в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого не содержалось описания преступления, предусмотренного ст. 172 УК. Более того, в

судебном заседании было установлено, что инициатором преступления являлся сам несовершеннолетний [432, с. 50].

Отсутствие всестороннего и объективного исследования фактических обстоятельств дела достаточно часто приводит к искажению содержания и направленности умысла соответствующего лица, что неизбежно порождает ошибки в квалификации преступления.

Органами предварительного расследования Ж. обвинялся в том, что он путем обмана и злоупотребления доверием под видом приобретения для Б. автомобиля завладел 2150 долларами США и 500 000 рублей, принадлежащими Б. Районным судом Ж. был осужден за мошенничество. Но при рассмотрении дела в порядке надзора было установлено, что материалами дела не подтверждается факт получения Ж. денег с целью их присвоения, без намерения выполнить взятое на себя обязательство. Как на предварительном следствии, так и в судебном заседании Ж. утверждал, что заключил с Б. сделку о том, что за 2150 долларов США и 500 000 рублей доставит ему из Германии автомобиль либо вернет деньги. Во исполнение сделки Ж. обратился в ПКФ «Амида» для оформления визы в Германию, однако в выдаче визы ему было отказано, что подтверждается справкой консульского управления МИД Республики Беларусь. В целях оформления визы Ж. поехал в Москву, где у него были похищены деньги, полученные у Б. Факт заключения между Ж. и Б. сделки о покупке автомобиля подтверждается распиской, выданной Ж. на имя Б., а также показаниями Б. При наличии таких данных основания для утверждения о том, что Ж. совершил мошенничество не было, поэтому по данному делу совершенно обоснованно был вынесен оправдательный приговор [468, с. 36].

Необоснованность квалификации преступления может быть обусловлена неправильным установлением признаков субъекта преступления.

Определением районного суда производство по уголовному делу по обвинению Б. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 166 и ч. 2 ст. 214 УК, было прекращено в связи с недостижением им уровня 14-летнего возраста по своему психическому развитию. По протесту заместителя Генерального прокурора судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда определение суда отменила, указав следующее. В соответствии с ч. 3 ст. 27 УК не подлежит уголовной ответственности несовершеннолетнее лицо, которое достигло предусмотренного ч. 1 или ч. 2 этой статьи возраста, если будет установлено, что вследствие отставания в умственном развитии, не связанного с болезненным психическим расстройством, оно во время совершения общественно опасного деяния было не способно сознавать фактический характер или общественную опасность своего деяния. Проведенная по данному делу судебная психолого-психиатрическая

экспертиза не содержала ответа на вопрос о том, связана ли обнаруженная у Б. легкая умственная отсталость с болезненным психическим расстройством. Более того, в указанном заключении не указан уровень отставания Б. в умственном развитии. Поскольку заключение экспертизы не содержало ответов на вопросы суда и не соответствовало требованиям ч. 3 ст. 27 УК, а именно оно явилось основанием для вынесения определения о прекращении дела в отношении Б., данное определение было отменено в силу его необоснованности [467, с. 37].

Отсутствие достаточного основания для вменения соответствующего преступления не исключает наличия признаков иного вида преступления.

Ш. было предъявлено обвинение в совершении особо злостного хулиганства (хулиганство, сопровождающееся применением насилия, с использованием предмета в качестве оружия) при следующих обстоятельствах. Ш. на почве сложившихся неприязненных отношений нанес потерпевшему три удара палкой по туловищу, причинив легкие телесные повреждения, не повлекшие кратковременного расстройства здоровья. Вместе с тем в материалах дела не было представлено доказательств того, что обвиняемым грубо нарушался общественный порядок. Из материалов дела усматривается, что потерпевший не имел постоянного места жительства и длительное время проживал в подъезде дома обвиняемого. Ш. неоднократно требовал от него покинуть подъезд, так как потерпевший создавал антисанитарные условия. При таких обстоятельствах действия обвиняемого были направлены против личности, а не против нарушения общественного порядка [472, с. 40].

В логике одной из ошибок, связанной с нарушением закона достаточного основания, называют ошибку мнимого следования. Она обнаруживается там, где нет достаточной логической связи между доводами и выводами. В судебной практике эта ошибка часто имеет место при уголовно-правовой оценке соисполнительства в совершении преступления.

Могилевский областной суд, признавая Я. виновной в незаконной перевозке огнестрельного оружия, указал, что она согласилась с другими обвиняемыми принять участие в совершении этого преступления. В то же время суд не указал, в чем конкретно выразились действия обвиняемой непосредственно по перевозке данного оружия – исполнению преступления [453, с. 43].

В процессе квалификации преступления важным является понимание юридически значимых признаков конкретных видов преступлений. Закон достаточного основания имеет свое применение и в процессе понимания, усвоения правоприменителем смысла уголовно-правовой

нормы. Особое значение в этом случае имеет толкование норм высшей судебной инстанцией, которое обосновывает для нижестоящих судов квалификацию соответствующего преступления. Например, в следственно-судебной практике возникал вопрос о том, следует ли неудавшуюся попытку сбыта фальшивой денежной купюры, совершенную лицом, хранившим эту подделку, квалифицировать дополнительно по ч. 1 ст. 14 и ст. 221 УК. Пленум Верховного суда Республики Беларусь по данному вопросу дал разъяснение, согласно которому дополнительной квалификации в таком случае за покушение на сбыт поддельной денежной единицы не требуется. Обоснована эта позиция была тем, что хранение поддельных денежных знаков или ценных бумаг с целью сбыта образует состав оконченного преступления и, следовательно, не требует дополнительной квалификации по ч. 1 ст. 14 и ст. 221 УК [440].

Разъяснения высшей судебной инстанции имеют большое значение при обосновании отграничения преступлений друг от друга. Так, обобщив судебную практику по делам о взяточничестве, Пленум Верховного суда Республики Беларусь, в частности, разъяснил, что, если должностное лицо, получив вознаграждение, просит других лиц, с которыми оно ни в каких служебных отношениях не состоит, оказать содействие в получении выгоды лицам, давшим вознаграждение, в его действиях состав получения взятки (ст. 430 УК) отсутствует. Позиция Пленума Верховного суда была обоснована тем, что должностное лицо в таком случае действует без использования своих служебных полномочий [429].

Представляется, что объективной предпосылкой для нарушения логического закона достаточного основания при квалификации преступления является несовершенство правового регулирования некоторых институтов уголовно-процессуального законодательства (процедура рассмотрения дел частного обвинения, сокращенный порядок судебного следствия и др.).

Показательным в этом смысле является дело Ч., который был осужден по ч. 1 ст. 339 и ст. 186 УК. Ч. был обвинен в том, что, находясь возле дома Д. в состоянии алкогольного опьянения, грубо нарушая общественный порядок и выражая явное неуважение к обществу, металлическими граблями умышленно нанес два удара по боковым стеклам автомашины, принадлежащей сыну Д., разбил их, причинив тем самым имущественный ущерб. Кроме того, ранее, в это же утро, Ч., взяв в своем доме кухонный нож, преследовал находящегося на улице Д., размахивал перед ним ножом, угрожая убийством. Между тем материалы дела свидетельствовали о несколько ином варианте пре-

ступного поведения. Д., встретив на улице Ч., в присутствии Ш. предложил ему оплатить ранее привезенные дрова. Не соглашаясь с суммой оплаты, Ч. разозлился и начал ругаться с потерпевшим. Затем обвиняемый зашел в свой дом, взял со стола кухонный нож и направился к дому Д., при этом Ч. размахивал ножом в различных направлениях, кричал, что убьет последнего. После того как Д. скрылся в своем доме, Ч. не стал его преследовать, а, схватив лежащие на земле садовые грабли, разбил боковые стекла припаркованной рядом автомашины. Поскольку дело было рассмотрено с применением сокращенного порядка судебного следствия, суд фактически не выяснил действительные обстоятельства совершения преступления, а также направленность умысла обвиняемого и обоснованность квалификации преступных действий Ч. по совокупности преступлений. Однако в данной обстановке действия Ч. были объединены местом и временем их совершения, что свидетельствовало о едином умысле на совершение противоправных действий. Содеянное в этом случае должно было быть квалифицировано как особо злостное хулиганство (ч. 3 ст. 339 УК). Дополнительной квалификации за угрозу убийством (ст. 186 УК) в данном случае не требовалось [439, с. 35–36].

Вышеизложенное позволяет обобщить на уровне выводов следующие положения.

1. В логическом аспекте квалификация преступления представляет собой формально-логическую процедуру идентификации.

2. Логическим основанием квалификации (идентификации) преступлений следует признавать законодательное суждение, содержащееся в гипотезе уголовно-правовой нормы.

3. Норма-суждение, выполняя в логической структуре категорического силлогизма функцию бóльшей посылки, должна адекватно отражать необходимость уголовно-правовой охраны и соответствовать объективной социальной действительности. Законодательная технология конструирования норм УК должна строго осуществляться на основе логических правил изложения суждений.

4. Анализ действующих статей Особенной части УК Республики Беларусь позволяет констатировать, что несоответствие нормативных суждений социальной действительности (ложность нормы) может проявляться в следующих вариантах: уголовно-правовая норма направлена на охрану фактически еще не существующей системы отношений; норма введена в действие при ошибочном выборе предмета уголовно-правового регулирования; имеет место нарушение логической структуры законодательного суждения при его формулировании; логическое содержание нормы искажается вследствие упущений, допущенных при

кодификации иной отрасли законодательства; наличие в нормах контрадикторных уголовно-правовых понятий.

5. Наличие в УК ложных норм дезориентирует органы, ведущие уголовный процесс, в выборе большой посылки, что создает предпосылки для неправильной квалификации преступления. Это порождает необходимость проведения мониторинга по выявлению норм, не соответствующих объективной социальной действительности, и принятия соответствующих законодательных решений на предмет приведения к логическому соответствию системы уголовно-правовых норм.

6. Изучение дефинитивных предписаний, содержащихся в действующем УК, показывает, что логические правила, предъявляемые к определению, белорусский законодатель и правоприменитель соблюдает далеко не всегда. Типичной ошибкой нарушения логических правил определения является смешение родовых и видовых признаков или признание видового признака в качестве родового.

7. Определения конкретных видов преступлений, содержащихся в статьях Особенной части УК, должны четко и ясно очерчивать пределы криминализации. Отсутствие единых определений криминообразующим понятиям нарушает правило о единообразии в применении уголовно-правовых норм. Обеспечить это правило в правоприменительной практике можно только путем законодательных определений соответствующих терминов.

8. Предпосылкой объективной ошибки в квалификации преступления может быть криминализационная избыточность, проявляющаяся в уголовной политике. В процессе проведения юридических экспертиз проектов нормативных правовых актов должно быть уделено особое внимание обнаружению и упразднению контрадикторных нормативных суждений.

9. Сущность формально-логического закона тождества при квалификации преступления выражается в едином и однозначном понимании и толковании органом, ведущим уголовный процесс, признаков соответствующего вида преступления. Подмена (замена) понятия или тезиса до конца производства по уголовному делу недопустима.

10. Контроверзы квалификации преступления, как правило, порождаются логическими противоречиями и создают предпосылки для ошибки в квалификации преступления. Эти противоречия могут быть вызваны неполнотой собранных фактических данных, односторонностью в оценке доказательств, правовой неосведомленностью лиц, в результате чего необоснованно выдвигаются противоположные суждения относительно уголовно-правовой оценки содеянного, нарушением правил законодательной техники при конструировании соответствующих правовых норм.

11. Формально-логический закон непротиворечия не допускает совмещения обстоятельств, свидетельствующих о разных несовместимых явлениях. Использование логического закона непротиворечия в процессе квалификации преступления должно ориентировать органы, ведущие уголовный процесс, на всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств уголовного дела.

Закон непротиворечия действует при сопоставлении только противоположных суждений. При применении логического закона непротиворечия в процессе квалификации преступления важно понимать, что противоположные суждения не могут быть вместе истинными, однако они могут быть одновременно ложными.

12. Закон исключенного третьего распространяется только на противоречивые суждения. И в этом его отличие от формально-логического закона непротиворечия.

Для практики квалификации преступления значение этого закона состоит в том, что он устанавливает для органа, ведущего уголовный процесс, в рамках расследуемого или рассматриваемого уголовного дела определенные интеллектуальные пределы, в которых возможен поиск объективной истины. Эта истина заключена в одном из двух отрицающих друг друга суждениях. Проверка подлинности этих суждений позволяет выбрать правильное суждение, которое должно быть отражено в квалификации преступления.

13. Практическое значение логического закона достаточного основания при квалификации преступления заключается в том, что в основу вывода об уголовно-правовой оценке совершенного преступления могут быть положены только те фактические обстоятельства, совокупность которых необходима и достаточна для констатации соответствующего вида преступления. Требования закона достаточного основания, трансформированные в положениях уголовно-процессуальных норм о необходимости доказанности, обоснованности и мотивированности выносимых процессуальных решений, приобретают методологическое значение в процессе квалификации преступления.

14. Формально-логические законы взаимодействуют друг с другом. Нарушение при квалификации преступления одного из рассматриваемых формально-логических законов, как правило, влечет ошибочное применение другого логического закона.

В процессе квалификации преступления формально-логические законы должны обеспечиваться следующими основными требованиями: соблюдение правил законодательной техники при конструировании уголовно-правовых норм, единое и однозначное толкование в правоприменительной практике уголовно-правовых признаков соответствующего вида преступления, стабильность и несменяемость предмета доказывания, правильное понимание процессуального положения не-

которых лиц, принимающих участие в уголовном процессе, соблюдение логических правил изложения суждений.

15. Сами по себе формально-логические законы не позволяют в процессе квалификации преступления определить, какие конкретно основания для соответствующего вывода являются достаточными, какое именно из двух противоположных или противоречивых суждений, формулирующих обвинение, истинно. Однако эти законы объясняют недопустимость подмены понятий в процессе квалификации преступления, исключают совмещение обстоятельств, свидетельствующих о разных несовместимых явлениях, определяют рамки, в пределах которых может быть установлено объективно истинное суждение, дисциплинируют мышление лица, применяющего уголовный закон, направляя его на поиск достаточных оснований, которые обеспечивают обоснованность вывода о квалификации содеянного.

Глава 4

ПРИНЦИПЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

4.1. Основополагающие философско-методологические начала квалификации преступления

Известное высказывание Гельвеция о том, что «знание принципов возмещает незнание некоторых фактов» показывает важность изучения принципиальных, основополагающих начал любой деятельности. Общепризнано, что основные и универсальные принципы деятельности заложены в философии. В философии права на формирование таких принципов в настоящее время оказывают влияние идеи интегративной юриспруденции, основанной на взаимопроникновении средств, методов и идей различных отраслей знания, необходимости понимания правовой реальности с позиции плюрализма правовых идеологий и синтеза методологий научного познания. Приверженцы интегративного подхода к пониманию права «направляют свои усилия на поиск того узла, где параллельные пересекаются, где сходятся даже в разные стороны уходящие прямые» [269, с. 128]. С учетом интегративного подхода к правопониманию в современной правовой культуре есть основания рассматривать процесс квалификации преступления с позиции принципов, которые обусловлены основными аспектами философского знания: онтологическим, аксиологическим и гносеологическим.

В онтологическом аспекте философия рассматривает фундаментальные идеи бытия. Одним из таких важных положений в философии является детерминизм, который является не только самостоятельным философским учением, но и философско-методологическим принципом, объясняющим наличие универсальной и закономерной связи и обусловленности между явлениями. Принцип детерминизма является одним из наиболее выраженных интенций познания, явно или косвенно участвующим в регуляции поиска [407, с. 310]. Согласно принципу детерминизма каждое явление или событие имеет свою причину, т. е. порождается другим событием, явлением. Простейшая форма причинности – элементарная причинная связь характеризуется такими чертами, как последовательность во времени (причина предшествует следствию); отношение порождения (причина генетически обусловливает

возникновение следствия); необратимость (если причина есть причина следствия, то следствие не может быть причиной причины); необходимость и всеобщность (одна и та же причина в одних и тех же условиях с необходимостью порождает одно и то же следствие). Значение этого принципа в процессе квалификации преступления, связанного с наступлением последствия, известно всем правоведам.

В онтологическом аспекте есть основания вести речь и о принципе смысловой определенности, который предполагает сведение возможного множества значений к единому концепту понимания. В контексте квалификации преступления смысловая определенность касается прежде всего терминологии уголовного закона. Единое понимание смысла нормы уголовного закона при ее применении может быть достигнуто только в том случае, если формирование (создание) соответствующей нормы будет основано на адекватном понимании его терминов. Следует также понимать, что уголовный закон должен однозначно восприниматься не только законодателем и лицами, применяющими уголовный закон, но и гражданами, которым он непосредственно адресован.

Таким образом, в онтологическом аспекте квалификация преступления выражается в том, что правоприменитель воспринимает, исследует и интерпретирует имеющиеся фактические данные в их взаимосвязи, приписывая соответствующим обстоятельствам уголовно-правовое значение. При этом понятый факт реальной действительности логически рационализируется в соотношении с уголовно-правовой нормой, устанавливающей общий запрет на соответствующее поведение.

Важным для квалификации преступления является аксиологический аспект правоприменения. Аксиология (от гр. axia – ценность и logos – учение) – философская дисциплина, исследующая категорию «ценность», характеристики, структуры и иерархии ценностного мира, способы его познания и его онтологический статус, а также природу и специфику ценностных суждений [407, с. 25–28]. В философии права аксиологии отводят задачу определения правовых ценностей, их признаков, свойств, значению в жизни человека [170, с. 175–215]. На методологическом уровне рассматриваемый аспект следует рассматривать с позиции принципов когнитивизма и эвиденции.

В соответствии с принципом когнитивизма сознание может быть сведено к знанию и познанию, что в юриспруденции проявляется в использовании эпистемологических концептов (например, истина) для постановки и решения аксиологических по своей природе проблем [292, с. 53]. Познавательная деятельность человека (когниция) характеризуется его умением ориентироваться в мире и понимать этот мир.

Действие принципа когнитивизма обусловлено объяснением и пониманием. При этом в рамках герменевтического дискурса аксиологи-

ческий аспект в квалификации преступления отражает социально-правовую оценку созданного концепта практического применения уголовного закона. При квалификации преступления понимание редуцируется в применение уголовного закона. Уполномоченное лицо в этом случае констатирует в соответствующем процессуальном решении наличие соответствия между понятыми им фактическими обстоятельствами дела и понятой им уголовно-правовой нормой. «Практическое» понимание, выраженное в применении уголовного закона, кроме того, свидетельствует о направленности уголовно-правовой охраны в господствующей в обществе системе ценностей. Герменевтические процедуры и приемы формируют специфику правового мышления. Они определяют социальный характер понимания и социальную роль субъекта правоприменения. Правовое мышление в процессе квалификации преступления выступает в качестве особой схемы смыслополагания: от понимания к применению.

Важно отметить, что в аксиологическом плане квалификацию преступления следует рассматривать как социально-правовую оценку преступления. Этот важный аксиологический (ценностный) момент, к сожалению, отмечается не всеми авторами, исследовавшими определение квалификации преступления. Лишь немногие ученые выделяют в квалификации преступления не только сугубо юридический, но и социальный момент. Напрмер, П.Ф. Гришанин к содержанию квалификации преступления относит социальную и юридическую оценки: «Социальная оценка выражается в установлении того, является ли совершенное лицом деяние столь общественно опасным, чтобы его считать с точки зрения уголовного закона преступным. Юридическая оценка выражается в определении нормы Особенной части УК, предусматривающей совершенное лицом преступление. Социальная оценка позволяет провести отличие преступления от иного правонарушения» [134, с. 52]. Таким образом, социальная оценка имеет своим объектом материальный признак преступления. В рамках социальной оценки правоприменитель решает вопросы квалификационно-разграничительного характера.

Принцип эвиденции (достоверности, очевидности) – основополагающий методический принцип феноменологии, сформулированный Э. Гуссерлем. Он отмечает, что в ходе исследования нет оснований выносить суждение, если оно почерпнуто «не из эвиденции, не из опытов, в которых существующие вещи и положения вещей присутствуют для меня как они сами. Выяснением этой эвиденции, то есть изначальной достоверности, очевидности, и надо заняться прежде всего» [407, с. 276]. Разве не этим занимается следователь, выясняя круг фактических обстоятельств для целей правильной квалификации?

В философской литературе наиболее обстоятельно разработаны принципы, характеризующие гносеологический процесс. К основным из них относят принципы объективности, познаваемости, отражения, творческой активности субъекта познания, обобщения и абстрагирования, восхождения от абстрактного к конкретному, конкретности истины [677].

Принцип объективности означает, что объект познания существует вне и независимо от субъекта и самого процесса познания. Из этого положения следует методологическое требование – любой объект исследования надо принимать таким, каков он есть. Полученный результат исследования должен исключать любое проявление субъективности, ее претензию выдавать желаемое за действительное. Подобный подход воспринимается не только в материалистической диалектике, но и в современных неклассических интерпретациях. Так, М.С. Кунафин отмечает, что «в соответствии с неклассической интерпретацией принципа объективности роль интеллекта заключается в сохранении динамического равновесия между возможностями предметов и значениями слов. Мышление есть специальная функция языка для постоянного уточнения значений слов. Трактовка предметной реальности как языковой приводит к неклассическому пониманию онтологического и гносеологического аспектов принципа обеъктивности: «предметный мир существует вне нас и от нас не зависит» [259, с. 9].

Таким образом, объективность является одним из важнейших требований любого исследования, в том числе и осуществляемого в процессе квалификации преступления. Правоприменитель должен воздерживаться от своих пристрастий к объектам конфликтного уголовно-правового отношения: лицу, совершившему преступление, и деянию, которое было им совершено. Он также не должен быть заложником каких-либо конъюнктурных соображений, обусловленных реализацией мероприятий по борьбе с определенными видами преступлений (например, преступлений коррупционного характера).

В контексте герменевтически-феноменологического подхода для реализации принципа объективности в процессе понимания и толкования уголовно-правовой нормы большое значение имеет разработанный М. Хайдеггером познавательный прием – герменевтический треугольник. В процессе квалификации преступления правоприменителю для того, чтобы понять смысл текста уголовно-правовой нормы, необходимо перенестись в атмосферу времени принятия уголовного закона. И в этом смысле он должен размышлять в рамках понятий, действовавших в период принятия текста соответствующей уголовно-правовой нормы. Таким образом, в толковании текста нормы уголовного закона достигается историческая объективность.

Принцип познаваемости означает, что в процессе квалификации преступления у правоприменителя есть возможность получить знания о событии преступления. Трудности при реализации познания могут возникать только между тем, что познано и еще не познано. В процессе выяснения фактических обстоятельств дела у правоприменителя могут возникать сомнения, которые в рамках гносеологического отношения должны быть опровергнуты при отработке соответствующих версий квалификации совершенного преступления.

Принцип отражения рассматривают в философии как отображение оригинала с помощью образа. Соответствие образа оригиналу возможно, если каждому элементу образа однозначно соответствует элемент оригинала и каждому отношению между элементами образа соответствует отношение между элементами оригинала [303, с. 9–15; 671, с. 5–12]. Именно этим занимается квалификатор, устанавливая соответствие между признаками совершенного преступления и признаками состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой.

Принцип творческой активности в процессе квалификации преступления определяет способность лица, осуществляющего квалификацию преступления, к выявлению целостной картины криминального проявления поступка человека. Герменевтическая процедура применения уголовного закона является кульминацией квалификации преступления. Она аккумулирует в себе жизненный опыт и интуицию квалификатора при установлении фактических обстоятельств дела, искусство понимания и толкования уголовного закона, юридические знания, правовую культуру.

Принцип обобщения и абстрагирования в гносеологии рассматривают как методологический ориентир на получение обобщенного образа объекта различной степени активности. Для квалификации преступления при обобщении полученных фактических данных и нормативной информации большое значение имеют разработанные в философии правила абстракции, анализа, синтеза, сравнения.

Принцип восхождения от абстрактного к конкретному предполагает, что между реальностью и ее мысленным воспроизведением находится особое промежуточное пространство, позволяющее редактировать мысленную конкретность на базе новых эмпирических данных, объяснять, а подчас и разрешать несоответствие, возникающее между абстрактным образом и конкретным объектом, демонстрировать «открытость» обобщенного образа по отношению к новой информации. Представляется, что в контексте герменевтически-феноменологического метода этот принцип обеспечивает и герменевтический круг, который на основе диалектики части и целого помогает для правоприменителя решить проблемы понимания при квалификации преступления.

Принцип конкретности истины в философии всегда рассматривается при наличии требований о наличии определенных гносеологических предпосылок. В процессе познания субъект пользуется не изолированными, а взаимосвязанными понятиями. Эта взаимосвязь осуществляется с помощью суждений и умозаключений. Благодаря этим логическим конструкциям субъект познания, рассматривая проблемную ситуацию в качестве объекта познания, выстраивает свое гносеологическое отношение, что-либо утверждая относительно объекта или отрицая [551, с. 12–14].

В рамках категорического силлогизма суждение, положенное при квалификации преступления в основу малой посылки, будет истинным только в случае, если были установлены все обстоятельства преступления, совершенного в конкретном месте, времени и обстановке.

Нельзя согласиться с мнением некоторых специалистов в сфере уголовного процесса о том, что постижение истины по уголовному делу связано только с процессом доказывания в рамках реализации норм уголовно-процессуального права. Например, З.В. Макарова пишет: «Включение в содержание истины, помимо совершенного деяния, его юридической оценки (квалификации) и наказания приводит к смешению гносеологической (познавательной) и аксиологической (оценочной) сторон доказывания. Юридическая оценка может быть изменена, отменена, как и наказание. С достоверно установленной истиной этого произойти не может. Кроме того, смешение сведений о совершенном деянии с оценочными суждениями о нем может привести к подмене установленных обстоятельств дела их квалификацией» [291, с. 101]. Т.В. Кленова видит в этом «процессуальный перекос» и, критикуя такой подход, совершенно справедливо отмечает, что «с точки зрения достоверности оцениваются не только процессуальные, но и уголовно-правовые выводы. Заключение о преступности деяния, как и установление события (фактических обстоятельств дела), должно быть единственно возможным, соответствовать тому, что имело место в действительности, чтобы считаться правильным. Установление события преступления и квалификация содеянного как преступления – это неразрывные части судебного познания» [202, с. 65].

4.2. Уравнивающий и распределяющий аспекты принципа социальной справедливости в призме квалификации преступления

Принципы уголовного права в УК нашли свое эксплицитное выражение в ст. 3, в которой они называются принципами уголовного закона и уголовной ответственности. Часть 1 ст. 3 определяет: «Уголовная ответственность в Республике Беларусь основывается на принципах законно-

сти, равенства граждан перед законом, неотвратимости ответственности, личной виновной ответственности, справедливости и гуманизма».

Относительно направленности реализации всех принципов либо отдельно взятого принципа уголовного права в доктрине уже давно отмечается, что они адресованы не только правоприменителю, но и законодателю [50, с. 11; 194, с. 134–135; 663, с. 96]. Н.Ф. Кузнецова называет еще и третьего адресата – граждан («прежде всего в лице совершивших преступления и потерпевших от преступления») [250, с. 70–71].

Вопрос о содержании и реализации принципов в уголовном праве относится к одной из сложнейших проблем. Об этом свидетельствует весьма обширная литература по проблематике как всей системы принципов, так и отдельно взятого принципа уголовного права [22; 45; 135; 194; 237; 288; 298; 302; 464; 514; 623; 638]. Особую проблему образует вопрос о соотношении указанных принципов.

Белорусский законодатель определяет содержание большинства указанных в ст. 3 УК принципов в узком, сугубо отраслевом значении. Нормативное выражение принципов непосредственно в тексте уголовного закона придает им общеобязательный характер. Например, в контексте правоприменения, в том числе и при квалификации преступления, они становятся теми факторами, которые формируют у должностных лиц органов, ведущих уголовный процесс, правопонимание и правосознание в процессе реализации уголовно-правовых норм. Но в то же время большинство принципов, указанных в ст. 3 УК, являются по своей природе социальными или общеправовыми (справедливость, равенство перед законом, гуманизм, законность), т. е. относятся ко многим сферам социального существования людей, в том числе и ко всем отраслям права. Как показывают исследования многих правоведов, гармонии между этими принципами в процессе правотворчества и правоприменения нет. Например, то, что законно, не всегда справедливо, принцип гуманизма часто входит в формальное противоречие с принципом равенства всех перед законом и т. д.

Кроме того, ряд принципов, указанных в ст. 3 УК и имеющих отношение к квалификации преступления, закреплены в Конституции Республики Беларусь [328]. Некоторые правоведы ставят под сомнение целесообразность закрепления конституционных принципов в тексте уголовного закона. Так, российский ученый В.В. Мальцев полагает, что конституционные нормы не следует воспроизводить в отраслевом законодательстве: «Во-первых, едва ли это укрепляет целостность Конституции, во-вторых, излишне – Конституция имеет высшую юридическую силу и прямое действие…» [302, с. 130]. Такого рода аргументации трудно что-либо возразить. Более того, в ч. 3 ст. 1 УК Республики Беларусь указано, что «Уголовный кодекс Республики Беларусь

основывается на Конституции Республики Беларусь и общепризнанных принципах и нормах международного права». Что касается конституционных норм, определяющих соответствующие принципы, то они фактически имеют прямое действие для уголовного законодательства.

Указанные принципы имеют разноаспектное содержание, которое проявляется в совокупности соответствующих требований к осуществлению определенного вида деятельности: криминализации, кодификации, государственного регулирования борьбы с преступностью, непосредственного применения правовых норм и т. д. Есть основания утверждать, что в контексте квалификации преступления проблемы реализации большинства принципов во многом связаны с неудачной формулировкой этих принципов в уголовном законе. Лакмусовой бумагой здесь является законодательное определение справедливости в УК.

В УК о справедливости упоминается в двух статьях. В ч. 6 ст. 3 раскрывается содержание справедливости: «Наказание или иные меры уголовной ответственности должны быть *справедливыми* (выделено нами. – *В.М.*), то есть устанавливаться и назначаться с учетом характера и степени общественной опасности преступления, обстоятельств его совершения и личности виновного». Часть 3 ст. 44 определяет: «Уголовная ответственность призвана способствовать восстановлению *социальной справедливости* (выделено нами. – *В.М.*)». Есть основания полагать, что понятия «справедливость» и «социальная справедливость» в указанных нормах имеют разное содержание.

Содержание принципа справедливости, определенное в ст. 3 УК, сориентировано на сферу дифференциации (мера уголовной ответственности должна быть установлена законодателем) и индивидуализации уголовной ответственности. Вполне понятно, что в уголовном праве идея справедливости связана прежде всего с воздаянием, установлением того объема правоограничений, которые должны применяться к лицу, совершившему преступление. Но если под принципом мы понимаем некое руководящее начало, то, представляется, что оно должно действовать при реализации всех положений уголовного закона, а не ограничиваться только необходимостью соблюдения соответствия между тяжестью совершенного преступления и применяемой мерой уголовной ответственности. Назначение наказания или иных мер уголовной ответственности – это важный заключительный этап в процессе применения уголовно-правовой нормы. Прежде чем будет решен вопрос о применении санкции уголовно-правовой нормы, должностное лицо, осуществляющее уголовное преследование, а впоследствии суд должны первоначально решить вопрос о реализации гипотезы и диспозиции этой уголовно-правовой нормы. Этот вопрос в контексте применения норм-запретов, предусмотренных Особенной частью УК, отно-

сится к процессу квалификации преступления. И если преступление будет квалифицировано неправильно, то разве назначенную меру уголовной ответственности можно считать справедливой?

Таким образом, законодательный тезис, содержащийся в ч. 6 ст. 3 УК, существенно ограничивает содержание принципа справедливости. Этот принцип должен распространять свое действие и на иные аспекты уголовно-правовой материи, в том числе и процесс квалификации преступления.

Следует заметить, что ограниченное понимание принципа справедливости имеет место и в уголовном законодательстве других государств – участников СНГ. Например, многие российские правоведы подвергают критике положения ч. 1 ст. 6 УК России, в которой понятие принципа справедливости сходно во многом с определением, данном в ч. 6 ст. 3 УК Республики Беларусь. Так, А.В. Арендаренко отмечает, что в тексте уголовного закона этот принцип раскрыт «не полностью, что обедняет его содержание: представленная трактовка позволяет утверждать, что он [принцип] направлен на защиту прав лица, совершившего преступление, а ведь одна из главных задач Уголовного кодекса – охрана прав и свобод человека и гражданина, т. е. прежде всего законопослушного гражданина, потерпевшего от преступления» [22, с. 125]. На однобокость и ограниченность содержания принципа справедливости в российском УК обращали внимание и другие правоведы [10].

Вместе с тем при всей ограниченности формулировки этого принципа в отличие от подобных положений, закрепленных в уголовном законодательстве государств – участников СНГ, в ч. 6 ст. 3 УК содержится важное указание на сферу реализации принципа справедливости: меры уголовной ответственности должны устанавливаться и назначаться с учетом характера и степени общественной опасности преступления, обстоятельств его совершения и личности виновного. Суждение о том, что справедливость нужно рассматривать не только на правоприменительном, но и законодательном уровне уже давно высказывалось в литературе [194, с. 134–135]. Но С.Г. Келина и В.Н. Кудрявцев помимо справедливости формирования санкции выделяли еще один уровень справедливости применительно к формированию круга деяний. В этом аспекте они отмечали, что «при криминализации (и декриминализации) того или иного деяния законодатель должен учитывать нравственные, этические представления граждан о справедливости и несправедливости определенных поступков» [194, с. 135]. Таким образом, значение принципа справедливости для законотворческой деятельности состоит в том, что он обязывает законодателя обоснованно проводить криминализацию и пенализацию, устанавливать

виды и размеры санкций за уголовно-противоправные деяния с учетом мнения населения, его представлений о добре и зле.

Следует также отметить, что использованная в УК техника конструирования некоторых квалифицированных составов преступлений входит в противоречие с принципом справедливости. Например, в ч. 1 и 2 ст. 228 ответственность дифференцирована в зависимости от предмета контрабанды. Однако квалифицирующие признаки контрабанды, которые сформулированы соответственно в ч. 3 и 4 ст. 228 относятся в равной мере как к незаконному перемещению в крупном размере через таможенную границу Республики Беларусь товаров и ценностей, запрещенных или ограниченных к такому перемещению (ч. 1 ст. 228), так и к контрабанде предметами, перечисленными в ч. 2 ст. 228. При подобной конструкции квалифицированных составов контрабанды нивелируется то различие в общественной опасности деяний, которое лежало в основе дифференциации ответственности по ч. 1 и 2 ст. 228. Заметим, что в ч. 1 ст. 228 предусмотрена ответственность за менее тяжкое преступление, а ч. 2 ст. 228 УК – за тяжкое преступление.

Но даже если уголовно-правовая норма образует собой безупречный результат правотворческой деятельности, справедливость предполагается в ней лишь как потенция. Как правильно отметил В.В. Кулыгин: «…справедливость „живет“ не в законе и не в правовой норме, а непосредственно обнаруживает себя в процессе и в конечном результате реализации правовой нормы… Функция перевода справедливости из области возможного в действительное зависит в первую очередь от конкретного правоприменителя» [258, с. 188]. Разумеется, когда соблюдены все правила законодательной техники конструирования уголовно-правовой нормы, если смысл уголовно-правового запрета ясен и адекватно воспринимается гражданами, то квалификация преступления с учетом установленных фактических обстоятельств не вызывает сомнений. Идея справедливости при социально-правовой оценке преступления в такой ситуации найдет свою реализацию. Но как быть в случаях, когда смысл нормы не понятен либо не до конца понятен правоприменителю, когда сложность и запутанность в конструкции уголовно-правовых норм допускает различные варианты квалификации преступления? Положение, содержащееся в ч. 6 ст. 3 УК, не дает ответа на этот вопрос. В таких случаях решать вопрос о приоритете в принятии решения относительно квалификации преступления следует на основе сложившихся представлений о социальной справедливости. Верным следует признать мнение российского ученого К.В. Корсакова, который отметил: «В современных нам цивилизованных общностях людей справедливость все больше рассматривается не просто как социально-правовая добродетель или универсальная этико-философская катего-

рия, а как примат, доминанта системы принципов общественной организации, главный критерий жизнеобеспечения» [230, с. 504–506].

Уголовный закон не определяет, что следует понимать под социальной справедливостью. В одном из последних отечественных источников доктринального толкования уголовного закона при объяснении содержания ч. 3 ст. 44 УК высказано мнение о том, что восстановление социальной справедливости следует понимать как «потребность (необходимость) социального примирения преступника (осужденного) с обществом (потерпевшим)» [396, с. 129]. Однако по своему содержанию социальная справедливость является понятием более широким, многоуровневым и многоаспектным.

Неоднозначной в литературе является позиция о соотношении социальной справедливости с уголовным правом и правом вообще. Некоторые авторы придают справедливости характер абсолютной идеальной ценности. Так, А.Ф. Мицкевич отмечает, что абсолютный характер справедливости не позволяет работать ей на предметно-практическом уровне жизни общества и отдельных людей – она нуждается в более конкретных средствах проведения их в жизнь. Эти средства достаточно разнообразны, многоуровневы, а право, как и уголовное наказание, является одним из таких средств реализации высшей и абсолютной ценности в повседневной жизни [379, с. 201]. И.Я. Гонтарь в этом смысле пишет: «Справедливость есть категория этическая и лежит вне пределов уголовного права. Для ее понимания в контексте уголовно-правовой материи, по нашему мнению, следует обратиться к философии права, которая с утверждением социалистического права была подвергнута поруганию как идеалистическая и до недавнего времени забыта» [128, с. 145]. Однако в исследованиях по философии права содержится иной вывод. Так, В.С. Нерсесянц считает, что «…справедливость входит в понятие права, что право по определению справедливо, а справедливость – внутреннее свойство и качество права, категория и характеристика правовая, а не внеправовая» [401, 28].

Вместе с тем есть мнение, что в силу обобщенности идеи справедливости ее не стоит признавать правовым принципом. Например, В.Н. Бибило, исходя из посылки о том, что справедливость является общесоциальным принципом, считает, что в систему общеправовых принципов не должны включаться общесоциальные принципы [66, с. 38–39]. Он обращает внимание на несколько важных моментов: «Справедливость получает преломление в праве и выражается прежде всего в принципе равенства граждан перед законом и судом… Справедливость и право – связанные между собой явления. Справедливость отражается в праве, право согласуется с ней. Справедливость в праве получает одну из необходимых форм своего существования» [66, с. 78–79].

С.Г. Дробязко относит общечеловеческую справедливость к социально-правовым принципам и объясняет его суть с позиции интегративного характера природы права [156, с. 31]. Следует полагать, что в этом контексте понимает социальную справедливость и А.С. Горелик, который в своей публикации отметил: «Категория справедливости может проявляться на разных уровнях. К числу наиболее широких относится понятие социальной справедливости, которое охватывает все области социальной действительности; одна из форм ее реализации и конкретизации – справедливость как правовой принцип. Внутри права она выступает как принцип общеправовой, отраслевой или присущий некоторым институтам и нормам. Все уровни базируются на общих представлениях о справедливости, но по мере снижения уровня абстрактности выступают в виде более конкретных решений, закрепленных в законе или осуществляемых на практике» [129, с. 3].

Многие исследователи не без оснований придают справедливости значение всеобъемлющего принципа, как некого обобщающего начала уголовного права. В некоторых публикациях научного и учебного характера отмечается, что принцип справедливости «аккумулирует в себе все другие принципы» и, следовательно, если нарушаются они, то нарушается и принцип справедливости [280, с. 17; 499, с. 23; 537, с. 21]. В.В. Похмелкин в этом смысле отмечает важный момент, характеризующий свойство справедливости: «Корректирующее влияние справедливости не позволяет превратиться законности в формализм и догматизм, гуманизму – во всепрощение и безответственность, демократизму в анархию и т. п.» [499, с. 23].

По-разному в литературе определяется и соотношение социальной справедливости с системой принципов уголовного права. Некоторые правоведы рассматривают идею справедливости в тесном взаимодействии с принципами уголовного права [22; 288]. Так, А.В. Арендаренко в своем монографическом исследовании, посвященном социальной справедливости, относит ее к общеправовому принципу и пишет о том, что он пронизывает «всю систему уголовно-правовых принципов, „работает“ не сам собой, а только в тесном взаимодействии с другими принципами уголовного права» [22, с. 12]. В.В. Похмелкин содержание социальной справедливости раскрывает через иные принципы. Он отмечает, что социальная справедливость «воплощается не в каком-то одном, а во всей системе уголовно-правовых принципов» [499, с. 23].

В доктрине некоторые авторы придают особый акцент соотношению принципам законности и справедливости. Например, Н.М. Кропачев так объяснил соотношение данных принципов: «Принцип законности не предопределяет содержания уголовно правового регулирования, а лишь требует облекать те или иные правила в юридическую форму.

Поэтому законность – это формальный принцип (принцип организации деятельности). Напротив, справедливость – это содержательный принцип (принцип деятельности), поскольку он определяет само содержание правовой нормы» [237, с. 72–73].

Представляется, что более точной является позиция тех авторов, которые принципу социальной справедливости придают свойство всеобъемлющего принципа, принципа, охватывающего другие принципы. С.Г. Келина и В.Н. Кудрявцев относят принципы равенства, гуманизма, законности, ответственности каждого перед обществом к неотъемлемым элементам социальной справедливости [194, с. 16], В.В. Мальцев считает, что принципы, сформулированные в законе, и социальная справедливость соотносятся как отдельное и общее [302, с. 59], что эти принципы образуют одну из форм реализации справедливости в уголовном праве [302, с. 84]. В.Д. Филимонов, рассматривая принцип справедливости на уровне общего понятия справедливости [623, с. 106], полагает, что принцип справедливости охватывает своим содержанием все другие принципы, что последние по существу конкретизируют его [623, с. 51], что принципу справедливости принадлежит роль арбитра при решении уголовно-правовых коллизий [623, 53]. Феномен социальной справедливости он связывает и с пониманием нормы уголовного права: «Норма уголовного права, устанавливая ответственность за совершение преступления, представляет собой правовую оболочку объективно существующей нормы социальной справедливости, то есть той нормы, которая вытекает из социальных потребностей общества» [621, с. 56].

В уголовно-правовой литературе некоторые авторы предлагали закрепить в уголовном законе общий принцип социальной справедливости [289, с. 62], что вызвало соответствующую критику[129, с. 5]. Другие авторы выступили против идеи нормативного закрепления принципа социальной справедливости [271, с. 8]. Оригинальным является мнение О.А. Козловой, которая считает, что в законодательстве необходимо закреплять не сам принцип справедливости, а критерии несправедливой юридической ответственности [218, с. 9–10].

Таким образом, постоянно расширяющийся в доктрине по рассматриваемому вопросу плюрализм мнений свидетельствует о том, что единства о системе принципов и месте в ней социальной справедливости достигнуто не будет. Видимо, не так уж и важно, будет ли закреплен принцип социальной справедливости в уголовном законе. Если в УК не будет упоминаться слово «справедливость», это отнюдь не означает, что в процессе применения уголовно-правовых норм этот принцип не должен соблюдаться. До конца XX в. в уголовных законах ничего не говорилось о справедливости. Разве это означало, что данная

основополагающая идея отрицалась в уголовном праве? Все уголовно-правовые нормы могут быть оценены с позиции морали, а следовательно, и с позиции справедливости. И поскольку термин «юстиция» в переводе с латинского означает справедливость, то для уголовного права справедливость является имманентно присущим ее свойством.

Несмотря на наличие разных подходов в доктрине относительно предназначения и роли социальной справедливости, для права важным является вопрос о том, каково содержание этого явления? Суть феномена социальной справедливости была обозначена еще в древнегреческие времена. Аристотель рассматривал справедливость в двух ее разновидностях: направительной (уравнивающей) и распределяющей. В «Никомаховой этике» Аристотель писал: «Один вид частной правосудности и соответствующего права (to dikaion) связан с распределением… Другой – направительное (diort tikon) право…» [25, с. 136]. Важный момент справедливости отмечал Аристотель в «Большой этике»: «То, что положим и признаем справедливым, становится после этого таковым, и мы называем его справедливым по закону. Справедливое от природы выше справедливого по закону, однако… гражданское справедливое… существует по закону, не от природы» [25, с. 313–315].

Эти идеи древнегреческого мыслителя нашли свое отражение в современном праве, в том числе уголовном. Некоторые авторы стали объяснять суть социальной справедливости именно с позиции уравнивающего и распределяющего аспектов справедливости [119, с. С. 74; 214, с. 49–51; 473, с. 107]. При таком понимании социальной справедливости принято считать, что уравнивающий аспект справедливости находит свое выражение в равенстве граждан перед законом, а распределяющий – в индивидуализации наказания с учетом гуманных положений уголовного права по отношению к личности преступника.

К распределяющему аспекту принципа социальной справедливости при квалификации преступления есть основания отнести положение ч. 6 ст. 3 УК о том, что никто не может нести дважды уголовную ответственность за одно и то же преступление. Это положение восходит к римскому праву и часто цитируется в форме *non bis in idem*. В УК это положение также учтено в ч. 1 ст. 6 УК, в соответствии с которой гражданин Республики Беларусь или лицо без гражданства привлекается к уголовной ответственности за преступление, совершенное за пределами Республики Беларусь, если оно не понесло ответственности в этом государстве.

Некоторые зарубежные авторы указанное положение предлагают рассматривать в качестве самостоятельного принципа, который должен быть нормативно закреплен отдельно от принципа справедливости. Т.Р. Сабитов предлагает назвать его «принципом однократности при-

влечения к уголовной ответственности» [514, с. 138–141]. В.А. Навроцкий выделяет это положение в качестве самостоятельно принципа квалификации преступления и называет его принципом «недопустимости двойного инкриминирования» [386, с. 130–132]. Полагаем, нет оснований для выделения этого важного положения в ранг отдельного или специального принципа. Положение *non bis in idem* есть ни что иное, как одно из требований социальной справедливости, преломляющееся в соответствующих стадиях применения уголовно-правовой нормы. И в этом смысле требование о запрете двойной ответственности относится не только к сфере назначения соответствующей меры уголовной ответственности, но и к квалификации преступления. Представляется, что в данном аспекте предложенный В.А. Навроцким термин весьма удачен, поскольку двойное инкриминирование предполагает двойную квалификацию, что в конечном итоге влечет и несправедливое ужесточение уголовной репрессии.

В рамках действующего уголовного закона и существующей судебной практики проблема двойного инкриминирования достаточно остро стоит применительно к квалификации составных квалифицированных преступлений. Многие авторы, в частности, поднимают проблему квалификации так называемой учтенной законодателем совокупности преступлений [38, с. 50–53; 192, с. 27; 335, с. 46–47; 616, с. 10–11; 664, с. 98]. Кроме того, правило о недопустимости двойного инкриминирования лежит в основе правил квалификации при конкуренции норм. В целом суть этих правил заключается в том, что при конкуренции уголовно-правовых норм применению подлежит только одна норма. В противном случае будет иметь место привлечение лица дважды к уголовной ответственности.

Наиболее ярко в процессе квалификации преступления находит свое выражение уравнивающий аспект социальной справедливости. И в первую очередь этот аспект следует связывать с одинаковыми для всех основаниями уголовной ответственности. Они перечислены в ст. 10 УК. Кроме того, в процессе квалификации преступления предполагается единый подход в применении положений о малозначительности деяния (ч. 4 ст. 11 УК), о действии уголовного закона во времени и пространстве, в социально-правовой оценке общественно опасных деяний одного вида.

Следует заметить, если при индивидуализации наказания принцип социальной справедливости находит свою реализацию с учетом характеристики личности виновного, то при квалификации преступления на первый план выступают общественные интересы. Требование о едином подходе к квалификации преступления определенного вида означает, что социально-правовая оценка на первоначальном этапе процесса

применения уголовно-правовой нормы осуществляется в интересах всего общества. Это обусловлено равенством оснований уголовной ответственности.

В контексте квалификации преступления уравнивающий аспект справедливости также находит свою реализацию в общих началах и правилах квалификации преступления, которые закреплены в уголовном законе. Они нашли нормативное закрепление как в Общей, так и в Особенной части УК.

В рассматриваемом контексте принцип равенства, в том виде как он сформулирован в ч. 3 ст. 3 УК, фактически лежит в основе уравнивающего аспекта принципа социальной справедливости. В этой части на основе анализа норм УК можно констатировать многочисленные несоответствия требованиям равенства всех перед законом. И это касается не только норм, имеющих отношение к квалификации преступления. Например, в Общей части УК предусмотрены институты освобождения от уголовной ответственности и наказания. Анализ некоторых нормативных предписаний, содержащихся в гл. 12 УК, позволяет говорить о том, что подход законодателя в отношении лиц, совершивших преступление, по некоторым вопросам освобождения от уголовной ответственности и наказания не является одинаковым. Например, в первоначальной редакции ст. 90 и 119 УК, регламентирующих вопросы условно-досрочного освобождения, допускалось досрочное освобождение в отношении любого осужденного, отбывающего срочный вид наказания независимо от категории и вида совершенного им преступления. Такой законодательный подход не вписывался в положения, закрепленные в ч. 1 и 3 ст. 3 УК. Но он, представляется, отражал идею, закрепленную в ст. 22 Конституции Республики Беларусь: в контексте условно-досрочного освобождения уголовный закон предъявлял одинаковые требования в отношении лиц, осужденных за преступление. Каждый из них, при наличии оснований и условий, предусмотренных ст. 90 и 119 УК, вправе был претендовать на условно-досрочное освобождение. Однако законом Республики Беларусь от 5 января 2008 г. № 315-З «О внесении дополнений и изменений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам государственной защиты детей в неблагополучных семьях» ст. 90 УК была дополнена ч. 7 следующего содержания: «Лица, обязанные возмещать расходы, затраченные государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении, осужденные за преступления, предусмотренные статьей 174 настоящего Кодекса, и за иные преступления, совершенные в период работы в организациях на основании судебного постановления, не подлежат условно-досрочному освобождению от наказания». Аналогичным положением была дополнена и ст. 119 УК. Введение в ст. 90 и

119 УК ограничений по условно-досрочному освобождению ставит в неравное положение лиц, претендующих на освобождение от уголовной ответственности. Получается, например, что лицо, допустившее особо опасный рецидив, имеет шанс на условно-досрочное освобождение, а лицо, осужденное за преступление, не представляющее большой общественной опасности, – нет (ст. 174 УК). Кроме того, следует заметить, что подобные ограничения противоречат не только равенству всех перед законом, но и порождают противоречия в системе уголовно-правовых норм. Если введен запрет на условно-досрочное освобождение в отношении указанных категорий лиц, то непонятно, почему он не применен применительно к замене наказания более мягким (ст. 91 и ст. 120 УК)? Почему к лицу, убедительно доказавшему исправление в процессе отбывания наказания, например, за уклонение от содержания детей (ч. 1 ст. 174 УК), нельзя применять условно-досрочное освобождение, но можно заменить назначенное наказание более мягким лишь при наличии данных, подтверждающих его частичное исправление (например, заменить наказание в виде ограничения свободы общественными работами)? Возможно, подход, закрепленный в ч. 7 ст. 90 УК и ч. 6 ст. 119 УК, способствует достижению цели общей превенции. Однако иные цели уголовной ответственности в данном случае игнорируются. Применительно к осужденному назначенное наказание в этой ситуации фактически будет выполнять только функцию кары [347].

Есть основания полагать, что уравнивающий аспект принципа социальной справедливости в своем предметно-содержательном значении охватывает помимо равенства всех перед законом и другие социально-правовые и отраслевые руководящие идеи: законность, субъективное вменение, неотвратимость социально-правовой оценки содеянного, гуманизм.

Уравнивающий аспект справедливости предполагает, что любое совершенное общественно опасное деяние, запрещенное соответствующей нормой УК, не должно оставаться без реагирования со стороны должностных лиц, обязанных осуществлять уголовное преследование. В сугубо отраслевом понимании в этом выражается принцип неотвратимости ответственности (ч. 4 ст. 3 УК). В аспекте квалификации преступления это предполагает неизбежную отрицательную социально-правовую оценку каждому лицу, совершившему деяние, которое запрещено уголовным законом.

Важными для процесса квалификации преступления имеют положения ст. 26 Конституции Республики Беларусь, формулирующие презумпцию невиновности, которая является важнейшим положением уголовного процесса на стадиях досудебного производства и рассмотрения уголовного дела в суде. Но в уголовном праве презумпция неви-

новности трансформирована в идею субъективного вменения. Содержание этой идеи, судя по последним исследованиям, по-разному интерпретируется в уголовно-правовой литературе [101, с. 7–10; 135, с. 34–57; 519, с. 12]. Неоднозначным является определение субъективного вменения и в системе принципов уголовного права. Например, российский ученый В.Д. Филимонов в своей монографии, посвященной исследованию системы принципов уголовного права, полагает, что «принцип личной виновной ответственности самостоятельного значения не имеет» [623, 48]. Субъективное вменение он включает в сформулированный им «принцип ответственности за совершенное преступление» [623, с. 50]. Другие авторы придают этому принципу достаточно широкое предназначение [650, с. 6].

Представляется, что в процессе квалификации преступления требования субъективного вменения выражаются не только в установлении должностным лицом, применяющим уголовный закон, формы и вида вины лица к юридически значимым признакам совершенного им преступного деяния, но и мотивов и целей в случаях, если они предусмотрены в соответствующей норме в качестве основных или квалифицирующих признаков.

Думается, что положение, закрепленное в ч. 5 ст. 3 УК, в процессе квалификации преступления находит свое выражение в рамках уравнивающего аспекта социальной справедливости. В.В. Кулыгин в рамках диссертационного исследования, посвященного проблеме субъективного вменения, выдвинул следующий тезис: «Идея субъективного вменения является специфическим правовым выражением общечеловеческой идеи справедливости» [257, с. 9, 15]. Эту линию он проводит впоследствии в другой своей работе, утверждая, что принцип субъективного вменения «можно считать одним из правовых инструментов обеспечения справедливости» [258, с. 181].

Принцип гуманизма в рамках уравнивающего аспекта социальной справедливости при квалификации преступления проявляется в меньшей мере. В Конституции Республики Беларусь принцип гуманизма проявляется в заботе о правах и интересах законопослушных граждан. Конституция гарантирует социально-экономические, политические и личные права и свободы человека: человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства, обеспечение прав и свобод граждан Республики Беларусь является высшей целью государства. Гарантированные Конституцией права и свободы граждан обеспечиваются правовыми средствами государственного принуждения. Конституционные права и свободы граждан являются объектами уголовно-правовой охраны. По отношению к законным интересам лиц, совершивших преступление, принцип

гуманизма проявляется в большей мере на других стадиях применения уголовного закона: при назначении наказания или иной меры уголовной ответственности, освобождения от уголовной ответственности или наказания, применения принудительных мер безопасности и лечения. Однако в некоторых правилах квалификации преступления принцип гуманизма тоже находит свою реализацию. Например, при наличии конкуренции норм с отягчающим и смягчающим ответственность признаком приоритет при квалификации преступления в практике отдается норме, которая содержит смягчающий признак.

Значимым в контексте реализации уравнивающего аспекта принципа социальной справедливости при квалификации преступления является соблюдение в правоприменительной деятельности режима законности. Содержание ч. 2 ст. 3 УК позволяет вычленить некоторые положения, которые необходимо соблюдать в процессе квалификации преступления.

Классическая формула *nullum crimen sine lege* приобретает основополагающее значение на первой стадии применения уголовно-правовой нормы. В процессе квалификации преступления это важное для правоприменительной практики требование выражается в следующем: содеянное может быть квалифицировано как преступление только в том случае, если совершенное общественно опасное деяние предусмотрено конкретной статьей Особенной части УК. Если в совершенном деянии отсутствует хотя бы один признак, предусмотренный уголовно-правовой нормой, который характеризует это деяние как преступление определенного вида, то его нельзя относить к деяниям, запрещенным уголовным законом.

Запрещенность деяния уголовным законом также означает, что при квалификации преступления недопустимо применять уголовный закон, вступивший в силу после совершения деяния, который ухудшает положение лица, совершившего это деяние. Данное требование принципа законности при квалификации преступления вытекает из положения, закрепленного в ч. 1 ст. 9 УК: «Преступность и наказуемость деяния определяется законом, действовавшим во время совершения этого деяния». Кроме того, в контексте квалификации преступления правоприменитель исходит из презумпции о том, что со времени опубликования соответствующего закона гражданин имел возможность ознакомиться с текстом этого закона.

Важную роль в реализации принципа законности в процессе квалификации преступления имеет установленный уголовным законом запрет социально-правовой оценки совершенного деяния по аналогии. В истории уголовного права советского периода квалификация преступления по аналогии уголовно-правовой нормы допускалась положения-

ми первых советских кодексов. Такой подход в применении уголовного закона использовался в судебной практике до принятия Основ уголовного законодательства СССР и союзных республик 1958 г., которые, определив понятие преступления через признак уголовной противоправности, «табуировали» аналогию уголовно закона. Однако прямой запрет на аналогию уголовного закона был провозглашен лишь в ч. 2 ст. 3 действующего УК Республики Беларусь: «Применение уголовного закона по аналогии не допускается».

В правоприменительной практике соблазн квалифицировать содеянное по аналогии уголовного закона возникает при обнаружении пробелов в системе норм УК, определяющих уголовно-правовые запреты. Запрет применения уголовного закона по аналогии в таком случае означает, что при наличии даже явного пробела в системе норм, предусматривающих ответственность за соответствующие деяния, квалифицировать содеянное по уголовно-правовой норме, распространяющей свое действие на сходные ситуации недопустимо.

Поскольку процесс квалификации преступления связан с выбором уголовно-правовой нормы, распространяющей свое действие на конкретный случай, то уравнивающий аспект социальной справедливости имеет непосредственное отношение к вопросу толкования уголовно-правовой нормы. В этом смысле в практике возникают достаточно острые проблемы относительно пределов судебного усмотрения, понимания терминов УК и восприятия оценочных признаков, содержащихся в уголовно-правовой норме.

Часть 2 ст. 3 УК содержит требование о необходимости строгого толкования уголовного закона. В процессе квалификации преступления это означает, что понимание и интерпретация признаков состава преступления должны осуществляться в точном соответствии с текстом УК. Это требование принципа законности по своей сути исключает возможность расширительного или ограничительного судебного толкования уголовно-правовой нормы в правоприменительном процессе. Несомненно, что нормативное требование о строгом толковании уголовного закона направлено на обеспечение законности в процессе применения уголовно-правовой нормы. Вместе с тем это требование выполнимо лишь в случае, если при создании уголовно-правовой нормы были соблюдены принципы криминализации и правила законодательной техники. В противном случае уголовно-правовая норма будет несовершенной. При строгом толковании несовершенной уголовно-правовой нормы мы можем прийти к абсурдному с точки зрения логики результату. Во избежание абсурдных результатов квалификации преступления правоприменительная практика вынуждена использовать приемы расширительного или ограничительного толкования уголовно-

го закона. Общечеловеческая идея социальной справедливости в этом случае объясняет правомерность ограничительного или расширительного толкования смысла уголовного закона следственно-судебными органами.

В некоторых случаях квалификация преступления может формально соответствовать положениям уголовно-правовой нормы, но по своей сути может быть несправедливой. И в этом смысле законность может войти в противоречие с социальной справедливостью. С точки зрения целей уголовно-правового регулирования требования по соблюдению законности в процессе правоприменения не должны противоречить идеалу социальной справедливости. То, что законно, должно быть и справедливым. Но, к сожалению, в действующем механизме уголовно-правового регулирования это не всегда соблюдается. Например, ст. 405 УК предусматривает уголовную ответственность за укрывательство тяжкого или особо тяжкого преступления. Наличие данного уголовно-правового запрета допускает возможность привлечения к уголовной ответственности близких родственников или членов семьи лица, совершившего тяжкое или особо тяжкое преступление. Но с позиции морали правильно ли осуждать поведение матери, которая скрывала от правосудия, например, своего сына-убийцу? Более 10 лет назад было принято заключение Конституционного суда Республики Беларусь от 25 марта 1999 г. № 3-77/99 «О толковании Заключения Конституционного Суда Республики Беларусь от 19 декабря 1994 г. „О соответствии Конституции примечания к ст. 177 Уголовного кодекса Республики Беларусь“», в соответствии с которым допускалась возможность принятия законодательного решения об исключении в определенных случаях уголовной ответственности близкого родственника или члена семьи лица, совершившего преступление, за укрывательство этого лица или его местонахождения. Однако до настоящего времени никаких законодательных решений в этой части не принято.

В литературе было высказано мнение о том, что принцип справедливости может находить свою реализацию в рамках судебного прецедента. Так, В.В. Кулыгин отмечал, что в ситуациях, когда буква закона мертва либо имеется пробел или противоречие в правовой норме, чувство справедливости будет выступать в роли своеобразного вектора, указывающего направление поиска правильного решения. «Единственно возможной формой, – пишет он, – в которую может быть облечено такое решение, является прецедент» [258, с. 188–189].

Выше было отмечено, что в процессе признания определенных деяний уголовно-противоправными законодатель должен учитывать, насколько справедливым будет выглядеть уголовно-правовой запрет в глазах общественного мнения. Игнорирование в процессе криминали-

зации обыденного правосознания и нравственных представлений о том или ином поступке человека неизбежно будет порождать и несправедливую социально-правовую оценку. Если до сих пор не принято соответствующее решение по укрывательству близких лиц, то разве не будет правосудным прекращение судом уголовного дела на том основании, что существующий уголовно-правовой запрет очевидно несправедлив?

В УК есть и иные нормы, содержание которых порождает вопрос об обеспечении уравнивающего аспекта социальной справедливости. Например, ст. 418 УК предусматривает уголовную ответственность за «уклонение осужденного от наказания в виде штрафа, назначенного приговором суда, при возможности его уплатить». Законодательная оговорка о штрафе, назначенном приговором суда, порождает вопрос о социально-правовой оценке уклонения осужденного от уплаты штрафа, примененного по определению (постановлению) суда в порядке замены неотбытой части наказания более мягким наказанием (ч. 6 ст. 52, ст. 91, ч. 2 ст. 96 и др.). Исходя из буквального толкования гипотезы и диспозиции ст. 418 УК неуплата штрафа лицами, которым штраф был назначен по определению (постановлению) суда в порядке замены неотбытой части наказания более мягким наказанием, не будет образовывать основания уголовной ответственности. Но в таких случаях лица, не уплачивающие штраф, оказываются в неравном положении перед уголовным законом лишь на том основании, что это наказание было применено разными судебными актами.

В литературе по вопросу о реализации рассматриваемого принципа в судебном прецеденте было высказано несколько иное мнение. Некоторые авторы, придавая особое значение социальной справедливости на стадии правоприменительной деятельности, отмечают: «Справедливость, таким образом, зависит в какой-то мере от судебного усмотрения. Это и хорошо и плохо. Хорошо потому, что дает возможность суду определить в рамках предоставленных ему прав конкретное содержание принимаемого решения. Плохо – ибо не гарантирует полностью от произвола» [228, с. 189]. Однако здесь следует заметить, что проявлению произвола должны препятствовать процессуальные составляющие справедливого правосудия. К ним следует относить процессуальные гарантии об открытости и гласности судебного разбирательства, равноправия сторон, наличия права на юридическую помощь, права представлять доказательства и др.

Необходимо отметить еще один важный момент. В.В. Мальцев, поддерживая позицию В.М. Когана и рассматривая социальную справедливость сквозь призму ее уравнивающих и распределяющих аспектов, выделяет три уровня реализации обеспечения справедливости в уголовном праве: обусловливание (выработка критериев отнесения деяний

к кругу преступлений), формулирование (закрепление в норме негативных признаков) и реализация (применение нормы) [302, с. 79–82]. На уровне реализации, по его мнению, осуществление справедливости выражается «в социально-юридической оценке посягательства, которая на основе правовых критериев производится органами следствия и судом применительно к каждому индивидуально неповторяющемуся акту общественно опасного поведения и важностью установления едва ли более повторяющихся обстоятельств, характеризующих личность преступника, верная оценка которых на следствии и в суде в конечном счете и предопределяет весомость гуманистической составляющей в конкретной мере уголовной ответственности» [302, с. 82].

В ч. 6 ст. 3 УК идет речь о справедливости меры уголовной ответственности. В литературе некоторые авторы рассматривают справедливость не только как меру, но и как оценку [142, с. 31; 623, с. 106–107]. При этом в качестве объектов, подлежащих оценке, рассматривают цели уголовной ответственности, средства их достижения и результаты применения наказания или иных мер уголовно-правового характера. Однако справедливость лежит и в основе социально-правовой оценки совершенного общественно опасного деяния и оценки результата (результатов) квалификации преступления.

Под оценкой в целом понимают «мнение, суждение о качестве, характере чего-либо, отношение к социальным явлениям, поведению, установление их значимости, *соответствия* (выделено нами. – *В.М.*) определенным нормам и принципам морали (одобрение и осуждение согласие и критика и т. п.)» [580]. В контексте механизма уголовно-правового регулирования мы говорим о соответствии признаков совершенного преступления признакам состава преступления.

С.Ф. Шумилин придавал справедливости даже свойство оценочной функции: «Принцип справедливости выполняет оценочную функцию и оказывает влияние на формирование внутреннего убеждения следователя путем морального воздействия, а не через предписания закона действовать определенным образом» [659, с. 111].

Таким образом, в рамках правоприменения оценка в первую очередь отражается в квалификации преступления. И далеко не всегда назначенная мера уголовной ответственности может свидетельствовать о справедливости социально-правовой оценки. Так, если новорожденный ребенок погиб вследствие виновного поведения матери, то при наличии соответствующих условий ее деяние, с точки зрения УК, может быть квалифицировано по-разному – по ст. 140 (убийство матерью новорожденного) либо по ч. 2 ст. 159 (оставление в опасности). И в том и в другом случае суд, учтя требования по индивидуализации наказания (ч. 1 ст. 62 УК), может назначить один и тот же вид и размер нака-

зания (например, наказание в виде ограничения свободы сроком на два года). Но если квалификация учиненного матерью деяния будет ошибочной, то справедливой ли будет такая оценка? Следует полагать, что в обыденном сознании к этим деяниям нравственное отношение не является одинаковым. Разве родственникам осужденной будет безразлично, за что эта женщина будет отбывать назначенное наказание: за сознательное лишение жизни своего, только что появившегося на свет ребенка (за убийство!) либо за непроявление к нему надлежащей заботы, породившей опасное состояние? Кроме того, неверная квалификация деяния матери в таком случае будет порождать несправедливость в реализации отдельных уголовно-правовых последствий, связанных с осуждением, которые относятся к распределяющему аспекту справедливости. На виде наказания подобная социально-правовая оценка может не отразиться. Но в ст. 140 УК предусмотрена ответственность за менее тяжкое преступление, а в ч. 2 ст. 159 УК – за преступление, не представляющее большой общественной опасности. Следовательно, продолжительность сроков отбывания наказания при условно-досрочном освобождении или замене наказания более мягким, а также сроков судимости согласно положениям ст. 90, 91, 97 УК будет разной. Впрочем, «обрезанное» и упречное по своей сути содержание ч. 6 ст. 3 действующего УК позволяет не обращать на это внимания.

Отдельно следует выделить вопрос о справедливости правил квалификации, вырабатываемых органами, применяющими уголовный закон. Особенно это касается тех правил, которые даются на уровне императивных требований в письмах, исходящих от ведомств, в компетенцию которых входит выполнение задач по борьбе с преступностью. Часто они противоречат не только букве уголовного закона, но и здравому смыслу. Весьма разумным в этом смысле видится предложение Е.В. Васьковского о том, что из двух одинаково возможных случаев применения нормы предпочтение следует отдавать той, которая является более справедливой [98, с. 183].

Если рассматривать справедливость как соответствие должному, то в контексте квалификации преступления социально-правовую оценку следует признавать справедливой, если вывод о квалификации является правильным, т. е. признаки состава преступления, описанные в уголовно-правовой норме, соответствуют признакам, совершенного в действительности деяния. Справедливость квалификации преступления во многом предопределяется соблюдением требований должностным лицом, осуществляющим уголовное преследование, по оценке собранных доказательств. Так, невыполнение требований по обеспечению полноты доказательств будет создавать предпосылку для неправильной, а следовательно, несправедливой социально-правовой оценки.

4.3. Специальные принципы квалификации преступления

В последние годы многие ученые, занимающиеся исследованием общих методологических подходов к квалификации преступления, не без оснований стали обозначать специальные принципы, характеризующие эту стадию правоприменительной деятельности. Однако определенности относительно количества и содержания соответствующих принципов квалификации преступления не наблюдается. Кроме того, анализ литературы показывает, что ученые в круг специальных принципов квалификации преступления включают различные их виды. Единство мнений имеет место относительно лишь двух из обозначаемых ими принципов: точности и полноты квалификации [179, с. 50–52; 227, с. 17–18; 385; 386, с. 106–108, 117–120, 124–127; 507, с. 35–43; 513, с. 219–223; 594, с. 4]. Очевидно, основой для такого единодушия являются предшествующие исследования авторитетных представителей теории квалификации преступления, которые, хотя и не называли точность и (или) полноту принципами квалификации, придавали содержательному аспекту этих понятий существенное юридическое значение [121, с. 29; 243, с. 10; 262, с. 22–23].

Вместе с тем многие авторы наделяют специальным предназначением, свойственным принципу квалификации преступления, и другие положения. Так, Н. Смирнов и А. Толмачев в качестве самостоятельного принципа квалификации преступления назвали ее истинность [594, с. 4]. А.И. Рарог помимо точности, полноты и истинности квалификации в качестве самостоятельного принципа определяет объективность квалификации преступления [507, с. 30–32]. Перечень специальных принципов квалификации преступления расширяется некоторыми российскими правоведами путем отнесения к ним принципов субъективного вменения, недопустимости двойного вменения (недопустимости двойной квалификации одного и того же деяния) [227, с. 18–19; 385]. Р.А. Сабитов добавлял этот перечень еще двумя принципами: приоритет норм, смягчающих ответственность виновного, и учет общественной опасности квалифицируемого деяния и наказания, установленного за его совершение [512, с. 48]. Но в более поздней публикации последний из указанных принципов данным автором уже не называется [513, с. 209–228].

В целом следует отметить, что в последнее время в научных публикациях наблюдается тенденция увеличения количества специальных принципов квалификации. Например, Н.Т. Идрисов в своем диссертационном исследовании приходит к выводу о необходимости выделять пять специальных принципов квалификации преступления: персони-

фикации, адекватности, полноты, единообразия, толкования сомнения в пользу обвиняемого [179, с. 50–52]. При этом содержание термина «адекватность» раскрывается им как синонимичная конструкция понятия «точность». В.А. Навроцкий, рассматривающий квалификацию преступления как одну из разновидностей уголовно-правовой квалификации, называет девять таких принципов: законности, официальности, объективности, точности, индивидуальности, полноты, решения спорных вопросов в пользу лица, деяние которого квалифицируется, недопустимости двойного инкриминирования, стабильности [386, с. 98–133].

Разнообразие точек зрения, видимо, объясняется тем, что вопрос о выделении на специальном уровне принципов квалификации преступления является относительно новым, до конца не разработанным. Выделение большого множества принципов или придания их содержанию различного значения порождает неопределенность в понимании сути соответствующего положения, нередко приводит к смешению понятий «принцип и свойство», «принцип» и «критерий», «принцип» и «результат», «принцип» и «цель», «принцип» и «закономерность», «принцип» и «правило» и т. д. В этом смысле существует необходимость в методологическом объяснении критериев определения специального принципа квалификации преступления, их классификации и сущности каждого принципа.

Важным требованием квалификации преступления следует признавать ее точность, под которой понимают четкое указание в соответствующем процессуальном акте на статью (часть и (или) пункт статьи) УК. Требование о точности (адекватности) квалификации преступления имеет большое значение для результативного аспекта квалификации преступления, под которым В.Н. Кудрявцев понимал «официальное признание и закрепление в соответствующем юридическом акте (постановлении следователя или органа дознания, обвинительном заключении, судебном приговоре или определении) обнаруженного соответствия признаков совершенного деяния уголовно-правовой норме» [242, с. 5]. На этом основании можно сделать вывод о том, что требование о точности характеризует лишь результат, а не весь процесс квалификации преступления. Полагаем, что точность квалификации преступления есть основания рассматривать не как принцип, а как свойство квалификации, атрибут ее результата, признак, характеризующий отличительную особенность данной стадии применения уголовного закона[1].

Вызывает сомнение мнение об отнесении к принципу квалификации преступления ее стабильности. Известно, что квалификация пре-

[1] Более подробно об этом в следующем параграфе настоящей главы.

ступления может быть изменена на любой стадии уголовного процесса при возникновении соответствующих обстоятельств. Вести речь о стабильности квалификации преступления допустимо с определенной долей относительности и условности в рамках действия презумпции правильности квалификации преступления [386, с. 132], однако этого явно недостаточно для отнесения ее к разряду принципов. Стабильность можно рассматривать и в другой плоскости: как свойство, раскрывающее сущность и природу отдельно взятого принципа. Известно, что любой принцип, характеризующий соответствующую стадию применения уголовного закона, должен быть устойчивым, неизменно действовать на всем протяжении процесса правоприменения.

Неоднозначно в уголовно-правовой литературе трактуется положение об истинности квалификации преступления. Одни авторы относят истинность к принципу, другие – не включают ее в перечень руководящих положений. Н.Т. Идрисов высказал мнение о том, что истинность наряду с законностью является не принципом, а критерием правильности квалификации преступления [179, с. 50]. Несмотря на различные мнения, рассуждения о предназначении истинности в процессе квалификации преступления косвенно подтверждают решение другого вопроса: дискуссия о том, устанавливается ли при квалификации преступления объективная истина, решена в пользу сторонников такого подхода [12, с. 330; 242, с. 39–43]. Вместе с тем, представляется, что истинность – это не принцип и не критерий квалификации преступления. Истинность квалификации преступления, а, по мнению В.Н. Кудрявцева, здесь корректнее говорить о правильности квалификации [242, с. 48], следует рассматривать в качестве цели правоприменительной деятельности по социально-правовой оценке совершенного преступления. Специальные принципы квалификации преступления должны способствовать достижению этой цели, стоять на страже ее реализации. Нарушение соответствующего принципа квалификации в конечном итоге приведет к ложности (неправильности) социально-правовой оценки, что является очевидным свидетельством недостижения рассматриваемой цели. Кроме того, если мы понимаем под принципом некое основное исходное положение, то в этимологическом контексте это положение (исходный – начальный, отправной [525, с. 694]) должно действовать с момента начала процесса по установлению соответствия между признаками совершенного преступления и признаками состава преступления, описанного в уголовно-правовой норме. Истинность (правильность) квалификации преступления связана с итогом, результатом социально-правовой оценки. Если понятие «цель» отвечает на вопрос о том, на что направлена деятельность правоприменителя в процессе квалификации преступления, то понятие «принцип» должно объяснять, каким требованиям этот процесс подчиняется.

Есть сомнения относительно причисления к рангу специального принципа квалификации преступления ее официальности. По нашему мнению, официальность в большей степени характеризует специфику организации процесса квалификации, которая обусловлена природой применения права. Как отметил С.С. Алексеев, применение права представляет собой «властно-организующую деятельность компетентных органов и лиц, обеспечивающих в конкретных жизненных случаях реализацию юридических норм» [13, с. 115]. Несмотря на вполне объяснимую для правоприменения доминанту деятельности органов, осуществляющих уголовное преследование, и суда, в процессе квалификации преступления могут принимать участие и иные лица. Так, адвокаты достаточно часто заявляют в суде ходатайства, содержащие контрверсии квалификации преступления. Многие ходатайства такого рода часто удовлетворяются судом, что в конечном итоге влияет на принятие окончательного решения относительно социально-правовой оценки содеянного. Утверждать обратное – значит поставить под сомнение принцип состязательности в уголовном процессе.

Кроме того, действующее уголовно-процессуальное законодательство предусматривает весьма широкий перечень дел частного обвинения. По такого рода делам первоначальную квалификацию совершенного преступления делает в соответствующем заявлении потерпевший или его законный представитель.

Полагаем, что нецелесообразно относить к группе специальных принципов квалификации преступления принцип законности и субъективного вменения. В процессе квалификации соответствующего преступления эти принципы, преломляясь сквозь призму задач правоприменения, редуцируются в совокупность требований, наполняющих уравнивающий аспект принципа социальной справедливости. Что касается специального принципа квалификации преступления, то он должен обладать самостоятельностью, действовать автономно на этой стадии применения уголовного закона.

По этим причинам к специальным принципам квалификации преступления, с нашей точки зрения, нет оснований относить требования о недопустимости двойного вменения, которые являются, как обосновывалось выше, проявлением распределяющего аспекта принципа социальной справедливости при квалификации преступления. Данное положение на уровне принципа уголовного права нашло свое отражение в уголовном законодательстве: никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление. В контексте квалификации преступления это положение приобретает характер требования, запрещающего правоприменителю дважды квалифицировать одно и то же деяние *(non bis in idem)*. При всей важности этого требования

для социально-правовой оценки совершенного преступления есть ли основания и необходимость дублировать его на уровне специального принципа квалификации преступления?

В равной степени это касается и положений о приоритете норм, смягчающих ответственность виновного, и индивидуальности (персонификации) квалификации преступления: первый является проявлением в процессе квалификации преступления принципа гуманизма, а второй – личной ответственности.

Возникают вопросы относительно отнесения к специальному принципу квалификации преступления ее объективности. А.И. Рарог сущность объективности как специального принципа квалификации преступления видит в обусловленности квалификации фактическими обстоятельствами совершения преступления и их действительным юридическим значением [507, с. 30]. Если руководствоваться семантикой, то сущность слова «объективный» определяется, в частности, следующими значениями – существующий вне и независимо от человеческого сознания, лишенный предвзятости и субъективного отношения; беспристрастный [526, с. 579]. Выше мы отметили, что этот важный гносеологический аспект принципа объективности позволяет выводить его на уровень группы универсальных принципов, имеющих общее методологическое значение для любой деятельности, в том числе и с деятельности, связанной с квалификацией преступления. В этом смысле объективность в процессе квалификации преступления преломляется в нескольких аспектах. С одной стороны, объективность является свойством, характеризующим принцип. Любой принцип, в том числе и правовой, существует независимо от нашего сознания. Но мы можем его познать в рамках гносеологического процесса. С другой стороны, объективность является характеристикой морально-правовой идеи социальной справедливости. Обязанность уполномоченного должностного лица быть беспристрастным при исполнении функции по квалификации преступления предопределяется интересами его службы. Правоприменитель ни при каких условиях не имеет права злоупотреблять предоставленными ему правами. Кроме того, объективность имеет огромное методологическое значение в уголовном процессе. В уголовно-процессуальном законодательстве закреплено важное положение о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств уголовного дела.

Есть основания для размышлений о предназначении и содержании в процессе квалификации преступления понятия «полнота». Б.А. Куринов рассматривал полноту в качестве требования, обеспечивающего правильность квалификации преступления [262, с. 22–25]. В современных исследованиях полнота выводтися на уровень специального прин-

ципа квалификации преступления. Но пределы этого принципа трактуются по-разному. Основное требование, отражающее содержание полноты квалификации преступления, авторами, изучавшими специальные принципы квалификации преступления, определяется в необходимости указания в соответствующем процессуальном документе всех статей Особенной части УК, в которых формулируются составы преступлений, совершенные соответствующим лицом. Но многие исследователи расширяют содержание данного принципа и иными требованиями: социально-правовой оценке должны подлежать все совершенные лицом деяния [386, с 124]; квалификации должны подлежать действия всех лиц, причастных к совершению преступления исполнителем (организатор, подстрекатель, пособник) [227, с. 18]; квалификация должна содержать ссылку на все нарушенные пункты каждой статьи УК, должно быть указание на все альтернативные признаки деяния при их наличии и указание на все обязательные признаки состава преступления, при квалификации преступления должны использоваться нормы Общей части УК [507, с. 38–40] и др. Следует заметить, что при этом отчасти наблюдается смысловая путаница. В уголовно-процессуальном законодательстве полнота является частью процессуального принципа всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела. Но в сфере квалификации преступления этому понятию придаются иные акценты.

Думается, что термин полнота при обозначении принципа квалификации преступления является не совсем удачным. Филологическое толкование позволяет выделить разные оттенки слова «полнота»: наполненность, достаточное наличие чего-либо; полная мера, полный состав, предельное количество; исчерпанность, обстоятельность; насыщенность, содержательность; высшая степень чего-либо [527, с. 264–265]. При таких определениях можно предположить, что, например, ставшее достаточно распространенным в следственной практике явление так называемой квалификации с запасом свидетельствует о некой насыщенности формулы квалификации, которая может создать видимость исчерпывающей уголовно-правовой оценки. Однако эта насыщенность не имеет никакого отношения к правильности (истинности) квалификации преступления и является грубейшим нарушением требований законности. Кроме того, полнота имеет четкое значение в рамках соответствующего уголовно-процессуального принципа, реализация которого формирует необходимые предпосылки для квалификации преступления.

Представляется излишним относить к понятию полноты требование о том, что социально-правовой оценке должны подлежать все совершенные лицом деяния. Это важное для квалификации преступления положение вытекает из сущности неотвратимости ответственности. В равной

степени это касается и требования о том, что квалификации должны подлежать действия всех соучастников преступления. В последнем случае есть основания констатировать еще и проявление требований социальной справедливости о равенстве всех перед законом.

Что касается требования о необходимости указания всех статей Особенной части УК, в которых формулируются составы преступлений, совершенные соответствующим лицом, то следует полагать, что это важное для квалификации требование присуще не столько процессу квалификации преступления, сколько является характеристикой, отражающей содержание результативного аспекта квалификации преступления. В этом контексте полнота презюмирует тот факт, что при выполненных интерпретациях выводы, зафиксированные в указании на соответствующую статью (статьи) УК, являются истинными, подтверждены соответствующими фактическими данными.

Критическое осмысление существующих позиций относительно специальных принципов квалификации преступления приводит к заключению о том, что с научной точки зрения сформировать эту группу принципов можно только при условии выделения критериев, позволяющих определить на особом уровне соответствующий принцип. Представляется, что выявить их можно путем использования следующих критериев: за основу должно быть взято положение, которое отражает природу и сущность квалификации преступления; это положение должно иметь сквозное значение для всего процесса квалификации преступления; оно должно быть самостоятельным по своему функциональному предназначению, направлять деятельность правоприменителя при осуществлении профессиональных обязанностей по социально-правовой оценке совершенного преступления [342].

В русском языке суть процесса квалификации преступления отражается в слове «сличение», корреспондирующем с глаголом «сличать», который означает «сопоставлять, сравнивать кого-л., что-л. с кем-л., чем-л. для проверки, установления сходства и т. п.» [528, с. 138]. По своей сути квалификация преступления есть ни что иное, как сличение признаков совершенного преступления с признаками состава преступления, описанного в уголовно-правовой норме. При выполнении практической задачи по квалификации преступления процесс сличения характеризуется анализом сопоставляемых объектов квалификации (как раздельным, так и сравнительным) и оценкой результатов сравнительного анализа. Анализ соответствующего этапа сличения в процессе квалификации преступления сопряжен с интерпретацией. Интерпретативная деятельность правоприменителя в процессе квалификации преступления касается истолкования фактических обстоятельств дела как данных, имеющих уголовно-правовое значение, и толкования гипотезы уголовно-правовой нормы.

Определение круга фактических обстоятельств дела обусловлено толкованием смысла уголовно-правовой нормы. В противном случае правоприменитель не сможет определить, какие фактические данные имеют уголовно-правовое значение и какая норма подлежит применению в конкретной ситуации. В предметно-практическом смысле лицо, уполномоченное осуществлять квалификацию преступления, постигает смысл уголовно-правовой нормы с точки зрения конкретного события преступления. Таким образом, вести речь о специальных принципах квалификации преступления следует в контексте требований, характеризующих процесс сличения (сравнения, сопоставления) и интерпретации.

Специальный принцип квалификации преступления должен отражаться в положении, имеющем сквозное значение. Он должен пронизывать весь процесс квалификации и не ограничиваться требованиями относительно только результативного аспекта квалификации.

Положение, претендующее на специальный принцип квалификации преступления, должно иметь самостоятельное значение. В этом смысле специальный принцип не должен совпадать с принципом уголовного права либо быть его частью. Видимо, не совсем верно рассматривать специальные принципы, как утверждает Р.А. Сабитов, в качестве производных от общих принципов (законности, равенства граждан перед законом, вины, справедливости и гуманизма) [513, с. 216]. Разумеется, специальные принципы квалификации преступления должны находиться в ракурсе действия основополагающих идей уголовного права. Вместе с тем они должны обладать самостоятельным функциональным предназначением, подчиненным достижению цели по правильной социально-правовой оценке совершенного преступления.

Специальный принцип квалификации преступления должен направлять деятельность правоприменителя при осуществлении профессиональных обязанностей по социально-правовой оценке совершенного преступления. Принципы квалификации преступления должны «удерживать» правоприменителя в русле процесса сличения (сопоставления) интерпретируемых объектов квалификации преступления и привести его в конечном итоге к правильному выводу относительно социально-правовой оценки.

Таким образом, специальным принципом квалификации преступления есть основания признавать имеющие сквозное и самостоятельное для социально-правовой оценки совершенного преступления положение, которое характеризует порядок сличительного и интерпретационного процесса и соблюдение которого способствует правильному установлению правоприменителем статьи (статей) УК.

В связи с этим можно вести речь о таких специальных принципах квалификации преступления, как сопоставимость, научность, достаточность и толкование неустранимых сомнений в пользу обвиняемого.

Принцип сопоставимости должен обеспечивать сравнимость соотносимых объектов квалификации преступления. Под объектами квалификации следует понимать совершенное в конкретной обстановке деяние и уголовно-правовую норму, предусматривающую ответственность за соответствующий вид преступления.

По уровню соответствия предъявляемым требованиям объекты квалификации следует классифицировать на сопоставимые и несопоставимые. Объект квалификации можно отнести к разряду сопоставимых, если он соответствует тем правовым требованиям, которые дают основание для проведения в дальнейшем отдельного и сравнительного анализа. Например, установленные по делу фактические обстоятельства должны соответствовать процессуальным требованиям об их полноте. Все приобщенные к материалам уголовного дела фактические данные должны быть допустимыми и достоверными. Если объект квалификации не соответствует вышеуказанным требованиям, то его следует признавать несопоставимым. Так, если собранные фактические сведения не соответствуют требованиям об их достоверности, то они не будут образовывать тот составной элемент, который входит в процесс сопоставления. Построение процесса квалификации преступления с использованием объекта, который заведомо не может быть положен в основу сравнения, будет свидетельствовать о нарушении принципа сопоставимости, что в конечном итоге неизбежно приведет к ложному выводу относительно социально-правовой оценки совершенного деяния.

В свою очередь, содержание уголовно-правовой нормы должно соответствовать приемам и правилам законодательной техники и требованиям кодификации соответствующей отрасли законодательства. Особое значение для обеспечения принципа сопоставимости имеет соблюдение следующих правил законодательной техники: логическая последовательность изложения признаков конкретного вида преступления; отсутствие противоречий между описанными признаками состава преступления; отсутствие коллизий между нормами иных отраслей законодательства, что имеет значение при толковании бланкетных признаков; ясность, доступность и понятность текста уголовного закона; однозначность и единообразие терминологии уголовного закона; разъяснение терминов, впервые употребляемых в уголовном законе. Несоблюдение хотя бы одного из указанных требований может создать трудности в проведении сличительного процесса и интерпретации признаков конкретного вида преступления либо вообще исключить уголовно-правовую норму из процесса квалификации.

Важным требованием в обеспечении принципа сопоставимости является адекватная интерпретация полученных фактических данных и текста уголовно-правовой нормы. Уяснение обстоятельств, характери-

зующих реальное событие, предполагает истолкование конкретных фактических данных, которые становятся фактами, имеющими уголовно-правовое значение, лишь вследствие правовой интерпретации. При этом правоприменитель, проводя соответствующее процессуальное действие, должен понять и истолковать имеющиеся фактические данные с точки зрения соблюдения требований об относимости доказательств. При интерпретации текста уголовно-правовой нормы правоприменитель должен руководствоваться известными в юриспруденции приемами толкования.

Содержание принципа научности квалификации преступления выражается в следующем. Во-первых, этот принцип определяет, что установление соответствия между признаками совершенного деяния с законодательной моделью преступления, описанного в норме УК, осуществляется с использованием научного категориального аппарата, закономерностей и методов, которые выработаны логикой: законы логики, логические приемы толкования понятий и суждений, порядок построения простого категорического силлогизма, соотношение понятий «истинность» и «ложность» и т. д. Во-вторых, поскольку социально-правовая оценка совершенного преступления осуществляется на основе определенных правил квалификации преступления, то эти правила должны быть научно обоснованы. Научная обоснованность соответствующего правила квалификации преступления должна выражаться в обязательном использовании при его создании научно-практических положений, базирующихся на многолетней судебной практике и убедительных теоретических доводах.

Следует обратить внимание на еще один момент. Белорусскими правоведами уже давно была высказана важная идея о том, что правила квалификации преступления и правила создания (построения) уголовно-правовой нормы должны быть взаимосвязаны, едины [31, с. 6; 576, с. 3–6]. Решение этого вопроса с позиции системного подхода является методологически верным. Представляется, что в этом смысле есть основания вести речь о межинституциональном принципе, который можно назвать принципом единства и взаимообусловленности правил законодательной техники и квалификации преступления.

Достаточность должна удовлетворять потребности квалификации не только в части обеспечения полноты формулы квалификации преступления. Несомненно, формула квалификации преступления должна содержать ту статью или совокупность статей УК, указания на которые достаточно для того, чтобы судить о ее полноте. Но в процессе квалификации преступления должны быть соблюдены все те требования, которые свидетельствуют о том, что собранных фактических данных хватает для установления признаков соответствующего состава пре-

ступления. Для того чтобы квалификация преступления была правильной, необходимо наличие исчерпывающего с точки зрения конкретного состава преступления количества фактических данных по соответствующему уголовному делу (полнота собранных фактических данных). В этом смысле принцип достаточности плотно соприкасается с принципом сопоставимости. Кроме того, в некоторых случаях процесс квалификации преступления должен удовлетворять дополнительным требованиям, без наличия которых дать социально-правовую оценку будет невозможно. Так, по делам частного обвинения сделать официальный вывод о квалификации преступления немыслимо без заявления потерпевшего, которое должно вовлечь свершившийся юридический факт – общественно опасное деяние в орбиту конфликтного уголовно-правового отношения. Соответствующий национальный уголовный закон может содержать и иные дополнительные требования, отсутствие которых будет свидетельствовать о недостаточности условий, необходимых для обеспечения процесса квалификации отдельных видов преступлений. Например, ст. 32 УК определяет, что в случаях, предусмотренных Особенной частью УК, уголовная ответственность за преступления, не представляющие большой общественной опасности, может наступать, если деяние было совершено в течение года после наложения административного или дисциплинарного взыскания. Это означает, что по УК квалифицировать некоторые деяния в качестве преступления можно только при наличии признаков административной или дисциплинарной преюдиции.

Поскольку суть процесса квалификации преступления определяется соответствующими интерпретациями, то следует согласиться с теми исследователями, которые в качестве самостоятельного принципа выделяют положение о толковании неустранимых сомнений в пользу обвиняемого. Данное положение было сформулировано на уровне юридического постулата в римском праве и в рамках современной уголовной юстиции приобрело характер руководящего требования, определяющего правоприменителю направление в принятии вывода в случае возникновения у него неуверенности при интерпретации признаков соответствующего состава преступления или фактических данных, положенных в основу обвинения.

Возникающие сомнения должны быть неустранимыми, т. е. разрешить их в рамках совершения соответствующих процессуальных действий или существующих приемов толкования нормы правоприменителю не представляется возможным. Неустранимое сомнение является итогом внимательного, всестороннего (порой сложного и достаточно мучительного) анализа фактических обстоятельств дела или изучения текста уголовного закона.

Требование о толковании неустранимых сомнений в пользу обвиняемого не охватывается содержанием принципа справедливости, закрепленного на нормативном уровне в тексте уголовного закона. Вместе с тем анализируемое требование можно рассматривать в ракурсе категории «справедливость» как морально-этическом представлении о должном.

Принцип квалификации преступления во многом обусловлен презумпцией невиновности. Эта презумпция объясняет толкование сомнений в обоснованности предъявленного обвинения в контексте установления виновности соответствующего лица. Однако сомнения могут появиться не только относительно вины или психического отношения лица к обстоятельствам или признакам, имеющим юридическое значение. Затруднения могут возникать и при уяснении смысла уголовно-правового запрета, понимании содержания оценочных признаков состава преступления, установлении коллизий в иных отраслях законодательства при толковании бланкетного признака состава преступления и т. д. Если бы законодатель при конструировании соответствующей уголовно-правовой нормы размышлял с позиции соблюдения требований о единстве и взаимообусловленности правил законодательной техники и квалификации преступления, то, возможно, применительно, например, к переменным признакам состава преступления были бы избраны иные, более оптимальные средства и приемы изложения нормативного материала. Но при существующем положении дел рассматриваемый принцип позволяет правоприменителю избежать применения неясных положений уголовного закона, которые порождены недостатками законодательной техники.

С учетом изложенных методологических основ социально-правовой оценки преступления представляется возможным предложить следующее определение квалификации преступления: это осуществляемая по законам формальной логики и основанная на триединстве герменевтических процедур, основополагающих философско-методологических началах, принципе социальной справедливости, специальных принципах и правилах социально-правовая оценка общественно опасного деяния, которая характеризуется установлением и юридическим закреплением тождества выявленных признаков совершенного деяния признакам конкретного вида преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой.

Научный анализ понятия квалификация преступления требует объяснения еще одного вопроса. В литературе было высказано мнение о том, что квалификация преступления образует комплексный межотраслевой институт права [60–62; 512]. Например, литовский ученый Э.Б. Белюнас считает, что нормативные аспекты этого института обра-

зуют не только нормы УК, но и нормы, определяющие компетенцию соответствующих субъектов (нормы УПК и иного законодательства о судоустройстве, регламентирующие организацию и деятельность судов, прокуратуры, адвокатуры, полиции, а также специализированных служб, занимающихся расследованием, например, финансовых и других преступлений) и процессуальные формы их деятельности [61, с. 627].

Представляется, что такой подход чрезмерно расширяет пределы анализируемого правового явления. Причиной столь широких интерпретаций, как мы полагаем, является рассмотренное нами выше проблемное поле о месте квалификации преступления в правоприменительном процессе, которое породило достаточно разнообразный спектр мнений об этапах квалификации и ее содержании в целом. Еще раз считаем необходимым подчеркнуть, что рассмотрение содержания квалификации преступления с позиции ее этапов, которые предполагают последовательность во времени их проявления (процессуальная деятельность по выявлению и закреплению фактических обстоятельств дела, установлению уголовно-правовой нормы, уяснению содержания ее смысла и т. д.), не отражает суть уголовно-правовой оценки. Сущность феномена квалификации преступления заключается в том, что обладающий юридическими знаниями квалификатор, начиная со стадии возбуждения уголовного дела, при собирании соответствующих доказательств уже осуществляет процесс квалификации. Он «примеряет» выявляемые им фактические данные с признаками соответствующего вида преступления, описанного в уголовно-правовой норме. Содержание процесса квалификации преступления объясняется в большей мере иными закономерностями, которые в отличие от характеристик правового института могут не иметь нормативного характера (например, она осуществляется на основе правил и законов формальной логики) при соблюдении определенных принципов познавательной деятельности. Хотя квалификация преступления имеет проявление и в определенных процессуальных формах, она находит отражение в соответствующих юридических актах. Кроме того, на представления о квалификации преступления влияют во многом научные идеи, доктринальные позиции относительно понятий, которые формируют функционально-содержательные аспекты квалификации преступления: содержание и структура уголовно-правовой нормы, юридическая основа квалификации преступления, специальные принципы квалификации и т. д.

В рассматриваемом контексте представляется верным мнение Т.В. Кленовой: «Отступление от общей теоретической посылки, в соответствии с которой правовым институтом признается система правовых норм определенного вида, объясняются существующей потребностью урегулирования посредством взаимосвязанных предписаний не

только вида общественных отношений в целом, но и его части, элементов. Вместе с тем возможность таких отступлений не является аргументом для отнесения к институтам уголовного права любых, в том числе ненормативных, элементов уголовно-правовой системы и юридических конструкций. Так, определение как института уголовного права его задач, состава преступления или квалификации преступления, что иногда допускается в юридической литературе, ведет к совмещению уголовного права в значениях отрасли права, науки, учебной дисциплины и правоприменительной практики» [203, с. 186–187].

4.4. Формула квалификации преступления и ее свойства

В предыдущем параграфе было отмечено, что в последних научных исследованиях многие зарубежные авторы точность и полноту квалификации преступления стали выделять на уровне самостоятельных и специальных принципов квалификации преступления. Несомненно, положения о точности квалификации преступления, под которой правоведы единодушно понимают четкое указание в соответствующем процессуальном акте на статью (пункт и (или) часть статьи) УК, имеют большое значение для результативного аспекта квалификации преступления. Результативным аспектом квалификации преступления признается «официальное признание и закрепление в соответствующем юридическом акте (постановлении следователя или органа дознания, обвинительном заключении, судебном приговоре или определении) обнаруженного соответствия признаков совершенного деяния уголовно-правовой норме» [242, с. 5]. На этом основании можно сделать вывод о том, что требование о точности характеризует лишь результат, а не весь процесс квалификации преступления. Полагаем, что точность квалификации преступления следует рассматривать не как специальный принцип, а как атрибут ее результата, как свойство, характеризующее формулу квалификации преступления. Под формулой квалификации преступления надо понимать содержащееся в соответствующем процессуальном акте указание на статью или совокупность статей УК либо комбинацию статей Общей и Особенной частей УК, определяющей результативный аспект квалификации преступления.

С нашей точки зрения, не следует относить к специальному принципу квалификации преступления и ее полноту. Положение о необходимости указания соответствующих статей УК, предусматривающих ответственность за совершенное преступление, характеризует в большей мере не процесс квалификации преступления, а содержание формулы квалификации преступления.

Известно, что при квалификации преступления учитываются многие статьи Общей части УК (нормативные положения о возрасте, с которого наступает уголовная ответственность (ст. 27 УК), вине (ст. 21–26 УК) и др.). Однако в контексте точности и полноты формулы квалификации преступления особого внимания заслуживает рассмотрение вопроса о социально-правовой оценке преступления на основе сочетания статей Общей и Особенной частей УК. Согласно установившейся уже давно в судебной и законодательной практике традиции требование об указании на статью Общей части УК в настоящее время предъявляется для следующих случаев: при квалификации приготовления к преступлению (ч. 3 ст. 13 УК), покушения на преступление (ч. 2 ст. 14 УК) и социально-правовой оценке деяний организатора, подстрекателя или пособника при соучастии с различными видами соучастников (ч. 7 ст. 16 УК). Вместе с тем есть основания полагать, что ссылки на статьи Общей части УК уместно делать и в иных случаях. На этот момент уже обращалось внимание некоторыми исследователями. Например, В.Н. Кудрявцев допускал возможным при квалификации преступления делать ссылку на ст. 25 «Преступление, совершенное умышленно» УК России в случаях, когда соответствующая статья Особенной части допускает различные формы виновности, для того, чтобы подчеркнуть, что в конкретном случае преступление было умышленным, а не неосторожным [242, с. 10]. Акцент на умышленное преступление В.Н. Кудрявцевым был обусловлен наличием в УК России ч. 2 ст. 24, в которой указано: «Деяние, совершенное только по неосторожности, признается преступлением лишь в случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса». Поскольку подобной оговорки в УК Республики Беларусь нет, предложение В.Н. Кудрявцева может быть применено не только к умышленным преступлениям, но и преступлениям, совершенным по неосторожности. Кроме того, в Особенной части УК Республики Беларусь есть ряд статей, в которых непосредственно указывается на различное психическое отношение к общественно опасным последствиям. Например, ст. 264 УК предусматривает ответственность за нарушение режима охраны и использования особо охраняемых природных территорий, повлекшее умышленное или по неосторожности причинение ущерба в крупном размере. В таких случаях формула квалификации, основанная только на указании на соответствующую статью Особенной части УК, не несет информации о том, какое преступление совершило лицо: умышленное или неосторожное? Точной ли является такого рода социально-правовая оценка? К сожалению, не всегда этот вопрос можно выяснить, ознакомившись с материалами уголовного дела. Иногда органы, ведущие уголовный процесс, сделав вывод о виновности лица, совершившего общественно

опасное деяние, не указывают в процессуальных документах на конкретную форму вины. Между тем форма вины оказывает влияние не только на степень общественной опасности совершенного преступления, что, несомненно, должно учитываться при определении меры уголовной ответственности. Отсутствие в материалах дела указания на форму вины неизбежно будет порождать и иные вопросы, имеющие уголовно-правовое значение: при установлении признаков рецидива, при определении вида исправительной колонии в случае осуждения виновного лица к наказанию в виде лишения свободы, сроков погашения судимости, условий применения амнистии и т. д.

Предлагаемый подход способствовал бы уточнению формулы квалификации в условиях действующей системы уголовно-правовых норм. Но в уголовно-правовой литературе было высказано мнение о необходимости решения этого вопроса путем изменения техники конструирования уголовно-правовых норм в Особенной части УК. Научно-практический интерес представляет предложение И.О. Грунтова: «В этой связи конструкция составов преступлений, в которых описываются признаки преступлений, субъективная сторона которых характеризуется как умыслом, так и неосторожностью, не должны использоваться в УК. С учетом требования принципа личной виновной ответственности за деяния, посягающие на одинаковый объект и имеющие сходную объективную сторону, но отличающиеся формой вины (умысел и неосторожность) уголовная ответственность должна предусматриваться в разных уголовно-правовых нормах. При этом криминализация таких посягательств должна наступать в зависимости от разных общественно опасных последствий» [135, с. 144–145].

Следует также отметить, что в Особенной части УК есть нормы, в которых нет указания на форму вины. Но исходя из их содержания нельзя однозначно сделать вывод о том, какая форма вины предполагается. Например, в ст. 315 УК законодатель не указал, при какой форме вины нарушение правил международных полетов следует признавать преступным. В теории уголовного права относительно содержания субъективной стороны данного преступления высказаны разные мнения. В рамках анализа аналогичной нормы, содержащейся в УК 1960 г., был сделан вывод о том, что нарушение правил международных полетов может быть совершено как умышленно, так и по неосторожности [394, с. 156]. В современных доктринальных источниках толкования УК утверждается, что это преступление может быть совершено только с прямым умыслом [396, с. 735]. Нет единства в определении формы вины относительно рассматриваемого преступления и в российской уголовно-правовой литературе [492, с. 630; 586, с. 154]. Судебная статистика пока не зафиксировала в Республике Беларусь случаев уголов-

но наказуемого нарушения международных полетов. Однако, полагаем, что при возникновении данного юридического факта в рамках возникнувшего уголовно-правового отношения, в целях обеспечения точности формулы квалификации совершенного преступления лицу, ведущему уголовный процесс, целесообразно делать ссылку на ч. 2 ст. 24 УК.

Представляется, что не соблюдаются требования о точности формулы квалификации преступления при социально-правовой оценке исполнителя преступления. В следственно-судебной практике деяние, совершенное исполнителем, квалифицируется только по статье Особенной части УК без ссылки на ч. 3 ст. 16 УК. Данный квалификационный подход вытекает из смысла положения, закрепленного в ч. 7 ст. 16 УК. Однако такого рода социально-правовая оценка показывает лишь то, что соответствующее лицо непосредственно совершило конкретное преступление. В формуле квалификации в таком случае не находит своего отражения факт совершения преступления в соучастии, что не согласуется с положениями ст. 10 УК и порождает дезориентирующие предпосылки при определении меры уголовной ответственности. Такого рода подход в квалификации общественно опасного поведения исполнителя уже давно критикуется в литературе [67, с. 204–205; 199].

УК Республики Беларусь признает соучастие в преступлении самостоятельным основанием уголовной ответственности. Это основание в п. 4 ст. 10 УК сформулировано в обобщенной форме: основанием уголовной ответственности является совершение виновно запрещенного УК деяния в виде соучастия в совершении преступления. Но применительно к отдельно взятому соучастнику деяние в виде соучастия в совершении преступления трансформируется в конкретный вид преступного поведения, выражающийся в выполнении соучастником в рамках общего замысла соответствующей преступной роли: непосредственное исполнение объективной стороны соответствующего преступления либо совершение иного деяния. Установление указанного основания обязывает суд учитывать особенности при назначении наказания соучастникам преступления. Но требования уголовного закона, предусмотренные положениями ст. 66 УК, суд может обеспечить лишь в том случае, когда лица, осуществляющие уголовное преследование, не только в материалах дела, но и в формуле квалификации обозначат факт совершения преступления в соучастии. Поскольку ч. 1 ст. 66 УК требует при назначении наказания учитывать характер и степень участия в совершении преступления каждого из соучастников, то правило квалификации, изложенное в ч. 7 ст. 16 УК, при его использовании требует уточнения: в таком случае необходимо указывать соответствующую часть ст. 16 УК, определяющей суть преступной роли, выполненной соответствующим соучастником.

В практике содеянное квалифицируется только по статье Особенной части УК без ссылки на соответствующие части ст. 16 УК и в случаях, когда лицо помимо функции исполнителя выполнило еще и роль иного соучастника (соучастников). Представляется, что в этом случае в формуле квалификации преступления неоправданно сужается фактический объем преступной деятельности соответствующего лица. С учетом высказанных суждений полагаем, что деяния исполнителя должны квалифицироваться со ссылкой на ч. 3 ст. 16 УК. Но если лицо первоначально выполняло преступную функцию иного соучастника, но впоследствии непосредственно участвовало в совершении преступления в качестве исполнителя (соисполнителя), то в квалификации преступления следует делать ссылку на соответствующие части ст. 16, отражая все преступные роли, выполненные лицом в рамках совместной преступной деятельности.

Такой подход в квалификации поведения исполнителя преступления будет соответствовать современным представлениям о юридическом основании и индивидуализации уголовной ответственности соучастников.

В контексте полноты квалификации преступления в последнее время в литературе стал подниматься вопрос о необходимости отражения в формуле квалификации преступления обстоятельств, отягчающих или смягчающих ответственность, если они не обозначены в качестве квалифицирующего признака в применяемой к конкретному случаю статье Особенной части УК. Так, Г.К. Буранов отмечает, что для обеспечения правильной квалификации преступления в правовой оценке следует отражать наличие в деянии отягчающих обстоятельств, указывая на предусматривающих их пункты ст. 63 УК России [91, с. 59–60]. А.И. Рарог, поддерживая эту идею, допускает распространение данного правила и на квалификацию преступления при наличии смягчающих обстоятельств, если они не выделены в качестве привилегированного признака в соответствующей статье Особенной части УК [507, с. 42–43]. Несмотря на то что перечень смягчающих и отягчающих обстоятельств, указанных в ст. 62 и 63 УК России, и положения их регламентирующие, несколько отличаются от соответствующих предписаний, содержащихся в ст. 63 и 64 УК Республики Беларусь, указанный подход в квалификации преступления заслуживает внимания. Аргументируя свою позицию, Г.К. Буранов и А.И. Рарог ссылаются, в частности, на нормы уголовно-процессуального законодательства [91, с. 60–61; 507, с. 42]. Некоторые из них идентичны соответствующим положениям, содержащимся в УПК Республики Беларусь. Так, обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность, согласно п. 3 ч. 1 ст. 89 УПК относятся к предмету доказывания по уголовному делу. В соот-

ветствии с ч. 2 ст. 262 при направлении уголовного дела прокурору следователь представляет прокурору справку о результатах проведенного по делу предварительного расследования, в которой, в частности, должны быть указаны обстоятельства, смягчающие и отягчающие его ответственность. Обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность, относятся к вопросам, которые должен разрешать суд при постановлении обвинительного приговора (п. 5 ч. 1 ст. 352 УПК), их следует указывать в его описательно-мотивировочной части (ч. 1 ст. 360 УПК).

Кроме того, применительно к неоконченному преступлению и соучастию в преступлении можно констатировать взаимосвязь между соответствующими правилами квалификации и правилами назначения наказания. Нормативные положения, содержащиеся в ч. 3 ст. 13 и ч. 2 ст. 14 УК, корреспондируют с положениями, сформулированными в ст. 67 УК, а положения ч. 7 ст. 16 УК – соответственно с предписаниями ч. 1 ст. 66 УК. На этом основании вполне логичной будет, например, следующая постановка вопроса: почему при наличии в УК ст. 65, определяющей правила назначения наказания при рецидиве преступлений, в случае применения статьи Особенной части УК, не содержащей признака повторности или специального рецидива, в социально-правовой оценке преступления не находит отражения рецидив (при фактическом его наличии)?

В целом следует заметить, что решение этого вопроса во многом зависит от существующих подходов к криминализации и дифференциации уголовной ответственности. Есть основания констатировать, что существующая законодательная практика конструирования норм с квалифицирующими и привилегированными признаками, именуемыми в литературе некоторыми учеными средствами дифференциации уголовной ответственности [275, с. 228–245], далека от совершенства. Возникающие при этом проблемы как в сфере квалификации преступления, так и назначения наказания показаны на примере законодательной конструкции норм УК, формулирующих ответственность за совершение преступлений группой лиц [326, с. 62–75]. Аналогичные проблемы вытекают из большинства законодательных конструкций составов с квалифицирующими обстоятельствами.

Средства дифференциации уголовной ответственности нуждаются в системном научном обосновании и совершенствовании в УК. Вместе с тем при существующем в УК подходе к рассматриваемым средствам (и при сохранении такого подхода в будущем) в целях обеспечения точности и полноты формулы квалификации преступления идея об отражении в социально-правовой оценке содеянного отягчающих и смягчающих обстоятельств, не указанных в конкретной уголовно-правовой

норме в качестве квалифицирующих или привилегированных признаков, заслуживает внимания. Однако в силу разной правовой природы, времени возникновения некоторых обстоятельств и диспозитивных положений уголовного закона реализация этой задачи вызывает ряд затруднений. Так, возникают вопросы относительно обстоятельств, смягчающих уголовную ответственность. Перечень обстоятельств, указанных в ч. 1 ст. 63 УК, является примерным. Согласно ч. 2 ст. 63 УК суд может признать смягчающими ответственность и иные обстоятельства, не указанные в данной статье. Каким образом следует показывать в формуле квалификации преступления обстоятельства, которые не нашли закрепления в ч. 1 ст. 63 УК? Видимо, предлагаемую идею уместно рассматривать только применительно к обстоятельствам, которые перечислены в ч. 1 ст. 63 УК, поскольку суд их обязан учитывать в процессе назначения наказания.

Вместе с тем далеко не все обстоятельства, перечисленные в ч. 1 ст. 63 УК, могут претендовать на включение их в формулу квалификации преступления. При квалификации преступления происходит сопоставление признаков конкретного вида преступления, описанного в уголовно-правовой норме, с признаками преступления, совершенного в конкретном месте и времени. Некоторые из обстоятельств, перечисленных в ст. 63 УК, не относятся ко времени совершения общественно опасного деяния, которое подлежит социально-правовой оценке. Так, ряд смягчающих ответственность обстоятельств характеризуют посткриминальное поведение лица, совершившего преступление: явка с повинной (п. 1 ч. 1 ст. 63 УК); чистосердечное раскаяние в совершенном преступлении (п. 2 ч. 1 ст. 63 УК); активное способствование выявлению преступления, изобличению других участников преступления, розыску имущества, приобретенного преступным путем (п. 3 ч. 1 ст. 63 УК); оказание медицинской или иной помощи потерпевшему непосредственно после преступления; добровольное возмещение ущерба, уплата дохода, полученного преступным путем, устранение вреда, причиненного преступлением; иные действия, направленные на заглаживание такого вреда (п. 4 ч. 1 ст. 63 УК). Возникают сомнения и относительно отражения в формуле квалификации преступления и иных обстоятельств (например, наличие на иждивении у виновного малолетнего ребенка (п. 5 ч. 1 ст. 63 УК)).

Представляется, что в формуле квалификации преступления допустимым было бы указание только на те пункты ч. 1 ст. 63 УК, которые формулируют смягчающие ответственность обстоятельства, оказывающих влияние на степень общественной опасности деяния: совершение преступления под влиянием угрозы или принуждения либо в силу материальной, служебной или иной зависимости (п. 7 ч. 1 ст. 63 УК); совершение преступления под влиянием противоправных или

аморальных действий потерпевшего (п. 8 ч. 1 ст. 63 УК); совершение преступления при нарушении условий правомерности крайней необходимости, пребывания среди соучастников преступления по специальному заданию, обоснованного риска, исполнения приказа или распоряжения (п. 9 ч. 1 ст. 63 УК).

Этот критерий для целей точной и полной квалификации преступления целесообразно использовать и при определении круга обстоятельств, отягчающих ответственность. Например, степень общественной опасности совершения преступления по неосторожности существенно возрастает, если это преступление было совершено вследствие сознательного нарушения установленных правил безопасности. Указание на п. 16 ч. 1 ст. 64 УК в формуле квалификации преступления будет показывать уже на уровне социально-правовой оценки, что соответствующие правила безопасности при совершении расследуемого (рассматриваемого) неосторожного преступления были нарушены умышленно. Этот аспект квалификации для суда должен красной нитью уходить в сферу определения формы и меры реализации уголовной ответственности.

Однако применительно к содержанию ст. 64 УК необходимо учитывать ряд особенностей. В некоторых пунктах ч. 1 ст. 64 УК подразумеваются или указываются несколько смежных понятий и указание в таком случае на соответствующий пункт ч. 1 ст. 64 УК не будет соответствовать требованиям о точности формулы квалификации преступления. Так, в п. 1 ч. 1 ст. 64 УК к обстоятельству, отягчающему ответственность, относятся различные варианты множественности преступлений: повторность, реальная совокупность и рецидив. Кроме того, в этом же пункте содержится оговорка о том, что в зависимости от характера совершенных преступлений суд вправе не признавать это обстоятельство отягчающим. И хотя это положение в основном относится к оценке реальной совокупности преступлений, которая всегда находит свое закрепление в формуле квалификации, в целом такого рода оговорка затрудняет реализацию рассматриваемой идеи. Представляется, что применительно, например, к рецидиву целесообразно делать при квалификации преступления ссылку не на п. 1 ч. 1 ст. 64 УК, а на ст. 43 УК.

Следует обратить внимание еще на один момент. Во многих статьях Особенной части УК рецидив находит свое отражение в квалифицирующих обстоятельствах через признак повторности или специального рецидива. Кроме того, в двух нормах УК на уровне квалифицированного состава законодатель выделил совершение преступления лицом, допустившим особо опасный рецидив: ч. 2 ст. 410 (действия, дезорганизующие работу исправительного учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы или арестного дома, совершенные лицом, допустившим особо опасный рецидив) и ч. 2 ст. 411 (злостное

неповиновение требованиям администрации исправительного учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы, совершенное лицом, допустившим особо опасный рецидив). Если допущенный лицом особо опасный рецидив в указанных случаях обязательно должен находить свое закрепление в квалификации преступления, то почему бы не ввести правило, в соответствии с которым проявление особо опасного рецидива при совершении тяжкого или особо тяжкого преступления следует показывать в формуле квалификации преступления? Ведь особо опасный рецидив влечет для осужденного целую серию правоограничений в режиме соответствующей формы реализации уголовной ответственности. Этот фрагмент формулы квалификации преступления будет служить цели обеспечения обвиняемому права на защиту в части обоснованности вменения ему признаков рецидива. Полагаем, что есть смысл показывать в формуле квалификации и на иные виды рецидива. Для этого следует делать ссылку на соответствующие положения, закрепленные в ч. 1–3 ст. 43 УК. Исключением являются требующие усовершенствования правила, указанные в п. 1 ч. 2 ст. 43 УК, которые определяют этот вариант опасного рецидива на основе принятия соответствующего решения суда на стадии назначения наказания.

Вопрос о квалификации повторного преступления осложняется существующей проблемой о правовой природе повторности. В последнее десятилетие было приведено немало аргументов в пользу исключения из уголовного законодательства повторности как формы множественности преступлений. В УК России этот подход нашел законодательное закрепление: федеральным законом Российской Федерации от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ ст. 16, предусматривавшая неоднократность преступлений в качестве самостоятельной формы множественности преступлений, была исключена из УК. Мнение о том, что повторность следует исключить из числа множественности преступлений, а следовательно, и из круга квалифицирующих обстоятельств, заслуживает поддержки. Нет никаких сомнений относительно необходимости исключения однородной повторности, суть которой сформулирована в ч. 2 ст. 41 УК. Однородная повторность порождает квалификацию преступления с учетом двух форм множественности преступлений – повторности и совокупности, что явно входит в противоречие с положениями ч. 6 ст. 3 УК. Однако если воля законодателя в рассматриваемом контексте будет оставаться неизменной, то при квалификации повторных тождественных преступлений в случае, когда этот квалифицирующий признак не предусмотрен в соответствующей статье Особенной части УК, целесообразно делать ссылку на ч. 1 ст. 41 УК.

Возможность использования такого подхода проявилась и в судебной практике.

Суд Дзержинского района в обвинительном приговоре от 18 февраля 2009 г. по делу Л. совершенную им повторно незаконную охоту, повлекшую причинение ущерба в крупном размере, квалифицировал по ч. 1 ст. 41 и ч. 2 ст. 282 УК Республики Беларусь [27].

Очевидно, что предложенная в данном приговоре формула квалификации преступления была обусловлена отсутствием указания в ст. 282 УК на повторное совершение незаконной охоты.

Следует также заметить, что употребляющийся в теории и практике термин «формула обвинения», как показывает анализ многих процессуальных решений, на поверку является достаточно расплывчатым по своему содержанию. В формулу обвинения, в основу которой положен результативный аспект квалификации преступления, органы, ведущие уголовный процесс, часто включают и статьи, имеющие отношение к другой стадии правоприменения – назначению наказания. Например, во вводных частях кассационных протестов можно встретить такие утверждения: осужден по ч. 1 ст. 139 и ч. 2 ст. 65 УК, осужден по ч. 2 ст. 205, ч. 1 ст. 73, осужден по ч. 2 ст. 205, ч. 2 ст. 65, ч. 1 ст. 73, судимый по ч. 2 ст. 339, ч. 2 ст. 363, чч. 2 и 5 ст. 72 УК и др. Такой подход нельзя признавать приемлемым, поскольку он противоречит п. 17 ст. 6 УПК, определяющей сущность обвинения: «обвинение – утверждение о совершении определенным лицом конкретного общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, сделанное в порядке, установленном настоящим Кодексом, а также процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения».

Ряд смежных понятий предусмотрен и в п. 11 ч. 1 ст. 64 УК. Данный пункт определяет повышенную ответственность за совершение преступления при наличии различных форм соучастия: группы лиц по предварительному сговору, организованной группы или преступной организации. Представляется, что формулировка пункта является не совсем удачной и не позволяет в достаточном объеме решить рассматриваемые вопросы квалификации преступления. Во-первых, по смыслу данного пункта совершение преступления группой лиц без предварительного сговора не признается почему-то обстоятельством, отягчающим ответственность, хотя в рамках многих квалифицированных составов преступлений, совершение преступления группой лиц, с учетом аутентичного толкования, содержащегося в ч. 12 ст. 4 УК, влечет повышенную ответственность и при наличии признаков группы без предварительного сговора (например, изнасилование, совершенное группой лиц (ч. 2 ст. 166 УК)). Во-вторых, излишним является отнесение к отягчающему ответственность обстоятельству совершение преступления преступной организацией. Согласно ч. 2 примечаний к разд. X УК преступления, совершенные в составе преступной организации, оцени-

ваются самостоятельно и влекут ответственность по совокупности преступлений. Но сам факт создания преступной организации или участия в ней образует согласно ст. 285 УК самостоятельное преступление. Следовательно, усиление ответственности за каждое преступление, совершенное в составе преступной организации через п. 11 ч. 1 ст. 64 УК наряду с привлечением к ответственности по ст. 285 УК будет противоречить принципу справедливости – никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление. В плане *lega ferenda* п. 11 ч. 1 ст. 64 УК целесообразно было бы сформулировать следующим образом: «11) совершение преступления группой лиц». Но поскольку группа лиц согласно ч. 12 ст. 4 УК является понятием собирательным и включает в себя различные варианты группового участия в совершении преступления при квалификации соответствующего общественно опасного деяния (если статья Особенной части УК не содержит указания на определенный вариант группового совершения преступления), следует делать ссылку на ст. 17 или 18 УК.

Нет оснований делать ссылку при квалификации преступления на п. 17 ч. 1 ст. 64 УК. Во-первых, совершение преступления лицом, находящимся в состоянии алкогольного опьянения либо в состоянии, вызванном потреблением наркотических средств, психотропных, токсических или других одурманивающих веществ, является признаком, характеризующим личность виновного. Во-вторых, указанное состояние может и не выполнять роль отягчающего обстоятельства (например, причинение вреда при превышении пределов необходимой обороны защищающимся лицом, которое находилось в состоянии опьянения). Именно поэтому в п. 17 ч. 1 ст. 64 УК указано: «Суд вправе в зависимости от характера преступления не признать это обстоятельство отягчающим».

Точность формулы квалификации преступления, представляется, требует уточнения при осуществлении квалификации преступления на основе положений ч. 2 ст. 9 УК. Исходя из правила об обратной силе уголовного закона, мы должны квалифицировать содеянное по той норме УК, которая каким-либо образом улучшает положение лица. Вместе с тем известно, что в определенных случаях положения об обратной силе уголовного закона требуют определения пределов назначения наказания, которые выстраиваются на основе сопоставляемых норм. Как показала практика применения ч. 2 ст. 9 УК 1999 г., сочетание сопоставляемых законов может быть весьма сложным. Поэтому в формуле квалификации преступления уместно было бы выделять две части: помимо указания на статью (статьи), определенной на основе положений ч. 2 ст. 9 УК, в скобках обозначить сопоставляемую уголовно-правовую норму (норму утратившего силу УК либо норму дей-

ствующего УК, но в соответствующей редакции), положения которой следует учитывать при определении пределов назначения наказания.

Изучение положений, регламентирующих применение уголовного закона в пространстве, дает основание для вывода о том, что в некоторых случаях в формуле квалификации преступления должны отражаться не только нормы национального уголовного закона, но и нормы уголовного законодательства той страны, на территории которой было совершено преступление. Речь идет о соблюдении так называемого юрисдикционного правила двойной преступности (двойной криминальности). Так, ч. 1 ст. 6 УК ограничивает пределы уголовной юрисдикции в отношении деяний, совершенных за пределами государства его гражданами или лицами, приравненными к ним, фактом признания совершенного деяния преступлением не только по УК Республики Беларусь, но и по уголовному закону того государства, на территории которого оно было совершено. Содержание ч. 1 ст. 6 УК показывает, что юридическими основаниями квалификации преступления в этом случае являются две уголовно-правовые нормы: норма УК Республики Беларусь и норма зарубежного уголовного закона. Положение ч. 1 ст. 6 УК свидетельствует о том, что к источникам уголовного права следует относить и уголовное законодательство иностранных государств. На это обстоятельство уже давно обращают внимание отечественные и зарубежные правоведы [77, с. 54; 575, с. 44]. Наличие нескольких юридических оснований применения уголовного закона порождает вопрос о формуле квалификации преступления, совершенного гражданином за пределами Республики Беларусь. В теории квалификации преступления этот вопрос правоведы обычно обходят молчанием. Но И.В. Андреев, затронув данную проблему применительно к первоначальной редакции ч. 1 ст. 12 УК Российской Федерации, высказал предположение о том, что в описательной части соответствующего процессуального документа необходимо указывать все обстоятельства (обязательно территориальные и связанные с уголовным законом иностранного государства) совершенного преступления, а в буквенно-цифровом выражении отражать только статьи (пункты, части) национального уголовного закона [20, с. 25]. Нет сомнения в том, что в материалах дела должны быть зафиксированы все обстоятельства совершения преступления в месте его совершения. Однако данные, полученные в результате расследования, относятся к установлению не юридического, а фактического основания квалификации преступления. Правило двойной криминальности (преступности), закрепленное в ч. 1 ст. 6 УК, в аспекте соблюдения требований о точности и полноте предполагает специфику формулы квалификации преступления, совершенного гражданином за пределами Республики Беларусь. Результат социально-правовой оценки преступления в этом случае должен быть закреплен в соответст-

вующих процессуальных документах с указанием на норму как национального уголовного закона, так и норму уголовного закона государства, на территории которого было совершено преступление. Например, если гражданин Республики Беларусь совершил на территории Украины убийство из корыстных побуждений и привлекается к ответсвенности на территории Беларуси, то формула квалификации преступления может выглядеть следующим образом: п. 12 ч. 2 ст. 139 УК Республики Беларусь (п. 6 ч. 2 ст. 115 УК Украины).

Важность четкого определения формулы квалификации преступления в данном случае объясняется еще и тем, что результат квалификации ориентирует суд на следующую стадию применения уголовного закона: назначение меры уголовной ответственности. Согласно ч. 1 ст. 6 УК «При осуждении указанных лиц наказание назначается в пределах санкции статьи настоящего Кодекса, но не должно превышать верхнего предела санкции, предусмотренной законом государства, на территории которого было совершено преступление».

Аналогичный вопрос квалификационного характера возникает и при выдаче преступника. В литературе уже обращалось внимание на то обстоятельство, что при выдаче Российской Федерацией Республике Беларусь лица для привлечения его к уголовной ответственности формула обвинения и квалификации преступления по инкриминируемому преступлению должна быть согласована между белорусской и российской сторонами [282, с. 46]. Несомненно, согласование должно быть по этим вопросам. При этом могут возникать достаточно непростые вопросы, требующие правового решения, например при вменении квалифицирующего признака повторности. Но поскольку в основе выдачи согласно Минской конвенции о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам лежит правило двойной криминальности, полагаем, что согласование сторон в части квалификации преступления, совершенного лицом, в отношении которого поставлен вопрос об экстрадиции, должно быть отражено в формуле квалификации с указанием соответствующих статей уголовных кодексов как запрашивающей, так и запрашиваемой стороны.

Изложенное позволяет сделать следующие выводы.

1. В онтологическом аспекте квалификация преступления выражается в том, что правоприменитель воспринимает, исследует и интерпретирует имеющиеся фактические данные в их взаимосвязи, приписывая соответствующим обстоятельствам уголовно-правовое значение. При этом понятый факт реальной действительности логически рационализируется в соотношении с уголовно-правовой нормой, устанавливающей общий запрет на соответствующее поведение. Основополагающими идеями в онтологии квалификации преступления являются детерменизм и смысловая определенность.

2. В рамках герменевтического дискурса аксиологический аспект в квалификации преступления отражает социально-правовую оценку созданного концепта практического применения уголовного закона. Основополагающее значение в аксиологии квалификации преступления имеют принципы когнитивизма и эвиденции.

3. Гносеологический аспект квалификации преступления обеспечивается действием принципов объективности, познаваемости, отражения, творческой активности субъекта познания, обобщения и абстрагирования, восхождения от абстрактного к конкретному, конкретности истины.

4. Содержание большинства указанных в ст. 3 УК принципов не охватывает весь механизм уголовно-правового регулирования. Особенно это проявляется применительно к принципу справедливости. Часть 6 ст. 3 УК не содержит адресованных должностным лицам и органам требований, которые должны соблюдаться в процессе квалификации преступления. Содержание категории «справедливость», закрепленное в ч. 6 ст. 3 УК, весьма ограничено, необоснованно сведено только к сфере назначения наказания. Требования о справедливости должны касаться не только итогов уголовной ответственности, а в первую очередь они должны быть положены в основу социально-правовой оценки совершенного общественно опасного деяния и оценки результата (результатов) квалификации преступления. Поскольку на законодательном уровне содержание принципа справедливости для выполнения задач, связанных с квалификацией преступления, полностью не раскрывается, в качестве основной руководящей идеи в процессе квалификации преступления выступает принцип социальной справедливости.

5. При квалификации преступления требования принципа социальной справедливости проявляются в ее уравнивающем и распределяющем аспектах. Наиболее яркое выражение в процессе квалификации преступления находит уравнивающий аспект социальной справедливости, который охватывают своим содержанием другие социально-правовые и отраслевые руководящие идеи: законность, равенство всех перед законом, субъективное вменение, неотвратимость социально-правовой оценки содеянного, гуманизм.

6. В своем предметно-содержательном значении уравнивающий аспект социальной справедливости выражается в необходимости соблюдения в процессе квалификации преступления следующих основных требований: основания уголовной ответственности равнозначны для всех; недопустимость квалификации преступления по аналогии уголовного закона; общие начала и правила квалификации преступления, которые закреплены в уголовном законе, должны применяться единообразно; неизбежность отрицательной социально-правовой оценки для каждого лица, совершившего преступление; вменение совершенного

деяния любому лицу только при наличии вины, а в случаях, предусмотренных законом, – мотива и (или) цели.

Распределяющий аспект социальной справедливости при квалификации преступления выражается в выполнении требования о недопустимости двойного инкриминирования.

7. Рассмотренные в рамках уравнивающего и распределяющего аспекта принципа социальной справедливости требования в процессе квалификации преступления приобретают характер руководящих положений, которые позволяют установить соответствие между признаками совершенного деяния и признаками состава преступления, предусмотренного соответствующей уголовно-правовой нормой.

8. Представления о социальной справедливости при квалификации преступления допускают оценку совершенного деяния не с позиции формального нарушения установленного запрета, а с точки зрения устоявшегося в обществе архетипа представления о должном. В этом смысле социальная справедливость в процессе квалификации преступления выполняет, образно выражаясь, роль камертона, задающего ту эталонную частоту, на которую должен настраиваться правоприменитель при выполнении своих профессиональных обязанностей. Она может быть положена в основу разрешения правовой коллизии при принятии решения по конкретному уголовному делу.

Общечеловеческая идея социальной справедливости, в частности, объясняет правомерность ограничительного или расширительного толкования смысла уголовного закона в процессе квалификации преступления.

9. Специальным принципом квалификации преступления следует признавать сквозное и самостоятельное для социально-правовой оценки совершенного преступления положение, которое характеризует порядок сличительного и интерпретационного процесса и соблюдение которого способствует правильному установлению правоприменителем статьи (статей) УК.

10. Специальными принципами квалификации преступления следует признавать сопоставимость, научность, достаточность и толкование неустранимых сомнений в пользу обвиняемого.

11. Методологически верным следует признать идею о том, что правила квалификации преступления и правила создания (построения) уголовно-правовой нормы должны быть взаимосвязаны, едины. В этом смысле есть основания вести речь о межинституциональном принципе, который можно назвать принципом единства и взаимообусловленности правил законодательной техники и квалификации преступления.

12. С учетом изложенных методологических основ социально-правовой оценки преступления представляется возможным предложить следующее определение квалификации преступления: это осуществляемая по законам формальной логики и основанная на триединстве

герменевтических процедур, основополагающих философско-методологических началах, принципе социальной справедливости, специальных принципах и правилах социально-правовая оценка общественно опасного деяния, которая характеризуется установлением и юридическим закреплением тождества выявленных признаков совершенного деяния признакам конкретного вида преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой.

13. Под формулой квалификации преступления следует понимать содержащееся в соответствующем процессуальном акте указание на статью или совокупность статей УК либо комбинацию статей Общей и Особенной частей УК, определяющей результативный аспект квалификации преступления.

14. Точность и полноту квалификации преступления следует признавать не специальными принципами квалификации, а свойствами, характеризующими формулу квалификации преступления. Эти свойства позволяют сформировать ту «дельту правоприменения», которая выводит суд в русло определения соответствующей формы реализации и меры уголовной ответственности.

15. В практику квалификации целесообразно ввести правило о том, что при отсутствии в статье Особенной части УК указания на форму вины либо при законодательной предусмотренности возможности совершения преступления как умышленно, так и по неосторожности, содеянное следует квалифицировать по статье Особенной части УК со ссылкой на соответствующую часть ст. 22–24 УК. Кроме того, при квалификации деяния исполнителя в рамках соучастия с распределением ролей помимо указания на статью Особенной части УК уместно делать ссылку на ч. 3 ст. 16 УК.

16. Требованиям полноты формулы квалификации преступления будет соответствовать указание на обстоятельства, отягчающие или смягчающие ответственность, когда они не обозначены в качестве квалифицирующего или привилегированного признака в применяемой к конкретному случаю статье Особенной части УК. В таких ситуациях в формуле квалификации преступления, по общему правилу, следует делать ссылки только на те пункты ч. 1 ст. 63 и ч. 1 ст. 64 УК, в которых указаны обстоятельства, снижающие или соответственно повышающие степень общественной опасности совершенного деяния. Исключением являются те пункты ч. 1 ст. 64 УК, в которых сформулировано несколько смежных понятий, повышающих степень общественной опасности деяния. В таких случаях при совершении преступления повторно, либо при наличии признаков рецидива, либо группой лиц, если в статье Особенной части УК нет соответствующего квалифицирующего признака, следует делать ссылку на ст. 41, либо ст. 43, либо ст. 17 или 18 УК.

Глава 5

КОГНИТИВНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕРМИНОВ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

5.1. Терминология уголовного закона в контексте когнитивной лингвистики

Как было отмечено выше, принцип когнитивизма определяет познавательную деятельностью человека. В процессе познания ведущее место занимают рассмотренные герменевтические процедуры, среди которых особое место принадлежит интерпретации. Качество интерпретации уголовно-правовой нормы во многом зависит от смысла терминов, употребленных в ее тексте.

В лингвистике термином (лат. terminus – граница, предел) называется слово (сочетание слов), являющееся точным обозначением определенного понятия какой-либо области техники, искусства, общественной жизни и т. п. [525, с. 357]. Акцент на функциональную роль в этом определении делается и в логике: «Термин – имя, используемое с оттенком специального научного значения. Совокупность терминов некоторой научной дисциплины называется терминологией» [276, с. 287].

Таким образом, функциональное предназначение термина – однозначно обозначать специальное понятие. Исследователи правовой терминологии отмечают, что термин представляет собой «понятие в соответствующей знаковой форме, является его носителем, внешним символом» [672, с. 63], «они есть обобщенный лексический отпечаток природных и мысленных образов» [76, с. 89].

В терминоведении выработаны отличительные признаки, позволяющие произвести отграничение термина от обычного слова или словосочетания: термин «1) имеет специальную область применения; 2) принадлежит к конкретному терминологическому полю; 3) служит для называния (наименования) понятия; 4) обладает строго фиксированным содержанием; 5) должен быть дефинированным, то есть основанным на определении (дефиниции) понятия; 6) характеризуется тенденцией к системообразованию» [231, с. 85].

В уголовном праве проблема терминологии имеет особое значение. Устанавливая запрет на определенное поведение под угрозой применения санкции, уголовно-правовые нормы определяют, таким образом, меру дозволенного поведения человека. Установление границы между допустимым и запрещенным поведением – важнейший момент правотворческой и правоприменительной деятельности. По этой причине термины, употребляемые в уголовном законе, должны быть предельно точными и четкими.

Употребление в уголовном законе понятных и однозначных терминов делает ясным текст уголовно-правовой нормы, способствует четкому установлению пределов криминализации и оснований уголовной ответственности.

Необходимо отметить, что некоторые правоведы относятся к терминологии как своего рода условностям [486, с. 520]. В этом смысле следует согласиться с мнением А.П. Козлова, который пишет: «Поражает это безразличное отношение правоведов к условности юридической терминологии. Ведь слово дано человеку не только для того, чтобы его слышали, но и понимали друг друга; слово должно четко и недвусмысленно отражать предмет беседы. В уголовном праве, при применении которого решается судьба человека, особенно важно свести к минимуму условность терминологии…» [217, с. 313].

Термин – это не только хранитель специальной информации, но и инструмент познания, так как он дает возможность осмыслить, обобщить результаты специальных знаний и передать их новым пользователям (будущему поколению). В понимании значения правовой терминологии важным является обобщение, сделанное российским исследователем А.И. Бойко: «Термины – ключевые слова законодателя и объективный показатель степени развития юриспруденции. Они сокращают и уплотняют законодательные тексты, имеют профессиональную направленность (слово – функция), позволяют юристам оперативно и качественно обслуживать большой и сложный мир человеческих контактов» [76, с. 124].

Поскольку терминология любой отрасли знаний выступает в качестве инструментария познания, то она имеет непосредственное отношение к когнитивной лингвистике. Это относительно новое научное направление, которое возникло в 90-х годах XX в. В самом общем виде к когнитивной лингвистике относят направление в языкознании, которое исследует проблемы соотношения языка и сознания, роль языка в концептуализации и категоризации мира, в познавательных процессах и обобщении человеческого опыта, связь отдельных когнитивных способностей человека с языком и формы их взаимодействия [359, с. 6–32; 367, с. 3–15; 524, с. 6–30]. Отличительной чертой когнитивной лингвис-

тики является специфический методологический подход к познавательным установкам. Е.И. Абрамова в этом смысле отмечает, что пафос когнитивной лингвистики состоит в установке на объяснение, т. е. как человек думает, когда говорит об объектах внешнего мира [3, с. 3].

Терминология имеет очень тесную связь с мышлением и категориями, характеризующими этот процесс. Способность же термина выступать в качестве когнитивного языкового знака выявляется на уровне семантики. Таким образом, терминология неразрывно связана с проблемами соотношения языка и мышления, вопросами о знании и формах его представления, т. е. с проблемами, которые изучает современная когнитивная лингвистика.

Изучение проблематики уголовно-правовой терминологии в когнитивном аспекте предполагает определение взаимосвязи между структурой специального знания и языковыми формами. В этом смысле познание понимания терминологии уголовного закона связано с рядом ключевых понятий, которыми оперирует когнитивная лингвистика: терминологическая номинация, концепт и фрейм.

Терминологические номинации основаны на языковых номинациях. М.Н. Володина определяет терминологическую номинацию как опосредованный мышлением процесс именования специальных понятий из различных областей знания и человеческой деятельности [107, с. 5]. По ее мнению, номинация – это не только процесс обозначения, это и процесс познания и коммуникации [107, с. 6].

Терминологическая номинация лежит в основе базового понятия когнитивной лингвистики – концепта (от лат. conceptus – собрание, восприятие, зачатие). Формирование концептов связано с познанием мира, получением представлений о нем. В когнитивной лингвистике отсутствует единое понимание концепта. Спектр мнений относительно дефиниции этого ключевого понятия достаточно широк [359, с. 45–59; 367, с. 27–33]. Для получения общего представления о концепте обратимся к энциклопедическим источникам. В Большой энциклопедии концепт определяется как «лингвистический термин, понятие, предстающее в уме из значения слова» [79, с. 211]. Такое понимание концепта почти означает лексическое значение слова. Однако обращает на себя внимание другое определение концепта, которое дано в этой же энциклопедии: «В культурологи то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека (как бы сгусток культуры в сознании человека, с другой стороны – это то, посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее)» [79, с. 211]. Думается, что это определение ближе к когнитивной сущности концепта. Содержание концепта, представляется, нельзя отождествлять с лексическим значением соответствующего слова. Лексическое толкование можно

рассматривать лишь как когнитивную площадку, на которой образуется смыслообразование. Кроме того, в силу специальной области применения терминов уголовного права содержание многих из них далеко не всегда совпадает с собственно лексическим значением соответствующих слов. Например, в словарях русского языка вина определяется и как проступок, и как преступление, и как причина чего-нибудь, и как ответственность [525, с. 176–177]. Но в уголовном законе эти слова уже давно были обозначены в самостоятельных терминологических номинациях, которые легли в основу создания отдельных концептов, формирующих представления об уголовной ответственности и ее основаниях.

Интересный аспект отражен в философском определении концепта – это «акт, „схватывание“ смыслов вещи (проблемы) в единстве речевого высказывания» [405, с. 306]. Это определение отражает сущность когнитивного проникновения в сущность понимаемого объекта, поскольку момент схватывания и есть суть методики познания смысла.

Существует весьма острый вопрос о соотношении сходных слов «концепт» и «понятие». Эти единицы когнитивного порядка иногда отождествляются. В логике понятие определяют как «мысленное отображение в сознании человека общих существенных признаков предметов» [300, с. 42]. Однако многие когнитивные лингвисты хотя и относят эти слова к однопорядковым, тем не менее не признают их равнозначными, проводят дифференциацию между их значениями. Так, В.А. Маслова по этому поводу отмечает: «Если понятие – это совокупность признанных существенных признаков объекта, то концепт – ментальное национально-специфическое образование, планом содержания которого является вся совокупность знаний о данном объекте. Концепты – это не любые понятия, а лишь наиболее сложные, важные из них, без которых трудно себе представить данную культуру» [359, с. 56]. В.И. Карасик делает вывод о том, что архитектоника концепта сложнее понятия. Концепт состоит из понятийного, образного и ценностного компонентов [190, с. 3]. Концепт в отличие от понятия не только мыслится, но и переживается. Таким образом, концепт включает в себя понятие, объем его содержания шире. Важный момент показывает Е.С. Кубрякова, которая определяет концепт как «многомерный мыслительный конструкт, отражающий процесс познания мира, результаты человеческой деятельности, его опыт и знания о мире, хранящий информацию о нем» [241, с. 90–93], т. е. формирование концепта зависит от опыта человека и его знаний о мире.

В русле терминологии уголовного закона можно вести речь о том, что возникающие концепты соответствующих терминов есть те смыслы, которые в условиях сложившейся правовой ситуации и на основе прак-

тического опыта восприятия правовой реальности создаются мышлением квалификатора в процессе интерпретации уголовно-правовой нормы.

Понятие концепта тесно связано с понятием «фрейм», которое в когнитивной лингвистике определяют как «структуру знаний, представляющих собой пакет информации об определенном фрагменте человеческого опыта» [210, с. 334], «способ организации представлений, хранимых в памяти; структура данных для представления стереотипной ситуации» [367, с. 19], «обобщенная модель организации культурного знания вокруг некоторого концепта» [359, с. 51]. Таким образом, фрейм отражает знание об определенной области действительности и представляет его в виде организованной определенным образом структуры. Фрейм – это образ определенного предмета или явления, своего рода «смысловая рамка», используемая человеком для понимания чего-либо, которой он руководствуется впоследствии в своей практической деятельности.

Применительно к процессу квалификации преступления можно сделать вывод о том, что фрейм, порожденный соответствующим концептом термина уголовного закона, порождает в голове квалификатора представление о каком-либо признаке соответствующего вида преступления. Понимание же всех терминов, содержащихся в уголовно-правовой норме, образует группу фреймов, которая формирует когнитивную модель преступления, его мысленный образ, с которым идет сличение в процессе интерпретативной деятельности квалификатора.

5.2. Влияние терминологии уголовного закона на квалификацию преступления

Терминология уголовного закона должна формироваться на принципе смысловой определенности. Четкие и ясные термины, использованные в уголовно-правовой норме, являются теми «кирпичиками», которые слагаются в мышлении квалификатора во фреймы, формирующие представление о конкретном виде преступления. Разумеется, этот процесс является творческим по своему характеру. Но если в уголовно-правовой норме содержатся нечеткие или двусмысленные термины, то это неизбежно приводит к различным интерпретациям, что порождает нежелательное для правовой ситуации явление, характеризующееся свободным и широким усмотрением правоприменителя.

Терминология уголовного закона – инструмент законодательной техники. На общее состояние этого инструмента в последнее время стал обращать внимание законодатель, установив ряд требований, в том числе лингвистических, предъявляемых к нормативному правовому акту. Так, в соответствии со ст. 23 закона Республики Беларусь от 10 января

2000 г. № 361-З «О нормативных правовых актах» нормативные правовые акты должны быть внутренне согласованными, логично построенными и соответствовать нормотворческой технике. Термины и понятия, используемые в тексте нормативного правового акта, должны быть понятными и однозначными. При изложении правовых норм следует избегать как чрезмерно обобщенных, так и чрезмерно детализированных формулировок, а также дублирования нормативных предписаний и их множественности по одному и тому же вопросу. Статья 31 данного закона формулирует языковые требования, предъявляемые к тексту нормативного правового акта: текст нормативного правового акта излагается лаконично, простым и ясным языком, исключающим различное толкование норм, с соблюдением официально-делового стиля литературного языка и юридической терминологии. Терминология нормативного правового акта согласно ст. 32 этого закона должна формироваться с использованием общепонятных слов и словосочетаний. Одни и те же термины в нормативных правовых актах должны употребляться в одном значении и иметь единую форму. В тексте нормативного правового акта не допускается употребление в одном и том же смысле разных понятий (терминов).

Общие требования, предъявляемые к нормативному правовому акту, дублируются и дополняются основными требованиями нормотворческой техники, закрепленными в Правилах подготовки проектов нормативных правовых актов, утвержденных указом Президента Республики Беларусь от 11 августа 2003 г. № 359: изложение норм проекта акта должно быть точным и кратким; язык изложения проекта акта должен быть ясным, простым и доступным, исключать различное толкование его норм; терминология проекта акта должна быть единообразной, для обозначения одних и тех же понятий должны использоваться одинаковые термины; при использовании терминов следует исходить из их общепринятых определений; в случае необходимости в проекте акта дается расшифровка малоизвестных юридических, технических и других специальных терминов; определение термина указывается в нормативном положении проекта акта, где данный термин употребляется впервые; определения терминов должны быть понятными и однозначными, излагаться лаконично. Соблюдены ли указанные требования в действующем уголовном законе?

Законодатель в УК использовал несколько подходов в определении уголовно-правовой терминологии. Во многих статьях Общей части УК даны дефиниции наиболее важным уголовно-правовым понятиям, имеющим базовое, основополагающее значение, как для квалификации преступления, так и для реализации уголовной ответственности: определены понятия «преступление» (ч. 1 ст. 11), «малозначительное дея-

ние» (ч. 4 ст. 11), «приготовление к преступлению» (ч. 1 ст. 13), «покушение на преступление» (ч. 1 ст. 14), «соучастие в преступлении» (ч. 1 ст. 16), «вина» (ст. 21), «уголовная ответственность» (ч. 1 ст. 44), «наказание» (ст. 47) и др. Особое значение имеет ст. 4 УК, в которой содержатся разъяснения отдельным терминам УК. Многие статьи Особенной части УК, описывая признаки конкретных преступлений, определяют, таким образом, термины, обозначающие соответствующие преступления (убийство (ч. 1 ст. 139), изнасилование (ч. 1 ст. 166), кража (ч. 1 ст. 205) и т. д.). К некоторым разделам, главам или отдельным статьям Особенной части УК имеются примечания, определяющие соответствующие термины (например, в примечании к ст. 317 УК определяется понятие транспортного средства).

Вместе с тем анализ норм УК показывает, что не всегда просто определить, является ли соответствующее слово или словосочетание термином уголовного закона. Например, в 21 статье Особенной части УК предусмотрена ответственность за хищение (похищение). Следует полагать, что слово «похищение» в некоторых статьях УК входит в словосочетания, обозначающие определенные термины, которые одновременно являются одноименными названиями соответствующих преступлений: «коммерческий шпионаж» (ст. 254), «шпионаж» (ст. 358). «Похищение» является одним из составляющих слов, образующих термин «похищение человека» (ст. 182), «акт терроризма в отношении представителя иностранного государства или международной организации» (ст. 124), «преступление против безопасности человечества» (ст. 128). Но с позиции теории терминологии не совсем понятно, употребляется ли слово «хищение» («похищение») в качестве термина или нетермина в п. 8 ст. 136 (хищение в крупных масштабах культурных ценностей, находящихся под защитой), ст. 347 (похищение трупа или предметов, находящихся в захоронении), ст. 377 (хищение документов, штампов, печатей), ст. 378 (хищение личных документов), ст. 387 (хищение ордена, медали, нагрудного знака к почетному званию)? Еще сложнее обстоит дело с хищением чужого имущества либо предметов, ограниченных или запрещенных в гражданском обороте. Есть основание утверждать, что в примечаниях к гл. 24 (преступления против собственности), гл. 29 (преступления против здоровья населения) и ст. 294 УК слово «хищение» является словом-термином. Оно определяет уголовно-правовое понятие и является дефинированным. Но на нормативном уровне термину «хищение» придано разное уголовно-правовое содержание. Так, согласно ч. 1 примечаний к гл. 24 УК под хищением понимается умышленное противоправное безвозмездное завладение чужим имуществом или правом на имущество с корыстной целью, совершенное одним из способов, исчерпывающий перечень которых на-

зван в данном примечании. При этом корыстная цель при совершении хищения имущества как преступления против собственности в доктринальных источниках толкования уголовного закона не без оснований трактуется ограничительно. Однако примечания к гл. 29 УК и к ст. 294 УК определяют субъективные признаки хищения значительно шире, что имеет непосредственное отношение к квалификации преступления: хищение признается таковым независимо от наличия или отсутствия корыстной цели. Многозначным содержанием обладает термин «насилие», который достаточно часто употребляется в статьях УК. Насилие в соответствующей статье УК может обозначать и способ действия, и часть составного преступления, и последствие преступления. Ученые, занимающиеся проблемой социально-правовой оценки насильственных преступлений, подчеркивая многозначное содержание термина «насилие», предлагают различные пути решения этой проблемы [38, с. 53; 164, с. 111; 216, с. 112; 522, с. 133; 646, с. 85–94].

В формировании терминологии любой науки можно условно выделить два этапа: становление и этап, который осознанно регулируется на основе созданного в этой науке понятийного аппарата. И если на этапе становления вполне объяснима функциональная полисемия (наличие у единицы языка более одного значения, многозначности [525, с. 260]) и синонимия (в силу наличия множества вариантов обозначения терминологической номинанты), то при уже созданной системе науки должен строго соблюдаться отбор языковых средств в специальной области знаний. Несмотря на то что уголовное законодательство уже давно кодифицировано и прошло приличный исторический этап формирования, многочисленные фрагменты полисемии и синонимии, имеющие место в УК, создают трудности, а иногда и проблемы в формировании концептов соответствующих уголовно-правовых терминов.

Более того, процесс введения в ткань уголовного закона полисемичных конструкций продолжается. Например, в тексте УК недавно появились слова, которые приобретают полисемичное значение в составе разных терминов уголовного закона. Так, в новой редакции ст. 261 УК в качестве нового альтернативного варианта преступного поведения предусмотрено «повторное использование почтовых марок», которое в отличие от понятия повторного преступления (ст. 41 УК), имеет совершенно иной смысл. Предшествующее использование почтовой марки (использование ее в первый раз в качестве знака почтовой оплаты) является правомерным поведением. Полисемичное значение приобретает слово «укрывательство» в терминах «укрывательство человека» (ст. 181 УК) и «укрывательство преступлений» (ст. 405 УК). При социально-правовой оценке соответствующего преступления такого рода полисемия может порождать достаточно странные суждения:

повторное совершение повторного использования почтовых марок или укрывательство лица, совершившего укрывательство человека(?).

Исследователи, занимающиеся проблемами правовой терминологии, по-разному выражают свое отношение к использованию полисемии в тексте закона. Эта проблема обсуждается на двух уровнях: о допустимости полисемии во всех отраслях законодательства и в отдельной ее отрасли. Одни авторы считают, что во всем законодательстве должно иметь место единообразное употребление терминологии [397, с. 195; 630, с. 10–20; 644, с. 150; 648, с. 58]. Например, известный исследователь советского периода М.Д. Шаргородский писал: «Правильное построение системы права требует, чтобы один и тот же термин и одно и то же слово в любом законодательном акте имели одинаковое значение» [647, с. 130]. Другие авторы допускают использование в законодательстве одинаковых слов в различных значениях, но при этом смысл понятия должен определяться в нормативном акте соответствующей отрасли законодательства [584, с. 140; 672, с. 81]. Белорусский ученый А.И. Лукашов в этом смысле отмечает: «Формулирование диспозиции статьи Особенной части УК посредством включения в нее терминов иных отраслей права без определения их содержания в уголовно-правовой норме может производиться только в случае, когда законодатель применяет их в том значении, в котором они использованы в неуголовно-правовом акте. Если законодатель считает необходимым при описании преступления в диспозиции статьи Особенной части применить тот или иной неуголовно-правовой термин в ином значении, что допускается, он обязан определить его в диспозиции этой статьи или в примечании к ней. Этим самым правоприменителю дается знать, что соответствующий термин для нужд уголовной ответственности имеет иное, специфическое содержание» [283, с. 239].

Такой подход находит свое отражение в УК. Рассмотрим, например, терминологическую ситуацию, которая сложилась в уголовном законодательстве применительно к термину «доход». В 1994 г. была установлена уголовная ответственность за незаконную предпринимательскую деятельность. При квалификации этого преступления в практике сразу обозначились разные подходы в определении размера дохода: в одних случаях органы, ведущие уголовный процесс, доходом признавали разницу между полученной выручкой и расходами, в других – всю полученную сумму выручки без учета затрат на ее получение. Первый подход основывался на специфическом понимании дохода в налоговом законодательстве. Но в постановлениях высшей судебной инстанции по этому вопросу был закреплен второй названный подход. Впоследствии этот вопрос стал предметом конституционного судопроизводства. Конституционный суд Республики Беларусь в своем реше-

нии от 12 ноября 2002 г. № Р-151/2002 «Об определении понятия „доход“ для целей квалификации незаконной предпринимательской деятельности при привлечении к уголовной ответственности» отметил, что в целях формирования единой и основанной на законе судебной практики необходимо дать определение понятию «доход» непосредственно в УК либо определить это понятие путем дачи соответствующего толкования законодательным органом. 4 января 2003 г. законодатель прореагировал на решение Конституционного суда, приняв закон Республики Беларусь № 173-З, которым ст. 233 УК дополнялась примечанием следующего содержания: «Под доходом от незаконной предпринимательской деятельности следует понимать всю сумму выручки в денежной или натуральной форме без учета затрат на ее получение». Таким образом, уголовно-правовое понятие «доход» существенно отличается от понятия «доход» в налоговом и гражданском законодательстве. Вместе с тем единство в практике понимания содержания дохода было создано только применительно к квалификации незаконной предпринимательской деятельности. Однако термин «доход» применяется и в других нормах Особенной части УК: уклонение родителей от возмещения расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении, выразившееся в сокрытии или занижении ими размера заработной платы и приравненных к ней доходов (ч. 2 ст. 174), нарушение авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, сопряженное с получением дохода в крупном размере (ч. 2 ст. 201), лжепредпринимательство, совершенное с целью сокрытия, занижения прибыли, доходов или других объектов налогообложения, повлекшее причинение ущерба в крупном размере (ст. 234 УК), легализация (отмывание) материальных ценностей, приобретенных преступным путем, выраженная в использовании указанных материальных ценностей либо полученного от них дохода для осуществления предпринимательской или иной хозяйственной деятельности (ст. 235). Следует полагать, что термин «доход» понимается здесь по-другому. Кроме того, он достаточно часто встречается в нормах Общей части УК: доход, полученный от использования имущества, приобретенного преступным путем (ч. 6 ст. 61), доход, полученный преступным путем (ч. 1 ст. 62, п. 4 ч. 1 ст. 63, ч. 3 ст. 66, ч. 2. ст. 77, ч. 1 ст. 86, ч. 1 ст. 88, ч. 1 ст. 88^1, ч. 5 ст. 90). Трактовка термина «доход» в указанных нормах на основе аутентичного определения, указанного в ч. 1 примечаний к ст. 233 УК, приведет к нарушению запрета на аналогию уголовного закона (ч. 2 ст. 3 УК).

Следует согласиться с тем, что невозможно достичь единообразного употребления юридической терминологии во всех отраслях законодательства. В современных условиях в силу специфики предмета пра-

вового регулирования одно и то же слово в соответствующей отрасли законодательства может определяться специальными признаками, которые для другой отрасли законодательства являются нейтральными либо не имеющими специального правового значения именно для этой отрасли. Другое дело, что разное значение соответствующих терминов должно определяться в соответствующих отраслях законодательства. Российские ученые Н.Ф. Кузнецова и М.Б. Кострова применительно к уголовному законодательству считают, что полностью отказаться от полисемии в уголовном законе невозможно [253, с. 30]. Представляется, что более верным является высказанное в литературе мнение о том, что как внутри одного нормативного акта, так и в рамках отдельной отрасли законодательства одно и то же понятие должно последовательно и неуклонно определяться одним термином и один термин не должен использоваться для обозначения различных, не совпадающих между собой понятий [168, с. 103].

Кроме того, это требование в настоящее время имеет нормативный характер. Закрепленные в действующем законодательстве Республики Беларусь требования нормативной техники относительно однозначности применяемой терминологии касаются текста отдельного нормативного акта. Из этого можно сделать два вывода: нормативно закрепленные в Республике Беларусь правила о единстве терминологии касаются отдельно издаваемых нормативных правовых актов и не относятся ко всем отраслям законодательства; что касается отдельных отраслей законодательства, в том числе и уголовного, то эти требования должны соблюдаться неукоснительно. Достаточно часто в тексте УК использована синонимия (употребление разныхтерминов для обозначения одного и того же понятия): завладение человеком (ст. 181) и похищение человек» (ст. 182); вовлечение (ст. 171^1, 173), вербовка (ст. 181), склонение (ст. 331); подлог (ст. 192, 227, 427, ч 2. ст. 445), подделка (ст. 239, 258, 261, 380, 381, 387), изготовление поддельных платежных документов или ценных бумаг (ст. 221, 222), представление заведомо ложных документов (ст. 237, 238), внесение заведомо ложных сведений (ст. 227, 243); выдача и передача государственной тайны (ст. 356, 358); уклонение и неисполнение (ст. 416, 417); фальсификация доказательств (ст. 395) и искусственное создание доказательств обвинения (ч. 2 ст. 393, ч. 2 ст. 400, ч. 2 ст. 401) и др.

Возможно, использование в уголовном законе синонимии при описании признаков однородных преступлений объясняется стремлением законодателя найти наиболее выгодную форму изложения уголовно-правовой нормы. Но, как справедливо отметил С.В. Гринев, наличие нескольких синонимичных терминов всегда вызывает у исследовате-

лей стремление (объяснимое привычкой к тому, что разные слова имеют разное значение) находить между ними разницу (часто несущественную), что приводит к искажению их содержания [133, с. 107]. Употребление синонимов, а тем более произвольный их подбор, нарушают единство терминологии уголовного закона и создают предпосылки для ошибок в квалификации преступления. Следует согласиться с суждением А.А. Ушакова о том, что «в борьбе за смысловую точность закона вряд ли стоит опасаться повторений одних и тех же слов, „сухости“ стиля» [617, с. 57–58].

При конструировании норм УК не выдерживается требование законодательной техники о разъяснении терминов, впервые употребляемых в уголовном законе. Особое внимание в этой части следует уделять понятиям, которые появляются впервые в статьях УК, вследствие ратификации международных договоров, содержащих нормы уголовно-правового характера. Язык конвенционных положений имеет специфику в силу правотворческой деятельности представителей стран, относящихся к различным системам права. Термин, буквально позаимствованный из международного договора, в национальном языке и национальной правовой терминологии может иметь совершенно иное значение.

Вышеизложенное ставит под сомнение положение, содержащееся в ч. 2 ст. 3 УК: «Нормы Кодекса подлежат строгому толкованию». Это требование имело бы право на существование, если бы терминология уголовного закона идеально соответствовала правилам законодательной техники. Но, как показывают последние изменения и дополнения в УК, они содержат предпосылки для неоднозначного толкования норм в силу неудачно использованной терминологии. Наличие множества противоречий и несоответствий в терминологии, употребляющейся во многих статьях действующего УК, свидетельствует о том, что, закрепленное в ч. 2 ст. 3 УК «буквальное» правило толкования уголовного закона является фиктивным. Представляется, что в сложившейся ситуации более важным является закрепление на нормативном уровне гарантий от произвольного толкования содержания уголовно-правовых норм. Заслуживает также внимания высказанное в литературе мнение о том, что в структуре правотворческих органов целесообразно создать специализированный орган, который бы рассматривал спорные аспекты употребления юридической терминологии [585, с. 43] в тексте нормативного правового акта.

Наличие в УК статьи, содержащей разъяснения отдельных терминов (ст. 4), несомненно, способствует единообразному и однозначному применению терминологии. Вместе с тем в ст. 4 дано разъяснение только 15 терминов, определяющих специальные уголовно-правовые

понятия. Однако в УК есть много иных терминов, которые не имеют соответствующего разъяснения. Так, в ст. 4 даются определения только понятиям «должностное лицо», «начальник», «малолетнее лицо», «несовершеннолетнее лицо» и «престарелое лицо». Но в УК есть иные термины с употреблением слова «лицо», многие из которых нуждаются в разъяснении: «задерживаемое лицо», «лицо, впервые совершившее преступление», «лицо, ранее совершившее преступление», «лицо, которое доказало, что ведет законопослушный образ жизни», «лицо, находящееся в беспомощном состоянии», «лицо, выполняющее обязанности по специальному поручению», «лицо, которому имущество вверено», «лицо, ответственное за выполнение (соблюдение) определенных правил» и др.

Аутентичное толкование лишь отдельных терминов УК, содержащихся в ст. 4, не удовлетворяет потребности судебной практики о единообразном применении уголовно-правовых норм. Этот вопрос должен быть решен в полном объеме. Полагаем, что наличия только одной статьи в УК, посвященной разъяснению терминов, явно не достаточно. Авторы теоретической модели УК, занимавшиеся решением концептуальных проблем уголовного права, предложили выделить в УК специальный раздел, посвященный истолкованию наиболее важных понятий и терминов, употребляемых в тексте [595, с. 9]. Идея о выделении отдельной структурной части, посвященной терминологии уголовного закона, поддерживается в настоящее время многими правоведами. Эту обособленную структурную единицу правоведы России предлагают назвать по разному: раздел либо глава, размещенная в Общей части УК [85, с. 136; 224, с. 128; 231, с. 83–84], уголовно-правовой словарь как самостоятельная часть уголовного законодательства [294, с. 735, 740]. Однако некоторые российские ученые выступают против выделения в УК отдельного раздела или главы и предлагают давать объяснение соответствующим терминам в примечаниях к статьям [255, с. 96–97; 523, с. 67]. Н.А. Бабий применительно к УК Республики Беларусь предлагает дифференцированный подход: в Общей части УК выделить отдельную главу, в которой следует дать законодательное определение терминов, используемых в УК, и общих для многих составов преступлений, но термины, которые присущи статьям отдельных разделов и глав УК, следует законодательно закрепить в отдельных нормах, поместив их в соответствующих структурных единицах УК [38, с. 53].

Представляется, что вопрос о разъяснении терминов целесообразно решать только в одной главе УК, место которой – в Общей части. С нашей точки зрения, нет необходимости определять значение терминов в соответствующих примечаниях к отдельным статьям, главам или разделам Особенной части. Во-первых, по своему функциональному

предназначению статьи Особенной части УК должны служить одной цели: называть признаки конкретных преступлений и устанавливать виды наказаний за соответствующее преступление. Во-вторых, определение отдельных терминов в примечаниях к разным статьям, главам или разделам УК создает предпосылки для синонимии, которую нужно если не исключить полностью из УК, то хотя бы существенно ограничить. В-третьих, чисто с технической стороны наличие множества примечаний, которыми уже изобилует Особенная часть, влечет наличие ненужных повторений и увеличение объема нормативного материала. Например, определение «ущерба в крупном размере» при всей его вариативности во многих примечаниях Особенной части УК, тем не менее, во многих главах УК имеет одно и то же значение.

Исходя из уже устоявшейся в законодательстве Республики Беларусь традиции о размещении статьи (главы) об основных понятиях в начале нормативного правового акта, глава «Разъяснение терминов Уголовного кодекса» должна быть размещена в раз. I «Уголовный закон» УК. Конечно, значительную сложность при решении этой важной для судебной практики задачи представляет определение объема (количества) терминов, требующих аутентичного толкования. При решении этой задачи необходимо учитывать ряд требований методологического свойства.

В этой главе должны разъясняться только те термины, которые использованы в тексте норм УК и которые обозначают строго уголовно-правовые понятия. Недопустимо в такую главу включать термины, используемые наукой уголовного права. В этом смысле не нужно следовать законодательному опыту некоторых государств – участников СНГ. Например, в УК Грузии дается определение причинной связи, в УК Республики Молдова – понятие длящегося и продолжаемого преступления. При всей важности этих понятий для квалификации преступления уголовный кодекс нельзя превращать в учебное пособие по уголовному праву. Эти понятия должны определяться доктриной уголовного права, проверяться судебной практикой и при необходимости находить закрепление в нормативных положениях соответствующих постановлений Пленума Верховного суда.

Термины, наличие которых обусловлено бланкетной уголовно-правовой нормой, учитывая их важность для понимания преступного характера соответствующего поведения, должны иметь четкие определения в законах иных отраслей права. При этом изменение названия такого рода термина в процессе правотворческой деятельности в другой отрасли законодательства должно одновременно влечь соответствующие корректировки в норме УК. Как показала законодательная практика, это требование выдерживается у нас далеко не всегда. Так,

до внесения изменений в УК законом Республики Беларусь от 28 декабря 2009 г. № 98-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь по вопросам уголовной и административной ответственности» в трех статьях УК, предусматривающих ответственность за порчу земли (ст. 269), нарушение правил безопасности при обращении с экологически опасными веществами и отходами (ст. 278), незаконную охоту (ст. 282), в качестве одного из альтернативных признаков преступления было названо место совершения преступления – зона чрезвычайной экологической ситуации. Понятие зоны чрезвычайной экологической ситуации ранее было дано в ст. 38 закона Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. «Об охране окружающей среды». Однако после внесения 17 июля 2002 г. изменений и дополнений в данный закон термин «зона чрезвычайной экологической ситуации в экологическом законодательстве» исчез. Вместо него стали использовать другие понятия: «зона экологического риска» и «зона экологического кризиса». Но в соответствующих статьях УК никаких корректив произведено не было, несмотря на наличие требований о необходимости достижения баланса, непротиворечивости и стабильности системы действующего законодательства Республики Беларусь, закрепленных в концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь, одобренных указом Президента Республики Беларусь от 10 апреля 2002 г. № 205. Этот вопрос неоднократно поднимался на страницах юридической печати [317, с. 44; 351, с. 238; 354, с. 174]. Однако такого рода терминологическое несоответствие существовало более семи лет – до внесения изменений в УК законом Республики Беларусь от 28 декабря 2009 г. № 98-З.

Внедрение в последние годы в правотворческой деятельности «пакетного» принципа подготовки нормативных правовых актов позволило оптимизировать этот процесс. Но несоответствие между терминами, употребляемыми в УК и иных отраслях законодательства, имеет место и в настоящее время. Например, понятие экологического вреда в нормах действующего законодательства Республики Беларусь интерпретируется по-разному. Экологическое законодательство исходит из достаточно широкого определения экологического вреда: это «вред, причиненный окружающей среде, а также вред, причиненный жизни, здоровью и имуществу граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, имуществу юридических лиц и имуществу, находящемуся в собственности государства, в результате вредного воздействия на окружающую среду». Однако нормативное определение, содержащееся в ч. 1 примечаний к гл. 26 УК, дает основание для вывода о том, что экологический вред законодатель рассматривает в узком смысле этого слова: «Преступлениями против экологической безопасности и при-

родной среды признаются совершенные умышленно или по неосторожности общественно опасные деяния, *причинившие или могущие причинить вред земле, водам, недрам, лесам, животному и растительному миру, атмосферному воздуху и другим природным объектам, отнесенным к таковым законодательством об охране окружающей среды* (выделено нами. – *В.М.*), независимо от форм собственности». По смыслу ч. 1 примечаний к гл. 26 УК земля, вода, недра, леса, животный и растительный мир, атмосфера являются природными объектами, отнесенными к таковым законодательством об охране окружающей среды. Однако ст. 1 закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» дает определение термину «природный объект» гораздо шире: «это естественная экологическая система, природный ландшафт и составляющие их компоненты природной среды, сохранившие свои природные свойства», а компонентами природной среды в соответствии с данным законом являются «земля (включая почвы), недра, воды, атмосферный воздух, растительный и животный мир, а также озоновый слой и околоземное космическое пространство, обеспечивающие в совокупности благоприятные условия для существования жизни на Земле». Таким образом, то, что в уголовном законе обозначается как природный объект, в экологическом законодательстве признается лишь составной частью (компонентом) природного объекта. Терминологические несоответствия в указанных легальных определениях может быть упразднено только законодательным путем [358, с. 17–18].

Разъяснение терминов УК должно даваться в строгом соответствии с существующими требованиями нормотворческой техники. Есть необходимость в унификации существующей терминологии уголовного закона. Она должна быть однозначной. Следует устранить полисемию и чрезмерную синонимию.

Структура главы «Термины Уголовного кодекса» должна соответствовать уже устоявшемуся в УК подходу о постатейном изложении нормативного материала. Все термины следует сгруппировать в отдельных статьях. В качестве критериев классификации целесообразно использовать признаки, характеризующие основания и условия уголовной ответственности. Например, можно выделить статьи со следующими названиями: «Понятие ущерба (вреда) и критерии квалификации преступления по признаку причинения ущерба», «Понятие повторности в отдельных статьях Особенной части Уголовного кодекса», «Понятие лица в отдельных статьях Особенной части Уголовного кодекса», «Термины, характеризующие способ совершения преступления», «Термины, обозначающие обстоятельства, с которыми Уголов-

ный кодекс связывает повышенную уголовную ответственность» и т. д. [320, с. 92–95].

В целях обеспечения законных прав и интересов граждан в предполагаемую главу «Термины Уголовного кодекса» следует включить положение следующего содержания: «Если норма настоящего Кодекса содержит непонятный и неоднозначный термин, то она должна толковаться в пользу гражданина».

5.3. Проблематика концепта «оценочный признак»

В гипотезах уголовно-правовых норм иногда встречаются слова или словосочетания, которые не имеют четкого содержания, что порождает вопрос об их смысловой определенности. Некоторые авторы называют такого рода лексические единицы «терминами, обозначающими оценочные понятия» [672, с. 63]. Специалист в области общей теории права С.И. Вильнянский, употребивший впервые более нейтральное понятие «оценочные признаки», характеризовал их свойствами, которые предоставляют правоприменителю «возможность свободной оценки фактов с учетом индивидуальных особенностей» [102, с. 13–14]. В науке уголовного права эти индивидуальные особенности, еще до появления в научном обиходе понятия, рассматривались на основе материалов конкретного уголовного дела. Так, А.Н. Трайнин в своей известной работе отметил, что «… среди элементов состава, при помощи которых законодатель описывает конкретные преступные деяния, имеются и такие, содержание которых закон намеренно определяет в более общей форме… Поэтому раскрывать содержание таких элементов необходимо лишь на основе учета всех обстоятельств конкретного дела, которые законодатель предусматривает лишь в общей форме с тем, чтобы судья мог установить их наличие или отсутствие на конкретном материале рассматриваемого дела» [581, с. 88–89].

Содержание оценочных признаков в доктрине уголовного права раскрывается правоведами по-разному. Я.М. Брайнин относил к оценочным понятия, не конкретизированные законодателем и уточняемые при применении уголовного закона тем, кто его применяет [87, с. 63]. М.И. Ковалев называл оценочными элементами «постулаты, позволяющие привносить в них разные суждения в зависимости от позиции интерпретатора» [211, с. 70]. А.В. Наумов отмечал, что к оценочным относятся «те признаки состава преступления, которые определяются не законом или иным нормативно-правовым актом, а правосознанием лица, которое применяет соответствующую норму, исходя из конкретных обстоятельств дела» [393, с. 97].

Более развернутые определения с попыткой выделения типичных черт приведены в диссертационных исследованиях, специально посвя-

щенных проблематике оценочной лексики. Так, Т.В. Кашина определила, что в оценочных признаках законодателем выражаются наиболее общие признаки и свойства предметов и явлений, что предполагает последующую «индивидуальную поднормативную регламентацию общественных отношений» [193, с. 8]. Подобный подход отразил в своей дефиниции С.Д. Шапченко [645, с. 12]. В.В. Питецкий дал рассматриваемое определение в контексте динамики процесса правоприменения: «Оценочными являются понятия, содержание которых непосредственно раскрывается в процессе применения правовых норм в пределах зафиксированной законом общности путем оценки обстоятельств конкретного случая на основе правосознания субъекта, применяющего закон» [488, с. 7]. В диалектике правоприменения рассматривает исследуемое понятие и О.С. Шумилина: «Оценочное понятие уголовного закона – это понятие, содержащееся в уголовно-правовой норме и конкретизируемое правоприменителем при уголовно-правовой оценке фактов, детерминирующих применение нормы уголовного закона» [660, с. 7]. Следует заметить, что значению правотворчества при определении оценочного понятия уделяется внимание в последних исследованиях по теории права. Так, Д.Н. Левина отметила: «Именно в процессе правотворчества формулируется, получает свое нормативное закрепление то или иное правовое оценочное понятие» [272, с. 11].

Но продолжим ознакомление с определениями. Е.В. Кобзева вывела следующую дефиницию: «Оценочные признаки уголовного закона – это неконкретизированные в законе или ином нормативном правовом акте уголовно-правовые понятия, призванные отражать не предмет в его целостности, а свойства или отношения этого предмета, содержание которых устанавливается лицом, применяющим уголовно-правовую норму, на основе конкретных обстоятельств уголовного дела» [208, с. 8; 209, с. 97–98]. С позиции стиля русского языка требует оценки определение О.Е. Фетисова. Под институтом оценочных понятий он понимает «санкционированное нормой права либо возникаемое в процессе правоотношений между субъектами общественное (всегда социально значимое) явление, имеющее целью наиболее общим способом характеризовать наиболее общие свойства разнообразных предметов, явлений, действий, процессов, умышленно не конкретизированное законодательством, либо непосредственно участниками правоотношений с целью предоставления более широких полномочий субъектам правоприменения путем свободной оценки в рамках конкретной правоприменительной ситуации, но в пределах и рамках, допускаемых правом, что дает, в свою очередь, субъекту, реализующему правовую норму, возможность учесть индивидуальные особенности дела с соблюдением функционального предназначения нормативного предпи-

сания» [619, с. 7–8]. Р.С. Джинджолия, увидевший в проблематике оценочных признаков составов преступлений против личности тему докторской диссертации, возвел их до ранга категории (и это не единственный автор [279, с. 43–45]), определив ее следующим образом: «Следовательно, оценочная категория в уголовном праве есть совокупность видов, типов, групп оценочных понятий и их признаков (свойств), используемых при описании составов преступлений и позволяющих правоприменителю признавать деяние преступлением» [146, с.17; 147, с. 20].

Несмотря на различные вариации определений, в целом можно выделить две основные черты, характеризующее оценочные конструкты: отсутствие конкретизации смысла в законе и необходимость в их конкретизации в правоприменительной деятельности. В этом смысле следует обратить внимание на отсутствие однозначности и последовательности в лексическом обозначении рассматриваемого понятия. Представляется неверным суждение о том, что соответствующие слова или словосочетания являются «терминами, обозначающими оценочные понятия» [672, с. 63]. Разве можно называть термином то, что в своем определении не имеет точного значения?

Методической гиперболой следует признать отнесение рассматриваемых языковых номинаций к институту (О.Е. Фетисов), а тем более – к категории (Л.Д. Гаухман, Н.А. Лопашенко, Р.С. Джинджолия). Для констатации института необходимо установить наличие ряда посылок, которые доказывают возможность оказывать влияние на регулирование однородных общественных отношений[1]. Что касается категории, то по своему методологическому статусу ее следует отнести к научному аппарату философии, а не отдельной отрасли знаний. Категория, являясь средством организации готовых знаний, образует тот научный фарватер, через который должны пройти появляющиеся в отдельных сферах знания понятия и методики. Например, понятие причинной связи в уголовном праве определяется на основе философской категории «причинность», понятия вменяемости, вины, уголовной ответственности, принудительных мер безопасности и лечения немыслимы без категории «свобода воли» и т. д.

Многие авторы, видимо, понимая методологические нюансы рассматриваемого названия, ведут речь об оценочных признаках, обозначая, таким образом, особенность некоторых признаков состава преступления. Однако достаточно часто в научных публикациях правоведы говорят об оценочных понятиях (Я.М. Брайнин, В.В. Питецкий, О.С. Шумилина, Д.Н. Левина и др.). С одной стороны, проблема оценочного конструкта

[1] Подробнее в гл. 1 настоящей работы.

как раз и состоит в том, что он не содержит типовых существенных признаков предмета. С другой стороны, поскольку определение понятия предполагает мысленное отображение в сознании человека этих существенных признаков (по мнению философов «понятие есть мысль, прежде всего о существенных признаках предмета») [542, с. 289], то понятие понятия выводит нас на концепт, поэтому соответствующие слова и словосочетания можно объединять под когнитивными сводами понятия, подразумевая, что поиск смысла оценочных понятий осуществляется правоприменителем в процессе его познавательной деятельности.

Следует отметить, что относительно содержания оценочных понятий (оценочных признаков) нет четкости в другой отрасли публичного права – административном. Например, В.В. Игнатенко считает, что в административном законодательстве к оценочным понятиям относятся «детально не разъясняемые законодателем и обобщающие в себе типичные признаки определенных правозначимых явлений понятия права, конкретизация которых осуществляется путем оценки в рамках конкретной правоприменительной ситуации» [176, с. 9].

Применительно к иным отраслям права, в том числе права других государств СНГ, пониманию оценочных понятий придают несколько иные акценты. Например, в трудовом праве С.М. Черноус склонна рассматривать подходы в конкретизации понимания оценочных понятий в двух значениях: с позиции нормотворчества и нормореализации, а также как результат этого процесса, характеризующийся фиксацией критериев и стандартов оценочных понятий [640, с. 6]. А.В. Миронов показывает специфику оценочных понятий в избирательном праве и относит к ним «высокоабстрактные понятия права, отражающие в себе различные эмпирические свойства явлений путем закрепления их правозначимых типов…» [372, с. 9]. С.П. Богданович феномен оценочного понятия в гражданском праве определяет как «легальное закрепление возможности поиска диалектического единства диспозитивных начал и императивных норм при осуществлении правового регулирования имущественных и личных неимущественных отношений» [73, с. 9]. Р.О. Опалев считает, что в арбитражном и гражданском процессуальном праве оценочные понятия «предназначены для того, чтобы предоставить правоприменителю в рамках конкретного дела относительную свободу действий» [465, с. 9].

Здесь следует обратить внимание на то обстоятельство, что в отраслях права, в которых в правовом регулировании превалирует частное начало, функциональное предназначение оценочных понятий многие ученые определяют в основном не в связи с обозначением противоправного деликта, а в сфере осуществления прав и исполнения обязанностей участниками соответствующего правоотношения. В рамках

диспозитивного метода правового регулирования примерное определение оценочными понятиями границ свободы реализации гражданских прав признается допустимым, объективно необходимым и в целом позитивным явлением. Например, М.Ф. Лукьяненко отмечает, что в гражданском праве оценочными понятиями являются относительно-определенные положения, которые предусматривают, в частности, «свободу выбора субъектом гражданского правоотношения решения относительно необходимых действий по осуществлению права или исполнению обязанностей в конкретной ситуации» [285, с. 12–17].

Проблема понимания, интерпретации и применения оценочных признаков является одной из важных в теории квалификации преступления. В.Н. Кудрявцев, определив еще в начале 60-х гг. XX в. место оценочных признаков в рамках классификационной группы переменных признаков состава преступления [243, с. 117–129], сделал следующий вывод о значении и специфики этих понятий в процессе квалификации преступления: «Следовательно, „оценочные“ понятия характеризуются тем, что субъект, который их использует, осуществляет две функции: он не только сравнивает рассматриваемое явление с некоторым общим понятием, но и формулирует, определяет в известных пределах содержание самого этого общего понятия» [243, с. 121]. Л.Д. Гаухман предложил выделить на уровне отдельной категории оценочно-прогностический признак, который характеризует события, прогнозируемые в будущем, и определяется юристом на основе его правосознания с учетом требований УК и оценки обстоятельств прошлого и настоящего времени [123, с. 86–88]. Позицию о том, что суть оценочных признаков в значительной мере определяется правосознанием лица, применяющего уголовный закон, поддерживает А.В. Корнеева [227, с. 35]. Однако Н.Ф. Кузнецова возражает тем авторам, которые считают, что оценочные признаки определяет не законодатель, а правоприменитель. По ее мнению, такая точка зрения противоречит принципу законности с его требованием *nullum crimen sine lege*, а также понятию преступления с его обязательным свойством – уголовной противоправностью. Без уголовного закона не существует никаких, в том числе оценочных признаков состава преступления [252, с. 3; 255, с. 137–138].

А.И. Бойко, проведя свое обобщение по оценочным признакам, отметил, что «оценочные понятия (признаки) представляют собой вынужденный ход законодателя, в силу нескольких причин описывающего преступные деяния заведомо неконкретным образом, в результате чего практик частично превращается в правотворца» [76, с. 101].

Удельный вес оценочных понятий в объеме нормативного материала УК весьма значителен, особенно, если учесть, что некоторые их них употребляются во многих статьях. Белорусский законодатель в основ-

ном использует оценочную лексику при характеристике объективных признаков предмета преступления (важный документ (ст. 125), бланк особой важности (ст. 377), сведения о частной жизни (ст. 179), другие предметы, используемых в качестве оружия для причинения телесных повреждений (ст. 339), порнографические материалы или предметы порнографического характера (ст. 343, 343[1])); потерпевшего (беспомощное состояние (ст. 139, 147, 154, 166, 167), иная зависимость (ст. 63, 64, 145, 163, 170), деловая репутация конкурента (ст. 248, 249)); преступного деяния или способа совершения преступления (непринятие всех возможных мер (ст. 137), жестокое обращение (ст. 145, 176, 371[1], 443), неизгладимое обезображение (ст. 147), использование занятия проституцией (ст. 171), особая жестокость» (ст. 139), неприличная форма (ст. 189), тяжкое оскорбление (ст. 141, 150), «косвенное нарушение» или «установление косвенных преимуществ» (ст. 190)); обстановки совершения преступления (явное несоответствие характеру и опасности посягательства (ч. 3 ст. 34, ч. 2 ст. 35), психотравмирующая ситуация (ст. 140, 141), военная необходимость (ст. 136); серьезная опасность (ст. 160)); времени совершения преступления (непосредственно после родов (ст. 140)); общественно опасных последствий (существенное нарушение прав и законных интересов (ст. 194); существенный вред (ст. 190, 197, 204, 350, 352, 383, 424–426, 455); иной существенный вред (ст. 334, 349, 355); тяжкие последствия (ст. 184, 298, 351, 354, 373–375, 377, 392, 393, 395, 397, 408, 424–426, 438, 439, 440, 441, 443, 450, 453, 455, 459, 461, 463); иные тяжкие последствия (ст. 130, 166, 167, 181, 182, 208, 218, 279, 289, 291, 292, 325, 340, 349, 360, 428, 456, 463, 465) и др.).

Реже оценочные понятия используются законодателем при описании субъективных признаков преступления. В основном это касается мотива как обязательного признака конкретного вида преступления (по мотиву вражды или розни (ст. 130, 139, 147, 443), низменные побуждения (ст. 180), иная личная заинтересованность (ст. 226[1], 255, 258, 349, 424–427, 455) и др.).

В некоторых нормах УК удельный вес оценочных понятий весьма высок. Например, в ст. 339 (хулиганство) правоприменитель сталкивается с необходимостью интерпретировать целый ряд признаков, определяющих уголовную противоправность: грубо нарушающие общественный порядок, выражающие явное неуважение к обществу, исключительный цинизм, другие предметы, используемые в качестве оружия для причинения телесных повреждений. Несмотря на ряд законодательных уточнений признаков хулиганства в УК, количество оценочных понятий слишком большое для одной нормы. Превышение «критической массы» оценочных признаков в составе хулиганства создает предпосылки для применения аналогии уголовного закона. Состав ху-

лиганства и в настоящее время для судебной практики выполняет роль резервной правовой площадки, на которой может разворачиваться расследование и рассмотрение уголовного дела в случае обнаружения правоприменителем очередной неисправности в механизме уголовно-правового регулирования.

В выделяемой в литературе классификации оценочных признаков на условные и безусловные приведенные примеры, полагаем, иллюстрируют безусловные признаки. Но следует признать, что отнесение ряда признаков к оценочным (например, насилие) является спорным. Их можно отнести условно к таковым. Дело в том, что некоторые понятия, даже если они содержат прилагательное «иное» (иные действия, иной способ, иные средства, иные лица и др.), не всегда есть основания относить к оценочным, поскольку соответствующие концепты будут сформированы путем использования известных доктрине приемов толкования.

По своей природе оценочные понятия образуют собой достаточно сложное и противоречивое явление в уголовном праве. Трудности в создании концептов оценочных признаков состава преступления обусловлены целым рядом факторов, к которым прежде всего следует отнести постоянно изменяющиеся жизненные условия, а также личные качества лиц, применяющих норму УК. В.В. Питецкий по этому поводу пишет: «С одной стороны, целый ряд положительных качеств делает их очень удобными для законодателя, поскольку своей компактной формой они позволяют придать закону необходимые свойства (полноту, гибкость, динамизм), с другой же стороны, привнося в правоприменительный процесс известную неопределенность, затрудняют соблюдение основополагающих принципов при отправлении правосудия (законности, равенства граждан перед законом, неотвратимости ответственности и др.» [490, с. 4].

В.И. Малыхин обозначил одну из основных проблем оценочных признаков состава преступления в процессе квалификации преступления: «В таких случаях особенно проявляется влияние субъективного фактора, что создает возможность ошибок в квалификации» [299, с. 20]. По исследованию, проведенному Е.В. Кобзевой, доля ошибок при квалификации оценочных признаков составов преступлений колеблется от 30 до 60 % [209, с. 3]. Такой широкий диапазон в удельном весе указанных ошибок, видимо, объясняется тем, что она установила весьма широкий подход к определению круга оценочных понятий, а точнее – к критериям их выявления. В этом смысле сомнительным с точки зрения использованных приемов определения круга оценочных признаков состава преступления представляется и мнение Б.Н. Коробца о том, что в действующем уголовном законодательстве России «56,5 % статей сконструированы при помощи оценочных понятий» [229, с. 127].

В рамках затронутой проблемы квалификации преступления возникает закономерный вопрос: можно ли обойтись в уголовно-правовой норме без оценочных понятий, возможна ли их полная легализация (формализация) посредством легального толкования?

Многие ученые, исследовавшие вопрос об оценочных понятиях в уголовном праве, высказываются за замену их формально определенными понятиями, их разъяснения путем легального толкования [162, с. 45; 214, с. 101–103; 232, с. 20; 238, с. 48–49; 360, с. 10, 21; 489, с. 12–13]. Но следует заметить, что эксплицитные определения тоже имеют недостатки. Они, как отмечает Т.А. Лесниевски-Костарева, «характеризуются перечнями конкретных значений, которые зачастую загромождают определение и порождают риск пробела (изначального, поскольку сложно предусмотреть все случаи; либо возникшего вместе с новым явлением)» [275, с. 309].

В литературе была высказана и иная точка зрения. Например, Т.В. Кленова считает, что «использование оценочных понятий полезно и поэтому должно быть достаточно широким в той сфере, в которой уголовный закон дифференцирует объем ответственности за совершенное преступление» [200, с. 23].

Следует согласиться с мнением тех авторов, которые считают, что полностью отказаться от оценочных признаков в уголовном законе невозможно. А.В. Наумов в этом смысле отметил: «Оценочные понятия позволяют, не изменяя закон, учитывать изменяющиеся условия жизни общества» [389, с. 6]. В.П. Коняхин высказал следующее мнение: «Вряд ли возможно полностью отказаться от оценочных признаков. Они придают закону стабильность и гибкость. Суть проблемы заключается в отыскании оптимального соотношения формального и оценочного моментов… Представляется, что конкретизации со стороны законодателя должны быть подвергнуты прежде всего те оценочные понятия гипотез норм, уяснение которых сопряжено с возможными трудностями либо даже ошибками в судебно-следственной практике (явное несоответствие характеру и степени общественной опасности посягательства, наступление иных тяжких последствий и др.)» [224, с. 214]. В.Ф. Щепельков пишет, что критика использования оценочных признаков в уголовном законе может быть состоятельна только в части, относящейся к вопросу о том, каким образом и кто должен давать заключение об их наличии в конкретном деянии. Он отмечает: «Избавиться от переменных признаков – значит закрепить изменения в оценке тех или иных сторон общественной жизни. Данный подход неприемлем. Предложение о максимальной конкретизации оценочных признаков уголовного законодательства приемлемо только в части, не относящейся к вопросам „социальной экспертизы“, т. е. где возможно

использовать количественные критерии» [664, с. 51]. При этом к социальной экспертизе В.Ф. Щепельков относит правосознание правоприменителя, посредством которого и определяются оценочные признаки. А.И. Бойко с уверенностью утверждает, что «в обозримой перспективе оценочное (предельно абстрактное) описание преступного поведения в тексте УК сохранится, поскольку консервируются в качестве долгоиграющих причин их существования многие факторы» [76, с. 108]. На невозможность полного устранения оценочных понятий обращалось внимание и в науке уголовно-процессуального права [65, с. 39].

Разумеется, заслуживает поддержки и мнение о том, что при конструировании уголовно-правовых норм по возможности следует избегать употребления оценочных понятий [47, с. 286; 169, с. 21–23]. В правотворческом процессе необходимо стремиться к максимальному сокращению оценочных признаков путем их формализации, легального определения. Это касается прежде всего тех признаков, которые обладают количественными характеристиками, «мерными» свойствами. В этом смысле следует отдать должное белорусскому законодателю. В УК Республики Беларусь, в отличие от ранее действовавшего уголовного законодательства, количество оценочных признаков существенно сокращено. Введена отдельная ст. 4 «Разъяснение терминов». В УК дано легальное определение ущерба (размера, дохода) в крупном или особо крупном размере. При этом использован дифференцированный подход в отражении степени общественной опасности соответствующего преступления. Так, в соответствии с ч. 4 примечаний к гл. 24 УК крупным размером хищения чужого имущества признается размер ущерба в 250 и более раз превышающий размер базовой величины, установленный на день совершения преступления. Но согласно примечанию к ст. 257 УК обманом потребителей в крупном размере признается обман, размер наживы от которого превышает в пять и более раз размер базовой величины, установленный на день совершения преступления. Аутентичное толкование таких понятий означает, что они утратили оценочный характер, хотя при этом они могут перейти в другую группу переменных признаков – бланкетных. Так, определение в УК размера причиненного ущерба с привязкой к базовой величине означает, что на квалификацию соответствующего преступления по размеру причиненного вреда (дохода) оказывает влияние размер базовой величины, который был определен в соответствующем постановлении Совета Министров Республики Беларусь.

Что касается оценочных признаков качественного характера, к которым в первую очередь следует отнести понятия этического свойства (честь, достоинство, деловая репутация и др.), то их определить почти невозможно. Существующие попытки законодательного определения

такого рода понятий надо признать неудачными. Например, в ч. 11 ст. 4 УК дано следующее определение: «Под хулиганскими побуждениями понимаются мотивы, выражающие стремление виновного лица проявить явное неуважение к обществу и продемонстрировать пренебрежение к общепринятым правилам общежития». Предикат дефиниции в данном случае определяется теми же оценочными понятиями: явное неуважение, общепринятые правила общежития. Многое ли разъясняет такое определение правоприменителю?

Весьма спорным следует признать предложение некоторых авторов объективировать оценочные понятия, уменьшить проявление субъективизма при квалификации с использованием компьютерных программ и алгоритмов квалификации [178, с. 103] либо иных математических методов [100, с. 15–17]. Например, В. Векленко и М. Бовсун считают целесообразным использование методов математической статистики и комбинаторики при толковании оценочных понятий, которые за счет полученных из судебной практики усредненных данных позволяют сформировать общее впечатление о том или ином явлении. Таким образом, постижение смысла они предлагают осуществлять на основе «строгого математического анализа и выведения относительных величин по каждому из оценочных понятий» [100, с. 16–17]. Можно понять цель высказанного предложения – упразднение субъективизма правоприменителя в применении оценочных понятий. Возможно, эта методика принесет пользу юриспруденции при уяснении содержания оценочных признаков, предполагающих некие количественные характеристики их содержания. Но от таких оценочных признаков в уголовном законе следует избавляться путем их легализации. Представляется, что усредненное представление об оценочном конструкте, полученное в результате использования математических приемов, неспособно решить проблему социально-правовой оценки в конкретной правовой ситуации.

Таким образом, использование законодателем в нормах УК оценочных понятий следует признать вынужденным приемом нормативной техники. И вопрос состоит даже не столько в проблеме формулирования признаков состава преступления, сколько в пресловутом кадровом вопросе. При квалификации преступления оценочные конструкты в нормах УК предполагают решение когнитивной задачи, направленной на установление концепта соответствующего признака конкретного вида преступления. Формирование этого концепта должно осуществляться квалификатором не только на основе всех обстоятельств дела, хотя они, несомненно, в конкретной правовой ситуации тоже имеют значение. Познать смысл оценочного признака состава преступления способен тот агент правосудия, который обладает высоким уровнем

профессиональных знаний, правовой культуры, правосознания и значительным практическим опытом. При «схватывании» смысла оценочного конструкта квалификатор должен руководствоваться уравнивающим и распределяющим аспектами социальной справедливости, функциями уголовного права, современными представлениями о правопонимании.

К сожалению, правовая реальность показывает, что многие лица, уполномоченные применять уголовный закон, не обладают достаточными профессиональными знаниями и соответствующим уровнем правосознания и правопонимания, которые позволили бы выполнять, в частности, задачи по толкованию оценочных признаков в процессе квалификации преступления. Представляется, что в целях снижения интерпретационных рисков, могущих породить ошибку в социально-правововой оценке, определенные ориентиры в понимании оценочных признаков могут и должны быть даны в постановлениях Пленума Верховного суда по соответствующим категориям уголовных дел. Такой опыт судебных разъяснений уже имеется. Но его нужно расширять на основе перечневого подхода. Даже примерное перечисление определенных обстоятельств, отражающих в видовых понятиях смысл определяемого оценочного признака, будет способствовать формированию когнитивной направляющей в создании смысловых рамок оценочного понятия. Такой перечень должен создаваться не только на основе результатов обобщения практики по конкретным уголовным делам («живых примеров»), но и прогноза возможных правовых ситуаций.

5.4. Специальная лексика в нормах Уголовного кодекса Республики Беларусь и ее значение в процессе квалификации преступления

Во многих нормах УК употребляются слова или словосочетания, которые относятся к специальной лексике (медицинская, компьютерная, военная и др.). Во многих случаях в процессе квалификации преступления лицо, применяющее уголовно-правовую норму, вынуждено обращаться к специальным понятиям, не определенным в тексте уголовного закона. Семантика таких слов и словосочетаний определяется в нормативных правовых актах неуголовно-правового характера. Например, в ст. 164 УК, предусматривающей ответственность за нарушение порядка проведения трансплантации, законодателем употреблена целая совокупность специальных понятий, используемых в сфере трансплантологии: трансплантация, органы человека, ткани человека, изъятие органов или тканей человека, реципиент, донор. Уяснить круг потерпевших и содержание объективной стороны преступного нару-

шения порядка проведения трансплантации можно только после ознакомления с соответствующими определениями, которые содержатся в ст. 1 закона Республики Беларусь от 4 марта 1997 г. № 28 «О трансплантации органов и тканей человека».

Использование терминов одной отрасли знания в другой образует особое направление правотворчества, которое некоторые исследователи стали называть транстерминологизацией [511, с. 8–20; 584, с. 134–140]. Следует понимать, что терминологическая миграция не может не затронуть юридическую составляющую человеческих знаний, в том числе и уголовное законодательство. Злоупотребления людей в рамках новых или обновляющихся общественных отношений (в сфере использования и эксплуатации компьютерных систем, медицине и т. д.) порождают необходимость уголовно-правовой охраны этих отношений. В таких случаях объяснить сущность и пределы уголовно-правового запрета иногда невозможно без использования специальной лексики. Н.М. Ковалева применительно к бланкетным признакам в целях разрешения вопросов о едином подходе в терминологии предлагает даже включить норму, в которой следует определить принципы полной или частичной рецепции: «Отраслевое понимание рецептированного правом термина обладает приоритетом (полная рецепция). Уголовно-правовое понимание межотраслевого термина возможно лишь в случаях, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса (частичная рецепция)» [212, с. 52].

Следует заметить, что смысл некоторых лексических единиц, используемых в нормах УК, не разъясняется в иных нормативных правовых актах и эти термины не являются общеупотребительными. Например, отсутствуют нормативные определения некоторым техническим понятиям, содержащимся во многих статьях, предусматривающих уголовную ответственность за преступления против информационной безопасности: машинный носитель, специальные аппаратные средства, вредоносные программы и др. В таких случаях концепты соответствующих понятий формируются на основе словарей и личного восприятия автора, осуществляющего толкование соответствующей уголовно-правовой нормы. Однако подобные интерпретации не всегда способствуют единообразному пониманию соответствующего понятия.

Указанная проблема имеет и международный аспект. Например, с учетом положений международных договоров в УК Беларуси предусмотрено несколько норм, которые устанавливают уголовную ответственность за противоправные действия в сфере незаконной миграции, в частности за организацию незаконной миграции (ст. 371^1). Но словосочетание «незаконная миграция» не имеет четкого определения ни в международном ни в отечественном праве. Это обстоятельство порож-

дает дезориентирующие предпосылки в применении норм УК. Специфика объективной стороны организации незаконной миграции заключается в том, что преступность указанного в ст. 371^1 поведения непосредственно связана с незаконностью самого факта миграции. И здесь возникает вопрос: в отношении каких лиц совершается данное преступление? В ст. 371^1 названы иностранные граждане или лица без гражданства. Но в названии этой статьи идет речь об «организации незаконной миграции иностранных граждан или лиц без гражданства». Следовательно, идет речь о тех иностранных гражданах и лицах без гражданства, которые являются незаконными мигрантами.

В нормах международного права нет единства в определении понятия «незаконный мигрант». Так, в абзаце втором ст. 1 Соглашения о сотрудничестве государств – участников СНГ в борьбе с незаконной миграцией от 6 марта 1998 г. определение незаконным мигрантам дано следующим образом – это «граждане третьих государств и лица без гражданства, нарушившие правила въезда, выезда, пребывания или транзитного проезда через территории Сторон, а также граждане Сторон, нарушившие правила пребывания на территории одной из Сторон, установленные ее национальным законодательством». При этом разъясняется, что к третьим государствам относятся государства, не являющиеся участниками данного соглашения. Однако согласно ст. 3 этого соглашения «въезд граждан третьих государств, лиц без гражданства и граждан Сторон на территорию одной из Сторон возможен при условии выполнения ими требований ее национального законодательства о правилах въезда, выезда, пребывания и транзитного проезда, а также международных договоров, участницей которых она является». Таким образом, указанное соглашение граждан государств – участников СНГ, нарушивших правила въезда в Республику Беларусь или выезда из территории Республики Беларусь, не относит к незаконным мигрантам. Иную интерпретацию понятия «незаконный мигрант» дала в рамках рассматриваемого соглашения украинская сторона. Представители Украины сделали оговорку: «Соблюдение правил въезда и выезда распространяется и на граждан Сторон (абзац второй статьи 1)». Другой подход закреплен в Протоколе против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху, дополняющем Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. (ратифицирован законом Республики Беларусь от 3 марта 2003 г. № 196-З). В нем при определении незаконной миграции не содержится исключений в отношении граждан каких-либо государств. Кроме того, положения данного документа касаются только незаконного въезда мигрантов. Таким образом, нормативные подходы по определению незаконного мигранта в действующих международных нормах существенно отличаются.

Нет определения термину «незаконная миграция» и в законодательстве Республики Беларусь. Следует также отметить, что национальное законодательство не определяет и понятие «миграция». Но типичные признаки миграции обозначены на нормативном уровне в модельном законе «О миграции», принятом 4 апреля 1999 г. постановлением Межпарламентского комитета Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Российской Федерации и Республики Таджикистан. Согласно ст. 1 данного закона миграция представляет собой «безвозвратное, временное, а также сезонное перемещение физических лиц из государства в государство, а также переселение физических лиц внутри государства, связанное со сменой места жительства, работы». На такой дефиниции миграции нельзя построить определение его антитезе, поскольку миграция в рамках предложенной формулировки по своему характеру может быть не только внешней, но и внутренней.

Апостериори в действующем УК Республики Беларусь понятие незаконной миграции раскрывается через словосочетания «незаконный въезд», «незаконный выезд» или «незаконное пребывание» иностранных граждан или лиц без гражданства (ст. 371^1). Но в уголовно-правовом смысле концепты этих понятий также нельзя признать удачными. В контексте квалификации, например, незаконного въезда на территорию Республики Беларусь иностранного гражданина или лица без гражданства возникает вопрос с правовой оценкой незаконных «перелета», «переплыва», «входа» и др. Необходимо отметить, что в уголовном законодательстве некоторых зарубежных государств используется обобщающее понятие «незаконное переправление». Например, ст. 332 УК Украины предусматривает ответственность за незаконное переправление лиц через государственную границу.

Отсутствие единого международного подхода в определении типовых признаков незаконной миграции порождает проблему имплементации норм международного права в национальное законодательство и создает предпосылки для различных интерпретаций в понимании правового положения незаконных мигрантов и пределов ответственности за нелегальную миграцию. Проблемы в плоскости имплементации международных норм имеют общий характер: пробелы в нормативной базе, регламентирующей процесс имплементации международных правовых актов, отсутствие четкого организационного механизма в реализации международных актов в национальной правовой системе. В целях разрешения проблем имплементации международных правовых норм в национальное уголовное законодательство есть необходимость в разработке специальной организационно-правовой процедуры имплементации международных правовых норм. В рамках этой процеду-

ры уместно предусмотреть имплементационную экспертизу на предмет установления, с одной стороны, соответствия норм международного права общепризнанным принципам международного права, а с другой – соответствия норм национальной системы права имплементируемой норме международного права [339, с. 27–30].

В уголовном законе также встречаются термины, которые не определяются в иных отраслях законодательства, но имеют для уголовного права специальное предназначение. Например, в ст. 423 УК, предусматривающей ответственность за неисполнение приговора, решения или иного судебного акта, использован обобщающий термин – «судебный акт». Однако легального определения ему в действующем законодательстве не имеется. Законодательство о судоустройстве Республики Беларусь оперирует другим обобщенным наименованием – судебное постановление. Согласно ст. 1 Кодекса о судоустройстве и статусе судей к судебному постановлению относится заключение Конституционного суда Республики Беларусь, а также приговор, решение, постановление, определение иных судов Республики Беларусь.

Необходимо отметить, что некоторые последние изменения терминологического характера в УК усложняют вопросы понимания текста уголовного закона. Например, в соответствии с законом Республики Беларусь от 28 декабря 2009 г. № 98-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь по вопросам уголовной и административной ответственности» в названии ст. 274 УК слово «атмосфера» было заменено на «атмосферный воздух». Подобное уточнение в настоящее время порождает вопрос о том, можно ли применить ст. 274 в случае, если имело место загрязнение озонового слоя. Представляется, что название ст. 274 в прежней редакции – «Загрязнение атмосферы» более точно определяло сферу уголовно-правовой охраны соответствующих компонентов природной среды (озоновый слой охватывается понятием атмосферы). Кроме того, данное терминологическое изменение обостряет вопрос об отграничении ст. 274 от тех статей УК, которые предусматривают ответственность за нарушение правил охраны труда и промышленной санитарии. Возникает вопрос: по какой статье УК следует квалифицировать случаи причинения вреда здоровью человека, если он наступил в результате загрязнения воздуха в производственном помещении при производстве соответствующего вида работ: ст. 274 или ст. 306 УК (нарушение правил охраны труда)?

Целый ряд терминологических корректировок был произведен законом Республики Беларусь от 5 мая 2010 г. № 123-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь по вопросам совершенствования порядка исполнения наказаний». Так, во

многих статьях УК понятие «болезнь» было заменено понятием «заболевание» в соответствующем падеже (ст. 92, 94, ч. 5 ст. 97, ч. 2 ст. 157, ст. 158, абз. 1 ч. 2 ст. 159, абз. 1 ч. 2 ст. 435, абз. 1 ч. 2 ст. 436, абз. 1 ч. 1 ст. 447). Такого рода изменения были обусловлены тем, что в иных отраслях законодательства субъекты правотворческого процесса стали часто употреблять понятие «заболевание» [428; 451; 452]. Вместе с тем во многих действующих нормативных правовых актах Республики Беларусь употребляется понятие «болезнь» [421; 427]. Следует заметить, что понятие «болезнь» («тяжелая болезнь») используется во многих кодифицированных нормативных правовых актах Республики Беларусь. Например, согласно ст. 206 Гражданского кодекса Республики Беларусь тяжелая болезнь может быть признана основанием для восстановления срока исковой давности. В соответствии со ст. 161 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь при наличии тяжелой болезни суд вправе приостановить производство по делу. В ст. 96 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье предусмотрено, что тяжелая болезнь является исключительным обстоятельством для привлечения к участию в дополнительных расходах родителей, уплачивающих алименты на несовершеннолетних детей. Тяжелая болезнь близких родственников в соответствии со ст. 245 Налогового кодекса Республики Беларусь является основанием для освобождения от консульского сбора.

Возникает вопрос: почему даже на уровне кодифицированных нормативных актов Республики Беларусь употребляются разные понятия при обозначении одного и того же явления? В чем смысл произошедшей замены указанных понятий в УК Республики Беларусь?

Поскольку понятия «болезнь» или «заболевание» в контексте содержания гипотезы и диспозиции соответствующих уголовно-правовых норм выполняют роль бланкетных признаков, то можно предположить, что замена терминов в данном случае была обусловлена «привязкой» к терминологии тех нормативных правовых актов, к которым отсылает норма уголовного закона. Однако на поверку оказывается, что это не совсем так. Например, ч. 1 и 2 ст. 92 УК предусматривают основания и условия освобождения от наказания при установлении после вынесения обвинительного приговора психического расстройства (заболевания) или иного тяжелого заболевания. До вступления в силу закона Республики Беларусь от 5 мая 2010 г. № 123-З в этих нормах речь шла соответственно о психической болезни и иной тяжелой болезни. Перечни такого рода расстройств определены в иных нормах действующего законодательства Республики Беларусь. В аспекте реализации положений, предусмотренных ч. 1 и 2 ст. 92 УК, следует обратиться к Положению о порядке представления осужденных к досроч-

ному освобождению от отбывания наказания по болезни», утвержденному совместным постановлением МВД Республики Беларусь и Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 26 февраля 2002 г. № 49/10. В п. 1.1 положения указано, что представлению к досрочному освобождению от отбывания наказания вследствие психической болезни подлежат лица, заболевшие психической болезнью после вынесения приговора, лишающей их возможности сознавать фактический характер и значение своих действий или руководить ими, указанной в перечне психических болезней, являющихся основанием для представления осужденных к досрочному освобождению от отбывания наказания (прил. 1 к положению). В п. 1.2 речь идет о том, что представлению к досрочному освобождению от отбывания наказания вследствие иной тяжелой болезни подлежат лица, заболевшие иной тяжелой болезнью после вынесения приговора, препятствующей отбыванию наказания, указанной в перечне тяжелых болезней, являющихся основанием для представления осужденных к досрочному освобождению от отбывания наказания (прил. 2 к положению).

Таким образом, в части реализации положений об освобождении осужденного на основании психического или иного тяжелого расстройства здоровья закон Республики Беларусь от 5 мая 2010 г. № 123-З породил терминологические несоответствия, хотя, видимо, идея была совершенно другой.

Подобного рода замена понятий порождает вопрос и о том, изменилось ли содержание соответствующего понятия или произошла просто замена синонимичной конструкцией? Согласно ст. 1 закона Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. № 2435-XII «О здравоохранении» под заболеванием понимается «расстройство здоровья человека, нарушение нормальной жизнедеятельности его организма, в том числе в результате травм, ранений, увечий, контузий, врожденных дефектов и неотложных состояний». Между тем в медицинских словарях определению заболевания придается несколько иной акцент: заболевание определяется как понятие, производное от слова «болезнь». Так, согласно Большому толковому медицинскому словарю заболевание (morbus) – это термин, который обычно применяется как часть медицинского названия какой-либо специфической болезни (имеется в виду, например, профессиональное заболевание, психическое заболевание, заболевание кистей рук, стоп и т. д.). Болезнь определяется как любое ухудшение в состоянии здоровья, имеющее свою причину, а также распознаваемые объективные и субъективные признаки (симптомы); любая аномалия развития организма или неправильное его функционирование, за исключением тех, что вызваны непосредственно физической травмой [81].

Достаточно широко трактуется понятие «болезнь» в толковых словарях русского языка – это не только расстройство здоровья человека, но и нарушение нормальной жизнедеятельности организма животного или отклонение от нормального развития растения [580]. В действующем законодательстве Республики Беларусь такому подходу есть подтверждение. Так, в ст. 1 закона Республики Беларусь от 22 июня 2010 г. № Р-460/2010 «О ветеринарной деятельности» дано определение понятию «болезнь животных» – это «состояние организма животного, возникающее при ненадлежащих условиях его содержания или воздействии на него возбудителя заразной болезни животных, сопровождающееся нарушением нормальной жизнедеятельности организма с одновременным проявлением защитно-адаптационных механизмов». В ст. 1 закона Республики Беларусь от 25 декабря 2005 г. № 77-З «О защите растений» определяется термин «болезни растений» – это «патологические процессы в клетках, органах, целом растении, происходящие под влиянием возбудителей болезней (вирусы, бактерии, микоплазмы, грибы) или неблагоприятных условий среды произрастания». Более того, в действующих нормативных правовых актах Республики Беларусь есть нормы, в которых идет речь о болезнях, общих для животных и человека [418].

Понятие болезни, несмотря на терминологические изменения, произведенные законом Республики Беларусь от 5 мая 2010 г. № 123-З, остался в действующем УК в ст. 280 (нарушение правил, установленных для борьбы с сорной растительностью, болезнями и вредителями растений) и ст. 284 (нарушение ветеринарных правил).

Таким образом, в рассматриваемом аспекте есть основания констатировать наличие разных понятий в УК: в одних статьях употребляется понятие «заболевание», в других – «болезнь». Логическое и систематическое толкование позволяет утверждать, что в рамках УК понятие «заболевание» стало употребляться применительно к человеку, а слово «болезнь» имеет отношение к растениям (ст. 280) или животным (ст. 284).

Кроме того, законом Республики Беларусь от 5 мая 2010 г. № 123-З унифицирован подход к лексическому обозначению психического расстройства здоровья человека. Если раньше в разных статьях УК употреблялись понятия «психическое расстройство» либо «психическое заболевание», то сейчас используется единое понятие «психическое расстройство (заболевание)» (ч. 3 ст. 27, ч. 1 ст. 28, ч. 1 ст. 29, п. 14 ч. 1 ст. 64, ст. 104, ст. 106, ч. 1 ст. 147). Правда, в некоторых местах такого рода уточнения обострили элементы тавтологии. Например, в ст. 104 УК указано: «Лицо, которое после совершения преступления или во время отбывания наказания заболело) психическим расстройством (заболеванием)…».

В этом же контексте осуществлена замена понятия «психически больной» на «лицо, страдающее психическим расстройством (заболеванием)» в соответствующем числе и падеже. С точки зрения современного русского языка такое понятие, вероятно, будет более правильным, хотя в действующих нормативных правовых актах, в том числе принятых Министерством здравоохранения Республики Беларусь, и в настоящее время по-прежнему используются понятия «психически больной», «психически больные» [369].

Изменения, произведенные указанным законом, порождают вопросы относительно квалификации преступления по признаку субъекта. Пунктом 24 ст. 1 закона Республики Беларусь от 5 мая 2010 г. № 123-З уточнено название и содержание ст. 161 УК. Основные изменения касаются двух моментов: конкретизирован характер помощи, оказываемый больному лицу, и уточнены специальные признаки этого субъекта. С момента вступления в законную силу закона Республики Беларусь от 5 мая 2010 г. № 123-З ст. 161 УК предусматривает ответственность за неоказание больному лицу медицинской помощи. Согласно ст. 1 закона Республики Беларусь «О здравоохранении» медицинская помощь представляет собой «комплекс медицинских услуг, направленных на сохранение, укрепление и восстановление здоровья пациента, включающий профилактику, диагностику, лечение, медицинскую реабилитацию и протезирование, осуществляемый медицинскими работниками». Таким образом, неоказание больному лицу иной помощи (что предполагалось прежней редакцией ст. 161 УК) не охватывается в настоящее время данной статьей.

Субъектом неоказания медицинской помощи больному лицу является медицинский работник либо иное лицо, обязанное оказывать медицинскую помощь в соответствии с законодательством Республики Беларусь. В соответствии со ст. 1 закона Республики Беларусь «О здравоохранении» медицинский работник – это «физическое лицо, имеющее высшее или среднее специальное медицинское образование, подтвержденное документом об образовании установленного образца, и в установленном законодательством Республики Беларусь порядке занимающееся деятельностью, связанной с организацией и оказанием медицинской помощи, обеспечением санитарно-эпидемического благополучия населения, проведением медицинской экспертизы».

Субъектом данного преступления может быть и лицо, обязанное оказывать медицинскую помощь в соответствии с законодательством Республики Беларусь. Принимать меры по немедленному оказанию медицинской помощи является обязанностью многих сотрудников (работников) государственных органов, в компетенцию которых входит защита правоохраняемых интересов. Например, согласно ст. 23 закона

Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» сотрудник органов внутренних дел должен принять меры по немедленному оказанию медицинской и другой необходимой помощи лицам, пострадавшим от преступлений, административных правонарушений и несчастных случаев, лицам, находящимся в беспомощном или опасном для жизни либо здоровья состоянии.

Несмотря на уточнение признаков субъекта неоказания медицинской помощи больному лицу, остается вопрос об отнесении к субъекту данного преступления фармацевтических работников. Следует согласиться с тем, что используемое ранее в ч. 1 ст. 161 УК понятие «лицо, занимающееся фармацевтической практикой» было неоправданно широким. К лицам, занимающимся фармацевтической практикой, можно было отнести любое лицо, которое осуществляло деятельность в сфере обращения лекарственных средств, фармацевтических субстанций или лекарственного растительного сырья. Однако далеко не все лица, имеющие отношение к указанной сфере обращения, имеют высшее или среднее специальное фармацевтическое образование.

Вместе с тем ст. 51 закона Республики Беларусь «О здравоохранении» возлагает на фармацевтических работников обязанность «оказывать скорую (неотложную) медицинскую помощь в пределах своих возможностей нуждающимся в ней лицам вне организации здравоохранения». В соответствии со ст. 1 закона Республики Беларусь «О здравоохранении» фармацевтическим работником признается «физическое лицо, имеющее высшее или среднее специальное фармацевтическое образование, подтвержденное документом об образовании установленного образца, и в установленном законодательством Республики Беларусь порядке занимающееся деятельностью, связанной с обращением лекарственных средств, фармацевтических субстанций и лекарственного растительного сырья».

Таким образом, до тех пор, пока будет действовать ст. 51 закона Республики Беларусь «О здравоохранении» в контексте ст. 161 УК фармацевтические работники будут подпадать под категорию лиц, обязанных оказывать медицинскую помощь в соответствии с законодательством Республики Беларусь.

Необходимо обратить внимание на еще один момент. В последнее время правотворческая практика пошла по пути введения через примечания к соответствующим нормам законодательных определений специальных понятий, которые относятся к совсем другим сферам. Один из последних примеров – определение в уголовном законе понятия «аналог наркотических средств или психотропных веществ». Согласно ч. 3 примечаний к ст. 327 УК аналогами наркотических средств или психотропных веществ признаются «химические вещества, не вклю-

ченные в данный Перечень, структурные формулы которых образованы заменой в структурных формулах наркотических средств, психотропных веществ одного или двух атомов водорода на заместители атомов водорода, включенные в перечень заместителей атомов водорода в структурных формулах наркотических средств, психотропных веществ, установленный Министерством внутренних дел Республики Беларусь». Подобное определение должно быть адресовано не правоведу, а лицу, обладающему специальными знаниями. Место такого определения в нормативном правовом акте неуголовно-правового характера. Для должностного лица, ведущего уголовный процесс, достаточно наличия в материалах уголовного дела по факту хищения дибо незаконного оборота аналога наркотических средств или психотропных веществ заключения эксперта, определяющего вид, название и свойства соответствующего аналога.

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы.

1. Концепты терминов уголовного закона есть те смыслы, которые в условиях сложившейся правовой ситуации создаются мышлением квалификатора в процессе интерпретации уголовно-правовой нормы.

2. Применительно к процессу квалификации преступления фрейм, порожденный соответствующим концептом термина уголовного закона, порождает в голове квалификатора представление о каком-либо признаке определенного вида преступления. Понимание всех терминов, содержащихся в уголовно-правовой норме, образует группу фреймов, которая формирует когнитивную модель преступления, его мысленный образ, с которым идет сличение в процессе интерпретативной деятельности квалификатора. Фреймы терминов уголовного закона создаются мышлением в структуре онтологии правовой реальности. На формирование соответствующего фрейма оказывает влияние не только концепт соответствующего уголовно-правового термина, но и многие компоненты правовой реальности: правосознание, практический опыт применения уголовного закона, сложившаяся практика и др.

3. В УК следует выделить отдельную главу «Разъяснение терминов Уголовного кодекса». Исходя из уже устоявшейся в законодательстве Республики Беларусь традиции о размещении статьи (главы) об основных понятиях в начале нормативного правового акта эта глава должна быть размещена в разд. I «Уголовный закон» УК.

3. В главе «Разъяснение терминов Уголовного кодекса» должны даваться определения только тем терминам, которые использованы в тексте норм УК и которые обозначают строго уголовно-правовые понятия. Нецелесообразно давать в УК определения понятиям, относящимся к специальной лексике (специальные термины).

4. Специальный термин может быть использован в тексте уголовного закона только в случае, если он имеет нормативное определение в другой отрасли законодательства.

5. Термины, наличие которых обусловлено бланкетной уголовно-правовой нормой, учитывая их важность для понимания преступного характера соответствующего поведения, должны иметь четкие определения в законах иных отраслей права. При этом должен соблюдаться «пакетный» принцип подготовки нормативных правовых актов: изменение названия такого рода термина в процессе правотворческой деятельности в иной отрасли законодательства должно одновременно влечь корректировку соответствующей нормы УК.

6. Применение в нормах УК оценочных понятий следует признать вынужденным приемом законодательной техники. В процессе интерпретативной деятельности абстрактность оценочного понятия должна проявиться, проступить в сознании квалификатора в конкретный концепт признака состава преступления. На процесс «схватывания» смысла при выполнении этой важной когнитивной задачи оказывают влияние следующие факторы: высокий уровень профессиональных знаний, правовой культуры и правосознания лица, применяющего уголовный закон; его практический опыт правоприменения; конкретные обстоятельства дела. Окончательные выводы о вменении оценочного признака должны осуществляться с учетом уравнивающего и распределяющего аспектов социальной справедливости, в соответствии со смыслом уголовного закона и функциями уголовного права, на основе современных представлений о правопонимании.

7. В целях снижения интерпретационных рисков, могущих породить ошибку в социально-правововой оценке, целесообразно высшей судебной инстанции расширить сферу разъяснения оценочных понятий путем использования перечневого подхода. Даже примерное перечисление определенных обстоятельств, отражающих в видовых понятиях смысл определяемого оценочного признака, будет способствовать формированию единых представлений о соответствующем признаке состава преступления. Такой перечень должен создаваться не только на основе результатов обобщения практики по конкретным уголовным делам («живых примеров»), но и прогноза возможных правовых ситуаций.

8. Разъяснение терминовУК должно даваться в строгом соответствии с существующими требованиями нормотворческой техники. При этом есть необходимость в унификации существующей терминологии уголовного закона. Терминология уголовного закона должна быть однозначной, должна быть устранена полисемия и чрезмерная синонимия.

9. Структура главы «Термины Уголовного кодекса» должна соответствовать уже устоявшемуся в УК подходу о постатейном изложении нормативного материала. Все термины должны быть сгруппированы в

отдельных статьях. В качестве критериев классификации целесообразно использовать признаки, характеризующие основания и условия уголовной ответственности.

10. Термины УК, закрепленные в отдельной главе, должны иметь значение терминологического стандарта, который должен неукоснительно соблюдаться при конструировании новых норм УК лицами, причастными к законотворческому процессу.

11. В целях обеспечения законных прав и интересов граждан в предполагаемую главу «Термины Уголовного кодекса» следует включить положение следующего содержания: «Если норма настоящего Кодекса содержит непонятный и неоднозначный термин, то она должна толковаться в пользу гражданина».

12. В целях разрешения проблем имплементации международных правовых норм в национальное уголовное законодательство есть необходимость в разработке специальной организационно-правовой процедуры имплементации международных правовых норм. В рамках этой процедуры уместно предусмотреть имплементационную экспертизу на предмет установления, с одной стороны, соответствия норм международного права общепризнанным принципам международного права, а с другой – соответствия норм национальной системы права имплементируемой норме международного права.

Глава 6

ТЕМПОРАЛЬНЫЕ И ЮРИСДИКЦИОННЫЕ ОСНОВЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

6.1. Темпоральные основы квалификации преступления

В литературе в последнее время можно встретить высказывания о темпоральном действии уголовного закона [5, с. 159; 255, с. 97]. В уголовном праве это словесное выражение употребляют как синонимическое обозначение положений уголовного закона, регламентирующих применение норм УК во времени. Между тем в общей теории права время представлено целым рядом темпоральных характеристик правовой реальности в целом (гомогенность времени, его обратимость, транзитивность и др.) [150]. На более глубинном уровне обобщения темпоральная структура правовой реальности рассматривается в философии права. В этом смысле интерес представляет предложенная А.В. Стовбой концепция темпоральной онтологии права, в соответствии с которой «право предстает как вызванное деянием человека и констелляцией бытия правовое событие, которое порождает правовое бытие как „тягу“ между совершенным деянием и его правовыми последствиями, вследствие чего все сущее, вовлеченное в такое событие, становится правовым, обретает правовой модус бытия» [545, с. 63; 547, с. 128].

А.В. Стовба, опираясь на исследования М. Хайдеггера о временности понимания [631, с. 336–343], рассматривает правовую ситуацию в контексте ее временной структуры. Он делает выводы о том, что «время задает целостность правовой ситуации через свою направленность… современность выступает как фундирующий момент для связи правды, правящего и направления… деяние есть „горизонт“ правовой ситуации, который имманентно содержит в себе ее будущие возможности… прошлое и будущее как деяние и правовые последствия направлены навстречу друг другу, будучи связаны временем как горизонтом встречности» [546, с. 149–151].

С позиции концепции темпоральной онтологии права в рамках возникнувшей правовой ситуации мы имеем дело с фактическим прошлым, в качестве которого выступает общественно опасное деяние, причинившее вред либо породившее угрозу причинения вреда право-

охраняемым интересам. Правовые последствия совершенного деяния наступят в будущем в соответствующей форме и мере реализации уголовной ответственности. Для правоприменителя, решающего задачу по уголовно-правовой оценке содеянного, квалификация преступления в сложившейся правовой ситуации выступает настоящим как ее «актуализация». Таким образом, в темпоральной структуре возникающих правовых ситуаций квалификация преступления является связующим звеном между прошлым (посягательством) и будущим (уголовной ответственностью).

Такого рода временная разверстка правовой ситуации показывает, что темпоральность в ее структуре проявляется не только в нормативных предписаниях о времени действия уголовно-правовой нормы, но и в иных, не менее важных, положениях. К таким положениям, формирующим темпоральные основы квалификации преступления следует отнести вопрос о временных границах уголовно-противоправного деяния. Они обусловлены временным моментом совершения преступления, который должен быть зафиксирован в материалах дела. В научной и учебной литературе подробно объяснены виды преступлений по времени их существования: одномоментные, разномоментные, длящиеся, продолжаемые, деяния с отдаленным результатом [246, с. 75–81; 572, с. 43–48; 593, с. 103].

Время проявления в объективной реальности соответствующего преступления имеет значение для решения ряда вопросов сугубо квалификационного характера. Во-первых, это оказывает влияние на установление уголовно-правовой нормы, подлежащей применению. По смыслу ч. 1 ст. 9 УК время совершения общественно опасного деяния является той темпоральной точкой, которая, с одной стороны, задает отсчет временной продолжительности существования правовой ситуации, а с другой – является основанием для фиксации во времени события преступления, на которое квалификатор осуществляет правовую проекцию уголовно-правовой нормы, определявшей в этот момент преступность деяния. Кроме того, для определения уголовно-правовой нормы особое значение имеет другое положение, содержащееся в ч. 1 ст. 9 УК: «Временем совершения деяния признается время осуществления общественно опасного действия (бездействия) независимо от времени наступления последствий». Во-вторых, время осуществления преступления имеет значение для определения его юридического и фактического окончания, что оказывает влияние на определение стадии развития умышленного преступления, проведения отграничения между соучастием в преступлении и прикосновенностью к нему и решению иных вопросов квалификационного свойства.

Несомненно, значимой составляющей темпоральных основ квалификации преступления являются временные рамки действия уголовно-правовой нормы. Важным в этом контексте является известное в доктрине и практике положение о том, что вступившая в силу норма УК действует во времени перспективно, т. е. она распространяет свое действие на те общественно опасные деяния, которые будут совершены после вступления данной нормы в силу. Эта темпоральная направленность действия уголовно-правовой нормы в будущее исключает возможность привлечения лица за совершенное им деяние по уголовному закону, который не действовал на момент его совершения. Гипотеза вступившей в силу уголовно-правовой нормы воплощает в себе важный темпоральный момент: начало (исходная временная точка отсчета) возникновения уголовно-правового запрета либо изменения его содержания в случае внесения в действующую норму соответствующих изменений или дополнений.

Временные пределы действия уголовно-правовой нормы во времени определяются уже давно разработанными в науке и закрепленными в законодательстве моментами появления (вступления) и прекращения юридической силы уголовного закона. Это общее правило, показывающее темпоральные границы действия уголовного закона. Вместе с тем в праве время действия уголовного закона как юридическое понятие не рассматривается строго только в рамках линейного движения времени, т. е. как действие уголовного закона в течение определенного календарного периода до момента прекращения (отмены уголовно-правовой нормы или ее замены новой нормой). В юриспруденции уже давно обосновано несколько исключений из указанного общего правила. Так, не утрачивает юридическую силу уголовный закон, действовавший во время совершения деяния, если в сложившейся правовой ситуации уголовное дело рассматривается в период нового, но более строгого уголовного закона. Это явление, называемое в публичном праве ультраактивностью (переживание старого закона), обусловлено необходимостью соблюдения принципа социальной справедливости и обосновывает допустимость и правомерность социально-правовой оценки деяния и уголовной ответственности за его совершение в другом отрезке временного движения (новом времени), но по старому уголовному закону. По этой причине многие нормы УК 1960 г. Беларуси еще нельзя признавать канувшими в лету, они еще не являются предметом архива. Истечение сроков давности уголовного преследования за соответствующие преступления, несомненно, будут снижать активность этих статей УК. Но учитывая положения о перерыве, приостановлении, а в некоторых случаях и неприменение сроков давности, они

еще будут определенное время фиксироваться в соответствующих формулах квалификации преступления.

Другое исключение, обоснованное гуманизмом уголовного права, выражается в обратной силе уголовного закона (обратимости, ретроактивности). При реализации положений ч. 2 ст. 9 УК юридическая сила уголовно-правовой нормы помимо действия в рамках линейного движения времени разворачивается и в «обратном» направлении: более либеральные положения нового уголовного закона распространяются на деяние, совершенное до момента вступления его в действие.

Создание концепта обратной силы уголовного закона на основе положений, сформулированных в ч. 2 ст. 9 УК, казалось бы, не должно вызывать затруднений. Но как показала судебная практика последних лет, ознаменованных интенсивными и перманентными изменениями УК, в конкретных правовых ситуациях у практических работников возникает много вопросов при реализации законодательных положений об обратной силе уголовного закона, в том числе и при квалификации преступления.

Последние теоретические исследования, проведенные белорусскими учеными в сфере действия уголовного закона во времени, сформулировали методику определения уголовно-правовой нормы, имеющей обратную силу [46; 111]. Суть этой методики выражается в поэтапном сопоставлении сравниваемых уголовно-правовых норм. Для нужд правильной квалификации преступления в рамках разработанной методики в следственно-судебной практике целесообразно использовать определенный порядок определения уголовно-правовой нормы, имеющей обратную силу: первоначально устанавливается уголовно-правовая норма, действовавшая в момент совершения общественно опасного деяния; определяется норма, подлежащая сопоставлению с нормой, действовавшей в момент совершения преступления; сравниваются гипотезы и диспозиции сопоставляемых уголовно-правовых норм на предмет определения пределов (объема) криминализации; в случаях если не происходит декриминализация деяния, определяется категория преступлений, ответственность за которые предусмотрена в сопоставляемых нормах; сравниваются санкции сопоставляемых норм.

При выборе нормативного предписания из сопоставляемых норм при квалификации преступления необходимо руководствоваться следующими правилами: если содержание новой и старой уголовно-правовых норм полностью совпадает, то применению подлежит норма, которая действовала во время совершения общественно опасного действия (бездействия); если новый уголовный закон устраняет преступность деяния, то к посягательству, совершенному до вступления этого закона в силу, не применяется норма, действовавшая во время его со-

вершения (ч. 2 ст. 9 УК определяет: «Со дня вступления в силу закона, устраняющего преступность деяния, соответствующее деяние, совершенное до его вступления в силу, не считается преступным»); если новая (обновленная) уголовно-правовая норма сужает сферу преступного поведения, то избранию для целей квалификации подлежит та норма, которая содержит более мягкую санкцию (за исключением той части запрета, применительно к которой произошла декриминализация); если сопоставляемые нормы предусматривают различные категории преступлений, то применению подлежит та норма, в которой предусмотрена ответственность за преступление с менее опасной категорией (ст. 12 УК); если новая норма смягчает наказание или иным образом улучшает положение лица, совершившего преступление, она имеет обратную силу и распространяет свое действие на деяние, совершенное до вступления в силу этой нормы; если в новой норме пределы криминализации стали шире, то выбор нормы зависит от результата сравнения санкций, сопоставляемых норм; если санкция новой нормы является более строгой или неизменной, применению подлежит старая норма; если в такой ситуации санкция новой нормы является более мягкой, то деяния, которые предусматривались в старой норме и сохранены без изменений в новой норме, подпадают под действие последней, однако положение об обратной силе не действует применительно к деяниям, которые названы впервые в новой норме; если промежуточная норма является более мягкой, чем норма, действовавшая во время совершения преступления, для целей квалификации избирается наиболее мягкая промежуточная норма; если новая норма, не изменяя пределов криминализации, ужесточает санкцию, то в целях квалификации преступления следует руководствоваться нормой, действовавшей во время совершения действия (бездействия); если в новой норме произошло сужение сферы преступного поведения и одновременно расширение сферы криминализации за счет добавления или исключения определенных признаков, то выбор подлежащей применению нормы зависит от результатов сопоставления санкций. В таком случае новая норма имеет обратную силу, если санкция этой нормы более мягкая, за исключением положений, которые расширяют сферу криминализации по сравнению со старой нормой [325].

При сравнении санкций сопоставляемых норм можно столкнуться с достаточно сложными конструкциями. В следственно-судебной практике возник вопрос об определении подлежащей применению нормы в случае, когда в новой уголовно-правовой норме одновременно произошло усиление санкции в одном из пределов и снижение в другом. Например, в новой норме УК произошло ужесточение наказания в верхнем пределе санкции и снижение наказания в минималь-

ном. В доктрине уголовного права этот вопрос является дискуссионным [71, с. 118–119;363, с. 79–81; 538, с. 174]. Определенный ориентир в решении данной проблемы содержится в ч. 1 ст. 5 закона Республики Беларусь 18 июля 2000 г. «О введении в действие Уголовного кодекса Республики Беларусь». Но положения ст. 5 названного закона касались только лиц, осужденных по УК 1960 г. В настоящее время имеется рекомендация научно-консультативного совета при Верховном суде Республики Беларусь, согласно которой в такой ситуации более мягким следует признавать закон, имеющий санкцию с менее высоким максимальным пределом (видом, размером) наказания [550, с. 20]. Но внимания заслуживает мнение тех авторов, которые предлагают непосредственно в законе дать официальное толкование ст. 9 УК [110].

В целом вывод о применении уголовно-правовой нормы при наличии темпоральной конкуренции должен строиться на основании следующего общего правила: избирается та уголовно-правовая норма, которая содержит наиболее благоприятные для виновного лица положения уголовного закона.

Полагаем, что при применении положений ч. 2 ст. 9 УК есть необходимость в уточнении формулы квалификации преступления. Исходя из правила об обратной силе уголовного закона содеянное следует квалифицировать по той норме УК, которая каким-либо образом улучшает положение лица. Вместе с тем известно, что в определенных случаях положения об обратной силе уголовного закона требуют определения пределов назначения наказания, которые выстраиваются на основе сопоставляемых норм [46, с. 31]. Как показала практика применения ч. 2 ст. 9 УК, сочетание сопоставляемых законов может быть весьма сложным, поэтому в формуле квалификации преступления уместно было бы выделять две части: помимо указания на статью (статьи), определенную на основе положений ч. 2 ст. 9 УК в скобках обозначить сопоставляемую уголовно-правовую норму (норму утратившего силу УК либо норму действующего УК, но в соответствующей редакции), положения которой следует учитывать при определении пределов назначения наказания.

Следует обратить внимание еще на один момент. В последние годы исполнительной властью был инициирован процесс по сокращению запретительных или ограничительных мер в сфере экономической деятельности. Соответствующими нормативными правовыми актами было произведено сокращение перечня лицензируемых видов деятельности, перечня вещей, ограниченных или запрещенных к перемещению через таможенную границу, и др. Процесс либерализации в правовом регулировании соответствующих общественных отношений затронул и многие нормы УК, которые содержат бланкетные признаки (незаконная пред-

принимательская деятельность (ст. 233), контрабанда (ч. 1 ст. 228) и др.). Придание правомерности поведению, которое ранее подпадало под признаки уголовно-правового запрета, порождает необходимость в пересмотре социально-правовой оценки соответствующего поведения на основании положений об обратной силе уголовного закона. В данном случае есть все основания для реализации этого положения. Согласно ч. 2 ст. 9 УК обратную силу имеет закон, который не только устраняет преступность деяния и смягчает наказание, но и иным образом улучшает положение лица, совершившего преступление. Игнорирование положений ч. 2 ст. 9 УК в этой правовой ситуации будет нарушать требования уравнивающего аспекта социальной справедливости.

Однако судебная практика заняла иную позицию по этому вопросу.

Показательным является дело В., которая по приговору районного суда 20 апреля 2010 г. была осуждена по ч. 1 ст. 233 УК к одному году ограничения свободы без направления в исправительное учреждение открытого типа за занятие незаконной предпринимательской деятельностью. Обвинение было основано на том, что гражданка В., являясь индивидуальным предпринимателем, в нарушение положений действовавшего в то время декрета Президента Республики Беларусь от 14 июля 2003 г. № 17 «О лицензировании отдельных видов деятельности» с июля по ноябрь 2009 г. осуществляла на территории г. Минска предпринимательскую деятельность, повлекшую получение дохода в крупном размере, от реализации в розницу населению товаров с просроченным специальным разрешением (лицензией) на осуществление деятельности по розничной торговле. Истечение срока действия специального разрешения (лицензии) на розничную торговлю фактически означает занятие деятельностью без такой лицензии. В условиях действия декрета от 14 июля 2003 г. № 17 такое поведение образовывало состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 233 УК. Однако указом Президента Республики Беларусь от 1 сентября 2010 г. № 450 перечень лицензируемых видов деятельности был существенно сокращен, в том числе из данного перечня была исключена розничная торговля. Учитывая изменения в законодательстве, направленные на либерализацию экономической деятельности, гражданка В. обратилась с просьбой об освобождении ее от назначенного наказания и отмене взыскания полученного дохода (хотя ч. 2 ст. 9 УК давала ей право формулировать иное требование, связанное с устранением преступности деяния). В просьбе гражданке В. было отказано на том основании, что вступление в силу указа Президента Республики Беларусь от 1 сентября 2010 г. № 450, повлекшее сокращение лицензируемых видов деятельности, в том числе розничной торговли, в данном случае не является изменением уголовного закона, имеющим в соответствии со

ст. 9 УК обратную силу. Эта мотивировка воспроизводилась дословно во всех решениях судебный инстанций (в том числе и высшей), которые отказывали в порядке кассационного и надзорного производства поданным жалобам гражданки В. [28].

Следует заметить, что данный вопрос пока не находит однозначного решения и в практике Российской Федерации. В частности, по этому вопросу имеются разные определения Конституционного суда Российской Федерации. Так, по одному из дел Конституционный суд Российской Федерации признал возможным «придание обратной силы законам иной отраслевой принадлежности в той мере, в какой этими законами ограничивается сфера уголовно-правового регулирования… декриминализация тех или иных деяний может осуществляться не только путем внесения соответствующих изменений в уголовное законодательство, но и путем отмены нормативных предписаний иной отраслевой принадлежности, к которым отсылали бланкетные нормы уголовного закона» [450]. При этом Конституционный суд РФ отметил, что такое толкование «согласуется как с требованием Конституции Российской Федерации о необходимости придания обратной силы любому закону, устраняющему или смягчающему ответственность (статья 54, часть 2), так и с провозглашаемыми ею принципами справедливости и соразмерности ограничений прав и свобод конституционно значимым целям (преамбула; статья 55, часть 3)» [450].

Однако в другом определении по делу о проверке конституционности применения примечания 2 к ст. 158 УК Конституционный суд РФ выразил противоположную позицию. Жалоба была подана на предмет оценки хищения в ситуации, когда на момент рассмотрения дела в суде изменился минимальный размер оплаты труда. Конституционный суд РФ не признал жалобу заявителя допустимой, прекратил производство по делу и при этом указал следующее: «Минимальный размер оплаты труда, исходя из которого определяется такой квалифицирующий признак, как крупный размер хищения, устанавливается не уголовным законом, а законом иной отраслевой принадлежности. Его изменение не влечет изменение нормы уголовного закона, действовавшей на момент совершения преступления, поскольку по своей правовой природе минимальный размер оплаты труда является единицей расчета, которая определяется федеральным законодателем с учетом социально-экономических факторов и на определенный период, что в данном случае исключает возможность применения конкретного минимального размера оплаты труда в уголовно-правовых отношениях, возникших до его установления. Иное могло бы привести вопреки воле законодателя к декриминализации общественно опасных деяний и к нарушению принципа справедливости, предполагающего обеспечение соответст-

вия наказания и иных уголовно-правовых мер характеру и степени общественной опасности совершенного преступления. В современных социально-экономических условиях принятие федеральным законодателем решения о повышении минимального размера оплаты труда не может рассматриваться как издание закона, устраняющего или смягчающего уголовную ответственность за хищение, а примечание 2 к статье 158 УК Российской Федерации, примененное в деле заявителя, не может быть отнесено к числу правовых норм, нарушающих его конституционные права, вытекающие из закрепленного в статье 54 (часть 2) Конституции Российской Федерации принципа применения законов, устраняющих или смягчающих ответственность» [426]. Правда, на это определение два судьи высказали особые мнения о том, что конституционные права заявителя в данном случае были нарушены, поскольку в рассматриваемой ситуации были все основания применять положения об обратной силе уголовного закона [426].

Следует полагать, что против обратимости уголовно-правовой нормы, обусловленной бланкетным признаком, настроен и Верховный суд Российской Федерации. Так, из смысла п. 5 постановления Пленума Верховного суда РФ от 4 мая 1990 г. «О судебной практике по делам о вымогательстве» вытекает, что изменение минимального размера оплаты труда не влияет на квалификацию вымогательства: «Если ко времени судебного разбирательства, постановления приговора либо рассмотрения дела в вышестоящих судебных инстанциях законодательством будет установлен более высокий минимальный размер оплаты труда, то это обстоятельство не может служить основанием для исключения из обвинения указанного квалифицирующего признака» [430] (имеется в виду причинение ущерба в крупном размере).

Вместе с тем в российской юридической науке многие ученые высказываются за придание обратной силы нормативным правовым актам отраслевой принадлежности, если к ним отсылает бланкетная норма УК. Так, К.В. Ображиев отмечает: «Если изменение подзаконного уголовно-правового акта (например, снижение верхней планки и крупного размера какого-либо наркотического средства) приведет к частичной декриминализации преступления, то такое изменение должно иметь обратную силу» [454, с. 93]. И.А. Михайлова по этому поводу даже вносит предложение дополнить ст. 10 УК Российской Федерации нормой следующего содержания: «Нормативные правовые акты иной отраслевой принадлежности, к которым отсылают бланкетные нормы уголовного закона, могут иметь обратную силу, если их отмена или изменения, ограничивая объем уголовно-правового регулирования, устраняют уголовную ответственность» [377, с. 8]. А.В. Наумов, критикуя судебное решение относительно толкования ч. 2 примечаний к

ст. 158 УК РФ в контексте ч. 1 ст. 9 УК РФ о действии уголовного закона во времени, отметил: «Таков общий принцип конструирования уголовно-правовых норм об ответственности за конкретные преступные деяния. Положения же уголовного закона об обратной силе является корректирующим этот общий принцип применительно к определенным случаям» [390, с. 42]. В российской литературе можно найти и иных приверженцев обратимости уголовного закона, обусловленного бланкетным признаком [78, с. 64; 222, с. 28–29; 521, с. 14]. Полагаем, что достаточно точное объяснение этому вопросу дал Н.И. Пикуров: «Уголовный закон предлагает собственную форму для нормативного материала других отраслей права. Этой формой является состав преступления. Войдя в структуру состава преступления, нормативный материал „подчиняется“ принципам уголовного права» [480, с. 319].

Положения об ультраактивности и обратимости уголовно-правовой нормы по своей сути выполняют роль уголовно-правовых фикций. Под правовой фикцией принято понимать «несуществующее положение, признанное законодательством существующим и ставшее в силу этого общеобязательным» [382, с. 343; 458, с. 109]. Правовые фикции признают особым приемом законодательной техники, позволяющим в механизме правового регулирования преодолевать состояние неопределенности [556, с. 9].

На содержание темпоральных основ квалификации преступления оказывают влияние и иные уголовно-правовые фикции. Выше было отмечено, что время совершения общественно опасного деяния является той отправной темпоральной точкой, которая задает отсчет временной продолжительности существования правовой ситуации. И эту ситуацию мы можем рассматривать в качестве правовой лишь в течение давности привлечения к уголовной ответственности (давности уголовного преследования). Формально здесь возникает следующее противоречие: преступление имело место в реальной действительности, этот факт мог быть даже известен агентам правосудия, но правовые последствия не наступают в силу того, что истекли установленные ч. 1 ст. 83 УК сроки давности, т. е. при наличии фактического (деяние) и юридического (норма) оснований истечение срока давности, за некоторыми исключениями (ч. 5 ст. 83 и ст. 85 УК), свидетельствует о том, что решить возникнувшую правовую ситуацию на основании уголовно-правовой нормы уже невозможно. Таким образом, возникнувшее и существовавшее во времени уголовно-правовое отношение по истечении сроков давности признается законодателем на уровне нормативного императива уже несуществующим. И в этом есть суть данной уголовно-правовой фикции. Кроме того, она показывает гуманистический аспект социальной справедливости. Современное правосудие не долж-

но уподобляться Немизиде, которая по древнегреческой мифологии должна преследовать с факелом в руках преступника всю его жизнь.

На темпоральные пределы правовой ситуации оказывают влияние и иные сроки, установленные уголовным законом. Например, истечение сроков судимости (ч. 1 ст. 97, ст. 99 УК) аннулирует правовые последствия уголовной ответственности. При социально-правовой оценке преступления, совершенного фактически повторно, этот факт признается несуществующим в случае, если судимость за предыдущее преступление была погашена или снята в порядке, установленном уголовным законом.

6.2. Территориальный принцип действия уголовного закона в пространстве и проблемы квалификации преступления

Юрисдикционные основы квалификации преступления образуют разработанные доктриной уголовного права и закрепленные в уголовном законодательстве принципы действия уголовного закона в пространстве и по кругу лиц. Центральным принципом действия уголовного закона в пространстве в любом государстве является территориальный. Сущность этого принципа выражается в том, что уголовная юрисдикция соответствующего государства распространяется на всех, находящихся на его территории лиц. Согласно ч. 1 ст. 5 УК «Лицо, совершившее преступление на территории Республики Беларусь, подлежит ответственности по настоящему Кодексу». Под лицом в данном случае понимается любое лицо не зависимо от его принадлежности государству: гражданин Республики Беларусь, иностранный гражданин либо лицо без гражданства.

Содержание и пределы территориальной уголовной юрисдикции во многом определяется понятием государственной территории. Согласно ст. 1 закона Республики Беларусь от 21 июля 2008 г. «О Государственной границе Республики Беларусь» следует, что к территории Республики Беларусь относится суша, внутренние воды, недра и воздушное пространство, ограниченные вертикальной плоскостью, проходящей по линии Государственной границы Республики Беларусь.

Большое значение при реализации уголовного закона по территориальному принципу имеет определение места совершения преступления. При решении этого вопроса отечественный законодатель при принятии УК 1999 г. руководствовался рекомендацией, содержащейся в ч. 2 ст. 13 Модельного УК. В ч. 2 ст. 5 УК Республики Беларусь закреплено следующее правило «Преступление признается совершенным на территории Республики Беларусь, если оно начато, или продолжалось, или

было окончено на ее территории, или совершено в пределах Республики Беларусь в соучастии с лицом, совершившим преступление на территории иностранного государства». Таким образом, согласно действующему уголовному законодательству Республики Беларусь преступление считается совершенным на территории нашей республики, если оно хотя бы частично было совершено на ее территории. Однако лицо, совершившее, например, деяние на территории Республики Беларусь, может находиться на территории государства, где наступило общественно опасное последствие. По уголовному закону какого государства следует привлекать лицо в таком случае? Часть 3 ст. 13 Модельного УК содержит следующую рекомендацию по разрешению такого рода юрисдикционной коллизии для государств – участников СНГ: «В случае совершения лицом преступления на территории нескольких государств – участников Содружества Независимых Государств его ответственность в соответствии с договорами между этими государствами наступает по законодательству государства, где лицо привлечено к уголовной ответственности» [380].

Привлечение лица к уголовной ответственности согласно концепции уголовной ответственности, закрепленной в действующем УК, означает вынесение обвинительного приговора, т. е. осуждение виновного лица и применение к нему соответствующей меры уголовно-правового воздействия. Однако несколько иной подход закреплен в международных договорах о правовой помощи. Так, согласно ст. 77 Минской конвенции от 22 января 1993 г. о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам при обвинении одного лица или группы лиц в совершении нескольких преступлений, дела о которых подсудны судам двух или более договаривающихся сторон, рассматривать их компетентен суд той стороны, на территории которой закончено предварительное расследование. Аналогичное положение закреплено и в ст. 101 одноименной Кишиневской конвенции от 7 октября 2002 г.

Анализ положений ч. 1 ст. 5 УК в системе иных принципов действия уголовного закона в пространстве и положений некоторых международных договоров показывает, что территориальная уголовная юрисдикция имеет определенные ограничения в случае, когда преступление совершается на территории Республики Беларусь иностранным гражданином.

Так, международные договоры Республики Беларусь, регламентирующие вопросы коллективной безопасности государств – участников СНГ и использования их Стратегических сил, допускают возможность временного нахождения на территории Республики Беларусь воинских формирований государств – участников. Положения Договора о кол-

лективной безопасности от 15 мая 1992 г. и Соглашения о статусе формирования сил и средств системы коллективной безопасности от 11 октября 2000 г. предусматривают возможность направления на территорию государств – участников СНГ формирований сил и средств системы коллективной безопасности в целях отражения внешней военной агрессии, проведения совместной контртеррористической операции или командно-штабных и войсковых учений. Согласно Договору между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о статусе воинских формирований Российской Федерации из состава Стратегических сил, временно размещенных на территории Республики Беларусь и Соглашению между Российской Федерацией и Республикой Беларусь по вопросам юрисдикции и взаимной правовой помощи по делам, связанным с временным пребыванием воинских формирований Российской Федерации из состава Стратегических Сил на территории Республики Беларусь на территории Республики Беларусь временно размещены и функционируют воинские соединения, части и учреждения Вооруженных сил Российской Федерации в объеме, определенном Договором между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о координации деятельности в военной области.

В некоторых из названных международных договоров Республики Беларусь предусмотрены правовые нормы, регламентирующие вопросы уголовной юрисдикции по делам, связанным с временным пребыванием воинских формирований других государств на территории Республики Беларусь. Однако пределы уголовной юрисдикции соответствующего государства определяются по-разному.

Так, в соответствии со ст. 15 соглашения о статусе формирования сил и средств системы коллективной безопасности государства-участники в случае направления своих воинских формирований на территорию соответствующей стороны обязуются заключить отдельное соглашение по вопросам юрисдикции и правовой помощи, связанным с временным пребыванием воинских формирований на территории другого государства. Но до заключения такого рода соглашения государства-участники должны руководствоваться следующим принципом: «при совершении правонарушения лицом, входящим в состав воинских формирований, оно несет ответственность в соответствии с законодательством направляющей Стороны». Следует заметить, что указанный принцип не совсем согласуется со сложившейся мировой практикой по вопросу о правовом статусе военных баз и воинских частей, легально размещенных на территории другого государства. В таких случаях по общему правилу (если иное не предусмотрено соглашением сторон) закон государства, к которому относится воинская часть, подлежит применению к военнослужащему, если им было совершено преступление или

иное правонарушение в пределах дислокации воинской части. Если военнослужащий совершил правонарушение за пределами места дислокации, то он должен нести уголовную ответственность по законодательству государства-пребывания. Решение вопроса об уголовной юрисдикции только на основании принципа, указанного в ст. 15 названного соглашения (например, при проведении совместных войсковых учений на территории Республики Беларусь), будет противоречить суверенитету Республики Беларусь.

Диаметрально противоположный подход по вопросам юрисдикции отражен в Соглашении между государствами – участниками Содружества Независимых Государств о статусе Стратегических сил. В ст. 9 данного соглашения указано: «По делам о преступлениях и проступках, совершенных лицами, входящими в состав Стратегических сил, или членами их семей, применяется законодательство, действующее на территории государства – участника Содружества, где совершены преступления или проступки». Решение вопроса об уголовной юрисдикции подобным образом строго соответствует положениям территориального принципа действия уголовного закона в пространстве, суть которого закреплена в ч. 1 ст. 5 УК Республики Беларусь. Однако в отличие от указанного многостороннего договора в Соглашении между Российской Федерацией и Республикой Беларусь по вопросам юрисдикции и взаимной правовой помощи по делам, связанным с временным пребыванием воинских формирований Российской Федерации из состава Стратегических сил на территории Республики Беларусь, заключенном в Минске 6 января 1995 г. (далее – Минское соглашение), сформулированы иные условия уголовной юрисдикции. Анализ ст. 4 и 5 Минского соглашения показывает, что компетентным органам Российской Федерации на территории Республики Беларусь представлены достаточно широкие полномочия в части социально-правовой оценки и ответственности за общественно опасные деяния, совершенные лицами, входящими в состав воинских формирований, и членами их семей. Согласно ст. 5 Минского соглашения к уголовной юрисдикции Российской Федерации относятся не только дела о преступлениях, совершенных лицами, входящими в состав воинских формирований Российской Федерации, и членами их семей в месте дислокации этих формирований (за исключением случаев совершения общеуголовных преступлений против граждан Республики Беларусь), но и дела о преступлениях, совершенных на территории Республики Беларусь как в месте дислокации, так и за его пределами: по делам о преступлениях против Российской Федерации или лиц, входящих в состав воинских формирований Российской Федерации и членов их семей, а также по делам о воинских преступлениях. Исключение подобного рода дел из уголовной

юрисдикции Республики Беларусь порождает формальное противоречие с положениями ч. 1 ст. 5 УК Республики Беларусь. Вопрос о территориальных пределах действия отечественного уголовного закона неразрывно связан с политическим суверенитетом государства, территориальным верховенством принимаемых в этом государстве законов. Именно поэтому в ч. 1 ст. 5 УК Республики Беларусь закреплена идея о том, что любое лицо, совершившее преступление на территории Республики Беларусь, подлежит ответственности по национальному уголовному закону. Вместе с тем в соответствии со ст. 33 закона Республики Беларусь от 23 июля 2008 г. «О международных договорах Республики Беларусь» нормы права, содержащиеся в международных договорах Республики Беларусь, вступивших в силу, являются частью действующего на территории Республики Беларусь законодательства, подлежат непосредственному применению. Необходимость обеспечения исполнения обязательств по Минскому соглашению объясняет в данном случае ограничение уголовной юрисдикции Республики Беларусь на своей территории. Во исполнение требований законности ч. 1 ст. 5 УК требует законодательной оговорки: «если иное не предусмотрено международным договором Республики Беларусь» [316, с. 54].

Кроме того, необходимость наличия такого рода оговорки в ч. 1 ст. 5 обусловлена также и положениями универсального принципа действия уголовного закона в пространстве, сущность которого изложена в ч. 3 и 4 ст. 6 УК. Уголовная юрисдикция в рамках универсального принципа конкурирует с положениями об экстрадиции. Если, например, иностранный гражданин совершил угон воздушного судна на территории другого государства и находится на территории Республики Беларусь, то это лицо может быть выдано уполномоченными органами Республикой Беларусь заинтересованному государству без привлечения к уголовной ответственности по УК Республики Беларусь. Следует заметить, что такого рода оговорки содержатся в ч. 3 и 4 ст. 5 УК. Они также предусматривают возможность ограничения пределов территориальной юрисдикции.

Несмотря на проведение разграничения между уголовной юрисдикцией Республики Беларусь и Российской Федерации, некоторые положения ст. 5 Минского соглашения являются по своему содержанию неопределенными и нуждаются в толковании. Прежде всего надо обратить внимание на отсутствие четкости в использованной терминологии. Например, согласно ст. 5 Минского соглашения дела о воинских преступлениях подпадают под юрисдикцию Российской Федерации. Однако в УК Российской Федерации, в отличие от УК Республики Беларусь, не употребляется термин «воинские преступления». Глава 33 УК России называется «Преступления против военной службы». Од-

ноименным названием (до внесения изменений и дополнений в УК Республики Беларусь законом Республики Беларусь от 19 июля 2005 г. № 40-З) обозначался в УК Республики Беларусь разд. XIV. Но в этом разделе предусматривались статьи, устанавливающие ответственность не только за воинские преступления. Систематическое и логическое толкование ст. 5 Минского соглашения, ч. 1 примечаний к гл. 37 УК Республики Беларусь и ч. 1 ст. 331 УК Российской Федерации позволяет определить воинские преступления по Минскому соглашению следующим образом – это предусмотренные гл. 33 УК Российской Федерации преступления против установленного порядка несения военной службы, совершенные военнослужащими, проходящими военную службу в составе воинских формирований Российской Федерации из состава Стратегических сил на территории Республики Беларусь [324, с. 261].

К уголовной юрисдикции Российской Федерации относятся случаи совершения лицом, входящим в состав воинского формирования Российской Федерации, и членами его семьи преступления в месте дислокации этого формирования. При этом из уголовной юрисдикции Российской Федерации исключены случаи совершения в месте дислокации воинского формирования общеуголовного преступления против граждан Республики Беларусь. Но какие преступления следует относить к общеуголовным? Понятие «общеуголовное преступление» не используется в терминологии уголовного законодательства. В уголовном праве как отрасли публичного права не может быть каких-то «частноуголовных преступлений». Кроме того, не понятен вопрос об уголовной юрисдикции в случае совершения в месте дислокации лицом, входящим в состав воинского формирования Российской Федерации, преступления против интересов юридических лиц Республики Беларусь. Возникают и другие вопросы: уголовный закон какого государства должен применяться в случае, скажем, изготовления поддельных денежных единиц Республики Беларусь в месте дислокации воинского формирования? Подобное преступление создает угрозу причинения вреда финансовой системе Республики Беларусь. Но в конечном итоге оно затрагивает и интересы граждан Республики Беларусь.

В аспекте разграничения уголовной юрисдикции между Республикой Беларусь и Российской Федерацией приобретает особое значение и определение места совершения преступления. Положение ч. 2 ст. 5 УК Республики Беларусь в данном случае ничего не объясняет, поскольку преступление считается совершенным на территории Республики Беларусь, даже если оно совершено в месте дислокации российского воинского формирования. Но дело в том, что преступление может быть начато в месте дислокации воинского формирования, а продолжаться или длиться за его пределами. Не исключена ситуация, когда деяние

совершено в пределах места дислокации, но общественно опасное последствие наступает на территории Республики Беларусь, но вне пределов места дислокации воинского формирования. Это имеет непосредственное отношение к определению уголовной юрисдикции соответствующего государства. Особую актуальность в этом смысле приобретает совершение преступлений, связанных с загрязнением окружающей природной среды Республики Беларусь. В ст. 16 договора о статусе воинских формирований Российской Федерации из состава Стратегических сил, временно размещенных на территории Республики Беларусь предусмотрен общий порядок возмещения материального ущерба, причиненного окружающей природной среде Республики Беларусь лицами, входящими в состав воинских формирований и виновными в нанесении такого ущерба. Но в соответствии со ст. 15 названного договора вопрос об уголовной юрисдикции должен регулироваться отдельным соглашением. Однако Минское соглашение не содержит четкого определения уголовной юрисдикции для случаев, когда нарушение правил экологической безопасности было совершено лицом, входящим в состав воинского формирования, в месте дислокации, а загрязнение соответствующего природного объекта произошло не только в пределах места дислокации, но и за его пределами. Следует также отметить, что система преступлений против экологической безопасности и природной среды, предусмотренная УК Республики Беларусь, существенно отличается от системы экологических преступлений, ответственность за которые предусмотрена в гл. 26 УК Российской Федерации. Законодательные подходы в криминализации данного вида преступления разные. Например, согласно ч. 2 ст. 261 УК России загрязнение леса выступает лишь одним из способов его уничтожения или повреждения. Но ст. 275 УК Республики Беларусь признает загрязнение леса самостоятельным преступлением и предусматривает совершенно иные основания и условия уголовной ответственности.

Из уголовной юрисдикции Республики Беларусь исключены случаи совершения лицом, входящим в состав воинского формирования Российской Федерации, преступления против Российской Федерации. По смыслу ст. 5 Минского соглашения преступление против Российской Федерации может быть совершено и вне пределов места дислокации воинского формирования. Но что понимать под преступлением против Российской Федерации? При доктринальном толковании реального принципа действия уголовного закона в пространстве правоведы единодушны в том, что под интересами соответствующего государства следует понимать не только государственные интересы, но и интересы граждан этого государства либо интересы юридических лиц, зарегистрированных в этом государстве [220, с. 17; 593, с. 46].

Однако в ст. 5 Минского соглашения идет речь не о преступлении против интересов Российской Федерации, а о преступлении против Российской Федерации. Следует полагать, что этот термин ограничивает круг преступлений лишь теми деяниями, ответственность за которые предусмотрена в гл. 29 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» УК Российской Федерации. В соответствии с таким толкованием к лицу, входящему в состав воинского формирования Российской Федерации и совершившему на территории Республики Беларусь, например, выдачу государственной тайны Российской Федерации (ст. 275 УК России), применяется уголовный закон Российской Федерации и в этом случае действуют компетентные органы Российской Федерации.

Некоторые преступления, ответственность за которые предусмотрена в гл. 29 УК России (например, публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280), организация экстремистского сообщества (ст. 282^1), возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282)), могут затрагивать не только интересы Российской Федерации, но и интересы Республики Беларусь, что обостряет вопрос об уголовной юрисдикции.

Анализ положений Минского соглашения порождает и иные вопросы. Так, в ст. 7 указано: «При обвинении группы лиц в совершении одного или нескольких преступлений, если дело в отношении хотя бы одного из обвиняемых относится к юрисдикции Республики Беларусь, дело в отношении всех обвиняемых рассматривается компетентными органами Республики Беларусь». Нет сомнений в справедливости этого важного положения. Но в уголовно-правовом смысле возникает вопрос: что следует понимать под группой лиц? В ч. 12 ст. 4 УК дано законодательное определение термину «группа лиц». По общему правилу группа лиц охватывает собой две формы соучастия: совершение преступления организованной группой (ст. 18 УК) и совершение преступления в соисполнительстве, представленном двумя его разновидностями – группой лиц без предварительного сговора или группой лиц по предварительному сговору (ст. 17 УК). Но согласно ст. 35 УК Российской Федерации группой лиц, в буквальном понимании этого термина, охватывается только вариант соисполнительства без предварительного сговора.

Совместное совершение умышленного преступления несколькими лицами в психологическом плане всегда образует собой группу лиц. Но социально-правовая оценка таких преступлений зависит от формы соучастия. Установление формы соучастия влияет на квалификацию преступления и определение меры уголовной ответственности каждому из соучастников. Юридическая неопределенность группы лиц в ст. 7 Мин-

ского соглашения порождает и неопределенность уголовной юрисдикции при наличии признаков так называемой сложной формы соучастия (соучастия с распределением ролей) либо преступной организации.

Статья 8 Минского соглашения позволяет компетентным органам сторон обращаться друг к другу с ходатайствами о передаче подследственности (подсудности) отдельных лиц (дел), в том числе и в случаях расследования (рассмотрения) дел о совершении преступлений группой лиц. Возможность перехода юрисдикции в таком случае предрешает и вопрос о применении материального уголовного закона соответствующего государства.

Минское соглашение не определяет уголовную юрисдикцию к случаям совершения одним лицом, входящим в состав российского воинского формирования, или членом его семьи нескольких преступлений, если одно из них затрагивает интересы Республики Беларусь. Минская конвенция СНГ от 24 сентября 1993 г. о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским семейным и уголовным делам, на которую делается ссылка в преамбуле Минского соглашения, равно как и одноименная Кишиневская конвенция от 7 октября 2002 г., не содержат ответа на этот вопрос. В этих конвенциях регламентируется вопрос об уголовной юрисдикции в случаях, когда преступления совершены на территориях договаривающихся сторон, а не на территории одного государства. Допустимо ли в таком случае применять аналогию с правилом, содержащимся в ст. 7 Минского соглашения?

Без внимания в Минском соглашении остались и другие вопросы, имеющие непосредственное отношение к уголовной юрисдикции. Так, не определена подведомственность и подсудность дел в случае причинения одним преступлением вреда нескольким потерпевшим, один их которых является гражданином Республики Беларусь (например, лицо, находясь вне дислокации воинского формирования и действуя с единым умыслом, причинят тяжкие телесные повреждения двум потерпевшим, один из которых является военнослужащим, входящим в состав российского воинского формирования на территории Республики Беларусь, а другой – гражданином Республики Беларусь).

Статья 19 Минского соглашения и ст. 19 договора о статусе воинских формирований Российской Федерации из состава Стратегических сил, временно размещенных на территории Республики Беларусь, определяют, что споры, связанные с применением и толкованием Минского соглашения, разрешаются путем консультаций и переговоров в рамках смешанной комиссии для разрешения спорных вопросов либо по дипломатическим каналам. Но при решении такого рода споров каждая сторона, что вполне понятно, будет стремиться защищать интересы граждан своего государства. Более того, это обязанность представи-

телей соответствующих компетентных органов. Так, согласно ст. 4 закона Республики Беларусь от 1 августа 2002 г. № 136-З «О гражданстве Республики Беларусь» государство гарантирует гражданам Республики Беларусь защиту и покровительство как на территории Республики Беларусь, так и за ее пределами.

Представляется, что для разрешения спорных вопросов по уголовной юрисдикции в международном договоре должно быть сформулировано преимущественное право направляющей или принимающей стороны на осуществление юрисдикции в отношении соответствующих лиц либо определенных видов или категорий преступлений. Но пока такого рода правило не закреплено при решении споров об уголовной юрисдикции, приоритет должен отдаваться законодательству Республики Беларусь. Это вытекает из положений ст. 4 Минского соглашения, в которой сформулировано общее правило о применении законодательства Республики Беларусь. Кроме того, в преамбуле базового договора между Республикой Беларусь и Российской Федерацией о координации деятельности в военной области отмечено, что договаривающиеся стороны в своей деятельности руководствуются Декларацией о государственном суверенитете Республики Беларусь от 27 июля 1990 г.

Гипотетически можно предположить, что четкая регламентация рассматриваемых вопросов об уголовной юрисдикции могла бы быть предусмотрена в Основах уголовного законодательства Союзного государства. Но многолетний опыт попыток его строительства показал, что эта задача является достаточно сложной. Результаты выполнения программы действий Республики Беларусь и Российской Федерации по реализации положений договора о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 г. свидетельствуют, что создание Основ уголовного законодательства Союзного государства стало весьма призрачной перспективой.

Согласно ч. 3 ст. 5 к территории Республики Беларусь относятся водные или воздушные суда. В отечественной науке уголовного права вопрос об уголовной юрисдикции на борту водного судна, находящегося вне пределов Республики Беларусь, не нашел детального изучения. Этот вопрос традиционно затрагивается в рамках анализа территориального принципа действия уголовного закона в пространстве на уровне констатации общего положения о том, что к территории государства относятся военные водные суда независимо от их местонахождения и гражданские водные суда, находящиеся в открытом море, если иное не предусмотрено международным договором Республики Беларусь [39, с. 35–41; 576, с. 8; 593, с. 41].

Возможно, этот вопрос не вызывает научного интереса в связи с тем, что Республика Беларусь является государством, не имеющим выхода к морю. Между тем многие нормативные правовые акты, при-

нятые в Республике Беларусь, особенно в последние годы, свидетельствуют о том, что развитие торгового мореплавания является одним из важных направлений в государственной политике. В Республике Беларусь с 1 января 2003 г. действует Кодекс внутреннего водного транспорта, который регулирует порядок государственной регистрации водных судов смешанного (река – море) плавания. С 1 января 2000 г. вступил в законную силу Кодекс торгового мореплавания Республики Беларусь. В развитие положений последнего издан целый ряд нормативных правовых актов: Положение о национальном удостоверении личности моряка Республики Беларусь, образца и описания этого удостоверения (утверждено постановлением Совета Министров Республики Беларусь 30 мая 1997 г. № 626), Положение о государственном реестре морских судов Республики Беларусь и судовой книге» (утверждено постановлением Министерства транспорта и коммуникаций Республики Беларусь 24 августа 2001 г. № 18), Правила государственной регистрации судов (утерждены постановлением Министерства транспорта и коммуникаций Республики Беларусь 3 августа 2005 г. № 44) и др. Республика Беларусь является участницей многих международных договоров, регламентирующих правовой режим мореплавания: Женевская конвенция об открытом море 1958 г. (вступила в силу для Республики Беларусь 30 апреля 1962 г.), Женевская конвенция о территориальном море и прилегающей зоне 1958 г. (вступила в силу для Республики Беларусь 10 сентября 1964 г.), Конвенция о транзитной торговле внутриконтинентальных государств 1965 г. (ратифицирована Республикой Беларусь 15 мая 1972 г.), Конвенция по охране человеческой жизни на море 1974 г. (вступила в силу 7 апреля 1994 г.), Римская конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства 1988 г. (ратифицирована Республикой Беларусь 21 июня 2002 г.) и др. Особое значение для Республики Беларусь имеет Конвенция ООН по морскому праву 1982 г., принятая в г. Монтего-Бей, которая подписана БССР 10 декабря 1982 г., но ратифицирована Республикой Беларусь только 19 июля 2006 г. Важно отметить, что в соответствии со ст. 311 Конвенции по морскому праву 1982 г. эта Конвенция имеет преимущественную силу в отношениях между государствами-участниками перед Женевскими конвенциями по морскому праву 1958 г. В некоторых из названных международных договоров предусмотрены нормы об уголовной юрисдикции в отношении преступлений, совершенных на борту морского судна.

Положения, закрепленные в ч. 3 ст. 5 УК, сформулированы на основе существующего в международном праве разграничения правового режима военных и гражданских водных судов. В соответствии с ч. 3 ст. 5 уголовную ответственность несет лицо, совершившее преступление на

военном корабле Республики Беларусь независимо от его местонахождения. Согласно ст. 29 Конвенции по морскому праву 1982 г. военным кораблем является «судно, принадлежащее к вооруженным силам какого-либо государства, имеющее внешние знаки, отличающие такие суда его национальности, находящееся под командованием офицера, который состоит на службе правительства данного государства и фамилия которого занесена в соответствующий список военнослужащих или эквивалентный ему документ, и имеющее экипаж, подчиненный регулярной военной дисциплине». В ст. 8 Женевской конвенции об открытом море 1958 г. и ст. 95 Конвенции по морскому праву 1982 г. закреплено следующее правило: «Военные корабли пользуются в открытом море полным иммунитетом от юрисдикции какого бы то ни было государства, кроме государства флага». Согласно ст. 32 Конвенции по морскому праву 1982 г. при осуществлении мирного прохода через территориальное море военные корабли также пользуются иммунитетом государства флага. Вместе с тем в ст. 23 Женевской конвенции о территориальном море и прилегающей зоне 1958 г. и ст. 30 Конвенции по морскому праву 1982 г. отмечено: «Если какой-либо военный корабль не соблюдает законов и правил прибрежного государства, касающихся прохода через территориальное море, и игнорирует любое обращенное к нему требование об их соблюдении, прибрежное государство может потребовать от него немедленно покинуть территориальное море». Таким образом, международное право, не затрагивая вопрос об уголовной юрисдикции государства флага, предоставляет прибрежным государствам право реагировать соответствующим образом на факты несоблюдения иностранными военными кораблями законов и правил прибрежного государства.

Необходимо отметить, что в международном праве положение об иммунитете от юрисдикции какого бы то ни было государства, кроме государства флага, распространяется не только на военные корабли, но и на гражданские судна, состоящие только на некоммерческой государственной службе (ст. 9 Конвенции об открытом море 1958 г., п. 2 ст. 22 Конвенции о территориальном море и прилежащей зоне 1958 г., ст. 32 и ст. 96 Конвенции по морскому праву 1982 г.).

Иной правовой режим у торговых судов и государственных судов, эксплуатируемых в коммерческих целях. Правовой режим такого водного судна, находящемся в открытом море, обусловлен международным принципом свободы открытого моря, т. е. открытое море свободно для всех государств как прибрежных, так и не имеющих выхода к морю. Согласно ч. 3 ст. 5 УК лицо, совершившее преступление на судне, приписанном к порту Республики Беларусь, находящемся в открытом водном пространстве вне пределов Республики Беларусь, подлежит

ответственности по УК Республики Беларусь, если иное не предусмотрено международным договором Республики Беларусь. Некоторые российские правоведы, анализируя положение об уголовной юрисдикции в отношении гражданских водных судов, которое на нормативном уровне аналогичным образом закреплено в ч. 3 ст. 11 УК Российской Федерации, отмечали, что правило об уголовной юрисдикции в отношении гражданских водных судов, находящихся в открытом море, не имеет исключений, а формулировка «если иное не предусмотрено международным договором» является в уголовном законе излишней. Однако анализ положений некоторых международных договоров показывает, что в определенных случаях при совершении преступлений на борту морского судна в открытом море применяются альтернативные правила об уголовной юрисдикции, обусловленные универсальным принципом действия уголовного закона в пространстве. Так, согласно ст. 109 Конвенции по морскому праву 1982 г. все государства сотрудничают в пресечении несанкционированного вещания из открытого моря. В соответствии с п. 3 ст. 109 этой Конвенции любое лицо, занимающееся несанкционированным вещанием, может быть привлечено к ответственности либо в суде государства флага судна, либо в суде государства регистрации установки, либо в суде государства, гражданином которого является это лицо, либо в суде любого государства, где могут приниматься передачи, либо в суде любого государства, санкционированной радиосвязи которого чинятся помехи. В открытом море государство, имеющее юрисдикцию в соответствии с п. 3 ст. 109 Конвенции по морскому праву, может арестовать любое лицо или судно (за исключением судна, пользующегося полным иммунитетом), занимающееся несанкционированным вещанием, и конфисковать передающую аппаратуру. Однако Республика Беларусь сможет реализовать уголовную юрисдикцию в отношении несанкционированного вещания только после осуществления процедуры имплементации нормы, содержащейся в п. 2 ст. 109 Конвенции по морскому праву, согласно которой несанкционированное вещание означает «передачу, в нарушение международных правил, звуковых радио- или телевизионных программ с судна или установки в открытом море, предназначенных для приема населением, за исключением, однако, передачи сигналов бедствия».

Анализ положений ч. 3 ст. 5 УК Республики Беларусь и некоторых норм международных договоров порождает ряд вопросов, требующих обсуждения на предмет совершенствования отечественного уголовного закона. Так, в ч. 3 ст. 5 идет речь о «судне, приписанном к порту Республики Беларусь». Следует заметить, что действующее законодательство не определяет, какой порт является портом Республики Беларусь. В Кодексе торгового мореплавания Республики Беларусь определено,

что судно приобретает право плавания под Государственным флагом Республики Беларусь и национальность Республики Беларусь с момента регистрации его в Государственном реестре морских судов Республики Беларусь или судовой книге. Суда смешанного (река – море) плавания, используемые в целях судоходства с выходом на морские пути, в соответствии с Кодексом внутреннего водного транспорта подлежат государственной регистрации в Государственном судовом реестре Республики Беларусь. При этом суда смешанного (река – море) плавания по желанию судовладельца могут быть зарегистрированы в Государственном реестре морских судов Республики Беларусь только после исключения их из Государственного судового реестра Республики Беларусь. Судно, приобретенное за границей, пользуется правом плавания под Государственным флагом Республики Беларусь с момента выдачи консулом Республики Беларусь (дипломатическим представителем) временного свидетельства, удостоверяющего это право и действительного до внесения судна в соответствующий государственный реестр. В свидетельстве о праве плавания под Государственным флагом Республики Беларусь, который оформляется на русском и английском языках, к данным о судне, в частности, относится порт прописки *(port of registry)*. Между тем в международных правовых документах вопросы об уголовной юрисдикции связываются не с портом (местом) прописки (регистрации) судна, а с флагом государства, под которым это судно осуществляет плавание. Кроме того, Кодекс торгового мореплавания Республики Беларусь допускает возможность временного перевода судна под флаг иностранного государства. Согласно ст. 25 данного кодекса временный перевод судна под флаг иностранного государства влечет приостановление регистрации судна в Государственном реестре морских судов Республики Беларусь или судовой книге. Однако действующее законодательство не предусматривает четких правоположений о том, что при временном переводе судна под флаг иностранного государства должен меняться порт прописки судна.

Необходимо отметить, что в ч. 5 ст. 13 Модельного УК СНГ положение об уголовной юрисдикции в отношении преступлений, совершенных на гражданском судне, находящемся в открытом море, рекомендовано решать не по месту прописки судна, а «по уголовному законодательству государства, под флагом которого оно находится». Этот подход совершенно обосновано используется некоторыми белорусскими авторами при доктринальном толковании отечественного уголовного закона [240, с. 30; 593, с. 41].

Полагаем, что принадлежность водного судна Республике Беларусь следует определять в уголовном законе двумя моментами: фактом государственной регистрации судна в Республике Беларусь (подтвержда-

ется свидетельством о праве плавания под Государственным флагом Республики Беларусь, свидетельством о праве собственности на судно, судовым билетом) и наличием Государственного флага Республики Беларусь, под которым это судно осуществляет плавание [315, с. 45–46].

Часть 3 ст. 5 УК регламентирует вопрос об уголовной юрисдикции в отношении гражданских судов, находящихся в открытом водном пространстве, т.е. в открытом море. Но особое место в международном и национальном праве прибрежных государств занимает вопрос об уголовной юрисдикции в отношении континентального шельфа и исключительной экономической зоны. Конвенция по морскому праву 1982 г. определяет, что «континентальный шельф прибрежного государства включает в себя морское дно и недра подводных районов, простирающихся за пределы его территориального моря на всем протяжении естественного продолжения его сухопутной территории до внешней границы подводной окраины материка или на расстояние 200 морских миль от исходных линий, от которых отмеряется ширина территориального моря, когда внешняя граница подводной окраины материка не простирается на такое расстояние» (ст. 76), а «исключительная экономическая зона представляет собой район, находящийся за пределами территориального моря и прилегающий к нему, который подпадает под установленный в настоящей Части особый правовой режим, согласно которому права и юрисдикция прибрежного государства и права и свободы других государств регулируются соответствующими положениями настоящей Конвенции» (ст. 55). Сопоставление положений Конвенции по морскому праву 1982 г. показывает, что континентальный шельф и исключительная экономическая зона не охватываются территориальными водами, но в аспекте правового режима они не относятся и к открытому морю. В законодательстве некоторых прибрежных государств закреплено положение о суверенитете прибрежного государства на континентальный шельф и исключительную экономическую зону. Например, согласно Российская Федерация обладает суверенными правами и осуществляет юрисдикцию на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне (ст. 67 Конституции РФ). Это положение продублировано и в ч. 2 ст. 11 УК Российской Федерации: «Действие настоящего Кодекса распространяется также на преступления, совершенные на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне Российской Федерации». Однако нормы международного права не дают оснований для столь однозначного подхода в определении суверенных прав прибрежного государства. Так, ст. 56 Конвенции по морскому праву 1982 г. определяет суверенные права и юрисдикцию прибрежного государства в исключительной экономической зоне (например, суверенные права прибрежного

государства в целях разведки, разработки и сохранения природных ресурсов, как живых, так и неживых, в водах, покрывающих морское дно, на морском дне и в его недрах; в отношении создания и использования искусственных островов, установок и сооружений, защиты и сохранения морской среды и др.). Но в ст. 58 данной конвенции определяются права других государств в исключительной экономической зоне: все государства, как прибрежные, так и не имеющие выхода к морю, пользуются, при условии соблюдения соответствующих положений конвенции по морскому праву свободами судоходства и другими правомерными с точки зрения международного права видами использования моря, относящимися к этим свободам. В частности, ст. 69 предоставляет государствам, не имеющим выхода к морю, право на основе двусторонних, субрегиональных или региональных соглашений участвовать на справедливой основе в эксплуатации соответствующей части остатка допустимого улова живых ресурсов в исключительных экономических зонах прибрежных государств. Все это свидетельствует о том, что исключительная экономическая зона и континентальный шельф в международном праве обладают особым правовым режимом. Следует согласиться с мнением российского ученого А.И. Бойцова, который называет этот правовой режим смешанным [77, с. 121].

М.И. Савченко, исследующий вопросы правового режима морских перевозок и торгового мореплавания, на основе положений Конвенции по морскому праву 1982 г. не без оснований делает вывод о том, что современное действующее международное право предоставляет Республике Беларусь возможность при определенных условиях претендовать на получение квот на лов рыбы в исключительных экономических зонах соседних прибрежных государств [516, с. 101].

В контексте уголовной юрисдикции следует отметить, что если на борту гражданского судна, следующего под флагом Республики Беларусь через исключительную экономическую зону, будет совершено преступление, не затрагивающее в соответствии с международным правом суверенные права прибрежного государства на исключительную экономическую зону, то применению подлежит уголовный закон Республики Беларусь и должны действовать ее компетентные органы.

В УК Республики Беларусь не обозначен вопрос об уголовной юрисдикции в отношении преступлений, совершенных на борту гражданского судна под флагом Республики Беларусь, находящегося в территориальных или внутренних водах другого государства. В соответствии с нормами международного права суверенитет государства распространяется на его внутренние и территориальные воды. Однако в отношении водного судна, эксплуатируемого в коммерческих целях и ограничивающегося проходом через территориальное море без захода

во внутренние воды и порты прибрежного государства, международные нормы предусматривают правила о разграничении объема уголовной юрисдикции между прибрежным государством и государством флага. Согласно п. 1 ст. 27 Конвенции по морскому праву 1982 г. уголовная юрисдикция прибрежного государства не должна осуществляться на борту иностранного торгового судна или государственного судна, эксплуатируемого в коммерческих целях, проходящего через территориальное море, для ареста какого-либо лица или производства расследования в связи с любым преступлением, совершенным на борту судна во время его прохода, за исключением следующих случаев: если последствия преступления распространяются на прибрежное государство; если преступление имеет такой характер, что им нарушается спокойствие в стране или добрый порядок в территориальном море; если капитан судна, дипломатический агент или консульское должностное лицо государства флага обратится к местным властям с просьбой об оказании помощи; если такие меры необходимы для пресечения незаконной торговли наркотическими средствами или психотропными веществами.

Подобное положение содержится и в п. 1 ст. 19 Конвенции о территориальном море и прилегающей зоне 1958 г. Следовательно, в остальных случаях при совершении преступления на борту судна, эксплуатируемого в коммерческих целях, во время его прохода через территориальное море без захода во внутренние воды и порты прибрежного государства, квалификация преступления должна осуществляться с применением уголовного закона государства флага и должны действовать компетентные органы этого государства.

Без внимания в УК остался вопрос об уголовной юрисдикции на борту судна во время его пребывания на внутренних водных путях другого государства. Между тем Республика Беларусь имеет современный речной флот, способный доставлять по судоходным рекам (Днепр, Неман, Припять, Сож и др.) экспортные грузы на территорию соседних государств, а также в морские порты.

Вопрос об уголовной юрисдикции на борту водного судна, находящегося во внутренних водных путях другого государства, регламентируется двусторонними соглашениями. Но единства в разделении объема уголовной юрисдикции в таких соглашениях не наблюдается. Четкое разделение пределов уголовной юрисдикции предусмотрено лишь в Соглашении между Правительством Республики Беларусь и Правительством Украины о судоходстве по внутренним водным путям от 19 мая 1997 г. (вступило в силу 9 мая 1998 г.). Статья 14 данного соглашения предусматривает положение о юрисдикции в случае совершения членом экипажа судна одной договаривающейся стороны правонарушения на борту этого судна во время его пребывания на внутренних водных

путях другой договаривающейся стороны. По сравнению с положениями, содержащимися в конвенциях по морскому праву относительно уголовной юрисдикции в территориальном море на борту судна, эксплуатируемого в коммерческих целях, в ст. 14 указанного соглашения объем юрисдикции государства, на территории которого находится судно договаривающейся стороны, существенно расширен. Помимо обстоятельств, указанных в п. 1 ст. 19 Конвенции о территориальном море и прилегающей зоне 1958 г. и п. 1 ст. 27 Конвенции по морскому праву 1982 г. ст. 14 рассматриваемого соглашения называет еще три ситуации, позволяющие осуществлять уголовное преследование компетентным органам государства, на территории которого находится судно договаривающейся стороны в отношении члена экипажа судна, совершившего преступление: преступление совершено против любого лица, не являющегося членом экипажа этого судна; совершенное преступление по уголовному законодательству государства, на территории которого находится судно договаривающейся стороны, является тяжким; на осуществление уголовного преследования есть согласие компетентного дипломатического или консульского должностного лица государства флага судна.

Вместе с тем, в Соглашении между Правительством Республики Беларусь и Правительством Латвийской Республики об условиях транзита грузов Республики Беларусь с использованием портов и другой транспортной инфраструктуры Латвийской Республики (вступила в силу 26 мая 2000 г.) и в одноименном Соглашении между Правительством Республики Беларусь и Правительством Литовской Республики (вступила в силу 21 февраля 2001 г.) вопросы об уголовной юрисдикции не конкретизированы. В них содержатся лишь общие оговорки о том, что вопросы, не урегулированные этими соглашениями и другими международными договорами, участниками которых являются стороны, решаются согласно национальному законодательству каждого государства.

Во избежание разногласий и международных споров по вопросам уголовной юрисдикции на борту водного судна, находящегося во внутренних водных путях другого государства, при заключении соответствующих двусторонних соглашений надо всегда четко обозначать пределы уголовной юрисдикции. Более того, есть необходимость в унификации положений об уголовной юрисдикции. Следует полагать, что это обстоятельство учтено авторами концепции Основ транспортного законодательства государств – членов ЕврАзЭС, утвержденной постановлением Межпарламетской ассамблеи Евразийского Экономического Сообщества от 16 июня 2003 г. № 4-11. В данной концепции, в частности, отмечено, что первоочередному закреплению в подлежат положения, устанавливающие унифицированные правовые нормы, касаю-

щиеся ответственности при осуществлении судоходства по внутренним водным путям.

Положение об уголовной юрисдикции на борту водного судна, находящегося вне пределов Республики Беларусь, в УК целесообразно изложить следующим образом: «Лицо, совершившее преступление на судне, зарегистрированном в Республике Беларусь, и находящемся вне ее пределов под флагом Республики Беларусь, подлежит уголовной ответственности по настоящему Кодексу, если иное не предусмотрено международным договором Республики Беларусь».

Определение уголовной юрисдикции подобным образом учитывает ряд обстоятельств, которые, к сожалению, не нашли отражения в ч. 3 ст. 5 УК. При таком подходе подразумеваются положения норм международного права о полном иммунитете не только в отношении военных кораблей, но и полном иммунитете судов, состоящих на некоммерческой государственной службе; охватываются особенности уголовной юрисдикции в отношении преступлений, совершенных на борту судна, эксплуатируемого в коммерческих целях и находящегося не только в открытом море, но и в территориальных водах, а также в отношении преступлений совершенных на борту судна, находящегося во внутренних водных путях другого государства. Идентификация национальности судна в таком случае будет соответствовать нормам международного права.

Есть особенности при определении уголовной юрисдикции в случае совершения преступления на воздушном судне, приписанном к аэропорту другого государства, во время полета над территорией Республики Беларусь. Преступление, совершенное на борту такого воздушного судна, согласно положению, содержащемуся в ч. 1 ст. 5 УК, должно признаваться совершенным на территории Республики Беларусь. Однако вопросы уголовной юрисдикции относительно преступлений, совершенных на борту воздушного судна, регулируются и международными соглашениями: Токийской конвенцией о преступлениях и некоторых других актах, совершенных на борту воздушных судов» от 14 сентября 1963 г., Гаагской конвенцией о борьбе с незаконным захватом воздушных судов от 16 декабря 1970 г., Монреальской конвенцией о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации от 23 сентября 1971 г. Так, ст. 4 Токийской конвенции устанавливает юрисдикцию государства-пребывания воздушного судна в следующих ситуациях: преступление создает последствия на территории такого государства; преступление совершено гражданином данного государства или постоянно проживающем в нем лицом; преступление направлено против безопасности такого государства; преступление заключается в нарушении действующего в государстве

любых правил и регламентов, касающихся полетов или маневрирования воздушных судов; осуществление юрисдикции необходимо для обеспечения выполнения любого обязательства государства. Поскольку в ч. 5 ст. 3 УК содержится оговорка «если иное не предусмотрено международным договором», в случае возникновения спорных вопросов об определении уголовной юрисдикции они должны решаться в пользу положений, предусмотренных международным договором.

Часть 4 ст. 5 УК содержит исключение в отношении иностранных граждан, обладающих дипломатическим иммунитетом. Дипломатический иммунитет означает, что лицо, им наделенное, в случае совершения преступления на территории Республики Беларусь неподсудно суду Республики Беларусь. Положение о дипломатическом иммунитете иногда называют экстерриториальностью или внеземельностью. Категории лиц, обладающих дипломатическим иммунитетом, определены нормами международного права: Конвенцией о привилегиях и иммунитетах Объединенных Наций 1946 г., Венской конвенцией о дипломатических сношениях 1961 г., Венской конвенцией о консульских сношениях, иными международными соглашениями.

К лицам, обладающим дипломатическим иммунитетом, относятся: дипломатические агенты (главы дипломатических представительств (послы, посланники, поверенные в делах) и члены дипломатического персонала (согласно Венской конвенции о дипломатических сношениях члены семей дипломатических агентов также обладают дипломатическим иммунитетом, но при условии, что они проживают вместе с дипломатическим агентом и не являются местным гражданином); консульские должностные лица, если на условиях взаимности заключено консульское соглашение о распространении на данную категорию лиц положений о дипломатическом иммунитете (такая оговорка в международных договорах обусловлена тем, что консульские должностные лица по общему правилу обладают служебным иммунитетом, т. е. освобождаются от юрисдикции государства-пребывания в отношении действий, совершенных при исполнении служебных обязанностей); официальные лица, находящиеся под международной защитой (к данной категории лиц следует относить только тех лиц, которые официально представляют иностранное государство, например члены парламентских и правительственных делегаций); должностные лица международных организаций (Генеральный секретарь ООН, его помощники и т. д.), а также члены их семей; иные лица, если дипломатический иммунитет предусмотрен международным соглашением.

При совершении преступления лицами, обладающими дипломатическим иммунитетом, принимается одно из двух возможных решений: аккредитующее государство отказывается от иммунитета и выражает

согласие на привлечение своего представителя к уголовной ответственности по законодательству государства-пребывания; аккредитующее государство не отказывается от иммунитета (в таком случае государство-пребывания объявляет соответствующее лицо *persona non grata*, а вопрос о привлечении к уголовной ответственности решается уполномоченными органами аккредитующего государства).

Таким образом, дипломатический иммунитет не означает безнаказанности, не влечет освобождения от уголовной ответственности. Дипломатический иммунитет распространяется не только на определенную категорию лиц, но и в отношении определенного имущества. Например, здания посольств Республики Беларусь в иностранных государствах и машины послов под флагом Республики Беларусь пользуются дипломатическим иммунитетом.

Есть особенности в уголовно-правовой юрисдикции в отношении некоторых преступлений против мира, безопасности человечества и военных преступлений (далее – международные преступления). Специфика в уголовно-правовой юрисдикции имеет место в отношении государств, ратифицировавших Римский статут Международного уголовного суда (Статут МУС). Статут МУС, участниками которого являются большинство стран мира, вступил в силу 1 июля 2002 г. Его юрисдикция ограничивается самыми серьезными преступлениями, вызывающими озабоченность всего международного сообщества. В соответствии с п. 1 ст. 5 Статута МУС суд обладает юрисдикцией в отношении четырех видов наиболее тяжких международных преступлений: преступление геноцида, военные преступления, преступления против человечности, преступление агрессии. Полномочия МУС ограничены в пространстве: МУС может рассматривать дела о преступлениях, совершенных гражданами государств, ратифицировавших Статут МУС, либо лицами, совершившими преступления на территории этих государств. Кроме того, в преамбуле Статута МУС отмечено, что МУС «дополняет национальные органы уголовной юстиции», причем только в тех случаях, когда соответствующее государство «не желает или не способно вести расследование или возбудить уголовное преследование должным образом» (ст. 17). В ст. 1 еще раз подчеркивается, что МУС дополняет национальные системы правосудия. Особенностью юрисдикции МУС является также и то, что положения Статута МУС не имеют ретроактивного действия (ст. 11).

Многие страны, ратифицировавшие Статут МУС, вынуждены были приводить внутреннее уголовное и уголовно-процессуальное законодательство в соответствие с положениями Статута МУС. Так, в Международном уголовном кодексе Германии материальное уголовное право Германии было адаптировано к требованиям Статута МУС. При этом

уголовно-правовая юрисдикция в Международном уголовном кодексе Германии неизменно строится на провозглашенном Статутом МУС «принципе дополнительности».

На географической карте участников Статута МУС Республика Беларусь выглядит «белым пятном». Странно, что государство, потерявшее во Второй мировой войне каждого третьего гражданина, даже не присоединилось к Статуту МУС. История войн убедительно доказывает, что защитить основы человеческой цивилизации и реализовать стремление человечества к справедливому миропорядку невозможно без всестороннего сотрудничества всех государств. Рассматривая в позитивном аспекте перспективу присоединения Республики Беларусь к Статуту МУС, с юридической точки зрения представляет интерес вопрос об имплементации норм Статута МУС в национальное законодательство.

Практика имплементации Статута МУС в национальное законодательство показала, что при осуществлении процедуры имплементации возникает ряд несоответствий между нормами Статута МУС и нормами как международного, так и национального законодательства. В международно-правовом аспекте нормы Статута МУС противоречат некоторым принципам международного права (например, положениям Международного пакта о гражданских и политических правах (п. 7 ст. 14) и Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (ст. 4 Протокола № 7) относительно запрета неоднократного уголовного преследования за одно и то же деяние (*ne bis in idem*).

В конституционно-правовом аспекте положение ст. 89 Статута МУС о передаче под юрисдикцию МУС противоречит положению, закрепленному в конституциях многих государств, невыдаче собственных граждан. Кроме того, в ст. 27 Статута МУС отмечено, что «должностное положение главы государства или правительства, члена правительства или парламента, избранного представителя или должностного лица правительства ни в коем случае не освобождает лицо от уголовной ответственности согласно настоящему Статуту…». При этом в Статуте МУС отмечено, что иммунитеты, связанные с должностным положением лица не должны препятствовать осуществлению МУС его юрисдикции в отношении такого лица. Положение Статута МУС о недопустимости ссылки на должностное положение противоречит положениям национального законодательства о неприкосновенности глав государств и иных должностных лиц от уголовного преследования.

Есть неопределенность и в политико-правовом аспекте. Например, некоторые положения Статута МУС (ст. 17, ч. 3 ст. 20 и др.) дают возможность для достаточно широко судейского усмотрения и порождают риск политизации деятельности МУС.

Выявленные в процессе зарубежной практики имплементации норм Статута МУС проблемы требовали от законодателей принятия нетрадиционных решений, ограничивающих национальный суверенитет. Следует заметить, что законодательство Республики Беларусь по некоторым позициям уже готово к имплементации Статута МУС. Например, положения Конституции Республики Беларусь не находятся в противоречии с положением Статута МУС о передаче под юрисдикцию МУС (ст. 10 Конституции Республики Беларусь).

Таким образом, нормы Статута МУС представляют собой модель сосуществования национальной и международной уголовно-правовой юрисдикции. Возможно, эта модель далека от идеала. Но несомненным является тот факт, что интеграционные процессы, набирающие обороты в современном мире, требуют изменения представлений о национальном суверенитете, согласования новых подходов в сотрудничестве различных уголовно-правовых систем между собой и с международным уголовным правосудием [348].

6.3. Квалификация преступления в рамках персональной уголовной юрисдикции

Персональная уголовная юрисдикция представляет собой закрепленное в законе правило применения уполномоченными органами норм национального уголовного законодательства в отношении лиц, состоящих в числе граждан соответствующего государства или приравненных к ним, которые совершили преступление за пределами этого государства. В основе персональной юрисдикции лежит принцип действия уголовного закона в пространстве, который в уголовно-правовой литературе называют принципом гражданства или национальным принципом. В УК Республики Беларусь этот принцип закреплен в ч. 1 ст. 6.

В уголовном законодательстве советского периода было закреплено положение, согласно которому решение иностранного суда не имело обязательной силы для советских судов, хотя и могло учитываться. Так, в первоначальной редакции ст. 5 УК БССР 1960 г. указывалось, что граждане СССР, совершившие преступление за границей, подлежали уголовной ответственности по УК БССР. Если граждане СССР за совершенные преступления вне пределов СССР понесли наказание за границей, то суд мог «смягчить назначенное им наказание или полностью освободить виновного от отбывания наказания». При таком подходе советские граждане, совершившие преступление за пределами СССР и даже отбывшие наказание, могли повторно привлекаться к уголовной ответственности по советским законам. Такая позиция была

обусловлена идеологизацией советского законодательства, противостоянием двух мировых систем.

В условиях «железного занавеса» лишь незначительное количество граждан СССР выезжали за границу. При существующих в то время подходах в определении пространственных пределов действия уголовного закона вопрос о персональной уголовной юрисдикции не вызывал особого научного интереса. Направления научных исследований в то время в основном были сосредоточены на вопросах применения уголовного закона в рамках территориальной юрисдикции. Советскими учеными исследовались проблемы применения уголовного закона на территории союзных республик: соотношение общесоюзного и республиканского уголовного законодательства, определение места совершения преступления, определение момента окончания длящихся и продолжаемых преступлений, квалификация преступного поведения соучастников, совершивших деяния на территории нескольких союзных республик и др. Этим вопросам были посвящены научные работы М.И. Блум [70], Г.Н. Борзенкова [83], Я.М. Брайнина [87], В.Н. Кудрявцева [244], А.А. Тилле [571], С.И. Тишкевича [577], М.Д. Шаргородского [649] и др. В уголовно-правовой литературе рассматривались и некоторые аспекты применения уголовного закона на основании принципа гражданства: вопросы о реализации советских уголовных законов к гражданам СССР, совершивших преступление за границей до того, как они были приняты в гражданство СССР; совершение за границей преступления лицом, обладающим двойным гражданством; возможность отказа от привлечения к уголовной ответственности советских граждан, совершивших престуление в зарубежных социалистических государствах [70, с. 172–174]. В советский период учеными делался вывод о том, что советские граждане, являясь представителями новой морали, должны нести уголовную ответственность по советскому уголовному закону, который может и должен предъявлять к ним повышенные требования [70, с. 46–47; 649, с. 206].

Распад СССР и появление самостоятельных государств на его бывшей территории, деидеологизация законодательства, выдвижение на первый план приоритета общечеловеческих ценностей и прав человека оживили научный интерес к изучению принципов действия уголовного закона в пространстве, в том числе и принципа гражданства. В новых исторических условиях приобрел актуальность вопрос о действии уголовного закона в пространстве на территории бывших союзных республик. С.И. Тишкевич в начале 1990-х гг. сформулировал некоторые предложения по совершенствованию территориального принципа действия уголовного закона в пространстве [576, с. 12–13] показал некоторые уголовно-процессуальные проблемы применения закона на осно-

вании принципа гражданства [575, с. 34]. В условиях начавшейся уголовно-правовой реформы на постсоветском пространстве значительный вклад в развитие теории о пространственном действии уголовного закона внес А.И. Бойцов, который показал проблемы применения уголовного закона, обусловленные коллизией между территориальной и персональной юрисдикцией [77, с. 128–137].

Немаловажное значение в совершенствовании условий применения уголовного закона на основании принципа гражданства сыграли положения Модельного УК. В части 1 ст. 14 содержится следующая рекомендация: «Граждане государства – участника Содружества Независимых Государств, а также постоянно проживающие в нем лица без гражданства, совершившие преступления вне пределов этого государства, подлежат ответственности по его законодательству, если эти лица не были осуждены в другом государстве. При осуждении указанных лиц наказание не может превышать верхнего предела санкции, предусмотренной законом иностранного государства, на территории которого было совершено преступление» [380, с. 88]. Отдельные фрагменты ч. 1 ст. 14 были использованы законодателями некоторых государств – участников СНГ при определении пределов персональной юрисдикции в процессе разработки новых уголовных кодексов.

С момента вступления в силу УК Республики Беларусь 1999 г. положения ч. 1 ст. 6, установившие новый порядок привлечения к уголовной ответственности граждан Республики Беларусь или постоянно проживающих в республике лиц без гражданства на основании принципа гражданства, не подвергались глубокому научному анализу. Отечественные правоведы этот вопрос в основном рассматривают в учебной литературе и комментариях к УК на уровне констатации условий применения уголовного закона на основании положений ч. 1 ст. 6 [32, с. 41–42; 518, с. 43; 589, с. 45].

Полезным для отечественной науки уголовного права является опыт исследований российских ученых по вопросу о реализации уголовного закона Российской Федерации на основании принципа гражданства. Этот принцип, содержание которого в ст. 12 первоначальной редакции УК России было таким же, как и в УК Республики Беларусь, был подвергнут критическому анализу в научных трудах И.В. Андреева [20], Ю.А. Зюбанова [172], Л.В. Иногамовой-Хегай [182], А.Г. Князева [207], В.В. Мальцева [302], А.М. Медведева [363], М.Г. Мельникова [366], В.Ф. Щепелькова [664] и др.

Изменение содержания принципа гражданства в уголовном законодательстве Республики Беларусь порождает необходимость научного анализа существующего методологического подхода в порядке привлечения к уголовной ответственности граждан Республики Беларусь

или постоянно проживающих в республике лиц без гражданства за преступления, совершенные ими за границей.

Изучение норм уголовного законодательства некоторых зарубежных государств показывает, что пределы уголовной юрисдикции в отношении деяний, совершенных за пределами государства его гражданами или лицами, приравненными к ним (далее – граждане), определяются по-разному. По этому вопросу условно можно выделить такие законодательные подхода (модели) в определении юрисдикционных оснований уголовной ответственности, как полная персональная юрисдикция, ограниченная персональная юрисдикция, юрисдикционное правило двойной криминальности (двойной преступности), дифференцированная юрисдикция [321].

В рамках первого подхода уголовная юрисдикция соответствующего государства распространяется на все деяния, совершенные его гражданами за границей, которые национальным законодательством признаются преступными. При этом не имеет значения, признается ли деяние, совершенное гражданином за границей, преступным по законодательству государства, на территории которого было совершено это деяние. Но даже если по законодательству места совершения преступления лицо было осуждено, приговор иностранного государства при социально-правовой оценке преступления в таком случае не имеет юридического значения для национального суда. Например, согласно ст. 7 УК Китайской Народной Республики к гражданам, «совершившим вне ее пределов преступления, подпадающие под действие настоящего Кодекса, применяется настоящий Кодекс» [601]. Подобное положение было закреплено в ст. 3 и 7 УК Кореи [602]. Логическое толкование ч. 1 ст. 4 УК Латвийской Республики [604] и ч. 2 ст. 11 УК Республики Молдова [607] позволяет сделать вывод о полной персональной юрисдикции по рассматриваемому вопросу и в этих государствах.

При втором подходе персональная юрисдикция государства ограничивается, как правило, фактом признания национальным судом приговора иностранного государства. Так, согласно ч. 1 ст. 12 УК Республики Узбекистан граждане этого государства за преступления, совершенные на территории другого государства, подлежат ответственности по УК Республики Узбекистан в случае, если они не понесли наказания по приговору суда государства, на территории которого было совершено преступление [611]. При отсутствии судебного акта иностранного государства главным при социально-правовой оценке содеянного в таком случае является признание соответствующего деяния преступным по национальному уголовному закону. Помимо УК Республики Узбекистан такой подход нашел отражение в уголовном законодательстве и некоторых других государств – участников СНГ: ч. 1 ст. 6 УК

Кыргызской Республики [603], ч. 1 ст. 15 УК Республики Таджикистан [610]. В 2006 г. подобное юрисдикционное правило было закреплено в новой редакции ч. 1 ст. 12 УК Российской Федерации [413]. На этой же основе решается вопрос об уголовной юрисдикции в ст. 7 УК Украины [612]. Однако в ч. 1 ст. 7 УК Украины содержатся дополнительное ограничение: ответственность в таком случае по УК Украины наступает в случае, если иное не предусмотрено международными договорами Украины, согласие на обязательность которых дано Верховной Радой Украины.

Следует заметить, что в уголовном законодательстве некоторых зарубежных государств в основе ограничения персональной уголовной юрисдикции были положены иные обстоятельства. Так, ст. 6 УК Республики Сан-Марино не связывает уголовную юрисдикцию в отношении своих граждан отсутствием осуждения в иностранном государстве. Вместе с тем данная статья ограничивает юрисдикционную деятельность уполномоченных органов следующими обстоятельствами: совершенное гражданином за границей преступление является умышленным и включено в перечень преступлений перечисленных в ч. 1 ст. 6 УК Республики Сан-Марино (вымогательство, вооруженный мятеж и др.) либо умышленное преступление совершено за границей против гражданина Сан-Марино, которое наказывается тюремным заключением не менее второй степени [609].

Юрисдикционное правило о двойной криминальности по своей сути является более жестким вариантом ограниченной персональной юрисдикции. Помимо отсутствия осуждения по приговору иностранного суда ограничение юрисдикции в этом случае усиливается за счет признания совершенного деяния преступлением как по уголовному закону государства, на территории которого оно было совершено, так и по уголовному закону государства, гражданином которого это лицо является. Именно этот подход закреплен в ч. 1 ст. 6 действующего УК Республики Беларусь. Аналогичным образом регламентируется этот вопрос в ст. 12 УК Азербайджана [597], ч. 1 ст. 7 УК Республики Казахстан [606], ст. 5 и 8 УК Литвы [605].

Дифференцированный подход строится на разных юрисдикционных основаниях уголовной ответственности. Базовым основанием в таком случае является юрисдикционное правило о двойной криминальности. Однако в отношении некоторых преступлений национальный уголовный закон применяется независимо от положений, обязательных в месте совершения деяния. Так, в § 1 ст. 111 УК Республики Польша определено, что условием уголовной ответственности за деяние, совершенное за границей, является признание такого деяния преступным также и законом, действующим в месте его совершения. Но в

§ 3 ст. 111 и ст. 112 данного УК указано, что независимо от положений, обязательных в месте совершения преступления, польские уголовные законы применяются к польскому должностному лицу, осуществляющему служебную деятельность за границей, и совершившему там преступление в связи с исполнением им служебных функций, а также – к польскому гражданину, в случае совершения им преступления против внутренней или внешней безопасности Республики Польша, преступления против польских государственных учреждений или должностных лиц, преступления против существенных польских хозяйственных интересов, преступления, связанного с дачей ложных показаний в отношении польского учреждения [608]. Рассматриваемый подход был закреплен в уголовном законодательстве многих стран Европейского союза: § 64 и § 65 УК Австрии [596], § 5 и § 7 УК Германии [613], ст. 5 УК Голландии [598], § 7 и § 8 УК Дании [600], ст. 4 и 6 УК Швейцарии [614], ст. 2 и 3 УК Швеции [615].

Разные законодательные подходы по рассматриваемому вопросу обусловлены конкуренцией между персональной и территориальной юрисдикцией. С точки зрения науки уголовного права возникает закономерный вопрос: какой из существующих законодательных подходов в определении пределов персональной юрисдикции является наиболее оптимальным, соответствующим потребностям судебной практики?

Полная персональная юрисдикция порождает возможность двойной уголовной ответственности: лицо может быть привлечено к уголовной ответственности как по уголовному закону государства, на территории которого было совершено преступление, так и по законодательству государства, гражданином которого оно является. Правило о полной персональной юрисдикции фактически игнорирует территориальную юрисдикцию иностранного государства. Но данное правило является грубейшим нарушением принципа международного права, закрепленного в ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г.: «Никто не должен быть вторично судим или наказан за преступление, за которое он уже был окончательно осужден или оправдан в соответствии с законом и уголовно-процессуальным правом каждой страны». Такой подход свидетельствует о замкнутости национальной правовой системы, игнорировании норм международного права.

При ограниченной персональной юрисдикции вопрос о привлечении к уголовной ответственности зависит от наличия или отсутствия решения суда иностранного государства, на территории которого было совершено соответствующее деяние. В соотношении с территориальной юрисдикцией иностранного государства применение национального уголовного закона в этом случае имеет субсидиарный характер.

Двойная уголовная ответственность в таком случае исключается за счет соблюдения принципов международного права, включая правила *non bis in idem* (не дважды за одно и тоже) и *aut dedere, aut puniere* (выдай или накажи). Вместе с тем при таком подходе территориальная юрисдикция иностранного государства учитывается не в полной мере. Лицо может быть привлечено к уголовной ответственности и в случае, если деяние не признается преступлением по уголовному закону государства, на территории которого оно было совершено.

Такую возможность исключает юрисдикционное правило двойной криминальности. Оно устанавливает некий межгосударственный баланс в объеме уголовно-правовых запретов, побуждает государства к унификации уголовного законодательства. Это правило свидетельствует о том, что общественно опасное деяние подтверждается уголовно-правовым запретом, установленным несколькими государствами. Правило двойной криминальности корреспондирует и с положениями об экстрадиции. В договорной практике оказания правовой помощи по уголовным делам закреплено положение о двойной преступности. Так, в п. 2 ст. 56 Минской гонвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам договаривающиеся стороны в качестве обязательного условия выдачи закрепили положение о том, что выдача для привлечения к уголовной ответственности производится за такие деяния, которые по законам запрашивающей и запрашиваемой договаривающихся сторон являются наказуемыми и за совершение которых предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок не менее одного года или более тяжкое наказание. Аналогичное положение закреплено в п. 2 ст. 66 одноименной Кишиневской гонвенции, п. 2 ст. 66 Договора о правовой помощи между Республикой Беларусь и Республикой Польша, п. 2 ст. 59 Договора о правовой помощи между Республикой Беларусь и Латвийской Республикой, п. 2 ст. 63 Договора о правовой помощи между Республикой Беларусь и Литовской Республикой и др.

Вместе с тем решение вопроса о привлечении к уголовной ответственности только по правилу двойной криминальности воспринято в академической среде неоднозначно. Многими российскими учеными первоначальная редакция ч. 1 ст. 12 УК России была подвергнута критике. Так, Л.В. Иногамова-Хегай отмечала, что правило двойной криминальности порождает вакуум при решении вопроса об уголовной ответственности лиц, совершивших ряд преступлений со специальным субъектом или особенностями объекта [182, с. 60]. А.М. Медведев усматривал в таком подходе искусственное ограничение суверенитета Российской Федерации [363, с. 101–104]. В.В. Мальцев писал о том, что, действовавшая в то время редакция ч. 1 ст. 12 УК России, факти-

чески подчиняет отечественное уголовное законодательство законодательству всякого иного государства [302, с. 190]. Однако А.И. Бойцов, соглашаясь с не совсем удачной формулировкой ч. 1 ст. 12 УК России, высказал мнение о том, что опасения его коллег по затронутой проблеме являются беспочвенными и привлечение к уголовной ответственности российских граждан, совершивших за границей, например, преступление против конституционного строя Российской Федерации, вполне охватывается территориальной юрисдикцией российского государства [78, с. 296–298].

Наиболее оптимальным является дифференцированный подход в определении пределов персональной юрисдикции. Положение о двойной криминальности в таком случае является общим правилом, основанным на соблюдении положений законодательства иностранного государства и норм международного права. Многие общеуголовные преступления (преступления против жизни, здоровья, собственности и др.) предусмотрены в уголовном законодательстве всех государств. Между тем могут возникать ситуации, когда совершенное в иностранном государстве деяние не считается там преступлением, но оно причиняет вред интересам, которые находятся под уголовно-правовой защитой государства, представитель которого это деяние совершил. Например, взять проблему торговли людьми, которая в современном мире приобрела транснациональный характер. В уголовном законодательстве стран Западной Европы, которые являются активными «потребителями» живого товара, вопрос об ответственности за торговлю людьми решается в основном в рамках борьбы с проституцией и нелегальной миграцией [308; 352; 355; 356], а реализация требований Палермского протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющего Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. в государствах – «потребителях живого товара», затягивается.

Кроме того, УК Республики Беларусь при наличии определенных условий дает возможность привлекать к уголовной ответственности на территории Республики Беларусь иностранных граждан в случае, если они совершили вне пределов Республики Беларусь преступление против интересов нашего государства (реальный принцип). Но в отношении своих граждан действуют ограничения, обусловленные правилом двойной криминальности. Соответствует ли такое соотношение принципов действия уголовного закона в пространстве и по кругу лиц принципу социальной справедливости?

Думается, что Республика Беларусь независимо от законов места совершения преступления должна иметь возможность привлекать к

ответственности своих граждан, совершивших посягательство против интересов Республики Беларусь (интересов граждан и юридических лиц Республики Беларусь, государственных интересов). Но здесь возникает вопрос о том, на какие именно преступления не должно распространяться правило о двойной криминальности. В уголовном законодательстве государств, использующих дифференцированный подход в определении персональной юрисдикции круг преступлений, к которым национальный уголовный закон применяется независимо от положений, обязательных в месте совершения преступления, определяется по-разному. В некоторых уголовных кодексах дается исчерпывающий перечень такого рода преступлений (например, в § 5 УК Германии), в других – указывается на группу (группы) преступлений (например, в ст. 112 УК Республики Польша). В ст. 5 УК Грузии, закрепившей дифференцированный подход в определении уголовной юрисдикции, эти преступления определяются наиболее тяжкими категориями преступлений, направленными против интересов Грузии [599]. Полагаем, что подход грузинского законодателя по этому вопросу является наиболее оптимальным. Определение этой группы преступлений деяниями, обладающими высоким уровнем их общественной опасности, подчеркивает, что уголовное преследование по национальному уголовному закону осуществляется за причинение наиболее существенного вреда. Кроме того, по уголовному и уголовно-процессуальному законодательству многих государств преступления, не обладающие высоким уровнем общественной опасности, относятся к делам частного обвинения. Инициирование уголовного преследования в таких случаях зависит не от представителей публичной власти, а от волеизъявления потерпевшего.

С нашей точки зрения, исключение из правила о двойной криминальности в отечественном уголовном законе следует формулировать на основе следующих критериев: деяние признается преступлением по УК Республики Беларусь; деяние не является преступлением по уголовному законодательству государства, на территории которого оно совершено; совершенное деяние относится к категории тяжкого либо особо тяжкого преступления в соответствии с положениями ч. 4 и 5 ст. 12 УК Республики Беларусь; преступление направлено против интересов Республики Беларусь [331, с. 257].

Полагаем целесообразным дополнить ст. 6 УК Республики Беларусь новой частью следующего содержания: «1^1. Лица, указанные в части первой настоящей статьи, подлежат ответственности по настоящему Кодексу и в случае совершения вне пределов Республики Беларусь деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но не признаваемого преступлением в государстве, на территории которого оно было со-

вершено. Ответственность в таком случае наступает только при совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, направленного против интересов Республики Беларусь» [346, с. 14].

Во избежание различного толкования термина «интересы Республики Беларусь» целесообразно дать ему легальное определение: «Под термином интересы Республики Беларусь понимаются потребности граждан Республики Беларусь, юридических лиц, зарегистрированных в Республике Беларусь, общества и государства по реализации конституционных прав и обеспечению независимости, территориальной целостности, суверенитета Республики Беларусь.»

Положения ч. 1 ст. 6 УК распространяются на строго определенный круг лиц: граждан Республики Беларусь или постоянно проживающих в республике лиц без гражданства. Однако из текста уголовного закона четко не вытекает, каким образом должен решаться вопрос о применении закона в случае, если лицо совершило преступление за пределами Республики Беларусь, но на момент его совершения оно еще не являлось гражданином Республики Беларусь. В советский период этот вопрос рассматривался в уголовно-правовой литературе [70, с. 172]. Он имеет законодательное решение в уголовном законодательстве некоторых зарубежных государств. Так, согласно ч. 2 ст. 5 УК Голландии судебное преследование по уголовному законодательству Голландии может иметь место и в случаях, когда обвиняемый приобретает гражданство Нидерландов после совершения преступления [598]. Представляется, что во избежание различных толкований в применении уголовного закона по кругу лиц этот вопрос должен быть решен подобным образом и в УК Республики Беларусь.

Следует обратить внимание на неточность в формулировке одного из условий применения ч. 1 ст. 6 УК Республики Беларусь: отсутствие факта привлечения к уголовной ответственности гражданина Республики Беларусь или постоянно проживающего в республике лица без гражданства (далее – гражданин). Дело в том, что в отношении гражданина судом государства, на территории которого было совершено деяние, может быть вынесен и оправдательный приговор. Кроме того, может быть ситуация, когда гражданин, совершивший преступление на территории иностранного государства, был освобожден в этом государстве от уголовной ответственности по законным на то юридическим основаниям. На это обстоятельство обращено внимание в российской уголовно-правовой литературе при анализе аналогичного положения действующего российского уголовного закона и истории уголовного законодательства России [172]. Этот пробел должен быть восполнен и в отечественном уголовном законе.

Содержание ч. 1 ст. 6 УК Республики Беларусь также показывает, что юридическими основаниями квалификации преступления в этом случае являются две уголовно-правовые нормы: норма УК Республики Беларусь и норма зарубежного уголовного закона. Положение ч. 1 ст. 6 свидетельствует о том, что к источникам уголовного права следует относить и уголовное законодательство иностранных государств. На это обстоятельство уже давно обращают внимание зарубежные и отечественные правоведы [201, с. 54; 282, с. 46]. Наличие нескольких юридических оснований применения уголовного закона порождает вопрос о формуле квалификации преступления, совершенного гражданином за пределами Республики Беларусь. В теории квалификации преступления этот вопрос правоведы обычно обходят молчанием. Но И.В. Андреев, затронув данную проблему применительно к первоначальной редакции ч. 1 ст. 12 УК Российской Федерации, высказал предположение о том, что в описательной части соответствующего процессуального документа необходимо указывать все обстоятельства (обязательно территориальные и связанные с уголовным законом иностранного государства) совершенного преступления, а в буквенно-цифровом выражении отражать только статьи (пункты, части) национального уголовного закона [20, с. 25]. Нет сомнения в том, что в материалах дела должны быть зафиксированы все обстоятельства совершения преступления в месте его совершения. Однако данные, полученные в результате расследования, относятся к установлению не юридического, а фактического основания квалификации преступления. Правило двойной криминальности (преступности), закрепленное в ч. 1 ст. 6, предполагает и специфику формулы квалификации преступления, совершенного гражданином за пределами Республики Беларусь. Результат социально-правовой оценки преступления в этом случае должен быть закреплен в соответствующих процессуальных документах с указанием на норму как национального уголовного закона, так и норму уголовного закона государства, на территории которого было совершено преступление. Например, если гражданин Республики Беларусь совершил на территории Литовской Республики убийство из корыстных побуждений и привлекается к ответсвенности на нашей территории, то квалификация преступления может выглядеть следующим образом: п. 12 ч. 2 ст. 139 УК Республики Беларусь (п. 9 ч. 2 ст. 129 УК Литовской Республики) [345].

При определении формулы квалификации судебная практика может столкнуться с определенными затруднениями. Описание признаков преступления может быть различным в соответствующем уголовном законодательстве. При этом правоприменителю следует соотносить общие и специальные нормы в зарубежном и национальном уголовных

законах. При установлении и сопоставлении норм национального и зарубежного законодательства важно на основе полученных фактических данных определить в системе соответствующего законодательства ту норму, в которой наиболее точно и полно описываются признаки соответствующего преступления. Важность четкого определения формулы квалификации преступления в данном случае объясняется еще и тем, что результат квалификации ориентирует суд на следующую стадию применения уголовного закона: назначение меры уголовной ответственности. Согласно ч. 1 ст. 6 «При осуждении указанных лиц наказание назначается в пределах санкции статьи настоящего Кодекса, но не должно превышать верхнего предела санкции, предусмотренной законом государства, на территории которого было совершено преступление».

Сравнение норм национального УК с нормами зарубежного уголовного законодательства показывает, что законодательные подходы в дифференции уголовной ответственности могут быть самыми разными. Во многом они обусловлены существующими в национальном праве традициями или особенностями в криминализации соответствующего поведения и определении системы наказаний. Например, по УК Российской Федерации кража, совершенная из одежды, сумки или ручной клади, находившихся при потерпевшем, признается квалифицированной, что влечет повышенную ответственность в соответствии с санкцией ч. 2 ст. 158 УК России. Но по УК Республики Беларусь подобное поведение не образует квалифицированного состава кражи. При решении вопроса о назначении наказания формула квалификации в данном случае будет ориентировать суд на сопоставление санкций, предусмотренных соответственно ч. 1 ст. 205 УК Республики Беларусь и ч. 2 ст. 158 УК России, которое позволит определить предел назначения наказания.

Далеко не всегда в санкциях сопоставляемых норм предусматриваются эквивалентные наказания. Например, в УК Кыргызской Республики за многие преступления имущественного характера помимо штрафа предусматривается наказание в виде тройного айыпа (взыскание, налагаемое судом в трехкратном размере причиненного ущерба в денежном или материальном выражении) [603], в УК Азербайджанской Республики применительно к иностранцам, совершим преступление, может быть применено наказание в виде принудительного выдворения за пределы государства [597]. Представляется, что возникающие между национальным и зарубежным уголовным законом коллизии должны решаться в пользу лица, совершившего общественно опасное деяние.

На основании вышеизложенного есть необходимость во внесении изменений и дополнений в ч. 1 ст. 6 УК Республики Беларусь: «1. Гражданин Республики Беларусь или постоянно проживающее в республике лицо без гражданства, совершившие преступления вне

пределов Республики Беларусь, подлежат ответственности по настоящему Кодексу, если совершенные ими деяния признаны преступлениями в государстве, на территории которого они были совершены, и если они не были осуждены, оправданы или освобождены от уголовной ответственности по решению суда иностранного государства в порядке, предусмотренном законодательством этого государства. Положения настоящей статьи применяется и к лицам, которые приобретают гражданство Республики Беларусь либо приобретают статус лица, постоянно проживающего в республике, после совершения преступления за пределами Республики Беларусь. При осуждении указанных лиц наказание назначается в пределах санкции статьи настоящего Кодекса, но не должно превышать верхнего предела санкции, предусмотренной законом государства, на территории которого было совершено преступление. При наличии различий между статьями настоящего Кодекса и статьями уголовного законодательства государства, на территории которого было совершено преступление, суд применяет нормы уголовного законодательства в пользу лица, совершившего преступление» [314, с. 51].

6.4. Некоторые вопросы уголовной юрисдикции в отношении иностранцев и лиц без гражданства, совершивших преступление за пределами Республики Беларусь

Вопросы уголовной юрисдикции в отношении иностранцев и лиц без гражданства, совершивших преступление за пределами Республики Беларусь, разрешаются в основном в рамках универсального и реального принципов действия уголовного закона в пространстве. Понимание содержания этих принципов не вызывает особых затруднений. Вместе с тем возникает ряд вопросов при реализации положений ст. 8 УК, которая, имея бланкетный характер, отсылает нас к международному договору при решении вопроса о преюдициальном значении совершения преступления на территории иностранного государства.

На международном уровне вопрос об уголовно-правовом значении судимости и иных уголовно-правовых последствиях совершения лицом преступления на территории иностранного государства не находит однозначного решения. Анализ показывает, что вопрос о преюдициальном значении совершения преступления на территории иностранного государства может иметь разные варианты решения. Так, если между Республикой Беларусь и соответствующим государством не заключен договор о правовой помощи по уголовным делам, то это свидетельствует об отсутствии у национального суда обязанности учитывать преюдициальное значение совершения преступления на территории иностранного государства, с которым не подписан договор о правовой помощи.

Такого рода обязанность отсутствует и в случаях наличия договора о правовой помощи по уголовным делам, в котором положения о правовых последствиях совершения преступления на территории другой договаривающейся стороны ограничиваются лишь указаниями на предоставление друг другу по просьбе сведений о приговорах и судимостях лиц, которые ранее были осуждены на их территории. Возможность обмена подобного рода информацией при отсутствии механизма учета таких сведений при привлечении лица к уголовной ответственности национальным судом предусматривается многими двусторонними договорами о правовой помощи по уголовным делам (с Литвой, Польшей, Китаем, Вьетнамом и др.).

Однако некоторые договоры о правовой помощи по уголовным делам предусматривают обязанность договаривающихся сторон учитывать при привлечении к уголовной ответственности лица уголовно-правовые последствия совершения этим лицом преступления на территории иностранного государства. Например, ст. 78 договора о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам, заключенного между Республикой Беларусь и Латвийской Республикой, помимо указания на обмен информацией о вынесенных приговорах и судимостях предусматривает положение о том, что суды учитывают предусмотренные законодательством договаривающихся сторон смягчающие и отягчающие ответственность обстоятельства независимо от того, на территории какой договаривающейся стороны они возникли. Однако возложение такого рода обязанности на национальные суды договаривающихся сторон породило вопрос о том, в каком случае должны учитываться эти обстоятельства: при квалификации преступления либо при назначении наказания. В утратившем силу постановлении Пленума Верховного суда Республики Беларусь от 19 июня 1992 г. № 6 «О судебном приговоре» (в редакции от 14 сентября 1995 г.) было разъяснено, что в отношении граждан государств – участников СНГ судимости в других странах СНГ не должны приниматься во внимание при квалификации преступления, но могут учитываться при назначении наказания, как данные, характеризующие личность. Однако действующее постановление Пленума Верховного суда Республики Беларусь от 28 сентября 2001 г. № 9 «О приговоре суда» подобного разъяснения уже не содержит.

Несколько иной подход по этому вопросу предусмотрен в многосторонних договорах о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам, участницей которых является Республика Беларусь. Согласно ст. 76^1 Минской конвенции от 22 января 1993 г. и ст. 99 одноименной Кишиневской конвенции от 7 октября 2002 г. учреждения юстиции договаривающихся сторон могут признавать и учитывать приговоры судов стран СНГ при решении вопросов о повторности пре-

ступления, нарушения обязанности, связанных с условным осуждением, и некоторых других вопросов.

Такого рода диспозитивные положения порождают вопрос: обязан ли национальный суд учитывать подобные обстоятельства при привлечении соответствующего лица по уголовному закону своего государства? Если, например, гражданин России, осужденный условно, в течение испытательного срока, находясь на территории Республики Беларусь, совершил преступление, то должен ли суд, назначая наказание за это преступление, руководствоваться положениями ст. 73 УК? Поскольку в указанных конвенциях говорится о том, что «суд может признать…», то, следовательно, это право суда. Практика показывает, что, как правило, суды Республики Беларусь учитывают судимости за преступления, совершенные на территории государств – участников СНГ.

В судебной практике достаточно распространенными являются ошибки при решении вопросов о пределах уголовного преследования выданного лица. В соответствии с международными договорами о правовой помощи по уголовным делам без согласия запрашиваемой договаривающейся стороны выданное лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности или подвергнуто наказанию за преступление, которое совершено до его выдачи и за которое оно не было выдано (например, ст. 66 Минской конвенции). Между тем в практике встречаются случаи привлечения к уголовной ответственности выданных лиц за те преступления, за которые они не выдавались.

Так, Г. был признан виновным в изнасиловании заведомо несовершеннолетней Е., кражах картофеля у граждан, совершенных группой лиц, а также в покушении на кражу картофеля, совершенном группой лиц, и по приговору суда Слонимского района осужден по ч. 2 ст. 166, ч. 2 ст. 205, ч. 1 ст. 14 и ч. 2 ст. 205 УК. Президиум Гродненского областного суда отменил приговор в части осуждения Г. по ч. 1 ст. 14 и ч. 2 ст. 205 УК по следующим основаниям. Судом первой инстанции при постановлении приговора не было учтено то обстоятельство, что Г. был выдан Республикой Беларусь Генеральной прокуратурой Российской Федерации для привлечения к уголовной ответственности за изнасилование и кражу, совершенные при отягчающих обстоятельствах. За покушение на совершение кражи при отягчающих обстоятельствах Г. не выдавался. Согласно ст. 66 Минской конвенции без согласия запрашиваемой договаривающейся стороны выданное лицо нельзя привлечь к уголовной ответственности или подвергнуть наказанию за совершенное до его выдачи преступление, за которое оно не было выдано. В соответствии с ч. 4 ст. 1 УПК Республики Беларусь международные договоры Республики Беларусь, определяющие права и свободы человека и гражданина, в уголовном процессе применяются наряду с УПК. Следовательно, состав покушения на кражу картофе-

ля, совершенного группой лиц, был излишне вменен Г. При таких обстоятельствах приговор должен быть изменен [422, с. 55]

Изложенное позволяет сделать следующие выводы.

1. В ракурсе концепции темпоральной онтологии права в возникнувшей правовой ситуации мы имеем дело с фактическим прошлым, в качестве которого выступает общественно опасное деяние, причинившее вред либо породившее угрозу причинения вреда правоохраняемым интересам. Правовые последствия совершенного деяния наступают в будущем в соответствующей форме и мере реализации уголовной ответственности. Для правоприменителя, решающего задачу по уголовно-правовой оценке содеянного, квалификация преступления в сложившейся правовой ситуации выступает настоящим как ее «актуализация». В темпоральной структуре возникающих правовых ситуаций квалификация преступления является связующим звеном между прошлым (посягательством) и будущим (уголовной ответственностью).

2. К темпоральным основам квалификации преступления следует относить не только нормативные предписания о действии уголовного закона во времени, но и иные положения методологического свойства: временные границы совершения уголовно-противоправного деяния; правило преодоления темпоральной конкуренции уголовно-правовых норм; уголовно-правовые фикции, обусловленные сроками, установленными уголовным законом (давность уголовного преследования, сроки погашения судимости и др.).

3. В целях оптимизации применения уголовного закона на стадии определения меры уголовной ответственности на основании положений ч. 2 ст. 9 УК в формуле квалификации преступления уместно было бы выделять две части: помимо указания на статью (статьи), определенной на основе положений ч. 2 ст. 9 УК в скобках обозначать сопоставляемую уголовно-правовую норму (норму утратившего силу УК либо норму действующего УК, но в соответствующей редакции), положения которой следует учитывать при определении пределов назначения наказания.

4. Сокращение пределов уголовно-правового запрета вследствие либерализации правового регулирования определенной сферы общественных отношений должно учитываться при применении уголовно-правовой нормы, обусловленной соответствующим бланкетным признаком. Игнорирование положений ч. 2 ст. 9 УК в таких случаях будет являться прямым нарушением уравнивающего аспекта принципа социальной справедливости.

5. Часть 1 ст. 5 УК Республики Беларусь требует законодательной оговорки: «если иное не предусмотрено международным договором Республики Беларусь».

6. При заключении международных договоров по вопросам уголовной юрисдикции для разрешения спорных вопросов должно формули-

роваться преимущественное право направляющей или принимающей стороны на осуществление юрисдикции в отношении соответствующих лиц либо определенных видов или категорий преступлений.

7. Принадлежность водного судна Республике Беларусь следует определять в уголовном законе двумя моментами: фактом государственной регистрации судна в Республике Беларусь (подтверждается свидетельством о праве плавания под Государственным флагом Республики Беларусь, свидетельством о праве собственности на судно, судовым билетом) и наличием Государственного флага Республики Беларусь, под которым это судно осуществляет плавание.

8. Во избежание разногласий и международных споров по вопросам уголовной юрисдикции на борту водного судна, находящегося во внутренних водных путях другого государства, при заключении соответствующих двусторонних соглашений надо всегда четко обозначать пределы уголовной юрисдикции. Существует необходимость унифицировать требования об уголовной юрисдикции на борту водного судна, находящегося во внутренних водных путях другого государства.

9. Часть 3 ст. 5 УК целесообразно изложить следующим образом: «Лицо, совершившее преступление на судне, зарегистрированном в Республике Беларусь и находящемся вне ее пределов под флагом Республики Беларусь, подлежит уголовной ответственности по настоящему Кодексу, если иное не предусмотрено международным договором Республики Беларусь».

10. На основе норм зарубежного уголовного законодательства есть основания выделить такие законодательные подходы (модели) в определении оснований персональной уголовной юрисдикции, как полная персональная юрисдикция, ограниченная персональная юрисдикция, юрисдикционное правило двойной криминальности (двойной преступности), дифференцированная юрисдикция.

11. Наиболее оптимальным следует признать дифференцированный подход в определении пределов персональной юрисдикции. Положение о двойной криминальности в таком случае является общим правилом, основанным на соблюдении положений законодательства иностранного государства и норм международного права. Исключение из правила о двойной криминальности в отечественном уголовном законе следует формулировать на основе следующих критериев: деяние признается преступлением по УК Республики Беларусь; деяние не является преступлением по уголовному законодательству государства, на территории которого оно совершено; деяние относится к категории тяжкого либо особо тяжкого преступления в соответствии с положениями ч. 4 и 5 ст. 12 УК Республики Беларусь; преступление направлено против интересов Республики Беларусь.

12. Результат социально-правовой оценки преступления в случае наличия юрисдикционного положения о двойной преступности следует отражать в соответствующих процессуальных документах с указанием как нормы национального уголовного закона, так и нормы уголовного закона государства, на территории которого было совершено преступление.

13. Статью 4 УК Республики Беларусь целесообразно дополнить новой частью следующего содержания: «Под термином интересы Республики Беларусь понимаются потребности граждан Республики Беларусь, юридических лиц, зарегистрированных в Республике Беларусь, общества и государства по реализации конституционных прав и обеспечению независимости, территориальной целостности, суверенитета Республики Беларусь.».

14. Часть 1 ст. 6 УК Республики Беларусь целесообразно изложить следующим образом:

«1. Гражданин Республики Беларусь или постоянно проживающее в республике лицо без гражданства, совершившие преступления вне пределов Республики Беларусь, подлежат ответственности по настоящему Кодексу, если совершенные ими деяния признаны преступлениями в государстве, на территории которого они были совершены, и если они не были осуждены, оправданы или освобождены от уголовной ответственности по решению суда иностранного государства в порядке, предусмотренном законодательством этого государства. Положения настоящей статьи применяется и к лицам, которые приобретают гражданство Республики Беларусь либо приобретают статус лица, постоянно проживающего в республике, после совершения преступления за пределами Республики Беларусь. При осуждении указанных лиц наказание назначается в пределах санкции статьи настоящего Кодекса, но не должно превышать верхнего предела санкции, предусмотренной законом государства, на территории которого было совершено преступление. При наличии различий между статьями настоящего Кодекса и статьями уголовного законодательства государства, на территории которого было совершено преступление, суд применяет нормы уголовного законодательства в пользу лица, совершившего преступление».

15. Статью 6 УК Республики Беларусь дополнить новой частью следующего содержания:

«1[1]. Лица, указанные в части первой настоящей статьи, подлежат ответственности по настоящему Кодексу и в случае совершения вне пределов Республики Беларусь деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но не признаваемого преступлением в государстве, на территории которого оно было совершено. Ответственность в таком случае наступает только при совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, направленного против интересов Республики Беларусь».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдуллин, А.Р. Философская герменевтика / А.Р. Абдуллин. Уфа : Изд-во Башкир. ун-та, 2000. 60 с.

2. Абрамов, С.Р. Сакральный и поэтический текст как предмет филологической герменевтики (на материале германских языков) : автореф. … дис. д-ра филол. нау : 10.01.08 / С.Р. Абрамов ; Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. СПб., 2006. 36 с.

3. Абрамова, Е.И. Когнитивная лингвистика : пособие / Е.И. Абрамова. Брест : БрГУ им. А.С. Пушкина, 2002. 47 с.

4. Автономова, Н.С. Философские проблемы структурного аннализа в гуманитарных науках / Н.С. Автономова. М. : Наука, 1977. 270 с.

5. Агаев, И.Б. Совокупность преступлений: понятие, виды и наказуемость : монография / И.Б. Агаев. М. : ТК Велби, 2003. 200 с.

6. Административное право России : учебник / Л.Л. Попов, Ю.И. Мигачев, С.В. Тихомиров ; отв. ред. Л.Л. Попов. М. : Проспект, 2006. 688 с.

7. Административное право : учебник / Ю.М. Козлов [и др.] ; под ред. Л.Л. Попова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юристъ, 2006. 695 с.

8. Административное право : учеб.-метод. комплекс. / Л.М. Рябцев, Т.В. Телятицкая. 2-е изд., перераб. и доп. Минск : Изд-во МИУ, 2005. 203 с.

9. Актуальные проблемы философии как методологии научного познания / В.В. Бущик [и др.] ; под ред. В. В. Бущика. Минск : БГПУ, 2006. 147 с.

10. Акутаев, Р.М. О принципе справедливости в уголовном праве / Р.М. Акутаев, А.У. Тагаев // Рос. юрид. журн. 2007. № 4. С. 120–123.

11. Алексеев, П.В. Философия : учебник / П.В. Алексеев, А.В. Панин. 4-е изд. перераб и доп. М. : Проспект, 2007. 588 с.

12. Алексеев, С.С. Общая теория права : курс в 2 т. / С.С. Алексеев. М. : Юрид. лит., 1981–1982. Т. 2. 1982. 359 с.

13. Алексеев, С.С. Право: азбука– теория– философия: Опыт комплексного исследования / С.С. Алексеев. М. : Статут, 1999. 712 с.

14. Алексеев, С.С. Право на пороге нового тысячелетия: некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи / С.С. Алексеев. М. : Статут, 2000. 252 с.

15. Алексеев, С.С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие классификация / С.С. Алексеев // Совет. государство и право. 1987. № 6. С. 12–19.

16. Алексеев, С.С. Проблемы теории права : курс лекций : в 2 т. / С.С. Алексеев. Свердловск : Сверд. юрид. ин-т, 1972–1973. Т. 1. Основные вопросы общей теории социалистического права. 1972. 396 с.

17. Алексеев, С.С. Структура уголовного права / С.С Алексеев. М. : Юрид. лит, 1975. 90 с.

18. Алексеєнко, Н.М. Біблійна герменевтика в українській бароковій прозі : автореф. … дис. канд. філол. наук : 10.01.01 / Н.М. Алексеєнко ; Харків. держ. пед. ун-т ім. Г.С. Сковороди. Харків, 2001. 18 с.

19. Аналитическая философия : избр. тексты / сост., вступ. ст. и коммент. А.Ф. Грязнова. М. : Изд-во МГУ, 1993. 181 с.

20. Андреев, И.В. Теоретико-правовые основы квалификации преступления : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / И.В. Андреев. Тюмень, 2000. 204 л.

21. Андреев, И.П. Проблемы логики и методологии познания / И.П. Андреев. М. : Наука, 1972. 320 с.

22. Арендаренко, А.В. Реализация принципа социальной справедливости в современном уголовном праве России / А.В. Арендаренко. М. : Закон и право, 2007. 351 с.

23. Аристотель. Сочинения : в 4 т. / Аристотель. М. : Мысль, 1978. Т. 2 : Об истолковании / ред. З.Н. Микеладзе. 678 с.

24. Аристотель. Сочинения : в 4 т / Аристотель. М. : Мысль, 1975. Т. 1 : Метафизика. 550 с.

25. Аристотель. Этика / Аристотель. М. : Астрель, 2012. 492 с.

26. Армстронг, Д.М. Материалистическая теория познания / Д.М. Армстронг // Аналитическая философия : избр. тексты / сост., вступ. ст. и коммент. А.Ф. Грязнова. М. : Изд-во МГУ, 1993. С. 121–131.

27. Архив суда Дзержинского района. Уголовное дело № 1-59/09.

28. Архив суда Фрунзенского района г. Минска. Уголовное дело № 1-1054/10.

29. Астемиров, З.А. Проблемы теории уголовной ответственности и наказания / З.А. Астемиров. Махачкал : Канон, 2000. 120 с.

30. Бабаев, В.К. Советское право как логическая система : учеб. пособие / В.К. Бабаев. М. : Акад. МВД СССР, 1978. 212 с.

31. Бабий, Н. Принципы построения уголовного закона и квалификация преступления / Н. Бабий // Уголовное право. 2006. № 3. С. 4–8.

32. Бабий, Н.А. Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть : учебник / Н.А. Бабий. Минск : ГИУС БГУ, 2010. 663 с.

33. Бабий, Н. Из чего состоят составные насильственные преступления? / Н.Бабий // Суд. весн. 2005. № 3. С. 51–54.

34. Бабий, Н.А. Алгоритмы квалификации взяточничества : науч.-метод. пособие / Н.А. Бабий. Минск : Тесей, 2012. 284 с.

35. Бабий, Н.А. Квалификация неудавшегося соучастия в преступлении / Н.А. Бабий // Правовые средства и механизмы противодействия преступности в современном обществе : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 16 окт. 2009 г. / Бел. гос. ун-т ; редкол.: Г.А. Шумак (отв. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2010. С. 24–27.

36. Бабий, Н.А. О необходимости соблюдения принципа системности построения уголовного закона / Н.А. Бабий // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы : сб. науч. тр. / Ин-т суд. экспертизы / редкол.: А.В. Дулов (гл. ред.) [и др.]. Минс : Право и экономика, 2007. Вып. 2/22. С. 7–15.

37. Бабий, Н.А. Преступления против жизни: алгоритмы квалификации / Н.А. Бабий. Минск : Тесей, 2009. 188 с.

38. Бабий, Н.А. Теоретические основы криминализации и квалификации составных насильственных преступлений / Н.А. Бабий // Суд. весн. 2005. № 1. С. 50–53.

39. Бабий, Н.А. Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть : учеб. пособие / Н.А. Бабий. Минск : ГИУСТ БГУ, 2006. 335 с.

40. Багрий-Шахматов, Л.В. Уголовная ответственность и наказание / Л.В. Багрий-Шахматов. Минск : Выш. шк., 1976. 384 с.

41. Бажанов, С.В. Стоимость уголовного процесса : дис. … д-ра юрид. Наук : 12.00.09 / С.В. Бажанов. Н. Новгород, 2002 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://kalinovsky-k.narod.ru/b/bazanov2002/2-3.htm. Дата доступа: 10.08.2013.

42. Байтин, М.И. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков) / М.И. Байтин. Изд. 2-е, доп. М. : ООО ИД «Право и государство», 2005. 250 с.

43. Баксанский, О.Е. Когнитивный образ мира / О.Е. Баксанский, Е.Н. Кучер. М. : Канон+, 2010. 80 с.

44. Баранов, В.М. Истинность норм советского права. Проблемы теории и практики / В.М. Баранов. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1989. 397 с.

45. Баранчикова, М.В. Значение принципов уголовного права в борьбе с преступностью : автореф. ... дис. канд. юрид. наук : 12.00.08 / М.В. Баранчикова ; Рост. ун-т дружбы народов. М., 2009. 28 с.

46. Барков, А. Обратная сила норм Особенной части Уголовного кодекса Республики Беларусь / А. Барков // Суд. весн. 2001. № 2. С. 30–31.

47. Барков, А.В. Значение, понятие, виды и принципы конструирования квалифицирующих признаков преступления / А.В. Барков// Проблемы совершенствования законодательства и правоприменительной деятельности в СССР : сб. науч. тр. Минск, 1983. С. 285–287.

48. Барков, А.В. К вопросу о сущности уголовных правоотношений / А.В. Барков // Проблемы уголовного права : сб. ст. / под. ред. И.С. Тишкевича. Минск : Изд-во БГУ, 1976. С. 3–17.

49. Барков, А.В. Понятие должностного лица и судебная практика по уголовным делам / А.В. Барков // Судебная практика в контексте принципов права и законности : сб. науч. тр. / редкол.: В.М. Хомич (гл. ред.) [и др.]. Минск : Тесей, 2006. С. 90–103.

50. Барков, А.В. Принципы уголовного закона и законотворческая практика / А.В. Барков // Эффективность уголовной юстиции в контексте верховенства права : материалы Междунар. науч. конф., Минск, 17 окт. 2003 г. / Бел. гос. ун-т ; редкол.: А.В. Барков (отв. ред.) [и др]. Минск : БГУ, 2003. С. 10–13.

51. Бартон, В.И. Логика : учеб. пособие / В.И. Бартон. 3-е изд., перераб. Минск : Новое знание, 2008. 363 с.

52. Баулин, Ю.В. О методологическом значении деления права на частное и публичное для современной уголовно-правовой доктрины / Ю.В. Баулин // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы Пятой Междунар. научн.-практ. конф., Москва, 24–25 янв. 2008 г. / редкол. А.И. Рарог [и др.]. М. : Проспект, 2008. С. 14–15.

53. Баулин, Ю.В. Этапы системного подхода при исследовании уголовного права как отрасли публичного права / Ю.В. Баулин // Системность в уголовном

праве : материалы II Рос. конгр. уголовного права, Москва, 31 мая – 1 июня 2007 г. / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова ; редкол. В.С. Комиссаров [и др.]. М. : Проспект, 2007. С. 48–51.

54. Баулин, Ю.В. Уголовно-правовые средства противодействия преступности / Ю.В. Баулин // Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты : материалы III Рос. конгр. уголовного права, Москва, 29–30 мая 2008 г. / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова ; редкол. В.С. Комиссаров [и др.]. М. : Проспект, 2008. С. 554–556.

55. Бахрах, Д.Н. Административной право : учеб. для вузов / Д.Н. Бахрах. 2-е изд., изм. и доп. М. : Норма, 2005. 650 с.

56. Бахтин, М.М. Искусство и ответственность. К философии поступка. Автор и герой в эстетической деятельности. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве / М.М. Бахтин. Киев : Next,1994. 381 с.

57. Безверхов, А.Г. Системный подход в науке уголовного права / А.Г. Безверхов // Системность в уголовном праве : материалы II Рос. конгр. уголовного права, Москва, 31мая – 1 июня 2007 г. / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова ; редкол. В.С. Комиссаров [и др.]. М. : Проспект, 2007. С. 51–53.

58. Беккариа, Ч. О преступлениях и наказаниях / Ч. Беккариа. М. : Юриздат, 1939. 464 с.

59. Белов, М.Н. Правоотношения в уголовном праве : автореф. … дис. канд. юрид. наук : 12.00.08 / М.Н. Белов ; Казан. гос. ун-т. Н. Новгород, 2002. 23 с.

60. Белюнас, Э. Перспективы сравнительных исследований правового института квалификации преступления / Э. Белюнас // Научные основы уголовного права и процессы глобализации : материалы V Рос. конгр. уголовного права, Москва, 28–29 мая 2009 г. / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова ; редкол. В.С. Комиссаров [и др.]. М. : Проспект, 2009. С. 265–270.

61. Белюнас, Э. Теоретические и нормативные контуры официальной квалификации преступления / Э. Белюнас // Категория «цель» в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии : материалы IV Рос. конгр. уголовного права, Москва, 28–29 мая 2009 г. / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова ; редкол. В.С. Комиссаров [и др.]. М. : Проспект, 2009. С. 624–629.

62. Белюнас, Э.Б. Проект Основ уголовного законодательства и правовой институт квалификации преступления / Э.Б. Белюнас // Актуальные вопросы реформы уголовного законодательства : тез. докл. респ. конф., Тарту, 2–3 марта 1989 г. / Тарт. гос. ун-т. Тарту, 1989. С. 53–56.

63. Берг, О.В. Некоторые вопросы теории нормы права / О.В. Берг // Государство и право. 2003. № 4. С. 19–25.

64. Берченко, А.Я. Применение советского социалистического права / А.Я. Берченко. М. : Изд. ВПШ и АОН при ЦК КПСС, 1960. 31 с.

65. Бибило, В. Легальное усмотрение суда / В. Бибило // Суд. вен. 2006. № 3. С. 38–40.

66. Бибило, В.Н. Конституционные принципы правосудия и их реализация в стадии исполнения приговора / В.Н. Бибило. Минск : Изд-во «Университетское», 1986. 160 с.

67. Благов, Е.В. Применение уголовного права (теория и практика) / Е.В. Благов. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. 505 с.

68. Благов, Е.В. Квалификация при совершении преступления / Е.В. Благов. М. : Юрлитинформ, 2009. 192 с.

69. Блауерг И. В. Становление и сущность системного подхода / И.В. Блауерг, Э.Г. Юдин. М. : Наука, 1973. 160 с.

70. Блум, М.И. Действие советского уголовного закона в пространстве : учеб. пособие / М.И. Блум. Рига : Латв. ун-т, 1974. 262 с.

71. Блум, М.И. Обратная сила уголовного закона. Действие советского уголовного закона во времени / М.И. Блум, А.А. Тилле. М. : Юрид. лит., 1969. 135 с.

72. Богачов, А.Л. Релятивізм і філософська герменевтика : автореф. … дис. канд. філос. наук : 09.00.01 / А.Л. Богачов ; Київ. ун-т ім. Т.Шевченка. Київ, 1997. 18 с.

73. Богданович, С.П. Оценочные понятия в вещном и обязательном праве : автореф. … дис. канд. юрид. наук : 12.00.03 / С.П. Богданович ; Кубанск. гос. аграрн. ун-т. Краснодар, 2012. 27 с.

74. Божьев, В.П. Уголовно-правовые и процессуальные правоотношения / В.П. Божьев, Е.А. Фролов // Совет. государство и право. 1974. № 1. С. 87–95.

75. Бойко, А.И. Системная среда уголовного права : автореф. … дис. д-ра юрид. наук : 12.00.08 / А.И. Бойко. Мос. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. М., 2008. 49 с.

76. Бойко, А.И. Язык уголовного закона и его понимание : монография / А.И. Бойко. М. : Юрлитинформ, 2010. 320 с.

77. Бойцов, А.И. Действие уголовного закона во времени и пространстве / А.И. Бойцов. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1995. 257 с.

78. Бойцов, А.И. Уголовный закон / А.И. Бойцов // Уголовное право России: Общая часть : учебник / под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. СПб. : Изд. Дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2006. С. 221–324.

79. Большая энциклопедия : в 62 т. / редкол.: С.А. Кондратов (гл. ред.) [и др.] М.: ТЕРРА, 2006. Т. 23. - 592 с.

80. Большая энциклопедия : в 62 т. / редкол.: С.А. Кондратов (гл. ред.) [и др.]. М. : ТЕРРА, 2006. Т. 48. 592 с.

81. Большой толковый медицинский словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.medslv.ru/html/z/zabolevanie-bolezn5.html. Дата доступа: 30.08.2013.

82. Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотермизм, политэкономия / гл. ред. С.Ю. Солодовников. Минск : МФЦП, 2002. 1008 с.

83. Борзенков, Г.Н. Уголовно-правовые аспекты применения закона / Г.Н. Борзенков // Вестн. МГУ. Сер. 11. Право. 1987. № 3. С. 45–46.

84. Боровиков, Н.С. Бланкетные нормы в уголовном праве : автореф. … дис. канд. юрид. наук : 12.00.08 / Н.С. Боровиков ; Владимир. гос. гум. ун-т. М., 2009. 23 с.

85. Босхолов, С.С. Основы уголовной политики: конституционный, криминологический, уголовно-правовой и информационный аспекты / С.С. Босхолов. М. : ЮрИнфоР, 1999. 250 с.

86. Бошно, С.В. Теория государства и права : учеб. пособие / С.В. Бошно. М. : Эксмо, 2007. 393 с.

87. Брайнин, Я.М. Уголовный закон и его применение / Я.М. Брайнин. М. : Юрид. лит., 1967. 240 с.

88. Братусь, С.Н. Юридическая ответственность и законность / С.Н. Братусь. М. : Юрид. лит., 1976. 215 с.

89. Брудный, А.А. Психологическая герменевтика : учеб. пособие / А.А. Брудный. М. : Лабиринт, 1998. 332 с.

90. Булгаков, Д.Б. Потерпевший в уголовном праве и его криминологическая характеристика / Д.Б. Булгаков. Ставрополь : КГУ, 2000. 120 с.

91. Буранов, Г.К. Отягчающие наказание обстоятельства в уголовном праве России : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Г.К. Буранов. Ульяновск, 2002. 190 л.

92. Бурчак, Ф.Г. Квалификация преступлений / Ф.Г. Бурчак. Киев : Политиздат Украины, 1983. 141 с.

93. Быстрицкий, Е.К. Научное познание и проблема понимания / Е.К. Быстрицкий. Киев : Навукова думка, 1986. 133 с.

94. Вавилова, А.А., Некоторые теоретические аспекты соотношения права и языка / А.А. Вавилова // Вестн. МГУ. Сер. 11. Право. 2006. № 5. С. 127–136.

95. Вардазарян, О.С. Филон Александрийский в армянской средневековой герменевтике : автореф. … дис. канд. филос. наук : 09.00.02 / О.С. Вардазарян ; Ерев. гос. ун-т. Ереван, 2003. 22 с.

96. Васильченко, А.А. Взаимосвязь уголовно-правовых и уголовно-процессуальных правовых отношений : автореф. … дис. канд. юрид. наук : 12.00.08 / А.А. Васильченко ; Волгогр. акад. МВД России. Волгоград, 2005. 29 с.

97. Васильченко, А.А. Уголовно-правовая норма в механизме уголовно-правового регулирования / А.А. Васильченко // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы Шестой Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 29–30 янв. 2009 г. / МГЮА ; редкол. А.И. Рарог (отв. ред.) [и др.]. М. : Проспект, 2009. С. 27–29.

98. Васьковский, Е.В. Руководство к толкованию и применению законов : пособие для начинающих юристов / Е.В. Васьковский. М. : Юрид. бюро «Городец», 1997. 126 с.

99. Ведерникова, О. Н. Международное уголовное право: проблемы имплементации / О.Н. Ведерникова // Уголовное право. 2003. № 3. С. 12–15.

100. Векленко, В. Проблемы толкования оценочных категорий уголовного закона / В. Векленко, М. Бовсун // Уголовное право. 2003. № 3. С. 15–17.

101. Векленко, С.В. Виновное вменение в уголовном праве : автореф. … дис. д-ра юрид. наук : 12.00.08 / С.В. Векленко ; Акад. упр. МВД России. М., 2003. 41 с.

102. Вильнянский, С.И. Применение норм советского права / С.И. Вильнянский // Учен. зап. Харьк. юрид. ин-та. Харьков, 1956. Вып. 7. С. 12–16.

103. Вишневский, А.Ф. Общая теория государства и права / А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбаток, В.А. Кучинский ; под общ. ред. А.Ф. Вишневского. 2-е изд., перераб. и доп. Минск : Тесей, 1999. 559 с.

104. Вобликов, А.Б. Проблемы применения бланкетных норм Уголовного кодекса РФ / А.Б. Вобликов // Вестн. Твер. гос. ун-та. 2006. № 6. С. 64–73.

105. Волженкин, Б. Принцип справедливости и проблемы множественности преступлений по УК РФ / Б. Волженкин // Законность. 1998. № 12. С. 2–7.

106. Волженкин, Б.В. Оценка состояния Уголовного кодекса Российской Федерации и перспективная характеристика законодательной деятельности / Б.В. Волженкин // Международное и национальное уголовное законодательство: проблемы юридической техники : материалы III Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 29–30 мая 2003 г. / Моск. гос. ун.-т им. М.В. Ломоносова ; редкол В.С. Комиссаров [и др.]. М. : ЛексЭст, 2004. С. 12.

107. Володина, М.Н. Соотношение национальных и интернациональных элементов в процессе терминологической номинации (на материале ключевых радиотелетерминов современного немецкого языка) : автореф. … дис. канд. фил. наук : 10.02.04 / М.Н. Володина ; МГУ. М., 1984. 26 с.

108. Вопленко, Н.Н. Правоприменительная квалификация и юридическая справедливость // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 5. Социология. Право. Политика. 2000. Вып. 3. Волгоград, 2000. С. 46–50.

109. Воробьев, А.В. Теория адвокатуры / А.В. Воробьев, А.В. Поляков, Ю.В. Тихонравов. М. : Грантъ, 2002. 462 с.

110. Врублевская, Н. Обратная сила уголовно-правовых норм с бланкетными диспозициями / Н.Врублевская // Юстиция Беларуси. 2013. № 1. С. 51–55.

111. Врублевская, Н.Г. Обратная сила норм уголовного закона: теоретические и прикладные проблемы : автореф. … дис. канд. юрид. наук : 12.00.08 / Белорус. гос. ун-т. Минск, 2005. 25 с.

112. Гавриленко, Д.А. Административное право Республики Беларусь : курс лекций. Минск : Дикта, 2004. 214 с.

113. Гаврилов, Д.А. Правоприменительное толкование : автореф. … дис. канд. юрид. наук : 12.00.01 / Д.А. Гаврилов ; Сарат. гос. акад. Саратов, 2000. 27 с.

114. Гаврина, Е.Г. Понимание: предметно-логический и культурно-исторический аспекты : автореф. … дис. канд. филос. наук : 09.00.01 / Е.Г. Гаврина ; Ивановск. гос. ун-т. Иваново, 2007. 24 с.

115. Гадамер, Х.-Г. Актуальность прекрасного / Х.-Г. Гадамер. М. : Искусство, 1991. 367 с.

116. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер / пер. с нем. ; общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. М. : Прогресс, 1988. 704 с.

117. Гадамер, Х.-Г. Пути Хайдеггера: исследования позднего творчества / Х.-Г. Гадамер / пер. с нем. А.В. Лаврухина. Минск : Пропилеи, 2005. 240 с.

118. Галиакбаров, Р.Р. Уголовное право и общественные отношения конфликтного характера / Р.Р. Галиакбаров // Проблемы советского уголовного права и криминологии. М., 1973. Вып. 2. С. 63–74.

119. Гальперин, И.М. Социальная справедливость и наказание / И.М. Гальперин, А.Р. Ратинов // Совет. государство и право. 1966. № 10. С. 72–77.

120. Гаухман, Л. Нужен новый УК / Л. Гаухман // Законность. 1998. № 7. С. 22–25.

121. Гаухман, Л.Д. Квалификация преступления: закон, теория, практика / Л.Д. Гаухман. М. : АО «Центр ЮрИнфоР», 2001. 316 с.

122. Гаухман, Л.Д. Квалификация преступления: закон, теория, практика / Л.Д. Гаухман. 2-е изд., перераб. и дополн. М. : АО «Центр ЮрИнфоР», 2003. 448 с.

123. Гаухман, Л.Д. О понятии оценочно-прогностического признака / Л.Д. Гаухман // Изв. высш. учеб. заведений. Правоведение. 1983. № 3. С. 85–88.

124. Гафаров, Х.С. Лингво-философская концепция как основание герменевтики Х.-Г. Гадамера : автореф. … дис. канд. филос. наук : 09.00.03 / Х.С. Гафаров ; С.-Петерб. ун-т. СПб., 1993. 19 с.

125. Герцензон, А.А. Квалификация преступления / А.А. Герцензон. М. : Воен. юрид. акад., 1947. 26 с.

126. Гетманова, А.Д. Логика для юристов : учеб. пособие для студентов вузов / А.Д. Гетманова. 4-е изд., стер. М. : Омега-Л, 2007. 424 с.

127. Головастикова, А.Н. Теория государства и права : учебник / А.Н. Головастикова, Ю.А. Дмитриев. М. : Эксмо, 2007.650 с

128. Гонтарь, И.Я. Парадигмы в уголовном праве и реальность / И.Я. Гонтарь // Изв. высш. учеб. заведений. Правоведение. 2002. № 6. С. 140–150.

129. Горелик, А.С. Принцип справедливости в уголовном праве: сфера действия и законодательное определение / А.С. Горелик // Реализация принципа справедливости в правоприменительной деятельности органов уголовной юстиции : сб. науч. ст. Ярославль : ЯрГУ, 1992. С. 3–13.

130. Горелик, И.И. Вопросы уголовного права (Особенной части) в практике Верховного суда БССР / И.И. Горелик, И.С. Тишкевич. Минск : Выш. шк., 1976. 240 с.

131. Грачева, Ю.В. Стуктура уголовно-правовой нормы / Ю.В. Грачева // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы Пятой Междунар. нучн.-практ. конф., Москва, 24–25 янв. 2008 г. / МГЮА ; редкол. А.И. Рарог [и др.]. М. : Проспект, 2008. С. 49–53.

132. Грачева, Ю.В. Уголовно-правовая норма: понятие, структура, виды / Ю.В. Грачева // Науч. тр. Моск. гос. юрид. акад. 2008. № 1. С. 22–39.

133. Гринев, С.В. Введение в терминоведение / С.В. Гринев. М. : Наука, 1993. 219 с.

134. Гришанин, П.Ф. Пути укрепления законности в практике квалификации преступления / П.Ф. Гришанин // Совет. государство и право. 1985. № 1. С. 51–56.

135. Грунтов, И.О. Принцип личной виновной ответственности в уголовном законодательстве / И.О. Грунтов. Минск : Тесей, 2012. 366 с.

136. Грязнов, А.Ф. Аналитическая философия / А.Ф. Грязнов. М. : Высш. шк., 2006. 375 с.

137. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт ; пер. с нем. ; общ. ред. Г.В. Рамишвили. М. : ОАО «Прогресс», 2000. 400 с.

138. Гурко, Е. Деконструкция: тексты и интерпретация. Деррида Ж. Оставь это имя (Посткриптум). Как избежать разговора: денегации / Е. Гурко. Минск : Экономпресс, 2001. 320 с.

139. Гуссерль, Э. Идея феноменологии: пять лекций / Э. Гуссерль ; пер. с нем. Н. А. Артеменко. СПб. : ИЦ «Гум. акад.», 2006. 224 с.

140. Гуссерль, Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука / Э. Гуссерль. Минск : Харвест ; М.: АСТ, 2000. 752 с.

141. Гуссерль, Э. Логические исследования: Прологомены к чистой логике / Э. Гуссерль. Киев : Вентури, 1995. 256 с.

142. Давидович, В.Е. Социальная справедливость: идеал и принцип деятельности / В.Е. Давидович. М.: Изд-во полит. лит., 1989. 255 с.

143. Давыдова, Е.В. Примирение с потерпевшим в уголовном праве : автореф. … дис. канд. юрид. наук : 12.00.08 / Е.В. Давыдова ; СГУ. Ставрополь, 2001. 24 с.

144. Даньшин, И.Н. Уголовно-правовая охрана общественного порядка / И.Н. Даньшин. М. : Юрид. лит, 1973. 200 с.

145. Демидов, И.В. Логика : учеб. пособие для юрид. фак. / И.В. Демидов ; под ред. Б.И. Каверина. М. : Юриспруденция, 2000. 208 с.

146. Джинджолия, Р.С. Проблемы систематизации оценочных категорий при квалификации преступления против личности и при назначении за них наказания (анализ теории и практики) : автореф. … дис. д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Р.С. Джинджолия ; Акад. права и упр. Федер. службы исполнения наказаний. Рязань, 2005. 51 с .

147. Джинджолия, Р.С. Унификация оценочных признаков при квалификации преступления против личности / Р.С. Джинджолия. М. : Закон и право, 2004. 271 с.

148. Дильтей, В. Описательная психология / В. Дильтей. М. : ООО «МБА-Сервис», 2001. 138 с.

149. Дмитрук, В.Н. Теория государства и права : учеб. пособие / В.Н. Дмитрук. 3-е изд., стер. М. : Новое знание, 2006. 182 с.

150. Догадайло, Е.Ю. Время и право: теоретико-правовое исследование : автореф. … дис. д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Е.Ю. Догадайло ; Рос. акад. нар. хоз-ва. М., 2013. 55 с.

151. Долотов, Р.О. Механизм уголовно-правового регулирования в сфере преступных посягательств на объекты интеллектуальной собственности : автореф. … дис. канд. юрид. наук :12.00.08 / Р.О. Долотов ; Сарат. гос. акад. права. Саратов, 2009. 30 с.

152. Долотов, Р.О. Преступные посягательства на объекты интеллектуальной собственности: механизм уголовно-правового регулирования / Р.О. Долотов. М. : Юрлитинформ, 2010. 150 с.

153. Достоевский, Ф.М. Преступление и наказание / Ф.М. Достоевский. Л. : Худож. лит., 1978. 560 с.

154. Дрейшев, Б.В. Проблема обеспечения качества закона / Б.В. Дрейшев // Изв. высш. учеб. заведений. Правоведение. 1988. № 4. С. 29–33.

155. Дробязко, С.Г. Институт права / С.Г. Дробязко // Белорусская юридическая энциклопедия : в 4 т. / редкол.: С.А. Балашенко [и др.]. Минск : ГИУСТ БГУ, 2007. Т.1. С. 566.

156. Дробязко, С.Г. Принципы в праве / С.Г. Дробязко // Проблемы развития юридической науки и совершенствования правоприменительной практики : сб. науч. тр. / редкол.: С.А. Балашенко (гл. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2005. С. 27–32.

157. Дурманов, Н.Д. Советский уголовный закон / Н.Д. Дурманов. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1967. 319 с.

158. Еникеев, М.И. Энциклопедия. Общая и социальная психология / М.И. Еникеев. М. : Приор, 2002. 559 с.

159. Ермолаева, Е.В. Объект правоотношения: историко-теоретическое исследование : автореф. … дис. канд. юрид. наук : 12.00.01 / Е.В. Ермолаева ; Казан. гос. ун-т. Казань, 2004. 25 с.

160. Ефремова, Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. / Т.Ф. Ефремова. М. : АСТ : Астрель, 2006. Т. 1 : А–Л. 1165 с.

161. Жалинский, А.Э. Насильственная преступность и уголовная политика / А.Э. Жалинский // Совет. государство и право. 1991. № 3. С. 101–112.

162. Жариков, Ю. Реализация оценочных понятий в уголовном праве / Ю. Жариков // Законность. 2007. № 9. С. 45–47.

163. Жеребкин, В.Е. Логическая структура состава преступления / В.Е. Жеребкин. Харьков : ХарЮИ, 1974. 28 с.

164. Жицинский Ю.С. Санкция нормы советского гражданского права / Ю.С. Жицинский. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1968. 85 с.

165. Жук, М.С. Учение об институтах российского уголовного права: концептуальные основы и перспективы развития : монография / М.С. Жук. М. : Юрлитинформ, 2013. 304 с.

166. Жюлиа, Д. Философский словарь / Д. Жюлиа ; пер. с фр. М. : Междунар. отношения, 2000. 537 с.

167. Закирова, А.Ф. Теоретико-методологические основы и практика педагогической герменевтики : автореф. … дис. д-ра пед. наук : 13.00.01 / А.Ф. Закирова ; Тюмен. гос. ун-т. Тюмень, 2001. 47 с.

168. Законодательный процесс. Понятие. Институты. Стадии : науч.-практ. пособие / отв. ред. Р.Ф. Васильев. М. : Ифра-М, 2000. 350 с.

169. Землюков, С.В. Понятие вредных последствий преступления и их правовое значение в советском уголовном праве : автореф. … дис. канд. юрид. наук : 12.00.08 / С.В. Землюков ; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. М., 1983. 25 с.

170. Золкин, А.Л. Философия права : учеб. для студентов вузов / А.Л. Золкин. М. :ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 382 с.

171. Зырянов, В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений : учеб.-метод. пособие / В.Н. Зырянов, Ю.Е. Пудовочкин. Ставрополь : Изд-во СГУ, 2002. 97 с.

172. Зюбанов, Ю.А. Действие уголовного закона в пространстве (опыт сравнительного анализа уголовного законодательства стран СНГ) : автореф. … дис. канд. юрид. наук : 12.00.08 / Ю.А. Зюбанов ; Ин-т междунар. права и экономики. М., 2001. 27 с.

173. Иванов, А.Г. Герменевтика вымысла (анализ опыта вымысла в процессе смыслообразования) : автореф. … дис. канд. филос. наук : 09.00.01 / А.Г. Иванов ; Тюмен. гос. ун-т. Тюмень, 2005. 27 с.

174. Иванов, Е.А. Логика : учеб. для студентов юрид. вузов / Е.А. Иванов. Изд. 3-е, перераб. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2005. 416 с.

175. Ивин, А.А. Логика норм /А.А. Ивин. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1973. 122 с.

176. Игнатенко, В.В. Оценочные понятия в законодательстве об административной ответственности : автореф. … дис. канд. юрид. наук : 12.00.02 / В.В. Игнатенко ; Свердл. юрид. ин-т. Свердловск, 1989. 17 с.

177. Игнатов, А.Н. Курс российского уголовного права : в 2 т. / А.Н. Игнатов, Ю.А Красиков. М. : Норма: Инфра-М, 2001. Т. 1. Общая часть. 549 с.

178. Идрисов, Н.Т. О судейском усмотрении и оценочных признаках в процессе квалификации преступления / Н.Т. Идрисов // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность будущее (посвящается 200-летию проекта Уголовного уложения 1813 года) : материалы VIII Рос. конгр. уголовного права, Москва, 30–31 мая 2013 г. / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова ; В.С. Комиссаров (отв. ред.) [и др.]. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 102–104.

179. Идрисов, Н.Т. Правила квалификации преступления: понятие, виды, проблема правового регулирования : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08. / Н.Т. Идрисов. Самара, 2009. 150 л.

180. Идрисов, Н.Т. Правила квалификации преступления: понятие, виды, проблема правового регулирования : автореф. … дис. канд. юрид. наук : 12.00.08 / Н.Т. Идрисов ; Самар. гос. ун-т. Самара, 2009. 21 с.

181. Иконникова, Г.И. Философия права : учеб.для магистров / Г.И. Иконникова, В.П. Ляшенко. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2012. 364 с.

182. Иногамова-Хегай, Л.В. Конкуренция уголовно-правовых норм при квалификации преступления : учеб. пособие / Л.В. Иногамова-Хегай. М. : Юрид. лит., 2002. 169 с.

183. Инструкция по составлению сметы расходов больничной, амбулаторно-поликлинической организации, организации скорой медицинской помощи, финансируемых за счет средств бюджета : утверждена постановлением М-ва здравоохранения Респ. Беларусь, 29 сент 2008 г., № 153 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2014.

184. Иоффе, О.С. Вопросы теории права / О.С. Иоффе, М.Д. Шаргородский. М. : Госюриздат, 1961. 381 с.

185. Иоффе, О.С. Правоотношение по советскому гражданскому праву / О.С. Иоффе. Л. : Изд-во ЛГУ, 1949. 144 с.

186. Кадников, Н.Г. Квалификация преступлений и вопросы судебного толкования: теория и практика : учеб. пособие / Н.Г. Кадников. М. : Норма, 2003. 144 с.

187. Казгериева, Э.В. Логические ошибки судебного правоприменения / Э.В. Казгериева // Рос. судья. 2005. № 12. С. 9–12.

188. Калинкович, В. Фальшивомонетничество: вопросы теории и судебной практики / В. Калинкович, Т. Василевич // Суд. весн. 2007. № 2. С. 23–26.

189. Калмыков, В.Т. Судебная практика по уголовным делам (вопросы квалификации) : учеб. пособие по спецкурсу. Гродно : ГрГУ, 1985. 104 с.

190. Карасик, В.И. Культурные концепты: проблема ценностей / В.И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты : сб. науч. тр. Волгоград : Перемена, 1996. С. 3–16.

191. Касенва, А.М. Поощрительные нормы по уголовному праву Республики Казахстан : автореф. … дис. канд. юрид. наук : 12.00.08 / А.М. Касенва ; Казах. гум.-юрид. ун-т. Астана, 2009. 25 с.

192. Кауфман, М. Об уголовном праве и его либертарно-юридическом понимании / М. Кауфман // Уголовное право. 2005. № 5. С. 24–27.

193. Кашина, Т.В. Оценочные понятия в советском праве : автореф. … дис. канд. юрид. наук : 12.00.01 / Т.В. Кашина ; СвЮИ. Свердловск, 1974. 16 с.

194. Келина, С.Г. Принципы советского уголовного права / С.Г. Келина, В.Н. Кудрявцев. М. : Наука, 1988. 176 с.

195. Керимов, Д.А. Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права / Д.А. Керимов. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Изд-во СГА, 2003. 520 с.

196. Керимов, Д.А. Категории действительности и возможности в праве / Д.А. Керимов // Совет. государство и право. 1968. № 8. С. 13–21.

197. Кибальник, А.Г. Влияние международного уголовного права на российское уголовное право : автореф. … дис. д-ра юрид. наук : 12.00.08 / А.Г. Кибальник ; Ин-т гос. и права Рос. акад. наук. М., 2003. 45 с.

198. Кириллов, В.И. Логика : учеб. для юрид. фак. и ин-тов / В.И. Кириллов, А.А. Старченко. М. : Юристъ, 1996. 256 с.

199. Кладков, А. Квалификация преступлений, совершенных в соучастии // Законность. 1998. № 8. С. 26–28.

200. Кленова, Т.В. Объективное и субъективное в процессе квалификации преступления / Т.В. Кленова // Уголовная ответственность: основания и порядок реализации : межвуз. сб. науч. тр. Самара : Самар. гос. ун-т. 1990. С. 20–30.

201. Кленова, Т.В. Принципы уголовного права и принципы кодификации в уголовном праве / Т.В. Кленова // Государство и право. 1997. № 1. С. 54–55.

202. Кленова, Т.В. Противоречия Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов Российской Федерации: причины и проблема преодоления / Т.В. Кленова // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы Шестой Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 29–30 янв. 2009 г. / МГЮА ; редкол. А.И. Рарог (отв. ред.) [и др.]. М. : Проспект, 2009. С. 63–66.

203. Кленова, Т.В. Соотнесение норм и предписаний в институтах уголовного права / Т.В. Кленова // Системность в уголовном праве : материалы II Рос. конгр. уголовного права, Москва, 31мая – 1 июня 2007 г. / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова ; редкол. В.С. Комиссаров (отв. ред.) [и др.]. М. : Проспект, 2007. С. 185–187.

204. Кленова, Т.В. Уголовно-правовая норма (понятие, структура, виды): автореф. … дис. канд. юрид. наук: 12.00.08 / Т.В. Кленова; МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 1986. 19 с.

205. Клименко, А.В. Теория государства и права / А.В Клименко, В.В. Румынина. 2-е изд. испр. и доп. М. : Инфра-М, 2004. 218 с.

206. Ключко, Р.Н. Бланкетность уголовно-правовых норм и критерии определения источников уголовно-правового регулирования // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та ім. Я. Купалы. Сер. 4. 2007. № 4. С. 41–43.

207. Князев, А.Г. Действие уголовного закона в пространстве : автореф. … дис. канд. юрид. наук : 12.00.08 / А.Г. Князев ; Моск. гос. юрид. акад. М., 2006. 26 с.

208. Кобзева, Е.В. Оценочные признаки в уголовном законе : автореф. … дис. канд. юрид. наук : 12.00.08 / Е.В Кобзева ; Сарат. гос. акад. права. Саратов, 2002. 31 с.

209. Кобзева, Е.В. Оценочные признаки в уголовном праве / Е.В. Кобзева. Саратов : Изд-во СГАП, 2004. 238 с.

210. Кобозева, И.М. Лингвистическая семантика / И.М. Кобозева. М. : Эдиториал УРСС, 2000. 350 с.

211. Ковалев, М.И. Оптимальное соотношение формального и оценочного в уголовном законе / М.И. Ковалев // Совет. государство и право. 1973. № 11. С. 68–74.

212. Ковалева, Н.М. О межотраслевых понятиях в уголовном праве / Н.М. Ковалева // Рос. юстиция. 2007. № 12. С. 4–52.

213. Ковалюнас, Д.А. Санкции в публичном праве : автореф. … дис. канд. юрид. наук : 12.00.01 / Д.А. Ковалюнас ; Казан. гос. ун-т. Самара, 2000. 29 с.

214. Коган, В.М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия / В.М. Коган. М. : Наука, 1983. 160 с.

215. Кожемякин, Б.А. Логические основы квалификации преступления / Б.А. Кожемякин, А.А. Тер-Акопов. М. : Госюриздат, 1987. 111 с.

216. Козаченко, И.Я. Язык – душа и совесть уголовного закона / И.Я. Козаченко // Изв. высш. учеб. заведений. Правоведение. 2003. № 2. С. 109–116.

217. Козлов, А.П. Учение о стадиях преступления / А.П. Козлов. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. 353 с.

218. Козлова, О.А. Справедливость как принцип юридической ответственности : автореф. … дис. канд. юрид. наук : 12.00.01 / О.А. Козлова ; Моск. гос. ун-т МВД России. М., 2005. 24 с.

219. Колосовский, В.В. Теоретические проблемы квалификации уголовно-правовых деяний : монография / В.В. Колосовский. М. : Статут, 2011. 398 с.

220. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Общая часть / под ред. Ю.И. Скуратова и В.М. Лебедева. М. : Юрид. лит., 1996. 320 с.

221. Кондаков, Н.И. Логический словарь-справочник / Н.И. Кондаков. М. : Наука, 1975. 717 с.

222. Кондрашова, Т.В. Обратная сила бланкетных норм уголовного права и постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации // Рос. судья. 2004. № 8. С. 28–29.

223. Коняхин, В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права : автореф. … дис. д-ра юрид. наук : 12.00.08 / В.П. Коняхин ; КГУ. Краснодар, 2002. 45 с.

224. Коняхин, В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права / В.П. Коняхин. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. 450 с.

225. Копылов, А.В. Проблемы языкового посредничества в контексте философской герменевтики : автореф. … дис. канд. фил. наук : 09.00.03 / А.В. Копылов ; Мурм. гос. техн. ун-т. Мурманск, 2006. 25 с.

226. Коренев, А.П. Нормы советского административного права и их применение / А.П. Коренев. М. : Юрид. лит., 1978. 160 с.

227. Корнеева, А.В. Теоретические основы квалификации преступлений : учеб. пособие / А.В. Корнеева. М. : ТК Велби, 2006. 176 с.

228. Коробеев, А.И. Уголовно-правовая политика. Тенденции и перспективы / А.И. Коробеев, А.В. Усс, Ю.В. Голик. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1991. 250 с.

229. Коробец, Б.Н. Социальная обусловленность использования оценочных понятий в уголовном законодательстве России / Б.Н. Коробец // Право и государство. 2007. № 5. С. 12–132.

230. Корсаков, К.В. К вопросу об идее справедливости в современном уголовном праве / К.В. Корсаков // Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию : материалы VI Рос. конгр. уголовного права, Москва, 26–27 мая 2011 г. М. : Проспект, 2011. С. 504–506.

231. Кострова, М.Б. Дефинирование понятий и терминов, используемых в УК РФ / М.Б. Кострова // Журн. рос. права. 2003. № 12. С. 80–88.

232. Кострова, М. Оценочная лексика в уголовном законе: проблемы теории и практики / М. Кострова // Уголовное право. 2001. № 2. С. 18–20.

233. Крамник, А.Н. Административно-деликтное право. Общая часть : пособие для вузов / А.Н. Крамник. Минск : Тесей, 2004. 286 с.

234. Крашенинников, Е. А. Структура нормы права / Е.А. Крашенинников, Т.Н. Лисова // Философские проблемы объективного права. Ярославль : ЯрГУ, 1990. С 18–24.

235. Кримінальний кодекс України. Киев : Вид. Паливода А.В., 2008. 185 с.

236. Кропачев, Н.М. Уголовная ответственность, ее основание и механизм уголовно-правового регулирования // Уголовное право России: Общая часть : учебник / под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. СПб. : Изд-во юрид. фак. С.-Петерб. ун-та, 2006. С. 203–220.

237. Кропачев, Н.М. Принципы применения мер ответственности за преступления // Изв. высш. учеб. заведений. Правоведение. 1990. № 6. С. 71–76.

238. Кругликов, Л.Л. О конструировании квалифицированных составов преступлений / Л.Л. Кругликов // Известия высш. учеб. заведений. Правоведение. 1989. № 2. С. 43–49.

239. Круглов, В.А. Административно-деликтное право / В.А. Круглов. Минск : Амалфея, 2006. 388 с.

240. Крымінальнае права Беларусі: (закон, злачынства, адказнасць) / пад рэд. А.У. Баркова. Минск : Завігар, 1997. 287 с.

241. Кубрякова, Е.С. Концепт / Е.С. Кубрякова // Краткий словарь когнитивных терминов / сост. Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. М. : Изд-во МГУ, 1996. 350 с.

242. Кудрявцев, В.Н. Общая теория квалификации преступлений / В.Н. Кудрявцев. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юристъ, 2004. 304 с.

243. Кудрявцев, В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений / В.Н. Кудрявцев. М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1963. 24 с.

244. Кудрявцев, В.Н. Квалификация преступления, совершенных на территории нескольких союзных республик / В.Н. Кудрявцев // Социалист. законность. 1966. № 6. С. 50–52.

245. Кудрявцев, В.Н. Общая теория квалификации преступлений / В.Н. Кудрявцев // Избранные труды по социальным наукам : в 3 т. М. : Наука, 2002. Т. 1 : Общая теория права. Уголовное право. 2002. С. 37–498.

246. Кудрявцев, В.Н. Объективная сторона преступления / В.Н. Кудрявцев. М. : Госюриздат, 1960. 244 с.

247. Кудрявцев, В.Н. Эвристические приемы при квалификации преступления / В.Н. Кудрявцев // Правовая кибернетика. М., 1970. С. 69–84.

248. Кудрявцев, Ю.В. Нормы права как социальная информация / Ю.В. Кудрявцев. М. : Юрид. лит., 1981. 144 с.

249. Кузнецов, В.Г. Герменевтическая феноменология в контексте философских воззрений Г. Шпета / В.Г. Кузнецов // Логос. Филос.-лит. журн. 1991. № 2. С. 202–209.

250. Кузнецова, Н.Ф. Принципы уголовного законодательства / Н.Ф. Кузнецова // Курс уголовного права : в 5 т. / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М. : Зерцало-М, 1999. Т. 1 : Учение о преступлении. 1999. С. 65–79.

251. Кузнецова, Н.Ф. Понятие, предмет, метод, система, задачи уголовного права / Н.Ф. Кузнецова // Курс уголовного права : в 5 т. / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М. : Зерцало-М, 1999. Т. I : Учение о преступлении. 1999. С. 1–16.

252. Кузнецова, Н.Ф. Законодательные причины квалификационных ошибок / Н.Ф. Кузнецова // Вестн. МГУ. Сер. 11. Право. 2005. № 6. С. 3–22.

253. Кузнецова, Н.Ф. Общественно опасные последствия: лингвистический аспект / Н.Ф. Кузнецова, М.Б. Кострова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Право. 2001. № 6. С. 23–36.

254. Кузнецова, Н.Ф. Основы квалификации преступлений (Особенная часть) / Н.Ф. Кузнецова // Курс уголовного права : в 5 т. / под ред. Г.Н. Борзенкова и В.С. Комиссарова. М. : ИКД Зерцало, 2002. Т. 3 : Особенная часть. С. 43–90.

255. Кузнецова, Н.Ф. Проблемы квалификации преступления: Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступления» / Н.Ф. Кузнецова ; науч. ред и предисл. акад. В.Н. Кудрявцева. М : Изд. дом «Городец», 2007. 336 с.

256. Кузнецова, О.А. Пороки правовой нормы: «диагностика» и предупреждение / О.А. Кузнецова // Журн. рос. права. 2005. № 3. С. 127–133.

257. Кулыгин, В.В. Субъективное вменение в уголовном праве : автореф. … дис. канд. юрид. наук : 12.00.08 / В.В. Кулыгин ; Моск. высш. шк. МВД РФ. М., 1994. 28 с.

258. Кулыгин, В.В. Этнокультура уголовного права : монография / В.В. Кулыгин / под ред. А.В. Наумова. М. : Юристъ, 2002. 288 с.

259. Кунафин, М.С. Принцип объективности: современная неклассическая интерпретация : автореф. … дис. д-ра филос. наук : 09.00.01 / М.С. Кунафин ; Башкир. гос. ун-т. Уфа, 1999. 40 с.

260. Курбанова, А.С. Некоторые проблемы уголовно-правовых отношений в теории уголовного права / А.С. Курбанова // Бизнес в законе. 2009. № 2. С. 137–139.

261. Курбатов, В.И. Логика для юристов : учеб. пособие / В.И. Курбатов. М. : Дашков и К, 2007. 480 с.

262. Куринов, Б.А. Научные основы квалификации преступлении / Б.А. Куринов. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. 184 с.

263. Курс административного права Республики Беларусь / А.Н. Крамник. Минск : Тесей, 2002. 606 с.

264. Курс советского уголовного права (Часть Общая) : в 2 т. / под ред. Н.А. Беляева, М.Д. Шаргородского. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. Т. 1. 646 с.

265. Курс советского уголовного права: в 6 т. / А.А. Герцензон [и др.] ; под ред. А.А. Пионтковского, П.С. Ромашкина, В.М. Чхиквадзе. М. : Юрид. лит., 1970. Т. 1. Часть Общая. Уголовный закон. 1970. 311 с.

266. Курс уголовного права : в 5 т. / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М. : Зерцало-М, 1999. Т. 1 : Учение о преступлении. 577 с.

267. Курс уголовного права : в 5 т. / под ред. Г.Н. Борзенкова и В.С. Комисарова. М. : Проспект, 2002. Т. 3 : Особенная часть. 468 с.

268. Курылев, С.В. О структуре юридической нормы / С.В. Курылев // Тр. Иркут. гос. ун-та. Вып. 4. Иркутск : ИГУ, 1958. С. 172–189.

269. Лазарев, В.В. Истоки интегративного понимания права / В.В. Лазарев // Наш трудный путь к праву: материалы филос.-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсесянца / сост. В. Г. Графский. М. : Норма, 2006. С. 125–130.

270. Ларин, А.Ю. Теория государства и права : учеб. для вузов / А.Ю. Ларин. М.: Кн. мир, 2005. 355 с.

271. Ласточкина, Р.Н. Явная несправедливость наказания как основание к отмене или изменению приговора : автореф. … дис. канд. юрид. наук : 12.00.08 / Р.Н. Ласточкина ; Казан. гос. ун-т. Казань, 1983. 16 с.

272. Левина, Д.Н. Теоретические проблемы толкования и применения оценочных понятий : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Д.Н. Левина ; Нижегор. акад. МВД России. Н. Новгород, 2007. 36 с.

273. Левицкий, Г.А. Квалификация преступлений / Г.А. Левицкий. М. : Акад. МВД СССР, 1981. 48 с.

274. Лекторский, В.А. Субъект. Объект. Познание / В.А. Лекторский. М. : Наука, 1980. 355 с.

275. Лесниевски-Костарева, Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика / Т.А. Лесниевски-Костарева. 2-е изд. перераб. и доп. М. : НОРМА, 2000. 400 с.

276. Логика : учеб. для вузов / В.Ф. Берков, Я.С. Яскевич, В.И. Павлюкевич ; под общ. ред. В.Ф. Беркова. 10-е изд. Минск : ТетраСистемс, 2012. 416 с.

277. Логика : учеб. для вузов / В.Ф. Берков, Я.С. Яскевич, В.И. Павлюкевич ; под общ. ред. В.Ф. Беркова. 7-е изд. Минск : ТетраСистемс, 2004. 415 с.

278. Лопашенко, Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика / Н.А. Лопашенко. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. 337 с.

279. Лопашенко, Н.А. Еще раз об оценочных категориях в законодательных формулировках преступлений в сфере экономической деятельности / Н.А. Лопашенко // Уголовное право. 2002. № 2. С 42–45.

280. Лопашенко, Н.А. Принципы уголовного законодательства / Н.А. Лопашенко // Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / под ред. Р.Р. Галиакбарова. Саратов : Сарат. гос. ун-т, 1997. С. 3–19.

281. Лукашов, А. К вопросу о реализации в законодательстве Республики Беларусь целей уголовной и административной ответственности в связи с приданием закону обратной силы / А. Лукашов // Категория «цель» в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии : материалы IV Рос. конгр. уголовного права, Москва, 28–29 мая 2009 г. / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова ; редкол. В.С. Комиссаров (отв. ред.) [и др.]. М. : Проспект, 2009. С. 699–703.

282. Лукашов, А. Формулирование обвинения и квалификация преступления при выдаче Республике Беларусь лица для привлечения к уголовной ответственности / А. Лукашов // Юстиция Беларуси. 2006. № 3. С. 43–47.

283. Лукашов, А.И. К вопросу о понятии «уголовного закона» и правилах формулирования уголовно-правового запрета / А.И. Лукашов // Системность в

уголовном праве : материалы II Рос. конгр. уголовного права, Москва, 31мая – 1 июня 2007 г. / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова ; редкол. В.С. Комиссаров (отв. ред.) [и др.]. М. : ТК Велби, 2007. С. 238–240.

284. Лукашов, А.И. Уголовное право Республики Беларусь: состояние и перспективы развития : пособие / А.И. Лукашов. Минск : БГУ, 2002. 77 с.

285. Лукьяненко, М.Ф. Оценочные понятия гражданского права: теоретико-правовой анализ и практика правоприменения : автореф. … дис. д-ра юрид. наук : 12.00.03 / М.Ф. Лукьяненко ; Рос. акад. гос. службы. М., 2010. 53 с.

286. Лызлов, А.В. Истоки гуманитарного направления в психологии (на материале трудов В. Дильтея) : автореф. … дис. канд. психол. наук : 19.00.01 / А.В. Лызлов ; Мос. гос. ун-т. М., 2006. 34 с.

287. Люблинский, П.И. Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса / П.И. Люблинский ; под ред. В.А. Томсинова. М. : Зерцало, 2004. 248 с.

288. Ляпунов, Ю. Принципы уголовного законодательства / Ю. Ляпунов // Социалист. законность. 1989. № 2. С. 32–34.

289. Ляпунов, Ю.И. Социалистическая законность и уголовный закон / Ю.И. Ляпунов // Совет. государство и право. 1989. № 2. С. 59–64.

290. Ляшева, Ю.А. Особенности конструирования бланкетных диспозиций уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за незаконную добычу водных биоресурсов / Ю.А. Ляшева // Конституционные основы уголовного права : материалы I Всерос. конгр. по уголовному праву, посвящ. 10-летию Уголовного кодекса Рос. Федерации, Москва, 29–30 мая 2006 г. / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносов ; редкол. В.С. Комиссаров (отв. ред.) [и др.]. М. : Проспект, 2006. С. 361–364.

291. Макарова, З.В. О пользе «старых» представлений в уголовном процессе / З.В. Макарова // Уголовное право. 2008. № 4. С. 100–104.

292. Максимов, С.И. Концепция правовой реальности / С.И. Максимов // Неклассическая философия права: вопросы и ответы. Харьков : СПД ФО Тарасенко В.П., 2013. С. 31–61.

293. Максимов, С.И. Правовая реальность: опыт философского осмысления / С.И. Максимов. Харьков : Право, 2002. 328 с.

294. Малинин, В.Б. Концепция нового уголовного законодательства Российской Федерации / В.Б. Малинин // Научные основы уголовного права и процессы глобализации : материалы V Рос. конгр. уголовного права, Москва, 27–28 мая 2010 г. / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова ; редкол.: В.С. Комиссаров (отв. ред.) [и др.]. М. : Проспект, 2010. С. 735–740.

295. Малинин, В.Б. Причинная связь в уголовном праве / В.Б. Малинин. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2000. 315 с.

296. Малинова, И.П. Философия права (рефлексивная традиция) : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.11 / И.П. Малинова ; Ин-т филос. и права Урал. отд. РАН. Екатеринбург, 1997. 45 с.

297. Малков, В.П. Совокупность преступлений (Вопросы квалификации и назначения наказания) / В.П. Малков. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1974. 307 с.

298. Малыгина, М.А. Принципы уголовного права: теория, законодательство и правоприменительная практика : автореф. ... дис. канд. юрид. наук : 12.00.08 / М.А. Малыгина ; Ростов. юрид. ин-т МВД России. Ростов н/Д, 2007. 26 с.

299. Малыхин, В.И. Квалификация преступления, теоретические вопросы / В.И. Малыхин. Куйбышев: КГУ, 1987. 97 с.

300. Малыхина, Г.И. Логика : учебник / Г.И. Малыхина. Минск : Выш. шк., 2013. 334 с.

301. Малыхина, Г.И. Логика : учеб. пособие / Г.И. Малыхина. 4-е изд., испр. Минск : Выш. шк., 2007. 240 с.

302. Мальцев, В.В. Принципы уголовного права и их реализация в правоприменительной деятельности / В.В. Мальцев. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. 694 с.

303. Мамедов, Р.М. Принцип отражения и научное познание : автореф. … дис. канд. филос. наук : 09.00.01 / Р.М. Мамедов ; Ин-т филос. и права АН АССР. Уфа, 1987. 16 с.

304. Маркс, К. Сочинения : в 39 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. Изд. 2-е. М. : Госполитиздат, 1954. Т. 1 : Работы К. Маркса за 1842:1844 гг., Ф. Энгельса за 1839–1844 гг. 699 с.

305. Марченко, М.Н. Теория государства и права. Элементарный курс : учеб. пособие / М.Н. Марченко. 2-е изд., доп. М. : Норма, 2011. 383 с.

306. Марченко, М.Н. Теория государства и права : учебник / М.Н. Марченко. 2-е изд., переаб. и доп. М. : ТК Велби, 2007. 637 с.

307. Марченко, М.Н. Теория государства и права : учебник / М.Н. Марченко. 2-е изд. М. : Проспект, 2003. 239 с.

308. Марчук, В. Уголовно-правовые средства по противодействию торговле людьми / В. Марчук, Е. Коротич // Юстиция Беларуси. № 3. 2005. С. 22–24.

309. Марчук, В.В. Квалификация преступлений, совершенных в соучастии / В.В. Марчук // Правила регистрации, учета и квалификации преступления: науч.-практ. пособие для следователей прокуратуры / под общ. ред. Н.А. Бабия. Минск : Тесей, 2008. С. 157–173.

310. Марчук, В. Закон и судебная практика о преступлениях против экологической безопасности и природной среды / В. Марчук // Юстиция Беларуси. № 1. 2004. С. 47–50.

311. Марчук, В. Новый КоАП Республики Беларусь и квалификация преступлений, обусловленных административной преюдицией / В. Марчук // Юстиция Беларуси. 2007. № 2. С. 34–38.

312. Марчук, В. Отграничение преступлений от административных правонарушений в свете норм нового КоАП Республики Беларусь / В. Марчук // Суд. весн. 2007. № 3. С. 60–62.

313. Марчук, В. Отличие торговли людьми от некоторых преступлений (проблемы квалификации) / В. Марчук, Е. Коротич // Юстиция Беларуси. 2005. № 5. С. 37–38.

314. Марчук, В. Применение уголовного закона на основании принципа гражданства / В. Марчук // Суд. весн. 2007. № 2. С. 48–51.

315. Марчук, В. Уголовная юрисдикция на борту водного судна, находящегося вне пределов Республики Беларусь / В. Марчук // Юстиция Беларуси. 2007. № 3. С. 44–48.

316. Марчук, В. Уголовная юрисдикция по делам, связанным с временным пребыванием воинских формирований на территории Республики Беларусь / В. Марчук // Юстиция Беларуси. 2006. № 7. С. 53–56.

317. Марчук, В. Уголовно-правовая охрана экологической безопасности и природной среды / В. Марчук // Суд. весн. 2003. № 4. С. 43–46.

318. Марчук, В. Уголовно-правовая оценка деяний, инспирирующих суицид / В. Марчук // Суд. весн. 2003. № 2. С. 29–32.

319. Марчук, В.В. Бездействующие статьи в действующем УК Республики Беларусь / В.В. Марчук // Проблемы совершенствования правовых средств и механизмов противодействия преступности в современном обществе : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 13–14 окт. 2006 г. / Бел. гос. ун-т ; редкол.: А.В. Барков (отв. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2007. С. 74–77.

320. Марчук, В.В. Единство терминологии как критерий качества уголовного закона / В.В. Марчук // Уголовно-правовой запрет и его эффективность в борьбе с современной преступностью : сб. науч. тр. / Сарат. центр по исслед. проблем орг. преступности и коррупции ; редкол.: Н.А. Лопашенко (отв. ред.) [и др.]. Саратов : Сателлит, 2008. С. 92–95.

321. Марчук, В.В. Законодательные модели в определении персональной уголовной юрисдикции / В.В. Марчук // Учен. зап. Акад. экономики и права. Алматы. 2009. № 1 (16). С. 44–51.

322. Марчук, В.В. Квалификация бездействия должностного лица / В.В. Марчук // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы : сб. науч. тр. / Ин-т судеб. экспертизы / редкол.: А.С. Рубис (гл. ред.) [и др.]. Минск : Право и экономика, 2008. Вып. 2/24. С. 12–23.

323. Марчук, В.В. Квалификация незаконных действий с простыми и (или) переводными векселями / В.В. Марчук // Весн. Беларус. дзярж. экан. ун-та. 2010. № 2. С. 95–102.

324. Марчук, В.В. Квалификация преступления на основании принципа специального режима / В.В. Марчук // Системность в уголовном праве : материалы II Рос. конгр. уголовного права, Москва, 31 мая – 1 июня 2007 г. / Мос. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова ; редкол.: В.С. Комиссаров (отв. ред.) [и др.]. М.: Проспект, 2007. С. 258–261.

325. Марчук, В.В. Квалификация преступления при изменении диспозиции уголовно-правовой нормы / В.В. Марчук // Суд. весн. 2002. № 1. С. 35–37.

326. Марчук, В.В. Квалификация преступления, совершенного группой лиц / В.В. Марчук // Судебная практика в контексте принципов права и законности : сб. науч. тр. / редкол.: В.М. Хомич (гл. ред) [и др.]. Минск : Тесей, 2006. С. 62–73.

327. Марчук, В.В. Когнитивные аспекты уголовно-правового отношения / В.В. Марчук // Изв. высш. учеб. заведений. Правоведение. 2011. № 4. С. 199–210.

328. Марчук, В.В. Конституционные основы квалификации преступления / В.В. Марчук // Конституционные основы уголовного права : материалы I Всерос. конгр. по уголовному праву, посвящ. 10-летию Уголовного кодекса Рос. Федерации, Москва, 25–26 мая 2006 г. / Моск. гос. ун-т ; редкол.: В.С. Комиссаров [и др.]. М. : Проспект, 2006. С. 382–384.

329. Марчук, В.В. Конфликт интерпретаций в процессе квалификации преступлений / В.В. Марчук // Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты : материалы III Рос. конгр. уголовного права, Москва, 29–30 мая 2008 г. / Мос. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова ; редкол.: В.С. Комиссаров (отв. ред.) [и др.]. М. : Проспект, 2008. С. 74–75.

330. Марчук, В.В. Нормативные правила квалификации соучастия в преступлении: на основе сравнительного анализа норм Модельного УК и уголовного законодательства государств – участников СНГ / В.В. Марчук // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы 4-й Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 25–26 янв. 2007 г. / Моск. гос. юрид. акад. ; редкол.: А.И. Рарог (гл. ред.) [и др.]. М. : Проспект, 2007. С. 551–554.

331. Марчук, В.В. О законодательных подходах в определении персональной уголовной юрисдикции в Республике Беларусь и странах Европейского союза / В.В. Марчук // Национальная государственность и европейские интеграционные процессы : сб. науч. тр. : в 2 т. / Белорус. гос. ун-т, юрид. фак. ; редкол.: С.А. Балашенко [и др.]. Минск : Изд. центр БГУ, 2008. Т. 1 : Национальное законодательство и его гармонизация с правом Европейского союза. С. 257.

332. Марчук, В.В. О квалификации преступления по общепризнанному принципу или норме международного права / В.В. Марчук // Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию : материалы VI Всерос. конгр. уголовного права, Москва, 26–27 мая 2011 г. / Мос. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова ; редкол.: В. С. Комиссаров (отв. ред.) [и др.]. М. : Проспект, 2011. С. 646–649.

333. Марчук, В.В. О коллизии норм УК и нового КоАП Республики Беларусь / В.В. Марчук // Механизм правового регулирования общественных отношений: теория и практика : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Гродно, 4–5 апр. 2008 г. / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол.: Р.Н. Ключко (отв. ред.) [и др.]. Гродно, ГрГУ, 2008. С. 210–212.

334. Марчук, В.В. О конкуренции норм нового Кодекса об административных правонарушениях и Уголовного кодекса Республики Беларусь в контексте подведомственности дел хозяйственному суду / В.В. Марчук // Вестн. Высш. Хоз. суда Респ. Беларусь. 2007. № 10. С. 99–105.

335. Марчук, В.В. О криминализации и уголовно-правовой оценке составных квалифицированных преступлений / В.В. Марчук // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для органов внутренних дел : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. Дню белорус. науки, Минск, 27 янв. 2006 г. / М-во внутр. дел Респуб. Беларусь, Акад. МВД Респ. Беларусь. Минск, 2006. С. 46–47.

336. Марчук, В.В. О ложных уголовно-правовых нормах (логический аспект) / В.В. Марчук // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы Шестой Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 29–30 янв. 2009 г. / Моск. гос. юрид. акад. ; редкол.: А.И. Рарог (отв. ред.) [и др.]. М. : Проспект, 2009. С. 128–132.

337. Марчук, В.В. О методологическом инструментарии квалификации преступлений / В.В. Марчук // Сацыяльна-экан. і прававыя даслед. 2008. № 4. С. 102–113.

338. Марчук, В.В. О структуре уголовно-правовой нормы и ее влиянии на содержание уголовно-правового отношения / В.В. Марчук // Правовые средства и механизмы противодействия преступности в современном обществе : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 16 окт. 2009 г. / БГУ ; редкол.: Г.А. Шумак (отв. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2010. С. 14–17.

339. Марчук, В.В. Об имплементации международно-правовых норм о противодействии незаконной миграции в УК Беларуси / В.В. Марчук // Междуна-

родно-правовое регулирование миграции и национальные интересы Республики Беларусь в контексте устойчивого развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Гомель, 3–4 апр. 2008 г. / Гомел. гос. ун-т им. Ф. Скорины ; редкол.: И.И. Эсмантович (гл. ред.) [и др.]. Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2008. С. 27–30.

340. Марчук, В.В. Основы квалификации преступления / В.В. Марчук // Правила регистрации, учета и квалификации преступления: науч.-практ. пособие для следователей прокуратуры / под общ. ред. Н.А. Бабия. Минск : Тесей, 2008. С. 119–148.

341. Марчук, В.В. Понимание правовой реальности в процессе квалификации преступлений / В.В. Марчук // Проблемы правового регулирования общественных отношений в условиях глобализации : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 26 окт. 2007 г. / Бел. гос. экон. ун-т ; редкол.: Г.А. Короленок (отв. ред.) [и др.]. Минск : БГЭУ, 2007. С. 111–112.

342. Марчук, В.В. Понятие специального принципа квалификации преступления и критерии его определения / В.В. Марчук // Актуальные вопросы совершенствования правовой системы на современном этапе : материалы Междунар. науч.-практ. конференции, посвящ. 90-летию проф. С.Г. Дробязко, Минск, 11–12 окт. 2012 г. / БГУ ; редкол.: С.А. Балашенко [и др.]. Минск, 2012. С. 195–197.

343. Марчук, В.В. Правила квалификации преступления в процессе кодификации уголовного законодательства / В.В. Марчук // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее (посвящается 200-летию проекта Уголовного уложения 1813 года) : материалы VIII Рос. конгр. уголовного права, Москва, 30–31 мая 2013 г. / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова ; редкол.: В.С. Комисаров (отв. ред.) [и др.]. М. : Юрлитинформ, 2013. С. 593–595.

344. Марчук, В.В. Правила квалификации преступления, предусмотренные уголовным законом / В.В. Марчук // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для органов внутренних дел : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. Дню белорус. науки, Минск, 24 янв. 2007 г. / М-во внутр. дел Республ. Беларусь, Акад. МВД Респ. Беларусь. Минск, 2007. С. 172–174.

345. Марчук, В.В. Правило двойной криминальности и юридическая формула квалификации преступления / В.В. Марчук // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для органов внутренних дел Республики Беларусь : тез. докл. Междунар. науч.- практ. конф., посвящ. Дню белорус. науки, Минск, 23 янв. 2009 г. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД. Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь. Минск, 2009. С. 266–267.

346. Марчук, В.В. Пределы персональной уголовной юрисдикции / В.В. Марчук // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы : сб. науч. тр. / Ин-т судеб. Экспертизы ; редкол. А.В. Дулов (гл. ред.) [и др.]. Минск : Право и экономика, 2007. Вып. 1/21. С. 7–15.

347. Марчук, В.В. Равенство перед законом и его реализация в уголовном праве / В.В. Марчук // Ценностная парадигма Основного Закона Республики Беларусь : материалы респ. науч.-практ. конф., Минск, 14 марта 2013 г. / БГУ ; редкол. : Г.А. Василевич (отв. ред.) [и др.]. Минск : Изд центр БГУ, 2013. С. 125–127.

348. Марчук, В.В. Система международных преступлений и вопросы уголовно-правовой юрисдикции / В.В. Марчук // Национальная государственность и европейские интеграционные процессы : сб. науч. тр.: в 2 т. / редкол.: С.А. Балашенко [и др.]. Минск : Изд. центр БГУ, 2008. Т. 2. Проблемы унификации законодательства в Содружестве Независимых Государств и Европейском союзе. С. 221–224.

349. Марчук, В.В. Современные философские подходы в понимании, толковании и применении уголовно-правовых норм / В.В. Марчук // Актуальні проблемы тлумачання і застосування юридичних норм : сб. ст. участників міжнародн. навук.-практ. конф., прысвяч. пам`яті проф. П.О. Недбайло, Львів, 28–29 бер. 2008 г. / Льв.. нац. ун-т ім І. Франка ; редкол.: П.М. Рабиновіч (гол. ред.) [і інш.]. Львів : Юрид. фак. Льв. нац. ун-ту ім. І. Франка, 2008. С. 199–201.

350. Марчук, В.В. Структура уголовно-правовой нормы / В.В. Марчук // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол.: В.Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2006. Вып. 17. С. 162–175.

351. Марчук, В.В. Терминология уголовного закона и квалификация преступления / В.В. Марчук // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол.: В.Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2007. Вып. 18. С. 224–238.

352. Марчук, В.В. Торговля людьми (уголовно-правовой анализ и квалификация) / В.В. Марчук // Суд. весн. 2002. № 4. С. 43–45.

353. Марчук, В.В. Уголовная ответственность за воспрепятствование осуществлению предпринимательской деятельности / В.В. Марчук // Суд. весн. 2001. № 3. С. 26–27.

354. Марчук, В.В. Уголовно-правовая квалификация загрязнения компонентов природной среды / В.В. Марчук // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. D. 2009. № 4. С. 171–180.

355. Марчук, В.В. Уголовно-правовая оценка вербовки людей для эксплуатации / В.В. Марчук // Право Беларуси. 2002. № 22. С. 65–72.

356. Марчук, В.В. Уголовно-правовая оценка незаконного перемещения людей в целях их эксплуатации / В.В. Марчук // Право Беларуси. 2003. № 17. С. 51–54.

357. Марчук, В.В. Уголовно-правовая оценка незаконных действий в отношении огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ / В.В. Марчук // Право Беларуси. 2003. № 5. С. 68–74.

358. Марчук, В.В. Экологический вред как последствие преступления против экологической безопасности и природной среды / В.В. Марчук // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы : сб. науч. тр. / Центр судеб. экспертиз и криминалистики ; редкол.: А.В. Дулов (гл. ред.) [и др.]. Минск : Право и экономика, 2010. Вып. 1/27. С. 17–26.

359. Маслова, В.А. Когнитивная лингвистика : учеб. пособие / В.А. Маслова. 3-е изд. перераб. Минск : ТетраСистемс, 2008. 272 с.

360. Маслова, Е.Н. Оценочные категории в квалифицированных видах убийства : автореф. … дис. канд. юрид. наук : 12.00.08 / Е.Н. Маслова ; Ин-т междунар. права и экономики. М., 2006. 26 с.

361. Матузов, Н.И. Возможность и действительность в правовой сфере / Н.И. Матузов // Изв. высш. учеб. заведений. Правоведение. 2000. № 3. С. 16–30.

362. Матусевич, Г.В. Принципы Уголовного кодекса и их отражение в уголовно-правовых нормах / Г.В. Матусевич // Конституционные основы уголовного права : материалы I Всерос. конгр. по уголовному праву, посвященному 10-летию Уголовного кодекса Рос. Федерации, Москва, 29–30 мая 2006 г. / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова ; редкол.: В.С. Комиссаров (отв. ред.) [и др.]. М. : ТК Велби, 2006. С. 385–387.

363. Медведев, А.М. Пределы действия Уголовного кодекса Российской Федерации : практ. пособие / А.М. Медведев ; под ред. В.П. Кашепова. М., Юрид. лит. 1998. 144 с.

364. Международное уголовное право : учеб. пособие / под общ. ред. В.Н. Кудрявцева. М. : Наука, 1999. 263 с.

365. Международный уголовный суд: проблемы, дискуссии, поиск решений / под ред. Г.И. Богуша, Е.Н. Трикоз. М. : Европ. комис., 2008. 750 с.

366. Мельников, М.Г. Действие уголовного закона во времени и пространстве : автореф. … дис. канд. юрид. наук : 12.00.08 / М.Г. Мельников ; Ряз. ин-т права и экономики МВД России. Рязань, 1999. 27 с.

367. Мельникова, О.Н. Когнитивная лингвистика : курс лекций / О.Н. Мельникова. Гомель : ГГУ им. Ф Скорины, 2006. 120 с.

368. Мельникова, Ю.Б. О понятии и сущности уголовно-правовых отношений / Ю.Б. Мельникова // Совет. государство и право. 1970. № 6. С. 90–94.

369. Методическое пособие по составлению бюджетной сметы организации здравоохранения, финансируемой за счет средств бюджета : утв. постановлением М-ва здравоохранения Респ. Беларусь, 23 фев. 2010 г., № 19 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2014.

370. Микешина, Л.А. Философия познания / Л.А. Микешина. М. : Прогресс-Традиция, 2002. 624 с.

371. Минина, М. Л. Теория отражения и проблема интерпретации : автореф. ... дис. канд. филос. наук : 09.00.01 / Чуваш. гос. ун-т. Чебоксары, 2007. 24 с.

372. Миронов, А.В. Оценочные понятия в избирательном законодательстве Российской Федерации : автореф. … дис. канд. юрид. наук : 12.00.02 / А.В. Миронов ; Дальневост. гос. ун-т. Владивосток, 2004. 26 с.

373. Миронов, А.Н. Уголовные правоотношения / А.Н. Миронов // Рос. следователь. 1999. № 2. С. 14–18.

374. Михайлов, А.А. Критика современной философской герменевтики : автореф. … дис. д-ра филос. наук : 09.00.01 / А.А. Михайлов ; Бел. гос. ун-т. Минск, 1985. 40 с.

375. Михайлов, А.А. Современная философская герменевтика: Критический анализ / А.А. Михайлов. Минск : Университетское, 1984. 191 с.

376. Михайлов, В.И. Содержание и структура норм, закрепляющих ситуации правомерного вреда / В.И. Михайлов // Уголовная политика и уголовное законодательство: проблемы теории и практики : сб. мат. конф., Санкт-Петербург, 27–28 мая 2008 г. / ЛГУ им. А.С. Пушкина ; редкол.: В.Б Малинин (отв. ред) [и др.]. СПб, 2008. С. 338–340.

377. Михайлова, И.А. Бланкетные нормы в уголовном законе и их применение органами внутренних дел : автореф. … дис. канд. юрид. наук : 12.00.08 / И.А. Михайлова ; Акад. экон. безопасности МВД России. М., 2009. 19 с.

378. Михеев, Р.И. Правоотношения, порождаемые деяниями невменяемого / Р.И. Михеев, Б.А. Протченко // Совет. государство и право. 1984. № 11. С. 84–90.

379. Мицкевич, А.Ф. Нормы Уголовного кодекса Российской Федерации как средство реализации общечеловеческих ценностей / А.Ф. Мицкевич // Пять лет действия УК РФ: итоги и перспективы : материалы 11-й Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 30–31 мая 2002 г. / МГУ им. М.В. Ломоносова ; редкол.: Г.Н. Борзенков [и др.]. М. : ЛексЭст, 2003. С. 200–201.

380. Модельный Уголовный кодекс. Рекомендательный законодательный акт для Содружества Независимых Государств : принят на седьмом пленарном заседании Межпарламент. Ассамблеи государств – участников СНГ 17 февр. 1996 г. // Приложение к Информ. бюл. 1996. № 10. С. 86–215.

381. Морозова, Л.А. Основы государства и права : учебник / Л.А. Морозова. М. : Инфра-М, 2004. 451 с.

382. Морозова, Л.А. Теория государства и права : учебник / Л.А. Морозова. Изд. 2-е перераб. и доп. М. : Эксмо, 2007. 447 с.

383. Морозова, Л.А. Теория государства и права : учебник / Л.А. Морозова. 4-е изд. перераб. и доп. М. : Эксмо, 2011. 510 с.

384. Мостепаненко, М.В. Философия и методы научного познания / М.В. Мостепаненко. Л. : Лениздат, 1972. 263 с.

385. Мубаракшин, Р.Г. Принципы квалификации преступления / Р.Г. Мубаракшин. Режим доступа: http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1232486. Дата доступа: 15.12.2012.

386. Навроцький, В.О. Основи кримінально-правовоі кваліфікаці : навч. посіб. / В.О. Навроцький. Київ : Юрінком Інтер, 2006. 704 с.

387. Наумов, А.В. Российское уголовное право : курс лекций : в 3 т. / А.В. Наумов. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2007. Т. 1 : Общая часть. 710 с.

388. Наумов, А.В. Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций / А.В. Наумов. М. : БЕК, 1997. 550 с.

389. Наумов, А. Диспозиция уголовного закона и квалификация преступления / А. Наумов // Совет. юстиция. 1986. № 3. С. 4–6.

390. Наумов, А. Нормы других отраслей права как источник уголовного права / А. Наумов // Законность. 2002. № 7. С. 38–43.

391. Наумов, А.В. Законы логики при квалификации преступлений / А.В. Наумов, А.С. Новиченко. М. : Юрид. лит., 1978. 104 с.

392. Наумов, А.В. Курс российского уголовного права. Общая часть / А.В. Наумов ; под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. М. : Инфра-М, 2001. 450 с.

393. Наумов, А.В. Применение уголовно-правовых норм (По материалам следственной и прокурорско-судебной практики) / А.В. Наумов. Волгоград : Высш. след. шк. МВД, 1973. 176 с.

394. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Белорусской ССР / А.В. Барков [и др.] ; под общ. ред. А.А. Здановича. 2-е изд. перераб. и доп. Минск : Беларусь, 1989. 430 с.

395. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Ахраменка [и др.] ; под общ. ред. А.В. Баркова, В.М. Хомича. Минск : ГИУСТ БГУ, 2007. 1007 с.

396. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Ахраменка [и др.] ; под ред. А.В. Баркова, В.М. Хомича. 2-е изд., с изм. и доп. Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. 1064 с.

397. Нашиц, А. Правотворчество. Теория и законодательная техника / А. Нашиц. М. : Юрид. лит., 1974. 255 с.

398. Недбайло, П.Е. Применение советских правовых норм / П.Е. Недбайло. М. : Госюриздат, 1960. 511 с.

399. Неновски, Н. Право и ценности / Н. Неновски. М. : Прогресс, 1987. 120 с.

400. Нерсесянц, В.С. Общая теория права и государства / В.С. Нерсесянц. М. : Инфра-М, 2001. 539 с.

401. Нерсесянц, В.С. Философия права : учеб. для вузов / В.С. Нерсесянц. М. : Инфра-М, 1998. 647 с.

402. Никифоров, А.Л. Логика и теория аргументации. Вводный курс : учеб. пособие / А.Л. Никифоров. М. : Изд-во УРАО, 2003. 139 с.

403. Никифоров, А.Л. Логика / А.Л. Никифоров. М. : Весь Мир, 2001. 224 с.

404. Николаев, И.В. Логика: дедуктивная, индуктивная, диалектическая / И.В. Николаев. СПб. : Возрожд. Россия, 1996. 275 с.

405. Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Ин-т философии РАН Рос. Федерации ; предисл. : В.С. Степин. М. : Мысль, 2001. Т. 2. 721 с.

406. Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Ин-т философии РАН Рос. Федерации; редкол. М. С. Ковалева [и др.]. М. : Мысль, 2000. Т. 2. 635 с.

407. Новейший философский словарь. 2-е изд., перераб. и доп.; редкол. А. А. Грицанов [и др.]. Минск : Интерпрессервис ; Кн. Дом, 2001. 1280 с.

408. Новиченко, А.С. Логико-методологические основы квалификации преступления : автореф. … дис. канд. юрид. нау к: 12.00.08 / А.С. Новиченко ; Моск. гос. ун-т. М., 1977. 21 с.

409. Новоселов, Г.П. Понятие, система и значение Особенной части при квалификации / Г.П. Новоселов // Уголовное право. Особенная часть : учеб. для вузов / отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселов. М. : ИНФА, 1998. С. 19–28.

410. Ноздринова, Г.Н. Понимание как стратегия социального познания: автореф. … дис. канд. философ. наук: 09.00.11 / Г.Н. Ноздринова; Сев.-Кавк. гос. техн. ун-т. Ставрополь, 2006. 23 с.

411. Номоконов, В.А. Ответственность в уголовном праве и ее основание / В.А. Номоконов // Полный курс уголовного права : в 5 т. / под ред. А.И. Коробеева. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2008. Т. 1 : Преступление и наказание. С. 510–528.

412. Номоконов, В.А. Преступное поведение: детерменизм и ответственность / В.А. Номоконов. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1989. 157 с.

413. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму» : Федер. закон Рос. Федерации, 27 июля 2006 г., № 153-ФЗ // Консультант-Плюс : Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». М., 2006.

414. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2003г., № 173-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2003. № 8. 2/922.

415. О государственной службе в Республике Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 14 июня 2003 г., № 204-З : текст по сост. на 15 июля 2008 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2009.

416. О законодательстве, устанавливающем запрет на совершение сделок с ювелирными и бытовыми изделиями из драгоценных металлов, не имеющими государственного пробирного клейма Республики Беларусь или пробирных клейм государственных инспекций пробирного надзора бывшего СССР : решение Конституц. Суда Респ. Беларусь, 16 фев. 2006 г., № П-180/2006 // КонсультантПлюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». Минск, 2013.

417. О международных договорах Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 23 июля 2008 г., № 421-З // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://pravo.by/webnpa/text.asp?RN=H10800421. Дата доступа: 15.01.2009.

418. О мерах по недопущению заноса на территорию Республики Беларусь инфекционных болезней, общих для животных и человека : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 5 апр. 2001 г., № 462 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2013.

419. О мерах по совершенствованию деятельности общих судов Республики Беларусь : указ Президента Респ. Беларусь, 10 окт. 2011 г., № 454 // КонсультантПлюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». Минск, 2013.

420. О повышении культуры судебной деятельности и улучшении организации судебных процессов : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 23 дек. 1999 г., № 14 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2013.

421. О порядке и условиях направления граждан в лечебно-трудовые профилактории и условиях нахождения в них : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2010 г., № 104-З // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2013.

422. О практике применения судами норм международных договоров Республики Беларусь в области правовой помощи по уголовным делам (по материалам обзора судебной практики) // Суд. весн. 2007. № 4. С. 54–57.

423. О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса, регулирующих кассационное производство : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 27 сент. 2007 г., № 12 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2013.

424. О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств : постановление Пленума Верхов. Суда СССР, 16 авг. 1984 г., № 14 // Сб. постановлений Пленума Верхов. Суда СССР (1924–1986) / под ред. В.И. Терибилова. М .: Изв. Советов нар. депутатов СССР, 1987. С. 467–474.

425. О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации, 10 окт. 2003 г., № 5 // КонсультантПлюс : Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». М., 2013.

426. О проверке конституционности примечания 2 к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Скородумова Дмитрия Анатольевича : определение Конституц. Суда Рос. Федерации, 16 янв. 2001 г., № 1-О // Консультант-Плюс : Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». М., 2014.

427. О проверке состояния пульмонологической службы и причин повышения уровня смертности от болезней органов дыхания в отдельных регионах республики : приказ М-ва здравоохранения Респ. Беларусь, 8 нояб. 2007 г., № 850 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2013.

428. О расследовании и учете несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 15 янв. 2004 г., № 30 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2013.

429. О судебной практике по делам о взяточничестве : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 26 июня 2003 г., № 6: в ред. постановления от 25 сент. 2003 г. № 11 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2013.

430. О судебной практике по делам о вымогательстве : постановление Пленума Верхов. Суда РФ, 4 мая 1990 г., № 3 // Консультант-Плю : Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». М., 2014.

431. О судебной практике по делам о незаконном ношении, хранении, приобретении, изготовлении или сбыте оружия или взрывчатых веществ, хищении огнестрельного оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 10 апр. 1992 г., № 2 // Сб. действующих постановлений Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь (1961–1995 гг.) / сост. А.А. Луферов. Минск : Белорус. кадровый центр «Профессионал», 1995. С. 138–144.

432. О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних // Суд. весн. 2002. № 3. С. 48–53.

433. О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст. 424–428 УК) (по материалам обзора) // Суд. весн. 2005. № 1. С. 39–43.

434. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными веществами и прекурсорами (ст. 327–332 УК) (по материалам обзора) // Суд. весн. 2003. № 2. С. 43–47.

435. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными веществами и их прекурсорами, сильнодействующими и ядовитыми веществами (ст. 327–334 УК) (по материалам обзора) // Суд. весн. 2007. № 1. С. 37–40.

436. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными веществами и их прекурсорами, сильно-

действующими и ядовитыми веществами (ст. 327–334 УК) : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 26 марта 2003 г., № 1: по сост. на 3 апр. 2008 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2013.

437. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с незаконными действиями в отношении оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ (ст. 294–297 УК) : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 3 апр. 2008 г., № 1 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2013.

438. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с созданием и деятельностью организованных групп, банд и преступных организаций : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 25 сент. 2003 г., № 9 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2013.

439. О судебной практике по делам о хулиганстве (по материалам обзора) // Суд. весн. 2005. № 2. С. 35–40.

440. О судебной практике по делам об изготовлении, хранении либо сбыте поддельных денег или ценных бумаг : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 25 сент. 1997 г., № 10 : текст по сост. на 29 марта 2007 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2013.

441. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 139) (по материалам обзора судебной практики) // Суд. весн. 2003. № 1. С. 44–47.

442. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 139) : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 17 дек. 2002 г., № 9 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2013.

443. О судебной практике по делам об уклонении от уплаты налогов (ст. 243 УК) (по материалам обзора) // Суд. весн. 2004. № 2. С. 32–34.

444. О судебной практике по делам об умышленном причинении тяжкого телесного повреждения : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 29 марта 2006 г., № 1 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2006. № 59. 6/478.

445. О судебной практике по делам об умышленном причинении тяжкого телесного повреждения : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 29 марта 2006 г., № 1 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2013.

446. О судебной практике по делам об умышленном причинении тяжкого телесного повреждения (ст. 147 УК) (по материалам обзора) // Суд. весн. 2006. № 2. С. 33–37.

447. О судебной практике по делам о незаконной предпринимательской деятельности : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 28 июня 2001 г., № 6 // Суд. весн. 2001. № 3. С. 8–10.

448. О судебной практике по делам о нарушении порядка осуществления предпринимательскойдеятельности : постановление Пленума Верхов. суда Респ. Беларусь, 28 июня 1996 г., № 6 // Суд. весн. 1996. № 3. С. 6–7.

449. Об определении перечня статей расписания болезней требований к состоянию здоровья граждан, связанных с военной службой, по которым граждане, зачисленные в запас по состоянию здоровья без прохождения военной службы, не достигшие 27-летнего возраста, освобождаются от обязательного медицинского освидетельствования : постановление М-ва обороны Респ. Беларусь, М-ва здравоохранения Респ. Беларусь, 2 дек. 2008 г., № 89/209 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2013.

450. Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Курганского городского суда Курганской области о проверке конституционности части первой статьи 3 статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации и пункта 13 статьи 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституц. Суда Рос. Федерации, 10 июля 2003 г., № 270-О // КонсультантПлюс : Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». М., 2014.

451. Об утверждении перечня заболеваний, непосредственно связанных со спецификой несения военной службы в Вооруженных Силах Республики Беларусь, других войсках и воинских формированиях, службы в органах внутренних дел, органах и подразделениях по чрезвычайным ситуациям и органах финансовых расследований Комитета государственного контроля : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 28 апр. 2010 г., № 633 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2013.

452. Об утверждении перечня заболеваний, при которых родители не могут выполнять родительские обязанности, и признании утратившим силу постановления Министерства здравоохранения Респ. Беларусь от 19 августа. 2005 г. № 25 : постановление М-ва здравоохранения Респ. Беларусь, 30 марта 2010 г., № 36 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2013.

453. Обзор кассационно-надзорной практики Верховного Суда Республики Беларусь по уголовным делам за 2007 г. // Суд. весн. 2008. № 2. С. 42–48.

454. Ображиев, К.В. Подзаконные уголовно-правовые акты и их применение при квалификации преступления / К.В. Ображиев // Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты : материалы III Рос. конгр. уголовного права, Москва, 29–30 мая 2008 г. / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова ; редкол.: В.С. Комиссаров (отв. ред.) [и др.]. М. : Проспект, 2008. С.92–93.

455. Ображиев, К.В. Формальные (юридические) источники уголовного права при бланкетной форме конструирования уголовного закона / К.В. Ображиев // Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию : материалы VI Рос. конгр. уголовного права, Москва, 26–27 мая 2011 г. / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова ; редкол.: В.С. Комиссаров (отв. ред.) [и др.]. М. : Проспект, 2011. С. 69–72.

456. Общая теория государства и права : акад. курс в 3 т. / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова ; отв. ред. М.Н. Марченко. М. : Зерцало-М, 2002. Т. 1. 534 с.

457. Общая теория государства и права : учеб. пособие / А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбаток, В.А. Кучинский ; под общ. ред. В.А. Кучинского. Минск : Акад. МВД, 2002. 655 с.

458. Общая теория права : курс лекций / В.К. Бабаев [и др.] ; под общ. ред. В.К. Бабаева. Н. Новгород : Нижегор. ВШ МВД РФ, 1993. 544 с.

459. Общая теория права : учеб. пособие для вузов / С.Г. Дробязко, В.С. Козлов. Минск: Амалфея, 2005. 464 с.

460. Овчинников, А.И. Правовое мышление : автореф. … дис. д-ра юрид. наук : 12.00.01 / А.И. Овчиннков ; Кубан. гос. аграр. ун-т. Краснодар, 2004. 48 с.

461. Огурцов, А.П. Образы образования. Западная философия образования. XX век / А.П. Огурцов, В.В. Платонов. СПб. : РХГИ, 2004. 520 с.

462. Огурцов, Н.А. Правоотношения и ответственность в советском уголовном праве : учеб. пособие / Н.А. Огурцов. Рязань : Рязан. высш. шк. МВД СССР, 1976. 206 с.

463. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 4-е изд. доп. М. : Рус. яз., 1998. 939 с.

464. Олейник, О.В. Принцип законности и гарантии его реализации в уголовном праве Российской Федерации : автореф. ... дис. канд. юрид. наук : 12.00.08 / О.В. Олейник ; Акад. права и упр. Минюста РФ. Рязань, 2003. 24 с.

465. Опалев, Р.О. Оценочные понятия в арбитражном и гражданском процессуальном праве : автореф. … дис. канд. юрид. наук : 12.00.15 / Р.О. Опалев ; Урал. гос. юрид. акад. Екатеринбург, 2008. 28 с.

466. Определение военной коллегии Верховного Суда Республики Беларусь (извлечение) // Суд. весн. 2001. № 1. С. 45–46.

467. Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Беларусь (извлечение) // Суд. весн. 2003. № 2. С. 37.

468. Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Беларусь (извлечение) // Суд. весн. 2000. № 4. С. 36.

469. Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Беларусь (извлечение) // Суд. весн. 1999. № 4. С. 35.

470. Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Беларусь (извлечение) // Суд. весн. 2002. № 1. С. 48.

471. Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Беларусь (извлечение) // Судовы веснік. 2002. № 4. С. 53.

472. Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Беларусь // Суд. весн. 2003. № 1. С. 40.

473. Осипов, П.П. Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций / П.П. Осипов. Л. :ЛГУ, 1976. 190 с.

474. Остин, Д. Значение слова / Д. Остин // Аналитическая философия : избр.тексты / сост., вступ. ст. и коммент. А.Ф. Грязнова. М. : МГУ, 1993. С. 105–121.

475. Перевалов, В.Д. Теория государства и права : учебник / В.Д. Перевалов. М.: Высш. образование, 2008. 379 с.

476. Петрова, Г.О. Норма и правоотношение – средства уголовно-правового регулирования / Г.О. Петрова. Н. Новгород : Изд-во ННГУ, 1999. 192 с.

477. Петрова, Г.О. Объект уголовно-правового отношения / Г.О. Петрова // Уголовное право. 2003. № 2. С. 60–61.

478. Петрова, Г.О. Уголовно-правовое регулирование и его средства: норма и правоотношение : автореф. … дис. д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Г.О. Петрова ; Нижегор. акад. МВД. Н. Новгород, 2003. 47 с.

479. Пиголкин, А.С. Система права и система законодательства / А.С. Пиголкин // Теория государства и права : учебник / под общ. ред. А.С. Пиголкина, Ю.А. Дмитриева. М. : Юрайт, 2011. С. 459–472.

480. Пикуров, Н.И. К вопросу о границах системы уголовного права / Н.И. Пикуров // Системность в уголовном праве : материалы II Рос. конгр. уголовного права, Москва, 31 мая – 1 июня 2007 г. / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова ; редкол. В.С. Комиссаров [и др.]. М. : Проспект, 2007. С. 316–319.

481. Пикуров, Н.И. Квалификация преступления при бланкетной форме диспозиции уголовного закона: (с конкретизацией запрета в административном праве) : автореф. … дис. канд. юрид. наук : 12.00.08 / Н.И. Пикуров ; Моск. ВШ МВД СССР. М., 1982. 22 с.

482. Пикуров, Н.И. Квалификация следователем преступлений со смешанной противоправностью : учеб. пособие / Н.И. Пикуров. Волгоград : ВСШ МВД СССР, 1998. 54 с.

483. Пикуров, Н.И. Материально-правовое содержание и процессуальная форма квалификации преступления с бланкетными признаками состава / Н.И. Пикуров // Уголовный процесс. 2008. № 8. С. 3–11.

484. Пикуров, Н.И. Уголовное право в системе межотраслевых связей / Н.И. Пикуров. Волгоград : ВЮИ МВД России, 1998. 220 с.

485. Пикуров, Н.И. Формула квалификации преступления с бланкетными признаками состава / Н.И. Пикуров // Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты : материалы III Рос. конгр. уголовного права, Москва, 29–30 мая 2008 г. / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова ; отв. ред. В.С. Комиссаров. М. : Проспект, 2008. С. 106–108.

486. Пионтковский, А.А. Учение о преступлении / А.А. Пионтковский. М. : Госюридат, 1961. 666 с.

487. Писаревский, А.Е. Юридическая герменевтика. Социально-философская методология интерпретации и толкования правовых норм : автореф. … дис. канд. филос. наук : 09.00.01 / А.Е. Писаревский ; Краснодар. акад. МВД России. Краснодар, 2004. 29 с.

488. Питецкий, В.В. Оценочные понятия в советском уголовном праве : автореф. … дис. канд. юрид. наук : 12.00.08 / В.В. Питецкий ; СвЮИ. Свердловск, 1979. 17 с.

489. Питецкий, В. Конкретизация оценочных признаков уголовного законодательства / В. Питецкий // Совет. юстиция. 1991. № 2. С. 11–13.

490. Питецкий, В.В. Применение оценочных признаков уголовного закона / В.В Питецкий. Красноярск : КГУ, 1996. 90 с.

491. Полный курс уголовного права : в 5 т. / под ред. А.И. Коробеева. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2008. Т. 1 : Преступление и наказание. 1133 с.

492. Полный курс уголовного права : в 5 т. / под ред. А.И. Коробеева. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2008. Т. 4 : Преступления против общественной безопасности. 674 с.

493. Поляков, С.А. К вопросу о месте уголовно-правовой нормы в системе правовых норм // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та МВД России. 2008. № 4. С. 73–76.

494. Попович, М.В. Очерк развития логических идей в культурно-историческом контексте / М.В. Попович. Киев : Навук. думка, 1979. 243 с.

495. Постановление Президиума Верховного Суда Республики Беларусь (извлечение) // Суд. весн. 2004. № 2. С. 24.

496. Постановление Президиума Верховного Суда Республики Беларусь (извлечение) // Суд. весн. 2007. № 4. С. 40–41.

497. Постановление Президиума Гомельского областного суда (извлечение) // Суд. весн. 2006. № 4. С. 27.

498. Постановление президиума областного суда (извлечение) // Суд. весн. 2003. № 3. С. 36.

499. Похмелкин, В.В. Социальная справедливость и уголовная ответственность / В.В. Похмелкин. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1990. 175 с.

500. Почекунин, А.А. Своеобразие истолкования истины в герменевтике : автореф. … дис. канд. филос. наук : 09.00.01 / А.А. Почекунин ; Иркут. гос. ун-т. Иркутск, 2003. 34 с.

501. Прохоров, В.С. Преступление и ответственность / В.С Прохоров. Л. : ЛГУ, 1984. 136 с.

502. Прохоров, В.С. Механизм уголовно-правового регулирования: норма, правоотношение, ответственность / В.С. Прохоров, Н.М. Кропачев, А.Н. Тарбагаев. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1989. 203 с.

503. Пудовичкин, Ю.Е. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран СНГ / Ю.Е. Пудовичкин, С.С. Пирвагидов. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. 295 с.

504. Пычева, О.В. Герменевтика уголовного закона : автореф. … дис. канд. юрид. наук : 12.00.08 / О.В. Пычева ; Моск. гос. юрид. акад. М., 2005. 30 с.

505. Пычева, О.В. Герменевтика уголовного закона : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / О.В. Пычева. М., 2005. 193 л.

506. Разгильдиев, Б.Т. Задачи уголовного права Российской Федерации и их реализация / Б.Т. Разгильдиев. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1993. 228 с.

507. Рарог, А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам / А.И. Рарог. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. 304 с.

508. Ременсон, А.Л. Теоретические вопросы исполнения лишения свободы и перевоспитания заключенных : автореф. … дис. д-ра юрид. наук : 12.00.08 / А.Л. Ременсон ; Томск. гос. ун-т. Томск, 1965. 16 с.

509. Рикёр, П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / П. Рикёр / пер. с фр. И. Вдовиной. М. : Канон-пресс-Ц, 2002. 624 с.

510. Рикёр, П. Герменевтика и психоанализ. Религия и вера / П. Рикёр / пер. с фр. И.С. Вдовиной. М. : Искусство, 1996. 270 с.

511. Рыженкова, Т.С. Специфика процесса терминологизации в отраслевой терминосистеме: на материале русской и английской терминологии правоведения : автореф. … дис. канд. филол. наук / Т.С. Рыженкова ; Сарат. гос. акад. права. Волгоград, 2001. 25 с.

512. Сабитов, Р.А. Теория и практика квалификации уголовно-правовых деяний : учеб. пособие / Р.А. Сабитов. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 2003. 139 с.

513. Сабитов, Р.А. Теория и практика уголовно-правовой квалификации : науч.-практ. пособие Р.А. Сабитов. М. : Юрлитинформ, 2013. 592 с.

514. Сабитов, Т.Р. Уголовно-правовые принципы: методы познания, сущность и содержание / Т.Р. Сабитов. М. : Юрлитинформ, 2012. 190 с.

515. Савельева, В.С. Основы квалификации преступлений : учеб. пособие / В.С. Савельева. М. : ТК Велби, 2006. 80 с.

516. Савченко, М.И. Морские права Беларуси / М.И. Савченко. Минск : Тесей, 2003. 173 с.

517. Санталов, А.И. Теоретические вопросы уголовной ответственности / А.И. Санталов. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. 97 с.

518. Саркисова, Э.А. Уголовное право. Общая часть : учеб. пособие / Э.А. Саркисова. Минск : Акад. МВД, 2005. 590 с.

519. Сатушиев, А.Х. Принцип субъективного вменения в конструировании уголовно-правовых норм : автореф: ... дис. канд. юрид. наук : 12.00.08 / А.Х. Сатушиев ; Рост. юрид. ин-т МВД России. Ростов н/Д, 2008. 27 с.

520. Светлов, В.А. Практическая логика : учеб. пособие / В.А. Светлов. Изд-е 3-е испр. и доп. СПб. : Росток, 2003. 682 с.

521. Сельский, А.В. Бланкетные нормы в уголовном законодательстве России : автореф. … дис. канд. юрид. наук : 12.00.08 / А.В. Сельский ; Гос. ун-т Высш. шк. экономики. М., 2010. 32 с.

522. Семенова, Н.Д. Ответственность за преступления, связанные с насилием над личностью / Н.Д. Семенова. Краснодар : КГУ, 2002. 220 с.

523. Скворцов, А. Специальная юридическая терминология как средство юридической техники в уголовном праве / А. Скворцов // Международное и национальное уголовное законодательство: проблемы юридической техники : материалы III Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 29–30 мая 2003 г. / Моск. гос. ун.-т им. М.В. Ломоносова ; редкол В. С. Комиссаров (отв. ред.) [и др.]. М. : ЛексЭст, 2004. С. 65–67.

524. Скребцова, Т.Г. Когнитивная лингвистика : курс лекций / Т.Г. Скребцова. СПб .: Филол. Фак. СПбГУ, 2011. 256 с.

525. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стер. М. : Рус. яз., 1985–1988. Т. 1 : А–Й. 1985. 696 с.

526. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стер. М. : Рус. яз., 1985–1988. Т. 2 : К–О. 1986. 736 с.

527. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стер. М. : Рус. яз., 1985–1988. Т. 3: П–Р. 1987. 752 с.

528. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стер. М. : Рус. яз., 1985–1988. Т. 4 : С–Я. 1988. 800 с.

529. Словарь философских терминов / науч. ред. В.Г. Кузнецова. М. : ИНФРА-М, 2005. 731 с.

530. Смирнов, В.Г. Правоотношение в советском уголовном праве / В.Г. Смирнов // Правоведение. 1961. № 3. С. 86–98.

531. Смирнов, В.Г. Функции советского уголовного права (предмет, задачи и способы уголовно-правового регулирования). Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1965. 188 с.

532. Смоленский, М.Б. Теория государства и права : учеб. пособие / М.Б. Смоленский. М. : Наука-Пресс, 2006. 286 с.

533. Смоленский, М.Б. Теория государства и права : учебник / М.Б. Смоленский. М. : Дашков и К : Академцентр, 2012. 318 с.

534. Соболева, А.К. Топическая юриспруденция / А.К. Соболева. М. : Добросвет, 2001. 225 с.

535. Советское уголовное право. Общая часть / под ред. Г.А. Кригера, Н.Ф. Кузнецовой, Ю.М. Ткачевского. М. : Юрид. лит., 1988. 368 с.

536. Советское уголовное право. Общая часть. / Под ред. В.Д. Меньшагина, Н.Д. Дурманова, Г.А. Кригера. М. : Госюриздат, 1969. 458 с.

537. Советское уголовное право. Общая часть. / под ред. ГА. Кригера, Б.А. Куринова, Ю.М. Ткачевского. М. : Юрид. лит., 1981. 517 с.

538. Советское уголовное право. Часть Общая. Л. : Юрид. лит., 1980. 470 с.

539. Советское уголовное право: Часть Общая. / под. ред. П.И. Гришаева, Б.В. Здравомыслова. М. : Юрид. лит., 1982. 440 с.

540. Соковых, Ю.Ю. Информационные основы квалификации преступления : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.13. / Ю.Ю. Соковых. М., 1998. 314 л.

541. Соколов, В.В. Принцип «nullum crimen, nulla poena sine lege» и бланкетные диспозиции уголовного закона // Совет. государство и право. 1980. № 12. С. 96–99.

542. Спиркин, А.Г. Основы философии: учеб. пособие / А.Г. Спиркин. М. : Политиздат, 1988. 591 с.

543. Стародубцева, Л.В. Пам'ять і забуття в історії ідей: мнемонічна герменевтика культури : автореф. … дис. д-ра філос. наук : 09.00.04 / Л.В. Стародубцева ; Харків. нац. ун-т ім. В.Н. Каразіна. Харків, 2004. 23 с.

544. Старченко, А.А. Логика в судебном исследовании / А.А. Старченко. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1958. 176 с.

545. Стовба, А.В. Классическая и неклассическая философия права: онтология и методология / А.В. Стовба // Классическая и постклассическая методология развития юридической науки : сб. науч. тр. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол. : А.В. Савенок (пред.) [и др.]. Минск : Акад. МВД, 2013. С. 58–63.

546. Стовба, А.В. Правовая ситуация как исток бытия права / А.В. Стовба. Харків : ЛЛС, 2006. 176 с.

547. Стовба, А.В. Темпоральная онтология права / А.В. Стовба // Неклассическая философия права : вопросы и ответы. Харьков : СПД ФО Тарасенко В.П., 2013. С. 127–159.

548. Стоякин, М.Г. Дополнительные основания юридической квалификации правонарушений / М.Г. Стоякин // Изв. высш. учеб. заведений. Правоведение. 1993. № 1. С. 90–94.

549. Строгович, М.С. Логика / М.С. Строгович. Изд-е 2-е, стер. М. : Едиториал УРСС, 2004. 368 с.

550. Судовы веснік. 2001. № 1. С. 20.

551. Сулейманов, Ф.М. Принцип конкретности истины : автореф. … дис. канд. филос. наук : 09.00.01 / Ф.М. Сулейманов ; Ин-т филос. и права АН Каз ССР. Алма-Ата, 1982. 19 с.

552. Суслов, В.В. Герменевтика и юридическое толкование / В.В. Суслов // Государство и право. 1997. № 6. С. 115–118.

553. Сырых, В.М. Законотворчество как вид социального проектирования / В.М. Сырых // Журн. рос. права. 1997. № 3. С. 61–65.

554. Сырых, В.М. Логические основания общей теории права : в 2 т. / В.М. Сырых. М. : Юрид. дом «Юстицинформ», 2000. Т. 1 : Элементный состав. 527 с.

555. Таганцев, Н.С. Русское уголовное право. Часть Общая : в 2 т. / Н.С. Таганцев. Тула : Автограф, 2001. Т. 2. 688 с.

556. Танимов, О.В. Юридические фикции и проблемы их применения в информационном праве : автореф. … дис. канд. юрид. наук : 12.00.01 / О.В. Танимов ; Мордов. гос. ун-т им. Н.П. Огарева. М., 2004. 23 с.

557. Тараканова, И.В. Окказиональные слова в идиолекте раннего У. Фолкнера как проблема филологической герменевтики : автореф. … дис. канд. филол. наук : 09.00.03 / И.В. Тараканова ; Дальневост. гос. ун-т. Хабаровск, 2003. 27 с.

558. Тарханов, И.А. О содержании понятия квалификации преступления и выделении ее этапов в современном уголовном праве / И.А. Тарханов // Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию : материалы VI Рос. конгр. уголовного права, Москва, 26–27 мая 2011 г. / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова ; редкол. В.С. Комиссаров (отв. ред) [и др.]. М. : Проспект, 2011. С. 92–94.

559. Тенчов, Э.С. Институты уголовного права: система и взаимосвязь / Э.С. Тенчов // Совет. государство и право. 1986. № 8. С. 60–66.

560. Теория государства и права / М.И. Байтин [и др.] ; под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М. : Юристъ, 1997. 672 с.

561. Теория государства и права : курс лекций : учеб. пособие / И.В. Упоров, О.В. Старков, Л.П. Рассказов ; под общ. ред. О.В. Старкова. М. : Экзамен, 2007. 318 с.

562. Теория государства и права / под ред. С.А. Голунского. М. : Юриздат, 1940. 304 с.

563. Теория государства и права : учеб. для высш. учеб. заведений / под ред. В.Г. Стрекозова. М. : Интерстиль : Омега-Л, 2008. 378 с.

564. Теория государства и права : учебник / В.С. Афанасьев [и др.] ; под. ред. В.Я. Кикотя, В.В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. М. : ИД «ФОРУМ» : ИНФРА-М, 2008. 619 с.

565. Теория государства и права : учебник / А.В. Малько [и др.] ; отв. ред. В.Д. Перевалов. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : ИНФРА-М, 2011. 239 с.

566. Теория государства и права : учебник / А.С. Пиголкин, А.Н. Головастикова, Ю.А. Дмитриев ; под общ. ред. А.С. Пиголкина, Ю.А. Дмитриева. М. : Юрайт, 2011. 743 с.

567. Теория государства и права : учебник / под общ. ред. О.В. Старкова. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Дашков и К, 2012. 370 с.

568. Теория государства и права : учеб. для вузов / С.С. Алексеев [и др.] ; отв. ред. В.Д. Перевалов. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2006. 484 с.

569. Тер-Акопов, А.А. Юридическая логика : учеб пособие / А.А. Тер-Акопов. 2-е изд., стер. М. : ОМЕГА-Л, 2006. 256 с.

570. Тетюхин, А. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с незаконными действиями в отношении оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ (ст.ст. 294-297 УК) / А. Тетюхин, Л. Дулько // Суд. весн. 2008. № 2. С. 20–23.

571. Тилле, А.А. Время, пространство, закон: действие советских законов во времени и пространстве / А.А. Тилле. М. : Юрид. лит., 1965. 203 с.

572. Тимейко, Г.В. Общее учение об объективной стороне преступления Г.В. Тимейко. Ростов : Из-во Рост. ун-та, 1977. 215 с.

573. Тимохин, А.М. Обоснование рациональных норм средствами аналитической герменевтики : автореф. … дис. канд. филос. наук : 09.00.01 / А.М. Тимохин ; Таврич. нац. ун-т им. В.И. Вернадского. Симферополь, 2004. 24 с.

574. Тимохін, О.М. Обгрунтування раціональних норм засобами аналітичної герменевтики : автореф. … дис. канд. філос. наук : 09.00.01 / О.М. Тимохін ; Таврійс. нац. ун-т ім. В.І.Вернадського. Сімферополь, 2004. 24 с.

575. Тишкевич, С.И. Суверенитет Республики Беларусь и проблемы применения ее уголовного и уголовно-процессуального законодательства / С.И. Тишкевич // Суд. весн. 1994. № 4. С. 32–35.

576. Тишкевич, С.И. Единая теория уголовного нормотворчества и квалификации преступления: Основные концептуальные положения. Теоретическая модель Уголовного кодекса суверенной Республики Беларусь / С.И. Тишкевич. Минск : Акад. милиции МВД Респ. Беларусь, 1992. 181 с.

577. Тишкевич, С.И. Применение уголовного закона при совершении преступлений на территории нескольких союзных республик : автореф. … дис. канд. юрид. наук : 12.00.08 / С.И. Тишкевич ; Харьк. юрид. ин-т. Харьков, 1986. 17 с.

578. Ткаченко, Ю.Г. Нормы советского социалистического права и их применение / Ю.Г. Ткаченко. М. : Госюриздат, 1955. 28 с.

579. Толкаченко, А.А. Теоретические основы квалификации преступления / А.А. Толкаченко. М. : Закон и право, 2004. 128 с.

580. Толковые словари русского языка // [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://www.jiport.com. Дата доступа: 30.08.2013.

581. Трайнин, А.Н. Общее учение о составе преступления / А.Н. Трайнин. М. : Госюриздат, 1957. 363 с.

582. Труфанова, Е.О. Единство и множественность Я как проблема эпистемологии : автореф. … дис. канд. филос. наук : 09.00.01 / Е.О. Труфанова ; Гос. ун-т гум. наук. М., 2007. 20 с.

583. Тулиглович, М.А. Структура уголовно-правовой нормы : автореф. … дис. канд. юрид. наук : 12.00.08 / М.А. Тулиглович ; Омск. акад. МВД России. Омск, 2006. 22 с.

584. Туранин, В.Ю. Транстерминологизация – новая проблема современного юридического языка / В.Ю. Туранин // Право и политика. 2005. № 2. С. 134–140.

585. Туранин, В.Ю. Юридическая терминология современного российского законодательства: причины возникновения проблем и перспективы их преодоления / В.Ю. Туранин // Рос. юстиция. 2007. № 11. С. 41–43.

586. Тяжкова, И.М. Неосторожные преступления с использованием источников повышенной опасности / И.М. Тяжкова. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. 278 с.

587. Уголовное право БССР. Часть Общая. / И.И. Горелик [и др.] ; под ред. И.И. Горелика. Минск : Выш. шк. 1978. 333 с.

588. Уголовное право БССР. Часть Особенная / И.И. Горелик [и др.] ; под общ. ред. И.И. Горелика, М.А. Ефимова, И.С. Тишкевича. Минск : Выш. шк., 1971. 391 с.

589. Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть : учеб. пособие / Н.А. Бабий [и др.] ; под ред. Н.А. Бабия, И.О. Грунтова. Минск : Новое знание, 2002. 912 с.

590. Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник / М.П. Журавлев [и др.] ; под ред. А.И. Рарога. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2012. 722 с.

591. Уголовное право Украины : Общая часть : учебник / под. ред. М.И. Бажанова, В. В. Сташиса, В. Я. Тация. Киев : Юринком Интер, 2003. 512 с.

592. Уголовное право. Общая часть / под общ. ред. И.Т. Голякова. М. : Юрид. изд-во, 1943. 284 с.

593. Уголовное право. Общая часть : учебник / Н.А. Бабий [и др.] ; под ред. В.М. Хомича. Минск : Тесей, 2002. 496 с.

594. Уголовное право. Особенная часть : конспект лекций / М. Смирнов, А. Толмачев. М. : Приор, 1999. 301 с.

595. Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования / отв. ред. В.Н. Кудрявцев, С.Г. Келина. М. : Наука, 1987. 276 с.

596. Уголовный кодекс Австрии : текст Кодекса по сост. на 1 мая 2003 г. / науч. ред и вступ. ст. С.В. Милюкова. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. 352 с.

597. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики : текст Кодекса по сост. на 22 окт. 2013 г. // Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс] / ООО СоюзПравоИнформ. Режим доступа: http// base.spinform. ru / show_doc.fwx? regnom=875&page=1. Дата доступа: 03.01.2014.

598. Уголовный кодекс Голландии : текст Кодекса по сост. на 1997 г. / науч. ред. Б.В. Волженкин ; пер. с анг. И.В. Мироновой. 2-е изд. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. 510 с.

599. Уголовный кодекс Грузии : текст Кодекса по сост. на 1 дек. 2001 г. / науч. ред. З.К. Бигрова ; пер. с груз. И. Меринаджанашвили. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. 409 с.

600. Уголовный кодекс Дании : текст Кодекса по сост. на 17 марта 1999 г. / науч. ред. и предис. С.С. Беляева ; пер. с дат. и анг. С.С. Беляева и А.И. Рычевой. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. 230 с.

601. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики : принят на 5-й сессии Всекит. собр. нар. представителей шестого созыва 14 марта 1997 г. / под ред. А.И. Коробеева ; пер. с кит. Д.В. Вичикова. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. 301 с.

602. Уголовный кодекс Кореи : текст Кодекса по сост. на 1 окт. 2003 г. / науч. ред. и предисл. А.И. Коробеева ; пер. с кор. В.В. Верхоляка. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. 240 с.

603. Уголовный кодекс Кыргызской Республики : текст Кодекса по сост. на 1 нояб. 2013 г. // Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс] / ООО СоюзПравоИнформ. Режим доступа: http// base.spinform. ru / show_doc.fwx? regnom=875&page=1. Дата доступа: 03.01.2014.

604. Уголовный кодекс Латвийской Республики : текст Кодекса по сост. на 1 авг. 2001 г. / науч. ред. и вступ. ст. А.И. Лукашова и Э.А. Саркисовой ; пер. с лат. А.И. Лукашова. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. 313 с.

605. Уголовный кодекс Литовской Республики : утвержден Законом Литовской Республики № VIII-1968 26 сент. 2000 г. / науч. ред. и вступ. ст. В. Павилониса. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. 470 с.

606. Уголовный кодекс Республики Казахстан : текст Кодекса по сост. на 21 мая 2013 г. // Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс] / ООО

СоюзПравоИнформ. Режим доступа: http// base.spinform. ru / show_doc.fwx? regnom=875&page=1. Дата доступа: 03.01.2014.

607. Уголовный кодекс Республики Молдова : текст Кодекса по сост. на 7 нояб. 2013 г. // Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс] / ООО СоюзПравоИнформ. Режим доступа: http// base.spinform. ru / show_doc.fwx? regnom=875&page=1. Дата доступа: 03.01.2014.

608. Уголовный кодекс Республики Польша : текст Кодекса по сост. на 1 авг. 2001 г. / науч. ред. А.И. Лукашова, Н.Ф. Кузнецовой ; пер. с пол. Д.А. Барилович. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. 234 с.

609. Уголовный кодекс Республики Сан-Марино : текст Кодекса по сост. на 25 фев. 1974 г. / вступ. ст. С.В. Максимова. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. 253 с.

610. Уголовный кодекс Республики Таджикистан : текст Кодекса по сост. на 13.06.2013 г. // Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс] / ООО СоюзПравоИнформ. Режим доступа: http// base.spinform. ru / show_doc.fwx? regnom=875&page=1. Дата доступа: 03.01.2014.

611. Уголовный кодекс Республики Узбекистан : текст Кодекса по сост. на 7 окт. 2013 г. // Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс] / ООО СоюзПравоИнформ. Режим доступа: http// base.spinform. ru / show_doc.fwx? regnom=875&page=1. Дата доступа: 03.01.2014.

612. Уголовный кодекс Украины : текст Кодекса по сост. на 18.04.2013 г. // Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс] / ООО СоюзПравоИнформ. Режим доступа: http// base.spinform. ru / show_doc.fwx? regnom=875&page=1. Дата доступа: 03.01.2014.

613. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии : текст Кодекса по сост. на 15 мая 2003 г. / науч. ред. и вступ. ст. Д.А. Шестакова ; пер. с нем. Н.С. Роговой. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. 524 с.

614. Уголовный кодекс Швейцарии : текст Кодекса по сост. на 1 апр. 2002 г. / науч. ред., предисл. и пер. с нем. А.В. Серебренниковой. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. 350 с.

615. Уголовный кодекс Швеции : текст Кодекса по сост. на 1 мая 1999 г. / науч. ред. Н.Ф. Кузнецова и С.С. Беляев ; пер. на рус. С.С. Беляева. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. 320 с.

616. Устинов, В.С. Техника конструирования дефиниций в уголовном законодательстве / В.С. Устинов // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование : сб. науч. ст. : в 2 т. Н. Новгород, 2001. Т. 2. С. 10–11.

617. Ушако, А. Каким должен быть язык уголовного закона / А. Ушаков // Социалист. законность. 1974. № 10. С. 57–58.

618. Фактуллин, Ф.И. Проблемы теории государства и права / Ф.И. Фактуллин. Казань : Казан. гос. ун-т, 1987. 320 с.

619. Фетисов, О.Е. Оценочные понятия в праве: проблемы теории и практики : автореф. … дис. канд. юрид. наук : 12.00.01 / О.Е. Фетисов ; Тамб. гос. ун-т. Тамбов, 2009. 23 с.

620. Филимонов, В.Д. Правоотношения. Уголовные правоотношения. Уголовно-исполнительные правоотношения / В.Д. Филимонов, О.В. Филимонов. М. : ЮрИнфоР-Пресс, 2007. 139 с.

621. Филимонов, В.Д. Норма уголовного права. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. 286 с.

622. Филимонов, В.Д. Правовой институт – основное звено в системе уголовного права / В.Д. Филимонов // Системность в уголовном праве : материалы II Рос. конгр. уголовного права, Москва, 31мая – 1 июня 2007 г. / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова ; редкол. В.С. Комиссаров (отв. ред.) [и др.]. М. : Проспект, 2007. С. 438–440.

623. Филимонов, В.Д. Принципы уголовного права / В.Д. Филимнов. М. : АО «Центр ЮрИнфоР», 2002. 139 с.

624. Филиппов, С.М. Искусство как предмет феноменологии и герменевтики : автореф. … дис. д-ра филос. нау к: 09.00.04 / С.М. Филиппов ; МГУ. М., 2003. 51 с.

625. Философия / В.. Степин [и др.] ; под общ. ред. Я.С. Яскевич. Минск : РИВШ,2007. 623 с.

626. Философия : энцикл. слов. / А.И. Абрамов [и др.] ; под. ред. А.А. Ивина. М. : Гардарики, 2004. 1072 с.

627. Философский энциклопедический словарь / редкол. Л.Ф. Ильичев [и др.]. М. : Совет. Энцикл., 1983. 836 с.

628. Философский энциклопедический словарь / редкол. С.С. Аверинцев [и др.]. 2-е изд. М. : Совет. Энцикл., 1989. 814 с.

629. Философский энциклопедический словарь / редкол.: Е.Ф. Губский [и др.]. М .: Инфра-М, 2009. 568 с.

630. Фомина, Л.Ю. Унификация нормативной правовой терминологии : автореф. … дис. канд. юрид. наук : 12.00.01 / Л.Ю. Фомина ; Нижегор. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского. Н. Новгород, 2006. 24 с.

631. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер / пер. с нем. В.В. Бибихина. М. : Ad Marginem, 1997. 451 с.

632. Халфина, Р.О. Общее учение о правоотношении / Р.О. Халфина. М. : Юрид. лит., 1974. 351 с.

633. Хачатуров, Р.Л. Общая теория юридической ответственности : монография / Р.Л. Хачатуров, Д.А. Лишинский. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2007. 934 с.

634. Хилюта, В.В. Хищение: понятие, признаки, проблемы квалификации / В.В. Хилюта. Гродно : ГрГУ, 2011. 335 с.

635. Хомич, В.М. Принцип нормализации базовых начал (институтов) уголовного закона и «новая» кодификация // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее (посвящается 200-летию проекта Уголовного уложения 1813 года) : материалы VIII Рос. конгр. уголовного права, Москва, 30–31 мая 2013 г. / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова ; редкол.: В.С. Комиссаров (отв. ред.) [и др.]. М. : Юрлитинформ, 2013. С. 656–659.

636. Хомич, В.М. Системно-содержательные изменения института соучастия в Уголовном кодексе Беларуси и стандарты законности при квалификации / В.М. Хомич // Судебная практика в контексте принципов права и законности : сб. науч. тр. / редкол.: В.М. Хомич (гл. ред.) [и др.]. Минск: Тесей, 2006. С. 37–61.

637. Хомич, В.М. Содержание уголовно-правового регулирования (теоретический аспект) / В.М. Хомич // Право и демократия. 1990. Вып. 3. С. 99–114.

638. Чередниченко, Е.Е. Принципы уголовного законодательства: понятие, система, проблемы законодательной регламентации: комплексное теоретическое исследование : автореф. … дис. канд. юрид. наук : 12.00.08 / Е.Е. Чередниченко ; Сарат. юрид. акад. Саратов, 2006. 30 с.

639. Черненко, Т.Г. Квалификация преступлений: Вопросы теории / Т.Г. Черненко. Кемерово : Кузбассвузиздат, 1998. 225 с.

640. Черноус, С.М. Оціночні поняття у трудовому праві України : автореф. … дис. канд. юрид. наук :12.00.05 / С.М. Черноус ; Нац. юрид. акад. України. Харьків, 2008. 20 с.

641. Честнов, И.Л. Диалогическая концепция права / И.Л. Честнов // Неклассическая философия права: вопросы и ответы. Харьков : СПД ФО Тарасенко В.П., 2013. С. 160–193.

642. Честнов, И.Л. Эффективность права с позиции постклассической методологии // Классическая и постклассическая методология развития юридической науки : сб. науч. тр. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: А.В. Савенок (пред.) [и др.]. Минск : Акад. МВД, 2013. С. 21–31.

643. Чистилина, И.А. Герменевтическая концепция М.М. Бахтина: от идеи диалога к проблеме понимания : автореф. … дис. канд. филос. наук : 09.00.01 / И.А. Чистилина ; Кубан. гос. ун-т. Краснодар, 2006. 22 с.

644. Чухвичев, Д.В. Логика, стиль и язык закона Д.В. Чухвичев // Право и политика. 2005. № 2. С. 148–156.

645. Шапченко, С.Д. Оценочные признаки в составах конкретных преступлений : автореф. … дис. канд. юрид наук : 12.00.08 / С.Д. Шапченко ; Киев. гос. ун-т им. Т.Г. Шевченко. Киев : КГУ, 1988. 24 с.

646. Шарапов, Р.Д. Правила законодательного конструирования составов насильственных преступлений / Р.Д. Шарапов // Изв. высш. учеб. заведений. Правоведение. 2005. С. 85–94.

647. Шаргородский, М.Д. Избранные труды / М.Д. Шаргородский ; сост. и предисл. Б.В. Волженкина. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. 655 с.

648. Шаргородский, М.Д. Техника и терминология уголовного закона / М.Д. Шаргородский // Совет. государство и право. 1948. № 1. С. 56–62.

649. Шаргородский, М.Д. Уголовный закон / М.Д. Шаргородский // Избранные труды по уголовному праву / сост., [авт. предисл.] Б.В. Волженкин. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. С. 3–65.

650. Шаталова, Л.И. Правовые, психологические и этические аспекты субъективного вменения в уголовном праве Российской Федерации : автореф. … дис. канд. юрид. наук : 12.00.08 / Л.И. Шаталова; Волж. ун-т им. В.Н. Татищева. Самара, 2002. 21 с.

651. Шатков, Г.И. О структуре советской правовой нормы / Г.И. Шатков // Вестн. ЛГУ. 1962. Вып. 3. № 17. С. 128–130.

652. Шестаков, Д.А. Введение в криминологию закона / Д.А. Шестаков. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2011. 75 с.

653. Шлейермахер, Ф.Д. Речи о религии к образованным людям ее презирающим. Монологи / Ф.Д. Шлейермахер. СПб. : АО «Алетейя», 1994. 334 с.

654. Шляпочников, А.С. Толкование советского уголовного закона / А.С. Шляпочников. М.: Юрид. лит., 1960. 240 с.

655. Шпет, Г. Мысль и слово. Избранные труды / Г. Шпет. М. : Рос. полит. энцикл., 2005. 688 с.

656. Шпет, Г. Явление и смысл. Феноменология как основная наука и ее проблемы / Г. Шпет. Томск : Водолей, 1996. 192 с.

657. Шульга, Е.Н. Когнитивная герменевтика в системе философского знания / Е.Н. Шульга // Когнитивный подход. Научная монография / отв. ред. В.А. Лекторский. М. : Канон+, 2007. С. 315–335.

658. Шуман, А.Н. Диалектика Шлейермахера / А.Н. Шуман // Философская логика: Истоки и эволюция. Минск : Экономпресс, 2001. С. 15–172.

659. Шумилин, С.Ф. Социальная справедливость как принцип профессиональной деятельности следователя / С.Ф. Шумилин // Реализация принципа справедливости в правоприменительной деятельности органов уголовной юстиции : сб. науч. тр. / отв. ред. А.С. Горелик, Л.Л. Кругликов. Ярославль, 1992. С. 109–112.

660. Шумилина, О.С. Оценочные понятия в Уголовном кодексе Российской Федерации и их использование в правоприменительной деятельности : автореф. … дис. канд. юрид. наук : 12.00.08 / О.С. Шумилина ; Акад. упр. МВД России. М., 2002. 25 с.

661. Шумихин, В.Г. О понятии «нормативные правила квалификации преступления» / В.Г. Шумихин // Изв. высш. учеб. заведений. Правоведение. 2005. № 2. С. 71–78.

662. Шумихин, В.Г. Правила квалификации преступления / В.Г. Шумихин. М. : Моск. психолого-социол. ин-т, 2003. 79 с.

663. Щепельков, В.Ф. Уголовный закон как формально-логическая система : автореф. … дис. д-ра юрид. наук : 12.00.08 / В.Ф. Щепельков ; Ин-т государства и права РАН. М., 2003. 43 с.

664. Щепельков, В.Ф. Уголовный закон: преодоление противоречий и неполноты / В.Ф. Щепельков. М. : ТК Велби, 2003. 416 с.

665. Элькинд, П.С. Сущность советского уголовно-процессуального права / П.С. Элькинд. Л. : ЛГУ, 1963. 172 с.

666. Энциклопедия уголовного права : в 35 т. / отв. ред. В.Б. Малинин. СПб .: Изд-во проф. Малинина, 2005. Т. 1 : Понятие уголовного права / Г.Ю. Лесников [и др.]. 2005. 695 с.

667. Юдин, Э.Г. Системный подход и принцип деятельности: методологические проблемы современной науки / Э.Г. Юдин. М. : Наука, 1978. 391 с.

668. Юридический энциклопедический словарь / гл. ред. А.Я. Сухарев ; редкол.: М.М. Богуславский [и др.]. М. : Совет. энцикл., 1987. 527 с.

669. Юркевич, О.М. Герменевтика культурної форми розуміння : автореф. … дис. д-ра філос. наук : 09.00.01 / О.М. Юркевич ; Харків. нац. ун-т ім. В.Н. Каразіна. Харків, 2005. 40 с.

670. Юркштович, Е.А. Метод Г. Шпета: герменевтическая феноменология или социальная герменевтика / Е.А. Юркштович // Проблемы упр. 2006. № 4. С. 129–133.

671. Юсупова, Ш.Б. Принцип отражения и проблема научного творчества : автореф. … дис. канд. филос. наук : 09.00.01 / Ш.Б. Юсупова ; Ин-т филос. и права им. И.М. Муминова. Ташкент, 1980. 19 с.

672. Язык закона / С.А. Боголюбов [и др.] ; под ред. А.С. Пиголкина. М. : Юрид. лит., 1990. 189 с.

673. Яремко, Г.З. Бланкетни диспозиції в статтях Особливои частини Кримінального кодексу України : автореф. … дис. канд. юрид. наук : 12.00.08 / Г.З. Яремко ; Львів. ун-т внутр. справ. Львів, 2010. 21 с.

674. Яскевич, Я.С. Философия и методология науки. Вопросы и ответы: полный курс подготовки к кандидатскому экзамену / Я.С. Яскевич. Минск : Выш. шк., 2007. 656 с.

675. http://dic.academic.ru/dic.nsf/logic/280

676. http://userdocs.ru/filosofiya/9277/index.html?page=26

677. htt// tolkslovar.ru/o9878.html

678. Łukasz, P. Struktura normy sancjonowanej w prawie karnym / P. Łukasz. Poznań : Wydawnictwo naukowe, 2007. 283 s.

Научное издание

МАРЧУК Василий Васильевич

ТЕОРИЯ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Редактор *Н.И. Минич*
Компьютерная верстка *Г.М. Граховской*

Подписано в печать 27.06.2014. Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная. Ризография.
Усл. печ. л. 19,76. Уч.-изд. л. 22,0. Тираж 100 экз. Заказ 159.
Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».
Свидетельство о ГРИИРПИ № 1/102 от 02.12.2013.
ЛП № 02330/447 от 18.12.2013.
Пр-т Машерова, 6, 220005, Минск.